

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Том 13 № 2

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL**

Vol. 13 # 2

Москва

2016

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – Зинченко Ю. П.

Редакционный совет

Акопов Г. В.

Аллахвердов В. М.

Забродин Ю. М.

Караяни А. Г.

Карпов А. В.

Малофеев Н. Н.

Нечаев Н. Н.

Рубцов В. В.

Реан А. А.

Рыбников В. Ю.

Черноризов А. М.

Шкуратов В. А.

Редакционная коллегия

Абакумова И. В.

Асмолов А. Г.

Бабенко В. В.

Базаров Т. Ю.

Безруких М. М.

Богоявленская Д. Б.

Воробьева Е. В.

Деркач А. А.

Донцов А. И.

Дубровина И. В.

Журавлев А. Л.

Егорова М. С.

Ермаков П. Н. (заместитель главного редактора)

Лабунская В. А.

Леонова А. Б.

Сергиенко Е. А.

Тхостов А. Ш.

Цветкова Л. А.

Берберян А. С. (Армения)

Киттлер У. (Германия)

Менджерицкая Ю. (Германия)

Величковский Б. М. (Германия)

Кроник А. А. (США)

Белянин В. П. (Канада)

Бороховский Е. (Канада)

Стошич Л. (Сербия)

Ответственный секретарь – Обухова Ю. В.

Редактор английской части – Колесина К. Ю.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Компьютерная верстка – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 518,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел. (863) 218-40-00 (доб. 11637)

E-mail: rpj@bk.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,

г. Москва, 129366

Тел./ факс (495) 283-55-30

E-mail: rpo@psychology.ru

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с Редакцией.

Russian Psychological Journal

Founder – Russian Psychological Society

Editor in Chief – Zinchenko Ju. P.

Editorial Committee

Akopov G. V.

Allahverdiv V. M.

Zabrodin Ju. M.

Karainy A. G.

Karpov A. V.

Malopheyev M. N.

Nechaev N. N.

Rubtsov V. V.

Rean A. A.

Ribnikov V. Ju.

Chernorizov A. M.

Shkuratov V. A.

Editorial Board

Abakumova I. V.

Asmolov A. G.

Babenko V. V.

Basarov T. Ju.

Bezrukikh M. M.

Bogoyavlenskaya D. B.

Vorobyeva E. V.

Derkatch A. A.

Dontsov A. I.

Dubrovina I. V.

Zhuravlev A. L.

Egorova M. S.

Yermakov P. N. (Deputy Editor)

Labunskaya V. A.

Leonova A. B.

Sergiyenko E. A.

Tkhostov A. Sh.

Tsvetkova L. A.

Berberian A. S. (Armenia)

Kittler U. (Germany)

Menjeritskaya Ju. (Germany)

Velichkovsky B. M. (Germany)

Kronik A. A. (USA)

Belianin V. P. (Canada)

Borokhovski E. (Canada)

Stolic L. (Serbia)

Executive Secretary – Ju. V. Obukhova

English Editor – K. Ju. Kolesina

Managing Editor – M. V. Bunyaeva

Page settings – E. A. Pronenko

Address of the Publisher:

Nagibin Av., 13, of. 518,
Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel. (863) 218-40-00 (ext. 11637)
E-mail: rpj@bk.ru

Founder Address:

Yaroslavskaya str., 13,
Moscow, Russia, 129366
Tel./fax (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission
of the copyright owner

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ	8
КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА	
Коротовских Т. В., Пяшкур Ю. С.	
Формирование внимания как одно из условий преодоления нарушений фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста с ОНР	10
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	
Азарова Е. А., Воронцов Д. В., Бедрединова (Гриднева) С. В.	
Влияние ролевой гендерной идентичности на представления о насилии у девушек-студенток	24
Гудзовская А. А., Шпунтова В. В.	
О компонентах личностной зрелости	36
Дунайцева Н. А., Петраш Ю. В.	
Взаимосвязь поиска ощущений с самоотношением и мотивацией одобрения: гендерный аспект	47
Иващенко А. В., Карабущенко Н. Б., Сунгурова Н. Л.	
Личностно-типологические особенности студентов в сетевом поведении	58
Карпова В. В., Дикая Л. А.	
Индивидуально-психологические особенности специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения.	71
Обухова Ю. В., Обухова С. Г.	
Особенности Я-концепции врачей в связи со смыслообразующими мотивами их профессиональной деятельности	88
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Желдоченко Л. Д., Rogov E. И.	
Влияние объекта педагогической деятельности на изменение профессионально-личностных характеристик учителя: деструктивный аспект	102
Черемисова (Курешева) И. В.	
Критерии и методы оценки музыкально-творческого развития личности обучающегося на этапе высшего образования	115
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ	
Афанасенко И. В.	
Особенности ведущих ценностей и их взаимосвязь с интернальностью в юношеском и зрелом возрастах	124
ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА	
Карпов А. В., Карпов А. А.	
Процессы принятия решения в структурной организации деятельности	132

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ**Ермаков П. Н., Воробьева Е. В., Яцык Г. Г.**

Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа 156

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ**Голоснов О. А.**

Междисциплинарный подход в развитии девиантологических теорий: концепция социальных представлений в контексте социологического анализа отклоняющегося поведения 169

Кузнецова О. В.

Социально-психологические факторы эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел 188

ДЛЯ ДИСКУССИИ:**Еськов В. М., Зинченко Ю. П., Веракса А. Н., Филатова Д. Ю.**

Сложные системы в психофизиологии представляют эффект «повторение без повторений» Н. А. Бернштейна 205

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «САБИНА НИКОЛАЕВНА ШПИЛЬРЕЙН: ЕЕ ЛИЧНОСТЬ И ВКЛАД В ПСИХОАНАЛИЗ, ПСИХОЛОГИЮ РАЗВИТИЯ, КЛИНИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ»**Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Колтунова Е. А.**

Символ в контексте психоаналитической и смысловой интерпретации 225

Лабунская В. А.

«Сугубо женская тема» – внешний облик 234

Филатов Ф. Р.

Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психобиографические аспекты 246

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 260**НАШИ АВТОРЫ** 316**СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ** 330

CONTENTS

ANNIVERSARIES	8
 CORRECTIONAL PEDAGOGY	
Korotovskikh T. V., Piashkur Iu. S.	
Formation of Attention as a Condition of Overcoming Phonemic Disorders in Children of Late Pre-School Age with General Speech Undevelopment	10
 GENERAL PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY OF PERSONALITY, HISTORY OF PSYCHOLOGY	
Azarova E. A., Vorontsov D. V., Bedredinova (Gridneva) S. V.	
The Influence of Gender Role Identity on Representations of Violence in Female Students	24
Gudzovskaya A. A., Shpuntova V. V.	
On the Issue of Components of Personal Maturity	36
Dunaitseva N. A., Petrash Iu. V.	
The Interrelation of Sensation Seeking, Self-Attitude, and Approval Motivation: a Gender Aspect	47
Ivashchenko A. V., Karabushchenko N. B., Sungurova N. L.	
Students' Personal-Typological Features in Network Behavior	58
Karpova V. V., Dikaia L. A.	
Individual Psychological Characteristics of Specialists in the Sphere of Art with a High Level of the Productivity of Creative Imagination	71
Obukhova Iu. V., Obukhova S. G.	
Features of Physicians' Self-Concept in Connection with the Sense-Creating Motives of Their Professional Activity	88
 PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY	
Zheldochenko L. D., Rogov E. I.	
The Influence of the Object of Educational Activity on Changes in the Teacher's Personal and Professional Characteristics: a Destructive Aspect	102
Cheremisova (Kuryшева) I. V.	
Criteria and Methods of the Evaluation of the Student's Musical-Creative Development at the Stage of Higher Education	115
 DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY, ACMEOLOGY	
Afanasenko I. V.	
Features of Leading Values and Their Interrelation with Internality in Youth and Maturity	124
 LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, ERGONOMICS	
Karpov A. V., Karpov A. A.	
Decision-Making Processes in the Structural Organization of Activity	132

PSYCHOPHYSIOLOGY**Ermakov P. N., Vorobyeva E. V., Iatsyk G. G.**

Individual Characteristics of Stress Responding During Psycho-Physiological Research Using a Polygraph 156

SOCIAL PSYCHOLOGY, JURIDICAL PSYCHOLOGY**Golosnov O. A.**

An Interdisciplinary Approach in the Development of Deviantological Theories: The Concept of Social Representations in the Context of the Sociological Analysis of Deviant Behavior 169

Kuznetsova O. V.

Socio-Psychological Factors of the Efficiency of Women Employees' Professional Activity in Law Enforcement Agencies 188

FOR DISCUSSION:**Es'kov V. M., Zinchenko Iu. P., Veraksa A. N., Filatova D. Iu.**

Complex Systems in Psychophysiology Represent the Effect of "Repetition without Repetition" (N. A. Bernstein) 205

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH-TO-PRACTICE CONFERENCE "SABINA NIKOLAEVNA SPIELREIN: HER PERSONALITY AND CONTRIBUTION TO PSYCHOANALYSIS, DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY, CLINICAL PSYCHOLOGY"**Abakumova I. V., Ermakov P. N., Koltunova E. A.**

Symbol in the Context of Psychoanalytic and Sense Interpretation 225

Labunskaja V. A.

External Appearance as a "Purely Female Issue" 234

Filatov F. R.

S. N. Spielrein's Conception of Destruction: Theoretical and Psychobiographical Aspects 246

SUMMARY OF THE ISSUE IN ENGLISH 260**OUR AUTHORS** 317**INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION** 331

ЮБИЛЕИ

АНАТОЛИЮ ВИКТОРОВИЧУ КАРПОВУ – 60 ЛЕТ!

2 мая 2016 года исполнилось 60 лет известному отечественному психологу, члену-корреспонденту Российской академии образования, Заслуженному деятелю науки, Заслуженному работнику Высшей школы Российской Федерации, доктору психологических наук, профессору – Анатолию Викторовичу Карпову.

А. В. Карпов широко известен научной общественности как профессионал в приоритетных областях психологии. Им разработан новый метасистемный подход к изучению психических явлений, успешно развивается новое направление психологических исследований – метакогнитивная психология деятельности, в русле которого им сформулирован ряд получивших широкое признание психологических концепций, таких как: общая теория принятия решения, концепция структурно-функциональной организации и генезиса сознания, обобщающая психологическая теория деятельности, концепция интегральных психических процессов, психологическая теория рефлексивной регуляции деятельности, а также трансформационная концепция менеджмента. Под научным руководством А. В. Карпова подготовлено более 40 кандидатов и 4 доктора психологических наук.

Анатолий Викторович Карпов – автор свыше 700 научных работ, в том числе более 50 монографий; автор, соавтор и редактор ряда учебников и учебных пособий: «Корпоративное обучение», «Политический менеджмент», «Психология

менеджмента», «Общая психология», «Психология труда», «Психология управления персоналом» и мн. др. Является научным консультантом Центра профессионального и личностного развития Ярославского государственного университета, а также научным руководителем одного из крупнейших в стране – «Центра корпоративного обучения и консультирования».

Под руководством и при непосредственном участии А. В. Карпова выполнен целый ряд значимых разработок и исследований в сфере высшего психологического образования: например, реализован масштабный образовательный проект, посвященный разработке новой стратегии подготовки психологов высшей квалификации в рамках Мегапроекта «Развитие образования в России. Высшее образование», результаты которого получили всероссийское признание.

Анатолий Викторович принимает активное участие в научно-исследовательской и организационной жизни психологического сообщества. Он является членом Президиума Российского психологического общества, а также председателем его Ярославского регионального отделения, членом Президиума УМО по психологии университетов России, председателем Ярославского отделения Федерации психологов образования, заместителем председателя Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Ярославском государственном университете, членом экспертных советов: РГНФ (1995–2005 гг.), РФФИ, экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ.

А. В. Карпов – главный редактор научного журнала «Вестник ЯрГУ», член редакционного совета «Российского психологического журнала», а также член редакционных коллегий ряда других психологических журналов. Действительный член Международной Академии наук Высшей школы, Российской академии гуманитарных наук и других общественных академий.

За цикл работ по исследованию высших психических функций А. В. Карпов был удостоен в 2012 г. премии Президиума РАН им. С. Л. Рубинштейна. Трижды становился лауреатом и победителем Национального профессионального конкурса «Золотая психея» (в номинациях «Личность года в психологической науке» и «Вклад в развитие психологического сообщества»), конкурса Фонда развития отечественного образования (2008 г.) и др. Он удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный работник Высшей школы РФ», награжден орденом ЮНЕСКО «Творец эпохи» и медалью «За заслуги в науке: человеческий фактор», а также почетным знаком Губернатора ЯО «За заслуги в науке».

Редакция «Российского психологического журнала» сердечно поздравляет Анатолия Викторовича с юбилеем, желает здоровья, благополучия, счастья и дальнейших творческих успехов!

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 376.3

ФОРМИРОВАНИЕ ВНИМАНИЯ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ФОНЕМАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОНР

**Коротовских Татьяна Владимировна
Пяшкур Юлия Сергеевна**

Представленное исследование посвящено изучению особенностей фонематических процессов у детей с общим недоразвитием речи и их коррекции посредством развития внимания. Грубые недостатки звукопроизношения при общем недоразвитии речи обусловлены расстройствами, в основе которых лежат нарушения различения смысловозначительных признаков звуков – фонем, что затрудняет формирование фонематического анализа, синтеза, а также фонематических и морфологических обобщений. Это приводит к ограниченности словаря, недостаточному пониманию смысловых значений, грамматических категорий.

При анализе речевой патологии необходимо учитывать не только структуру речевого дефекта, но и психические особенности ребенка. Так, у детей с общим недоразвитием речи в той или иной степени нарушена память, недостаточная устойчивость внимания, ограниченные возможности его распределения.

Работа над формированием восприятия звуков речи строится с учетом характера дефекта. В одних случаях работа направляется на формирование фонематического восприятия и на развитие слухового контроля. В других – в ее задачу входит развитие фонематического восприятия и операций звукового анализа. В третьих – ограничивается формированием слухового контроля как осознанного действия.

Совершенствование фонематического восприятия, по мнению авторов статьи, будет успешным при условии развития слухового внимания, формирования навыков узнавания неречевых звуков, различения высоты, силы, тембра голоса на материале одинаковых звуков, слов, фраз, различения слов, близких по своему звуковому составу, дифференциации слогов, дифференциации фонем, навыков элементарного звукового анализа.

Таким образом, от того, насколько эффективно проводится работа

в логопедической группе ДОО по развитию внимания и фонематических процессов, зависит дальнейшее овладение ребенком грамоты в школе.

Ключевые слова: формирование, внимание, дошкольный возраст, нарушения речи, фонематические процессы, условия, технология, преодоление, логопедическая работа, ОНР (общее недоразвитие речи).

Введение

Дошкольное детство особенно сензитивно к усвоению речи. Ребенок с самого рождения существует в постоянном окружении многообразных звуков. Воспринимая их, он ориентируется в среде, общается с другими людьми, обменивается опытом игровой, учебной и трудовой деятельности. В процессе слушания ребенок получает различную информацию. Во-первых, он узнает «что» или «о чем» говорится. Во-вторых, «кто» говорит (понять это помогают характерные индивидуальные особенности голоса каждого человека). Наконец, «как» говорят, т. е. с каким эмоциональным отношением [1].

Смысл слов, фраз и целых сообщений передается в устной речи с помощью комбинаций звуков. Правильное произношение звуков речи является важным условием точного понимания высказывания окружающими. Многие способны также «рассказать» тембр голоса, манера говорить и интонации. С их помощью можно узнать о чувствах и характере говорящего: голос бывает теплый и мягкий, грубый и мрачный, испуганный и робкий, ликующий и уверенный, твердый и торжествующий и еще со множеством оттенков, выражающих самые различные чувства, настроения и мысли человека. Как правило, эмоциональный контекст речи созвучен ее логическому смыслу и значительно его усиливает [10].

У детей с общим недоразвитием речи (ОНР) полноценное взаимодействие с окружающим миром нарушено: речь формируется с задержкой, наблюдаются недостатки звукопроизношения, отклонения в состоянии лексической и грамматической языковых подсистем [3]. Также у дошкольников с ОНР наблюдаются неустойчивое внимание, небольшой объем памяти, низкий контроль чужой и собственной речи [16].

Наблюдая за детьми в любой деятельности, можно заметить, как меняются направленность глаз, выражение лица, включение ребенка в познавательную деятельность [19, 20]. Любая деятельность успешна, если ее сопровождает внимание [4].

Внимание – важнейший психический процесс, тесно связанный с общей направленной активностью, с намерениями, с мотивацией. Внимание – это направленность и сосредоточенность сознания на определенном объекте. Внимание существенно отличается от всех психических процессов.

Его своеобразие заключается в том, что оно – не самостоятельный вид психической деятельности, а организация других психических процессов, при которой определенные восприятия, представления, мысли или чувства осознаются отчетливее других, отходящих на второй план [17, 18].

Актуальность исследования внимания в области специальной психологии и коррекционной педагогики обусловлена необходимостью выявления факторов, влияющих на обучение и воспитание детей дошкольного и младшего школьного возрастов. Недостаточное развитие основных видов и качеств внимания у детей, поступающих в школы, приводит к их дезадаптации в начальных классах [9]. Это связано с тем, что развитие внимания способствует активизации процессов восприятия, памяти, мышления и речи [13].

Цель исследования: теоретически обосновать, разработать и апробировать коррекционно-развивающую технологию по формированию фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи по средствам развития внимания.

Методика

Обследование детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня проводилось на базе МАДОУ для детей дошкольного и младшего школьного возрастов «Прогимназия № 17» г. Шадринска Курганской области. Диагностики были направлены на исследование уровня сформированности фонематического слуха, исследование уровня развития внимания, умения слушать и выполнять указания взрослого.

Для исследования уровня развития фонематических процессов дошкольникам была предложена соответствующая методика под редакцией Е. Ф. Архиповой [2].

Система заданий носила тестовый характер, процедура ее проведения и система балльной оценки стандартизированы, что позволяет наглядно представлять картину дефекта и определить степень выраженности нарушения фонематического слуха. В дальнейшем система удобна для прослеживания динамики развития фонематического слуха ребенка и эффективности коррекционного воздействия.

В обследование были включены пробы: узнавание неречевых звуков; различение высоты, силы, тембра голоса; различение слов, близких по звуковому составу; дифференциация слогов; дифференциация фонем; навыки элементарного звукового анализа.

Результаты

По результатам обследования нами был составлен индивидуальный профиль сформированности фонематических процессов. Он дает возможность

наглядно представить состояние сформированности фонематических процессов каждого ребенка.

Таблица 1.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов														
1.	Даша	<p>----- Условная норма —■— Результат выполнения задания</p> <table border="1"><caption>Даша</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>4</td></tr><tr><td>II</td><td>3</td></tr><tr><td>III</td><td>3</td></tr><tr><td>IV</td><td>2</td></tr><tr><td>V</td><td>2</td></tr><tr><td>VI</td><td>1</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	4	II	3	III	3	IV	2	V	2	VI	1
Стадия	Результат выполнения задания															
I	4															
II	3															
III	3															
IV	2															
V	2															
VI	1															
2.	Соня	<p>----- Условная норма —■— Результат выполнения задания</p> <table border="1"><caption>Соня</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>4</td></tr><tr><td>II</td><td>4</td></tr><tr><td>III</td><td>3</td></tr><tr><td>IV</td><td>1</td></tr><tr><td>V</td><td>3</td></tr><tr><td>VI</td><td>3</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	4	II	4	III	3	IV	1	V	3	VI	3
Стадия	Результат выполнения задания															
I	4															
II	4															
III	3															
IV	1															
V	3															
VI	3															
3.	Данил Я.	<p>----- Условная норма —■— Результат выполнения задания</p> <table border="1"><caption>Данил Я.</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>3</td></tr><tr><td>II</td><td>2</td></tr><tr><td>III</td><td>2</td></tr><tr><td>IV</td><td>0</td></tr><tr><td>V</td><td>3</td></tr><tr><td>VI</td><td>1</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	3	II	2	III	2	IV	0	V	3	VI	1
Стадия	Результат выполнения задания															
I	3															
II	2															
III	2															
IV	0															
V	3															
VI	1															

Продолжение таблицы 1.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов
4.	Сергея	<p>--- Условная норма</p> <p>■ Результат выполнения задания</p>
5.	Вика	<p>--- Условная норма</p> <p>■ Результат выполнения задания</p>
6.	Алиса	<p>--- Условная норма</p> <p>■ Результат выполнения задания</p>
7.	Вероника	<p>--- Условная норма</p> <p>■ Результат выполнения задания</p>

Продолжение таблицы 1.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов														
8.	Наташа	<table border="1"><caption>Профиль сформированности фонематических процессов для Наташа</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>4</td></tr><tr><td>II</td><td>3</td></tr><tr><td>III</td><td>1</td></tr><tr><td>IV</td><td>2</td></tr><tr><td>V</td><td>3</td></tr><tr><td>VI</td><td>2</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	4	II	3	III	1	IV	2	V	3	VI	2
Стадия	Результат выполнения задания															
I	4															
II	3															
III	1															
IV	2															
V	3															
VI	2															
9.	Данил З.	<table border="1"><caption>Профиль сформированности фонематических процессов для Данил З.</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>4</td></tr><tr><td>II</td><td>3</td></tr><tr><td>III</td><td>4</td></tr><tr><td>IV</td><td>2</td></tr><tr><td>V</td><td>3</td></tr><tr><td>VI</td><td>2</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	4	II	3	III	4	IV	2	V	3	VI	2
Стадия	Результат выполнения задания															
I	4															
II	3															
III	4															
IV	2															
V	3															
VI	2															
10.	Данил П.	<table border="1"><caption>Профиль сформированности фонематических процессов для Данил П.</caption><thead><tr><th>Стадия</th><th>Результат выполнения задания</th></tr></thead><tbody><tr><td>I</td><td>3</td></tr><tr><td>II</td><td>2</td></tr><tr><td>III</td><td>2</td></tr><tr><td>IV</td><td>0</td></tr><tr><td>V</td><td>2</td></tr><tr><td>VI</td><td>2</td></tr></tbody></table>	Стадия	Результат выполнения задания	I	3	II	2	III	2	IV	0	V	2	VI	2
Стадия	Результат выполнения задания															
I	3															
II	2															
III	2															
IV	0															
V	2															
VI	2															

Как видно из таблицы 1, у всех воспитанников отмечаются трудности при дифференциации слогов.

Для исследования умения слушать и выполнять указания взрослого детям была предложена методика «Графический диктант», результаты проведения которой отражены в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты выполнения задания под диктовку

№ п/п	Имя испытуемого	Возрастная норма выполнения задания под диктовку	Количественная интерпретация данных	Качественная интерпретация данных		
				Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1.	Даша	5 баллов	8 баллов		+	
2.	Соня	5 баллов	9 баллов		+	
3.	Данил Я.	5 баллов	5 баллов		+	
4.	Сереза	5 баллов	7 баллов		+	
5.	Вика	5 баллов	6 баллов		+	
6.	Алиса	5 баллов	7 баллов		+	
7.	Вероника	5 баллов	4 баллов	+		
8.	Наташа	5 баллов	8 баллов		+	
9.	Данил З.	5 баллов	9 баллов		+	
10.	Данил П.	5 баллов	0 баллов	+		
				20 %	80 %	–

Как видно из таблицы 2, у 80 % испытуемых (8 человек) отмечается средний уровень выполнения задания под диктовку, у 20 % (2 человек) – низкий уровень.

В процессе выполнения задания некоторые дети пытались копировать выполнение задания соседа по парте, часто отвлекались на посторонние раздражители (шум в группе, за окном), занимались посторонними видами деятельности (рисование на полях бланка) – это может свидетельствовать о недостаточном уровне развития устойчивости, произвольности внимания.

Анализ результатов проведенного эксперимента показал наличие у испытуемых недостаточного уровня развития внимания и фонематических процессов.

Более сложными для детей стали задания по дифференцировке слов, слогов и фонем. Наибольшую трудность вызвало задание по поиску пар картинок, названия которых похожи – дети с ним справлялись только после предъявления образца выполнения задания. Дети затруднялись назвать в предъявляемой цепочке слогов лишний слог. При выполнении задания, в котором на одинаковые слоги нужно было хлопнуть, а на разные – топнуть, дети путали действия, при этом они правильно называли, какие слоги прозвучали: одинаковые или разные. При определении последнего звука в слове большинство детей называли последний слог; возникали трудности в определении количества звуков в слове, многие не могли придумать слова на определенные звуки.

Проведение «Графического диктанта» показало следующее: некоторые дети пытались копировать выполнение задания соседа по парте, часто отвлекались на посторонние раздражители (шум в группе, за окном), занимались посторонними видами деятельности (рисование на полях бланка). При выполнении задания без речевой инструкции у многих детей отмечалась неуверенность в правильности выполнения рисунка. Часть испытуемых стремились выполнить задание как можно быстрее, не обращая внимания на его правильность.

Полученные результаты позволяют сделать предположение, что нарушение фонематических процессов может являться следствием недоразвития произвольного внимания, повышенной отвлекаемости. Следовательно, разработка и организация специальной коррекционной работы по развитию внимания может привести к улучшению состояния фонематических процессов.

На основе полученных данных нами была разработана логопедическая технология. Цель логопедической технологии – формирование фонематического восприятия по средствам развития внимания у детей старшего дошкольного возраста с ОНР III уровня.

Логопедическая технология была разработана на базе «Программы коррекционно-развивающей работы в логопедической группе детского сада для детей с общим недоразвитием речи» Н. В. Нищевой [7, 8] и программы «Подготовка к школе детей с общим недоразвитием речи в условиях специального детского сада» Т. Б. Филичевой, Г. В. Чиркиной [12, 14, 15].

Развитие фонематического восприятия осуществляется с самых первых этапов логопедической работы и проводится в игровой форме на подгрупповых занятиях.

Начинается эта работа на материале неречевых звуков и постепенно

охватывает все звуки речи, входящие в звуковую систему данного языка (от звуков, уже освоенных детьми, до тех, которые только еще ставятся и вводятся в самостоятельную речь) [5, 6].

Параллельно с самых первых занятий проводится работа по развитию слухового внимания и слуховой памяти, что позволяет добиваться наиболее эффективных и ускоренных результатов развития фонематического восприятия [11].

Далее мы представляем содержание логопедической технологии по формированию фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста с ОНР III уровня по средствам развития внимания, которое реализовывалось поэтапно.

I. Организационный этап.

Задачи: установление положительного эмоционального контакта с детьми; развитие интереса к занятиям.

II. Развивающий этап.

Задачи: развитие слухового внимания (развитие дифференцировок неречевых звуков, развитие дифференцировок высоты, силы, тембра голоса, развитие умения слушать и выполнять указания взрослого); развитие фонематического восприятия (развитие навыка дифференцирования слов, близких по звуковому составу, развитие навыка дифференцирования слогов, развитие навыка дифференцирования изолированных звуков); развитие навыков элементарного звукового анализа.

III. Закрепляющий этап.

Задачи: обобщение и закрепление знаний, полученных на предыдущем этапе.

Разработанная логопедическая технология была апробирована в ходе формирующего эксперимента, занятия с детьми из экспериментальной группы проводились 3 раза в неделю.

Для проверки эффективности разработанной логопедической технологии по окончанию формирующего эксперимента был проведен контрольный эксперимент.

Обсуждение результатов

Результаты проведения контрольного эксперимента по исследованию состояния сформированности фонематических процессов у дошкольников с ОНР отражены в таблице 3.

В контрольной группе испытуемые остались на прежнем, среднем уровне.

Индивидуальные профили сформированности фонематических процессов позволяют нагляднее представить эффективность проведенной коррекционно-развивающей работы.

Таблица 3.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов																												
1.	Даша	<table border="1"><caption>Даша</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>4</td><td>3</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td>1</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>3</td><td>3</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	4	3	3	2	2	1	Контрольный эксперимент	4	4	4	4	3	3
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	4	3	3	2	2	1																								
Контрольный эксперимент	4	4	4	4	3	3																								
2.	Соня	<table border="1"><caption>Соня</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>4</td><td>4</td><td>3</td><td>1</td><td>3</td><td>3</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>4</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>3</td><td>3</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	4	4	3	1	3	3	Контрольный эксперимент	4	4	3	2	3	3
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	4	4	3	1	3	3																								
Контрольный эксперимент	4	4	3	2	3	3																								
3.	Данил Я.	<table border="1"><caption>Данил Я.</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td>0</td><td>3</td><td>1</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>3</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>3</td><td>3</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	3	2	2	0	3	1	Контрольный эксперимент	3	4	3	2	3	3
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	3	2	2	0	3	1																								
Контрольный эксперимент	3	4	3	2	3	3																								
4.	Сергея	<table border="1"><caption>Сергея</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>4</td><td>3</td><td>3</td><td>2</td><td>3</td><td>3</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	4	3	3	2	3	3	Контрольный эксперимент	4	4	4	4	4	4
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	4	3	3	2	3	3																								
Контрольный эксперимент	4	4	4	4	4	4																								

Продолжение таблицы 3.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов
5.	Вика	<p>Условная норма Констатирующий эксперимент Контрольный эксперимент</p>
6.	Алиса	<p>Условная норма Констатирующий эксперимент Контрольный эксперимент</p>
7.	Вероника	<p>Условная норма Констатирующий эксперимент Контрольный эксперимент</p>
8.	Наташа	<p>Условная норма Констатирующий эксперимент Контрольный эксперимент</p>

Продолжение таблицы 3.

Профили сформированности фонематических процессов

№ п/п	Имя испытуемого	Профиль сформированности фонематических процессов																												
9.	Данил З.	<table border="1"><caption>Данные для графика 9</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>4</td><td>3</td><td>4</td><td>2</td><td>3</td><td>2</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>4</td><td>3</td><td>4</td><td>2</td><td>3</td><td>2</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	4	3	4	2	3	2	Контрольный эксперимент	4	3	4	2	3	2
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	4	3	4	2	3	2																								
Контрольный эксперимент	4	3	4	2	3	2																								
10.	Данил П.	<table border="1"><caption>Данные для графика 10</caption><thead><tr><th>Эксперимент</th><th>I</th><th>II</th><th>III</th><th>IV</th><th>V</th><th>VI</th></tr></thead><tbody><tr><td>Условная норма</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td><td>4</td></tr><tr><td>Констатирующий эксперимент</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td>0</td><td>2</td><td>2</td></tr><tr><td>Контрольный эксперимент</td><td>3</td><td>3</td><td>3</td><td>1</td><td>3</td><td>2</td></tr></tbody></table>	Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI	Условная норма	4	4	4	4	4	4	Констатирующий эксперимент	3	2	2	0	2	2	Контрольный эксперимент	3	3	3	1	3	2
Эксперимент	I	II	III	IV	V	VI																								
Условная норма	4	4	4	4	4	4																								
Констатирующий эксперимент	3	2	2	0	2	2																								
Контрольный эксперимент	3	3	3	1	3	2																								

Для исследования умения слушать и выполнять указания взрослого детям была предложена методика «Графический диктант», результаты проведения которой отражены в таблице 4. Как видно из таблицы 4, у 60 % (6 человек) отмечается высокий уровень выполнения задания под диктовку; у 30 % испытуемых (3 человек) – средний уровень; у 10 % (1 человек) – низкий уровень.

В процессе выполнения задания некоторые дети из контрольной группы повторяли инструкцию вслед за логопедом.

Таким образом, коррекционная работа привела к повышению уровня развития внимания у всех испытуемых экспериментальной группы: 1 ребенок перешел со среднего на высокий уровень, двое – с низкого на средний уровень, двое – с низкого на высокий уровень.

В контрольной группе результаты остались на прежних уровнях.

Заключение

Реализация предложенной нами логопедической технологии привела к улучшению показателей сформированности фонематических процессов и произвольного внимания у испытуемых экспериментальной группы в сравнении с аналогичными показателями испытуемых контрольной группы.

Таблица 4.

Результаты выполнения задания под диктовку

№ п/п	Имя испытуемого	Возрастная норма выполнения задания под диктовку	Количественная интерпретация данных	Качественная интерпретация данных		
				Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1.	Даша	5 баллов	9 баллов		+	
2.	Соня	5 баллов	8 баллов		+	
3.	Данил Я.	5 баллов	10 баллов			+
4.	Сереза	5 баллов	12 баллов			+
5.	Вика	5 баллов	11 баллов			+
6.	Алиса	5 баллов	10 баллов			+
7.	Вероника	5 баллов	12 баллов			+
8.	Наташа	5 баллов	10 баллов			+
9.	Данил З.	5 баллов	9 баллов		+	
10.	Данил П.	5 баллов	3 баллов	+		
				10 %	30 %	60 %

Следовательно, эффективность формирования фонематических процессов по средствам развития внимания у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи может быть обеспечена в результате использования логопедической технологии, представленной в виде модели, объединяющей диагностические, организационные и формирующие средства.

Литература

1. *Агранович З. Е.* В помощь логопедам и родителям: Сборник домашних заданий для преодоления недоразвития фонематической стороны речи у ст. дошкольников. – СПб., 2004.
2. *Архипова Е. Ф.* Методы коррекции речевого и психического развития у детей с церебральным параличом в раннем возрасте. – М., 1997.
3. *Левина Р. Е.* Основы теории и практики логопедии. – М., 1968.
4. *Лопатина Л. В.* Преодоление речевых нарушений у дошкольников: Коррекция стертой дизартрии. – СПб., 2001.

5. *Миронова С. А.* Развитие речи дошкольников на логопедических занятиях. – М., 1991.
6. *Никашина Н. А.* Формирование речи при ее недоразвитии. – М., 2003.
7. *Нищева Н. В.* Конспекты подгрупповых логопедических занятий в подготовительной группе детского сада для детей с ОНР. Сентябрь – Январь; Февраль – Май. – СПб., 2008.
8. *Нищева Н. В.* Система коррекционной работы в логопедической группе для детей с общим недоразвитием речи. – СПб., 2008.
9. Развитие слухового внимания, слуховой памяти и фонематического восприятия // *Филичева Т. Б.* Основы логопедии. – М., 1989.
10. Развитие фонематического анализа и синтеза // *Лалаева Р. И.* Логопедическая работа в коррекционных классах. – СПб., 1999.
11. *Ткаченко Т. А.* Развитие фонематического восприятия. – М., 2001.
12. *Филичева Т. Б.* Воспитание и обучение детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи: программно-методические рекомендации. – М., 2010.
13. *Филичева Т. Б.* Логопедия. Методическое наследие / Под ред. Л. С. Волковой. В 5 кн. – Кн. V: Фонетико-фонематическое и общее недоразвитие речи: Нарушения речи у детей с сенсорной и интеллектуальной недостаточностью. – М., 2003.
14. *Филичева Т. Б.* Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста. – М., 2004.
15. *Филичева Т. Б., Чиркина Г. В.* Изучение детей с общим недоразвитием речи в специальном детском саду // Дефектология. – 1985. – № 6.
16. *Шашкина Г. Р.* и др. Логопедическая работа с дошкольниками. – М., 2003.
17. *Шумилова Е. А.* Закономерности развития внимания в детском возрасте. – Пенза, 2005.
18. *Шумилова Е. А.* К проблеме изучения внимания // Психолого-педагогические исследования в системе образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2003.
19. *Leonard L. B.* Consonant and syllable harmony in the speech of language-disordered children // *J. of Speech and Hear. Dis.* – 1980. – 45. – no. 3.
20. *Martin J. A.* Voice, speech and language in the child: development and disorder. – Wein, N. Y., 1981.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.922.1:159.923.2

ВЛИЯНИЕ РОЛЕВОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСИЛИИ У ДЕВУШЕК-СТУДЕНТОК

Азарова Елена Александровна
Воронцов Дмитрий Владимирович
Бедрединава (Гриднева) Светлана Валерьевна

В статье приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление функции ролевой гендерной идентичности в формировании представления о насилии у девушек в возрасте 17–19 лет. Установки в отношении насилия и его применения в межличностном взаимодействии формируются задолго до того, как они реализуются в межличностном взаимодействии. Авторы исходят из предположения, что привычные представления о гендерной дихотомии характеристик насильственного поведения являются неадекватными для современной гендерной системы общества. Эмпирические данные получены в ходе опроса 100 респондентов в форме свободного сочинения, заполнения семантического дифференциала и опросника гендерной ролевой идентичности С. Бем.

Получены данные о том, что девушки с недифференцированным (нейтральным) типом ролевой гендерной идентичности имеют более разнообразный спектр субъективных представлений о насилии по сравнению с респондентами, ориентированными на проявление в межличностном взаимодействии дихотомических моделей гендерного поведения, относящихся к «мужскому» или «женскому» нормативному образцу. Девушки с нейтральным типом ролевой гендерной идентичности способны к распознаванию большего разнообразия форм проявления насилия, склонны к гибкому использованию и сочетанию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей с учетом складывающейся ситуации. Девушки с нормативной фемининной ролевой гендерной идентичностью в меньшей степени способны обращать внимание на неявные и скрытые формы насилия, особенно такого, которое проявляется на уровне межличностных отношений. В их представлениях насилие чаще имеет полярные формы проявления: либо как только физическое, либо исключительно психологическое. Также они чаще воспринимают в качестве насилия такие формы поведения, которые не являются

таковыми в контексте взаимодействия. С учетом этого обстоятельства можно улучшить практики профилактики, коррекции и реабилитации женщин, совершивших насильственные преступления, а также снизить уровень выраженности в обществе крайних форм проявления женского насилия.

Ключевые слова: *насилие, представление о насилии, женское насилие, семейное насилие, гендер, гендерная идентичность, гендерные роли, фемининность, гендерная дифференциация, межличностное взаимодействие.*

Введение

Проблема применения насилия со стороны женщин в последнее десятилетие оказывается в самом центре внимания ученых. В большинстве развитых стран среди женщин (особенно молодого возраста в промежутке 18–25 лет) отмечается рост показателя различных видов насильственных преступлений против личности [5, 10, 17]. Тенденции роста насильственной преступности женщин с начала 2000-х гг. отмечаются и в России [7, 15, 19]. Большинство насильственных преступлений, совершаемых женщинами, приходится на семейную сферу, тогда как мужчины лидируют по числу насильственных преступлений в публичной сфере [7, 15]. Однако мотивы мужского и женского насилия нередко оказываются одинаковыми или во многом схожими [2, 3, 9]. Ученые связывают феномен роста женского насилия с изменением содержания гендерных нормативных моделей поведения в современном обществе [12, 14, 20]. З. Эйзиковиц и Б. Бейли отмечают, что накопленные к 1990-м гг. данные демонстрируют неадекватность прежних дихотомических концепций, согласно которым женщина всегда является жертвой, а мужчина – актором насилия в межличностных отношениях [12]. Указанные авторы ссылаются на проводимые с 1970-х гг. лонгитюдные исследования фактов применения насилия в межличностных отношениях, которые показывают, что оно в большей мере детерминируется социальными и социально-психологическими факторами, а не простой принадлежностью партнеров к мужскому или женскому полу. Насилие все более понимается как интеракционный, ситуационный и взаимный феномен в системе межличностных отношений [8, 13, 16, 18]. И женское насилие – это не всегда ответная реакция на насилие со стороны мужчин. Хотя нельзя отрицать того обстоятельства, что объективно в структуре насильственных практик женщины все-таки значимо чаще выступают жертвой и реактивным (вторичным) актором, нежели инициатором и первичным актором насилия. Однако такая структура статистических данных может отражать всего лишь регистрируемые факты, а, как известно, о фактах насилия женщин над мужчинами в силу доминирующих в обществе гендерных представлений объективных данных регистрируется значительно реже.

Актуальность и цель

Факторы, усиливающие вероятность проявления людьми насилия в межличностных отношениях, лежат в широком диапазоне детерминант и механизмов и отражают интегральную биопсихосоциальную природу поведения человека. И гендерный аспект насилия играет в этом явлении ключевую роль, поскольку насилие санкционируется нормативными ожиданиями, связанными с каждым гендером, а также с неравноправными отношениями между двумя полами применительно к конкретному обществу [10, с. 14]. Несмотря на актуальность комплексного исследования феномена женского насилия, этой проблеме уделяется несоизмеримо меньше внимания, чем мужскому насилию. Целью нашего исследования стало выявление того, как ориентация молодых женщин юношеского возраста на определенную гендерную модель поведения (ролевая гендерная идентичность) отражается в содержании их представлений о насилии. Социально-психологический анализ гендерного аспекта субъективных представлений видится нам перспективным в том отношении, что установки, касающиеся насилия и его применения во взаимодействии с другими людьми, формируются задолго до того, как они реализуются в межличностном взаимодействии.

В психологической литературе, несмотря на разработку и определение понятия насилия в рамках этико-гуманистического и эволюционно-генетического подходов, субъективный аспект женского насилия мало изучен. Внимание исследователей практически не обращено на внутренний мир человека, на его представления об этом явлении. Эмпирические факты, касающиеся проявлений насилия в поведении мужчин и женщин, демонстрируют, что когда речь идет не о физическом, а о психологическом насилии, то гендерные различия существенным образом стираются [3, 8, 11, 15, 18, 20]. Кроме того, выделяется особая форма «микронасилия», включенная в рутинные практики межличностных отношений, но которая зачастую не выделяется и не интерпретируется партнерами в качестве насилия [11]. В представлениях людей нередко смешиваются такие различные феномены, как объективные поведенческие паттерны насилия, восприятие (оценка) поведенческих паттернов в качестве проявлений насилия и виктимизация (оценка «правильности» совершения насильственных действий над другими или над собой).

Имеющиеся на сегодняшний день эмпирические факты позволяют утверждать, что содержание представлений о насилии в большей мере связано с социально-психологическими, нежели социальными факторами: эмоциональным фоном межличностных отношений и духовно-нравственным климатом в семье, семейным укладом и образом жизни родителей [1]. Однако эти социально-психологические компоненты структуры личности в процессе формирования представлений о насилии не могут не взаимодействовать

с содержанием гендерной идентичности личности, которая на социально-психологическом уровне как раз и существует в виде ценностных ориентаций и проявляется в виде направленности в общении, выделении набора значимых личностных качеств и поведенческих характеристик [6].

Методы

Для определения того, как проявляется тип гендерной идентичности женщин в содержании их представлений о насилии, был проведен опрос группы девушек в возрасте 17–19 лет. Выборку составили 100 студенток Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия), получающих высшее образование по направлениям: лингвистика и словесность, физика и математика, психология и педагогика. Выбор респондентов, обучающихся по разным профилям профессионального обучения, позволил нам минимизировать возможное влияние фактора профессиональной специализации и сфокусироваться на содержании ролевого аспекта гендерной идентичности.

В качестве методического инструментария были выбраны следующие методики: свободное мини-сочинение «Что такое насилие?», позволяющее выявить содержание представлений девушек; семантический дифференциал, шкала которого была построена на основе сочинения; методика С. Бем для выявления ролевого аспекта гендерной идентичности. Предварительно мы также диагностировали наличие или отсутствие в личном опыте респондентов выборки двух факторов: а) переживание опыта жертвы насилия любого рода и б) применение самими респондентами насилия для удовлетворения различных потребностей в межличностных отношениях. Для этого участникам исследования было задано два вопроса: 1) имели ли вы опыт применения насилия по отношению к себе другими людьми в любых проявлениях; 2) использовали ли вы насилие по отношению к кому-либо при решении конфликта или с целью снижения силы проявления каких-либо негативных переживаний?

Результаты

Распределение респондентов выборки по двум вышеуказанным параметрам личного опыта насилия представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, значимое (на уровне $p < 0,01$) количество респондентов выборки имеют опыт как жертв насилия, так и применения насилия. Причем количество респондентов, имеющих опыт применения насилия, существенным образом превышает количество респондентов, имеющих опыт жертв насилия. Этот факт свидетельствует в пользу того, что применение насилия скорее отражает отношение респондентов к насилию как некоему средству, которое обеспечивает функционирование личности

в определенных условиях. Использование ими насилия отнюдь не часто имеет реактивную природу в ответ на насилие со стороны других людей.

Таблица 1.

Структура выборки по наличию у респондентов опыта жертвы насилия и применения насилия в межличностном взаимодействии

<i>Опыт насилия</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Критерий Фишера</i> $\frac{\varphi_{\text{эмп}}}{\varphi_{\text{крит}}} = 2,28$
Имеется ли опыт жертвы насилия?	74	26	7,08
Имеется ли опыт применения насилия к кому-либо?	88	12	12,21

С помощью контент-анализа мини-сочинений «Что такое насилие?» мы выявили характер и частоту употребляемых респондентами определений феномена насилия. Полученный корпус определений позволил выделить три группы таких определений, которые в свою очередь также разделились по частоте встречаемости. На первом месте оказалась группа определений насилия, в которых преобладает психологический аспект явления: доминирование, крик, оскорбления, публичное унижение ($K = 0,40$), умаление личного достоинства ($K = 0,24$), удовольствие от беззащитности жертвы ($K = 0,23$). Второе место заняла группа определений, в которых акцентируется физический аспект насилия: побои, причинение телесной боли, физическое ограничение возможности действия, физическое насилие/принуждение к действию ($K = 0,20$). При этом душевные страдания жертвы рассматриваются в качестве побочного и дополнительного эффекта использования физической силы в качестве средства подавления воли жертвы ($K = 0,14$). Третье место заняла группа таких определений насилия, в которых физический и психологический аспекты выражены в относительно одинаковых пропорциях (средний удельный вес определений по каждому аспекту колебался в диапазоне $K = 0,10 - 0,20$). В последней группе определений мы обнаружили факты включения в содержательные определения насилия личностных характеристик насильника, наиболее часто ($K = 0,20$) отмечалась зависимость личности насильника от употребления различных психоактивных веществ – алкоголя, психостимуляторов, наркотических средств и т. п. При этом важной характеристикой представлений о насилии такого рода выступало наличие объективных тесных связей с личностью насильника, включая вынужденное проживание с ним/ней на одной территории. Это позволило нам охарактеризовать такой вид представлений как насилие (давление), связанное с нахождением в объективно сложившейся ситуации межличностного взаимодействия, на которую респонденты не имеют возможности влиять.

В сочинениях респондентов мы обнаружили резкое неприятие проявлений психологического насилия. Встречались утверждения, что «лучше бы меня ударили, чем накричали, унизили или иным способом задели мою личность». С другой стороны, обнаруживалась чрезмерная чувствительность к любым спонтанным проявлениям физической силы со стороны партнеров по межличностному взаимодействию, когда любой шлепок, осуществленный даже в шуточной ситуации, расценивался некоторыми респондентами в качестве проявления насилия. В таких сочинениях не принимался в расчет контекст ситуации взаимодействия, а само насилие понималось как формальное наличие ряда статичных поведенческих признаков.

Затем мы сопоставили выделенные группы представлений респондентов о насилии с типом их ролевой гендерной идентичности и получили следующее распределение данных по удельным весам (таблица 2).

Таблица 2.

Удельный вес групп содержательных дефиниций насилия у респондентов с разными типами ролевой гендерной идентичности (в процентах)

<i>Тип ролевой гендерной идентичности респондентов</i>	<i>Преобладание психологического аспекта насилия</i>	<i>Преобладание физического аспекта насилия</i>	<i>Смешанные дефиниции насилия</i>
Фемининный	15	0	3
Маскулинный	2	18	0
Недифференцированный (респонденты, предпочитающие гендерно нейтральные роли)	10	30	22

Согласно теории гендерных линз С. Бем, ключевым различием типов гендерной идентичности на уровне ролевых моделей поведения выступает уровень конформизма по отношению к гендерно маркированным моделям поведения, закрепленным в конкретной культуре [4]. Поэтому наряду с людьми, предпочитающими реализацию гендерно типичных (полярно дифференцированных) моделей поведения, нужно обращать внимание на такой тип людей, которые на основе неконформных представлений о гендере собственной личности могут отдавать предпочтение гендерно нейтральным (недифференцированным с точки зрения доминирующей культуры) моделям поведения. Как видно из таблицы 2, девушки с недифференцированным (нейтральным) типом ролевой гендерной идентичности имеют наиболее разнообразный спектр представлений о насилии по сравнению с респондентами, разделяющими доминирующие в культуре дихотомические модели

гендерного поведения. При этом мы также наблюдаем у них неравномерное распределение групп дефиниций: понимание ими насилия смещено в сторону преобладания физического аспекта и комбинированного (смешанного) содержания феномена насилия. Именно такой тип девушек обладает наиболее развернутыми по содержанию представлениями о насилии.

Последующий дополнительный анализ сочинений выявил то обстоятельство, что девушки с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности не только видят в своем жизненном опыте более разнообразные проявления насилия, но они также склонны к гибкому использованию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей с учетом складывающейся ситуации. Тогда как у респондентов, предпочитающих дихотомические ролевые модели поведения, которые маркируются окружающими в качестве «истинно» фемининных или маскулинных, отмечается выраженная поляризация в склонности акцентировать внимание преимущественно либо на психологическом давлении, либо на физическом насилии. Попарная проверка значимости распределения удельных весов психологического и физического аспектов насилия и смешанных определений с помощью критерия Фишера показала, что в группе девушек с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности распределение удельных долей психологических аспектов в определениях насилия значимо не отличается от распределения в группе девушек с фемининной ролевой гендерной идентичностью ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,074$ при $\varphi_{\text{крит}} = 1,64$, $p > 0,05$), а распределение удельных долей физических аспектов насилия в группах девушек с недифференцированной и маскулинной ролевой гендерной идентичностью находится в зоне неопределенности ($\varphi_{\text{эмп}} = 2,001$ при $\varphi_{\text{крит}} = 1,64/2,28$).

С точки зрения теории гендерных линз, полученные данные показывают то, что в зависимости от того, какой вид насилия применяется в межличностном взаимодействии девушками с гендерно типизированной ролевой моделью, у самих девушек и их окружения складывается оценка их личности и поведения как «правильного» (т. е. «типично» женского) или «неправильного». Причем в последнем случае «неправильность», нетипичность «женского» понимания насилия как преимущественно проявления силового, физического воздействия связана с восприятием девушками «мачистского» стиля поведения в качестве эталонного, ценностно значимого и предпочтительного, а также, судя по содержанию их сочинений, позволяющего добиться равного отношения к себе в обществе, для которого «мачистский» стиль поведения является одобряемым и предпочитаемым. Этот вывод находит косвенное подтверждение в том факте, что девушки с фемининным типом ролевой гендерной идентичности в подавляющем большинстве не соотносят с представлениями о себе иные формы насилия помимо психологического.

А чисто физический компонент насилия без сочетания с его психологическим аспектом вообще оказался вне содержательного поля представлений. По-видимому, исключительно физическое принуждение партнера имеет для них иное значение и выходит за пределы понятия феномена насилия, что требует дополнительного уточнения в последующих исследованиях.

По результатам контент-анализа сочинений мы создали семантические поля терминов, которыми девушки описывают насилие, и выбрали к этим терминам антонимы, в результате чего была составлена шкала семантического дифференциала, которая использовалась нами только для определения выраженности знака имплицитной эмоциональной оценки описываемого респондентами феномена насилия. Ниже приведены пары антонимов сформированного семантического дифференциала (слева приведены слова, наиболее часто используемые респондентами в сочинениях):

необычный – обычный

вопиющий – привычный

громкий – тихий

раздражительный – спокойный

подчиняющий волю – свободный

оскорбительный – похвальный

унижающий – поддерживающий

доминирующий – паритетный

жесткий – мягкий

разрушительный – созидающий

ненормальный – нормальный

негативный – позитивный

Респонденты также характеризуются высокой энергичностью (0,796) и оптимистичностью (0,744). Таким образом, респонденты данной группы стремятся проявить свои возможности, опыт, знания, умения и способности для улучшения отношений в коллективе, помощи другим людям. Для своего позиционирования, воплощения идей и реализации собственного потенциала они могут использовать широкий набор средств, в том числе неординарных, нестандартных (если они уверены в результате); если же есть сомнения в результативности деятельности, то они предпочтут стабильность в привычках, отношениях, увлечениях, выполнении учебных заданий и др. Респонденты стремятся изменить мир вокруг себя в лучшую сторону, готовы пожертвовать собственными интересами ради близких людей. Они упорны, целенаправленны и устремлены, инициативны и настойчивы в достижении цели, легки на подъем, не склонны сдаваться перед трудностями, с удовольствием пробуют себя в различных сферах жизнедеятельности.

В созданном семантическом дифференциале использовалась стандартная оценочная шкала от –3 до +3, которая затем была трансформирована в 7-балльную шкалу Лайкерта. Полученные оценки распределились в группах девушек с разными типами ролевой гендерной идентичности в пределах низкого и среднего уровней. Это позволяет утверждать, что ни один тип

девушек не оценивает насилие безусловно положительно, несмотря на его применение респондентами в практике межличностных взаимодействий. Резко отрицательные оценки (соответствующие низкому уровню балльных оценок по шкале Лайкерта) наблюдаются преимущественно у девушек с фемининным типом ролевой гендерной идентичности. Сбалансированные (умеренно положительные) оценки применения насилия в практике межличностных отношений преимущественно встречаются у девушек с маскулинным типом ролевой гендерной идентичности. Эмоциональные оценки насилия в группе девушек с недифференцированным типом ролевой гендерной идентичности имеют смещение в сторону отрицательного полюса, занимая промежуточное положение между гендерно типичными группами девушек.

Обнаруженная у 17–19-летних девушек специфика представлений о насилии, связанная с содержанием ролевой гендерной идентичности, позволяет дифференцировать стратегии психологического воздействия на делинквентное поведение женщин, связанное с применением ими различных форм насилия. Полученные данные позволяют конкретизировать психологическое содержание работы по снижению уровня женского насилия в обществе и могут быть использованы в профилактической, коррекционной и реабилитационной работе с женщинами. Выявленная зависимость представлений девушек о насилии от содержания ролевой гендерной идентичности позволяет модифицировать психолого-педагогическую и воспитательную работу с подростками, приведя ее в соответствие с изменившимися реалиями гендерной системы общества.

Выявленная связь представлений о насилии с содержанием ролевой гендерной идентичности проливает свет на психологические механизмы того, почему микронасилие, возникающее в практиках межличностных отношений, некоторыми женщинами не выделяется и не рассматривается в качестве проявлений насилия, а отдельные поведенческие проявления, которые в определенном контексте отношений трудно отнести к насилию, некоторыми женщинами оцениваются как таковое.

Выводы

Полученные данные указывают на то, что в условиях снижения уровня выраженности гендерной поляризации у девушек складывается более широкий спектр представлений о насилии по сравнению с той социальной ситуацией, при которой доминируют дихотомические гендерные модели поведения. Уменьшение гендерной дифференциации делает девушек не только более чувствительными к проявлению различных форм насилия и повышает социально-перцептивные способности по их распознаванию в практиках межличностных отношений. Но и способствует более гибкому

использованию различных форм насилия в качестве средства достижения собственных целей. А это, в свою очередь, может повлиять хотя бы на снижение уровня выраженности в обществе крайних форм проявления женского насилия. Представляется целесообразным развивать практику психологических тренингов, ориентированных на формирование у девушек эгалитарной гендерной идеологии в сочетании с развитием критического отношения к мачистской идеологии и гегемонной маскулинности. С другой стороны, следует более критично оценивать влияние тренингов по развитию нормативной женственности на психологическое благополучие женщин с учетом выявленных особенностей восприятия ими характера межличностных отношений через призму ролевой гендерной идентичности.

В свете полученных данных можно сделать вывод, что одним из эффективных средств по предупреждению и коррекции женского насилия может быть общая стратегия на снижение общественной ценности мачизма и гегемонной маскулинности. С учетом выявленного факта о том, что в представлениях о насилии у девушек с фемининной ролевой гендерной идентичностью физический компонент оказывается вынесенным за пределы семантического поля рассматриваемого явления, представляется целесообразным обратить внимание исследователей и практикующих психологов, особенно работающих в сфере ювенальной юстиции и в учреждениях системы исполнения наказания, на то, каким образом в системе полярных конструктов маскулинности и фемининности женщины интерпретируют физические компоненты насилия, реализуемые ими самими в практиках межличностных отношений.

Литература

1. *Азарова Е. А.* Православное семейное воспитание против насилия над детьми в семье. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2004. – 160 с.
2. *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Психология преступления и наказания. – М.: Пенатес-Пенаты, 2000. – 454 с.
3. *Бедрединова С. В., Тащёва А. И.* Представления о супружеском насилии в родительских и собственных семьях // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. А. Ю. Маленова. – Омск, 2015. – С. 133–138.
4. *Бем С. Л.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
5. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. – СПб.: Питер, 2004. – 496 с.

6. *Воронцов Д. В.* Гегемонная маскулинность и механизмы отношений доминирования в межгрупповом общении как социально-психологические детерминанты феномена терроризма в России // *Российский психологический журнал*. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 41–46.
7. *Лысова А. В.* Женская агрессия и насилие в семье // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 167–176.
8. *Шкурко Т. А.* Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
9. *Ben-David S.* The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains // *Journal of Family Violence*. – 1993. – V. 8. – Issue 4. – pp. 345–359.
10. *Bloom S.* Violence against Women and Girls. A Compendium of Monitoring and Evaluation Indicators. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina; MEASURE Evaluation, 2008. – 250 p.
11. *Cocoradă E.* Gender differences in the micro-violence connected to the assessment process // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – V. 33. – pp. 183–187.
12. *Eisikovits Z., Bailey B.* From dichotomy to continua: Towards a transformation of gender roles and intervention goals in partner violence // *Aggression and Violent Behavior*. – 2011. – V. 16. – pp. 340–346.
13. *Ermakov P., Fedotova O.* Characteristics of Aggression Reflection in the Psychological Educational Books of the “Graphic Guide” Type // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – V. 214. – pp. 876–881.
14. *Fedotova O., Latun V., Vlasova T.* Illustration in the In-flight Magazines of the European Airlines: Expansion of the Outlook or Aggressive Advertising? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – V. 214. – pp. 871–875.
15. *Gridneva S., Tashcheva A.* Patterns of Adolescent Coping with Domestic Violence // *International Journal of Psychology*. – 2012. – V. 47. – Issue Supplement S1. – P. 386.
16. *Labunskaya V. A.* Representations about Friend and Enemy at Different Life-span Stages // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – V. 86. – pp. 256–261.
17. *Ranney M. L., Mello M. J.* A comparison of female and male adolescent victims of violence seen in the emergency department // *The Journal of Emergency Medicine*. – 2011. – V. 41. – no. 6. – pp. 701–706.
18. *Ryumshina L., Belousova A.* Attitude of Psychological Faculty Students to Aggression and Violence in Various Spheres of Human Activity // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings. – Book 1. – V. 2. – pp. 73–80. doi:10.5593/SGEMSOCIAL2015/B12/S3.009

19. *Shkurko T., Pishchik V., Breus E.* Controlling Personality in Modern Russian Society // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings, Aug 26 – Sept 01; Book 1. – V. 1. – pp. 47–54. doi:10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S1.007
20. *Vorontsov D., Stefanile C., Antonelli P.* Gendered Characteristics of HIV Risk Sexual Behaviour Models in Freshman Students // *Psychology & Health*. – 2010. – V. 25. – pp. 365–366.

УДК 159.99

О КОМПОНЕНТАХ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

**Гудзовская Алла Анатольевна
Шпунтова Виктория Владимировна**

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-16-63004 а(р))

Статья посвящена решению ряда задач: авторы уточняют понятие «личностная зрелость», анализируют проблемы становления личностной зрелости; экспериментально проверяют предположение о том, что компоненты личностной зрелости (эго-идентичность, активное владение собственным окружением, самореализация) формируются в своей основе в возрасте семи–восьми лет.

В работе представлены результаты лонгитюдного исследования компонентов личностной зрелости. В группу лонгитюда вошли 232 ученика первых классов общеобразовательных школ г. Самары и г. Тольятти. Из них приняли участие во всех срезах лонгитюда 96 человек. Первое исследование проведено в 1997–1998 гг., когда испытуемые обучались в первом классе. К моменту последнего исследования (2014–2015 гг.) все испытуемые успешно завершили школьное обучение и получили среднее специальное и/или высшее образование (средний возраст – 24–25 лет).

Для исследования компонентов личностной зрелости применялось сочинение на тему «Я человек», были использованы методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева, контент-анализ и метод экспертных оценок.

Было обнаружено, что становление личностной зрелости происходит в процессе решения жизненных задач и построения отношений с миром (обществом): человек осознает себя («Я»); формирует образ человека – носителя социальных ролей («Человек», «Я и Человек»), он осознает свою включенность в культуру и воздействует на себя и других людей через различные формы внешней и внутренней активности, выступает автором внутреннего мира («Я – Человек»). Эмпирически установлено, что компонентами достижения личностной зрелости являются: сформированная эго-идентичность, активное владение собственным окружением – способность вести себя независимо от воздействующих обстоятельств и руководствоваться собственными, сознательно поставленными целями, самореализация. В своей основе они формируются в возрасте 7–8 лет.

Полученные результаты представляют интерес для психологов,

педагогов, социальных работников и др. Основные положения работы могут выступить в качестве новых оснований для коррекционно-развивающей работы школьного психолога с целью оптимизации учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: *личность, личностная зрелость, социальная зрелость, Я и Человек, ценности, личностные смыслы, эго-идентичность, самореализация, субъектная позиция, авторство личности.*

Введение

Проблема личности – значимая и сложная. Понятие личности – многозначное и многоплановое. Личность не дана человеку наперед, она – относительно поздний продукт развития человеческого общества [7, с. 491]. Личность есть новообразование, свойственное только человеку, – оно формируется в процессе становления культуры. Человек как личность выступает автономным носителем и субъектом общественно выработанных форм отношения к миру; он овладевает собственным поведением в соответствии с принятыми нормами и правилами, регулирует собственную жизнь и выстраивает свое отношение к миру, другим людям.

Для описания полноценного функционирования личности в отечественной психологии используется понятие «личностная зрелость». Согласно К. А. Абульхановой-Славской, зрелость – это способность человека целесообразно расходовать жизненные силы, продуктивно применять свои личностные возможности и особенности: «Зрелый человек способен своей волей определять и направлять ход событий и расстановку сил в своей жизни» [1, с. 285]. М. А. Щукина видит в личностной зрелости этап личностного развития, «этап не предзаданный и не гарантированный личности в результате ее взросления и социализации» [16, с. 316]. В этом случае, личностная зрелость – это результат выбора самого человека: выбор быть социально активным и автономным, управлять своим поведением и жизнью, стремиться к самоактуализации [17, 18]. Н. Е. Харламенкова определяет личностную зрелость как способность человека к осуществлению спонтанного поведения. Спонтанное поведение она характеризует уровнем интеграции эго-идентичности и степенью интериоризации ценностей, внутренней направленностью мотивации и согласованным с нею контролем поведения [15]. Такое понимание особенно важно для нас: мы считаем, что только зрелая личность может сделать свою жизнь предметом преобразований и выступить субъектом (автором) собственной жизни.

Способность быть субъектом (автором) своего развития – родовая способность человека. В то же время, в реальной жизни человек проявляет большую (при саморазвитии) или меньшую (при развитии) меру субъектности

по отношению к своим преобразованиям. Н. А. Логинова называет эту особенность интраиндивидуальной вариативностью субъектности развития: уровень субъектности может меняться в зависимости от ситуации, от того, считает ли человек ситуацию значимой настолько, чтобы включить все ресурсы для принятия жизненного решения [12]. Д. А. Леонтьев описывает неоднородность полноты проявления человеческой сущности в разных жизненных ситуациях, используя понятие «пунктирный человек»: «Имея возможность функционировать на разных уровнях, человек предпочитает не тот уровень, который свойственен ему в его высших человеческих проявлениях, а более низкие, субчеловеческие уровни. Сущность человека заключена в возможности переключаться с одного уровня на другой, двигаться по траектории, включающей отрезки движения на разных уровнях» [9]. Мы согласны с К. А. Абульхановой-Славской, что в некоторых ситуациях возможно преобладание двух типов жизненной стратегии личности: человек может начать выстраивать себя в соответствии с выбранными целями еще в дошкольном возрасте, а может никогда не стать субъектом своего развития: «осознавая свой идеал, его отличие от реального Я, многие люди не стремятся себя изменить» [1, с. 261].

В работе Е. Л. Солдатовой и И. А. Шляпниковой личностная зрелость – это качество, позволяющее человеку наиболее полно и эффективно реализовать себя в мире (обществе). Авторы утверждают, что компоненты личностной зрелости состоят из двух групп переменных: 1) компоненты личности, которые указывают на ее сформированность/зрелость (Я-концепция, система ценностей и личностных смыслов и т. д.), и 2) обобщенные свойства личности, которые являются способами самовыражения и самоосуществления личности – автономия, независимость, ответственность, активность и т. п. [14, с. 68]. В настоящем исследовании попытаемся описать компоненты личностной зрелости: сформированная эго-идентичность, активное владение собственным окружением (Е. И. Головаха), самореализация как личностный смысл и авторство собственной жизни.

Мы считаем, что закладка компонентов личностной зрелости происходит в возрасте 7–8-ми лет [3]. Поступая в школу, ребенок входит в новую социальную роль: изменяется социальная ситуация развития, изменяются его отношения с родителями и сверстниками [4]; расширяются представления о мире, происходит осознание границ своего Я, исследование своих возможностей. Полагаем, что представления о себе (эго-идентичность) и о своем месте в мире/обществе (активное владение собственным окружением) формируются в своей основе в данный период.

Для проверки нашего предположения было проведено лонгитюдное исследование.

В группу лонгитюда, тестируемую на протяжении 18 лет, изначально вошли 232 ученика 1-х классов общеобразовательных школ №№ 35, 63, 90, 125, 152 г. Самары и г. Тольятти, в возрасте 7–8 лет. Из них приняли участие во всех срезах лонгитюда 96 человек. Первое исследование было проведено, когда испытуемые обучались в 1-м классе (1997–1998 гг.). К моменту последнего исследования (2014–2015 гг.) все испытуемые успешно закончили школьное обучение и получили среднее специальное и/или высшее образование (средний возраст – 24–25 лет).

Для исследования проявлений компонентов личностной зрелости были использованы следующие методы: сочинение на тему «Я человек», методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева, а также контент-анализ и метод экспертных оценок.

Процедура исследования

На первом этапе (1997–1998 гг.) испытуемые писали сочинение на тему «Я человек». Два понятия – индивидуализированное «Я» и родовое «Человек», вынесенные в заголовок сочинения, позволяют автору текста определить собственное место в мире (обществе). На наш взгляд, континуум понятий «Я» – «Человек» охватывает большой пласт представлений о себе за счет актуализации потенциального сознания. Представления о себе и своем месте в мире (обществе) могут указывать на особенности презентации образа эго-идентичности, его эмоциональную окраску (личностный смысл).

На втором этапе исследования (2014–2015 гг.) испытуемых просили написать сочинение «Я человек», также с ними проводилась методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева [8]. Использование последней методики позволяет рассматривать личность как психологическое образование и как регуляторную систему, которая конституируется тремя функциями. Это: 1) выделение своего Я из окружающего мира, 2) самопрезентация и структурирование своих отношений с миром (обществом), и 3) подчинение своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений. Перечисленные функции осуществляет главная, конституирующая подструктура личности – ее смысловая сфера. Здесь смысловая сфера личности предстает как организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, которая обеспечивает смысловую регуляцию жизнедеятельности человека во всех ее аспектах [9, с. 154].

В качестве основного метода анализа данных был выбран качественный, поскольку он позволяет проводить индивидуальный и сравнительный анализ результатов путем выявления их содержательного контекста. Тенденции проявления компонентов личностной зрелости, полученные при совмещении контент-анализа материалов сочинения и экспертной оценки, можно считать

вполне легитимными для реальных условий, недоступных для исследования другими методами.

Результаты

В процессе контент-анализа определились четыре типа текстов сочинений «Я человек»: 1) «Я», 2) «Человек», 3) «Я и человек», 4) «Я – человек». Отметим, что «Герой» – главный действующий персонаж – является одной из существенных характеристик текстов сочинений, он отражает позицию автора и может выявить некоторые аспекты компонентов личностной зрелости (активное овладение собственным окружением и самореализация) и обнаружить результат самоопределения в рамках «индивидуальное – социальное» (эго-идентичность).

Тексты сочинений с Героем «Я» написаны о себе как об отдельно взятом индивидуе. Испытуемые перечисляли свои личные свойства и предпочтения, размышляли о себе вне мира (общества). В текстах отсутствуют переживания по поводу своего статуса и отношений к себе, оценке Я другими людьми. Подобная сосредоточенность на собственных ощущениях и переживаниях, фиксация на мыслях, представлениях и состояниях свидетельствуют о Я-центрированности. Тексты с Героем «Я» могут рассматриваться как одни из самых ранних проявлений компонентов личностной зрелости, когда собственное Я уже осознанно (эго-идентичность), но интериоризация ценностей еще не завершена. Такие результаты, демонстрируемые на первом этапе лонгитюда, отражают закономерный этап в развитии личности (по Б. С. Братусю, низший уровень личностно-смысловой сферы личности – эгоцентрический [2]), тогда как для испытуемых 24–25-ти лет подобная Я-центрированность, сосредоточенность на собственных мыслях и состояниях может указывать на эгоцентризм и даже на личностный и социальный инфантилизм.

Тексты сочинений с Героем «Человек» написаны об обобщенном человеке, свойства и характеристики которого не связаны и не соотношены с личным Я испытуемого. Такая позиция может говорить об отсутствии автономизации личности от других людей и низкой способности владеть собственным окружением. М. Кун и Т. Макпартлэнд [6] отмечают, что для субъективного благополучия человека в его Я-концепции должны быть представлены социальные роли и индивидуально-личностные характеристики. Неудивительно, что концентрация на «Человеке» не позволяет проявиться компонентам личностной зрелости: испытуемый словно «прячется» за обобщенными представлениями о должном, рисуя образ человека-функционера.

Тексты сочинений с Героем «Я и Человек» состоят из двух последовательных частей: героем одной части является «Я», героем второй – «Человек».

С одной стороны, испытуемый выделяет себя из мира (общества) – Я, с другой стороны, он осознает существование человеческого рода, знает о предназначении человека. Надо сказать, что представления о ролях и позициях, возможность «примерить» их на себя позволяют «расшатать» Я-центрированность человека, способствуют развитию координации его действий и отношений с другими людьми, т. е. формируют способность к децентрации (в противовес эгоцентризму). Полагаем, что такие сочинения можно отнести к переходному типу, отражающему процесс становления личностной зрелости: движение от Я к социальной общности, к «Я – человек».

Тексты сочинений с Героем «Я – Человек» написаны о себе как о представителе человеческого рода. Испытуемые соотносили личные характеристики со свойственными человеку как таковому, рассматривали других людей равными себе («тоже человек», «как и я»). Подобная включенность/встроенность испытуемых в культуру, умение согласовывать нормы окружающей среды с личностными ценностями отражает способность человека реализовывать отношение «общего – особенного – уникального» на всех уровнях психологической реальности (Г. А. Цукерман). В этом случае целесообразно отметить, что: а) для осмысленного отношения к другим людям у испытуемых должна быть сформирована эго-идентичность, б) для развития личностной (в узком значении – социальной) зрелости испытуемому необходимо интериоризировать ценности культуры, общества. В целом, данный тип сочинений может указывать на высокий уровень проявлений личностной зрелости.

В таблице 1 представлены четыре типа текстов сочинений «Я человек»: 1) «Я», 2) «Человек», 3) «Я и Человек», 4) «Я – Человек» по результатам первого и второго этапа исследований.

Таблица 1.

Герои сочинений на первом и втором этапах лонгитюдного исследования (в % к общему числу сочинений)

Герой сочинения	Я	Человек	Я и Человек	Я – Человек
1997 г. (1 класс)	69,6	9,8	8,0	11,6
2015 г. (25 лет)	23,1	23,1	15,4	38,5

Мы видим, что на первом этапе исследования преобладают тексты сочинений с Героем «Я» (69,6 %); на втором этапе лонгитюдного исследования количество таких сочинений уменьшается почти втрое (23,1 %). Тексты сочинений с Героем «Человек» и «Я и Человек» на первом этапе исследования занимают второе место (9,8 % и 8 %), ко второму этапу исследования их количество увеличивается незначительно и становится равным текстам

с Героем «Я» (23,1 % и 15,4 %). Тексты сочинений с Героем «Я – Человек» на первом этапе исследования оказались самыми малочисленными (11,6 %). На втором этапе исследования количество данных текстов увеличилось почти в четыре раза и стало преобладающим (38,5 %).

Таким образом, процесс становления личностной зрелости начинается с осознания себя («Я»); затем появляется образ человека – носителя социальных ролей («Человек», «Я и Человек»), человека – современника эпохи, который умеет функционировать в обществе и соответствовать нормам и правилам культуры (чем больше он овладевает культурой, «встраивается» в общество, тем выше уровень развития его социальной зрелости. – А. А. Гудзовская). Далее возможен переход к самореализации («Я – Человек»): человек понимает, что он есть в мире/обществе и осознает свою включенность в культуру, человек создает условия для своего развития [см. 10], воздействует на себя и других людей через различные формы внешней и внутренней активности и выступает автором внутреннего мира.

Для оценки смысловой регуляции жизнедеятельности личности была использована методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева. Ряд интересных результатов был получен благодаря идее В. Ю. Котлякова [5] о том, что большинство личностных смыслов можно объединить в более крупные категории. В итоге все смыслы были сведены к шести группам: альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные и самореализация (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Основные категории личностных смыслов (по В. Ю. Котлякову)

<i>Личностные смыслы (категории по В. Ю. Котлякову)</i>	<i>Сумма ранговых значений (среднее)*</i>
Альтруистические	15,36
Экзистенциальные	11,29
Гедонистические	11,89
Статусные	15,25
Коммуникативные	12,82
Семейные	12,54
Когнитивные	16,18
Самореализация	10

** чем меньше сумма ранговых значений, тем больший вес имеет категория в системе жизненных смыслов (и наоборот).*

По данным методики предельных смыслов обнаружили ведущие категории смысловой сферы – «Самореализация» (10) и «Экзистенциальные» смыслы (11,29). Похоже, что такие результаты могут быть связаны с возрастными

особенностями испытуемых: в 24–25 лет человек пребывает на завершающей стадии формирования собственной структуры ценностей и впервые испытывает подлинное авторство в реализации собственного взгляда на жизнь (см. В. В. Шпунтова, 2008). На данном этапе конструируются цели на ближайшие годы, остро ставится вопрос о предназначении и поиске своего места в мире (обществе).

Анализируя категории личностных смыслов испытуемых в зависимости от типов текстов сочинений «Я человек», мы выявили следующее:

- у испытуемых с Героем «Я» значимой категорией выступили экзистенциальные смыслы, незначимой – группа смыслов «Статус»;
- у испытуемых с Героем «Человек» и «Я и Человек» значимой категорией оказались гедонистические смыслы и «Статус», незначимыми – когнитивные смыслы;
- среди ведущих категорий смысловой сферы испытуемых с Героем «Я – Человек» значимой оказалась «Самореализация», незначимыми – «Альтруизм» и когнитивные смыслы (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Основные категории личностных смыслов в зависимости от типов текстов сочинений «Я человек»

Герой сочинения	Основные категории личностных смыслов (ранговые значения*)							
	Альтруистические	Экзистенциальные	Гедонистические	Статус	Коммуникативные	Семейные	Когнитивные	Самореализация
Я	16	6,3	7,7	16,3	9	9	14,3	8,3
Человек	16,8	14	11,5	13,5	13,5	13,3	15,3	8,3
Я и Человек	20	13	8	8,5	15	11	22,5	9
Я – Человек	13,2	10,9	11,4	14,4	11,3	11,6	14,6	8,9

* чем меньше сумма ранговых значений, тем больший вес имеет категория в системе жизненных смыслов (и наоборот).

Прокомментируем результаты. При выраженной позиции Я значимыми категориями личностных смыслов являются экзистенциальные (6,3), гедонистические смыслы (7,7) и «Самореализация». Центрируясь на себе

и собственных ощущениях, человек отделяет себя от окружающего мира. Возможно, он строит траекторию жизненного пути, сосредотачивается на временной перспективе и долгосрочном планировании (преобладание экзистенциальных смыслов), или же растворяется в каждодневных рутинных действиях и акцентируется на чувственных удовольствиях (преобладание гедонистических смыслов). В качестве иллюстрации, позволяющей обрисовать второй способ существования, обратимся к А. В. Серому: «Эгоцентризм проявляется в замкнутости в своем мире, настороженности по отношению к людям и сухости в контактах с ними... склонность к раздумьям и инертность в принятии решений, как правило, выражаются в податливости характера и декларируемой конвенциональности. Данное состояние характеризует человека как гедониста, живущего сегодняшним днем и не имеющего целей» [13, с. 105–107].

При выраженных позициях «Человек» и «Я и Человек» значимыми категориями личностных смыслов являются «Гедонистические» (8) и «Статусные» (8,5). В поисках социальной идентичности человек стремится самоопределиться и утвердить свою автономность, он формирует принадлежность к нормам и ценностям группы на уровне самосознания и реального поведения [см. 4]. При доминировании гедонистических смыслов человек прагматичен и ориентирован на материальное благополучие и обеспеченную жизнь, он жаждет удовольствий, которые можно разделить с семьей и друзьями. Его ориентиры – наличие ситуативных целей, витальная направленность жизненного самоопределения и отсутствие общего смысла жизни. Вторая ситуация – выраженность статусных смыслов – может указывать на желание испытуемых добиваться успеха, строить карьеру и продолжать искать достойное положение в обществе. Согласно изложенным представлениям, процесс поиска эго-идентичности является важным этапом на пути становления личностной зрелости. Зная особенности жизненного пути, человек может выбрать оптимальный вариант собственного развития, определить жизненный путь [11]. В целом, активность личности имеет определенные ограничения [10, 19, 20]. В объективном плане свобода личности ограничена социально-историческими условиями, в субъективном плане – выбором и позицией личности по отношению к своей жизни.

Если преобладает позиция «Я – Человек», то наиболее значимой категорией личностных смыслов выступает «Самореализация» (8,3 и 8,9). Перенимая нормы общества, человек соотносит себя с другими людьми; он идентифицируется с референтной группой и адаптируется к миру/обществу. Удовлетворение потребности принадлежности группе – одной из базовых потребностей человека (А. Маслоу) – способствует: а) становлению адекватной, устойчивой и внутренне непротиворечивой эго-идентичности,

б) получению положительной обратной связи, построенной на сопричастности к ценностям и нормам культуры, в) выстраиванию жизненной перспективы и формулированию целей жизни, которые являются значимыми компонентами личностного смысла.

Выводы

Становление личностной зрелости происходит в процессе решения человеком жизненных задач и построения отношений с миром (обществом). По сути, человек может достичь зрелого возраста с течением времени, однако для того, чтобы стать зрелой личностью, ему необходима сознательная работа над собой. Еще раз подчеркнем, что достижение личностной зрелости – есть процесс и результат развития человека в заданном социокультурном пространстве на определенном этапе жизненного пути. Личностная зрелость указывает на то, что поведение человека активно, а не реактивно, что человек является хозяином обстоятельств и автором (творцом) своей жизни.

Компонентами личностной зрелости являются: сформированная эго-идентичность, активное владение собственным окружением – способность вести себя независимо от воздействующих обстоятельств и руководствоваться собственными, сознательно поставленными целями, самореализация. В своей основе они формируются в 7–8 лет: в данном возрасте закладывается процесс целенаправленного и организованного овладения целостными, устойчивыми чертами и качествами, необходимыми для успешной жизнедеятельности; в последующие возрастные периоды происходит развитие личностной зрелости за счет «разворачивания» ее компонентов.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
3. Гудзовская А. А. Психология социальной зрелости: монография. – Самара: Изд-во СИПКРО, 2014. – 256 с. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=237386342014>
4. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
5. Котляков В. Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов». Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 18–21.
6. Кун М., Макпартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 180–187.

7. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
8. *Леонтьев Д. А.* Методика предельных смыслов (МПС). – М.: Смысл, 1992. – 36 с.
9. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
10. *Леонтьев Д. А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М., 1997. – С. 156–175.
11. *Логина Н. А.* Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 103–109.
12. *Логина Н. А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности: Учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2001. – 176 с.
13. *Серый А. В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.
14. *Солдатова Е. Л., Шляпникова И. А.* Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2010. – № 27 (203). – С. 66–74.
15. *Харламенкова Н. Е.* Спонтанность и контроль в зрелых личностных отношениях // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во ИП РАН, 2007. – С. 128–148.
16. *Щукина М. А.* Психология саморазвития личности: субъектный подход: дисс. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2015. – 355 с.
17. *Щукина М. А.* Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 2. – С. 7–22.
18. *Maslow A.* Religions, Values, and Peak-Experiences. – N. Y.: Viking press, 1970. – 123 p.
19. *Rokeach M.* Beliefs, Attitudes, and Values. – San Francisco: Jossey-Bass, 1969. – 214 p.
20. *Royce J. R., Powell A.* Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. – Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1983. – 304 p.

УДК 159.922.1

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОИСКА ОЩУЩЕНИЙ С САМООТНОШЕНИЕМ И МОТИВАЦИЕЙ ОДОБРЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

*Дунайцева Наталья Анатольевна
Петраш Юлия Витальевна*

Статья посвящена исследованию взаимосвязи поиска ощущений с самоотношением и мотивацией одобрения у мужчин и женщин. Проанализированы различные подходы к такой личностной черте, как поиск ощущений и переживаний. Отмечена недостаточность эмпирического материала по данной теме, что обуславливает актуальность и новизну проведенного исследования.

Объектом исследования выступили 111 человек (56 женщин и 55 мужчин) в возрасте от 19 до 73 лет, проживающие в г. Ростове-на-Дону. В исследовании, наряду с гендерным аспектом, также учитывается и фактор наличия или отсутствия детей. Эмпирически выявлены и проанализированы многочисленные взаимосвязи поиска ощущений, самоотношения и мотивации одобрения.

Установлено, что поиск новых ощущений наиболее выражен у мужчин и не зависит от наличия детей. Взаимосвязь поиска ощущений с самоотношением выявлена только у мужчин, поиск ощущений у женщин не связан с самоотношением. Склонность к поиску новых ощущений, авантюрам и рискованному поведению свойственна мужчинам с низким уровнем самоуправления, самопринятия, самопривязанности, самоуважения, аутосимпатии. Исследование также показало, что мотивация одобрения связана с самоотношением у женщин: высокий уровень мотивации одобрения связан с высоким уровнем самоотношения, а именно с такими его аспектами, как: самоуверенность, саморуправление, самопривязанность, самоуважение. Также эмпирически установлено, что мотивация одобрения более выражена у респондентов, имеющих детей, что свидетельствует о стремлении родителей показать себя в социуме с лучшей стороны.

Ключевые слова: *поиск ощущений, самоотношение, саморуправление, самопривязанность, самоуважение, самооценочность, аутосимпатия, мотивация одобрения, социальная желательность, гендер.*

Введение

Готовность к поиску ощущений и переживаний можно смело отнести к числу наименее изученных личностных черт. Ученые (Н. М. Щелованов,

М. Ю. Кистьяковская, С. Р. Клонингер), занимавшиеся исследованием данного феномена, подходили к изучению поиска ощущений с разных позиций: наблюдали его развитие в онтогенезе, искали истоки ориентированности личности на поиск новизны в биохимической основе организма, рассматривали его преобразование в процессе эволюции мотивационной сферы человека и т. д. [6, 9, 11, 19, 21, 22, 23]. Согласно биосоциальной модели М. Цукермана (сторонниками которой мы являемся), поиск ощущений у индивида определяется не базальными уровнями дофамина, серотонина, норадреналина, а их реактивностью в ответ на действие стимулов из окружающей среды. Психологически, поиск ощущений определяется как черта личности, которая выражает поиск вариативных, новых, сложных и интенсивных ощущений и переживаний, готовность к риску [24, 25]. Из анализа точек зрения различных авторов, пытавшихся теоретически решить проблему поиска ощущений, явствует, что для решения этой проблемы им не хватает конкретного психологического материала, получаемого путем соответствующих исследований [1, 4, 16].

Проведенный нами анализ специальной психологической литературы не обнаружил подобных научных изысканий, что составляет новизну проведенного нами исследования. Кроме того, новизна данной работы заключается в изучении гендерного аспекта предмета исследования [2, 3]. Следует отметить, что в данной работе, наряду с другими исследователями [5, 8, 20], мы придерживаемся биодетерминистских позиций, связывая социальные и психологические отличия мужчин и женщин с их врожденными половыми особенностями, и употребляем понятия «гендер» и «пол» как синонимичные.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи поиска ощущений с самооощением и мотивацией одобрения в гендерном аспекте.

Исходя из вышеизложенного, мы предположили, что: 1) поиск ощущений у мужчин и женщин имеет существенные различия; 2) существуют различия во взаимосвязях между поиском ощущений и самооощением у мужчин и женщин; 3) существуют различия во взаимосвязях между поиском ощущений и мотивацией одобрения у мужчин и женщин.

Методы и методики исследования

Выборка исследования составила 111 человек. Из них – 56 женщин и 55 мужчин. В исследовании принимали участие только взрослые респонденты возрастом от 19 до 73 лет. Исследование проводилось в 3 этапа: 1) для диагностики личностной черты «готовность к поиску ощущений» применялась шкала поиска ощущений М. Цукермана [18]; 2) применялся многомерный опросник исследования самооощения С. Р. Пантеева (МИС – методика исследования самооощения) [14]; 3) для диагностики мотивации одобрения

использовался тест мотивации одобрения (социальной желательности), разработанный Д. Марлоу и Д. Крауном [12].

Достоверность исследования обеспечена использованием параметрических и непараметрических методов математической статистики. В качестве первого типа методов математической статистики использован метод подсчета величин математического среднего и стандартного отклонения, метод сравнения двух выборок с использованием параметрического *t*-критерия Стьюдента. Из числа непараметрических представлены: метод корреляционного анализа по критериям Пирсона, Спирмена, Шапиро–Уилка, *U*-критерию Манна–Уитни, критерию хи-квадрат, а также – метод процентного анализа данных (с использованием программы SPSS 10.0).

Результаты

Перейдем к анализу полученных результатов. Проанализируем основной показатель нашего исследования – поиск ощущений.

Результаты вычислений опросника М. Цукермана, представленные в таблице 1, показывают, что мужчины более склонны к поиску ощущений, у них выше склонность к необдуманным поступкам и авантюрам.

Таблица 1.

Уровень поиска ощущений у мужчин и женщин

	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Поиск ощущений	7.37	8.69	924	0.032

В нашем исследовании учитывается еще один показатель: наличие или отсутствие детей. Результаты расчетов в таблице 2 показывают, что респонденты с детьми и без детей не различаются по уровню стремления к новым ощущениям. В связи с этим мы констатируем, что поиск ощущений имеет гендерный аспект, который проявляется в повышенной склонности мужчин к поиску ощущений.

Таблица 2.

Уровень поиска ощущений у респондентов с детьми и без детей

	<i>Есть дети</i>	<i>Нет детей</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Поиск ощущений	7.16	8.13	1149.5	0.073

Результаты опросника исследования самоотношения С. Р. Панталева у мужчин и женщин представлены в таблице 3. Сырые баллы первичных шкал данного теста переводились в стены согласно нормам, предоставленным

авторами [14, 15]. В шкале стенов средним является значение 5,5, стандартным – отклонение 2, соответственно, интервал нормы лежит в пределах 3,5–7,5 стенов.

Таблица 3.

**Параметры самоотношения мужчин и женщин
(по первичным шкалам)**

	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Внутренняя честность	6.27	5.91	1422	0.242
Самоуверенность	6.24	6.16	1324	0.605
Саморуководство	6.44	6.16	1371.5	0.408
Зеркальное Я	6.45	6.06	1460	0.154
Самоценность	7.38	7.19	1328	0.593
Самопринятие	6.54	7.09	1016	0.119
Самопривязанность	5.67	5.5	1337.5	0.551
Внутренняя конфликтность	4.33	4.22	1313.5	0.663
Самообвинение	4.31	4.41	1243.5	0.979

Статистический критерий не показал значимых различий в группе мужчин и женщин по первичным шкалам самоотношения (таблица 3).

Вторичные шкалы опросника исследования самоотношения были выведены авторами в результате факторного анализа первичных шкал. В связи с тем, что авторы не предоставляют норм для вторичных шкал своего теста, мы перевели их в процентиля, с целью стандартизировать их значения и привести к единой системе измерения [7, 14, 17]. В шкале процентилей средним значениям соответствует 50 баллов, диапазон нормы лежит в пределах 2–3 квартилей (25–75 баллов).

Таблица 4.

**Параметры самоотношения в группе мужчин и женщин
(по вторичным шкалам)**

<i>Шкалы</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Самоуважение	54.96	47.5	1437	0.214
Аутосимпатия	53.82	52.19	1279	0.841
Внутренняя неустроенность	54	51.44	1316	0.656

Показатели средних значений по вторичным шкалам опросника также не различаются, что подтверждается незначимыми критериями (таблица 4). Таким образом, мы можем сделать вывод, что самоотношение не имеет различий у мужчин и женщин. В нашем исследовании учитывается еще один показатель: наличие или отсутствие детей. Результаты средних значений представлены в таблице 5.

Таблица 5.

**Параметры самоотношения у респондентов,
имеющих и не имеющих детей**

	<i>Есть дети</i>	<i>Нет детей</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Внутренняя честность	6.21	6.13	1455.5	0.927
Самоуверенность	6.12	6.28	1310	0.407
Саморуководство	6.72	6.12	1697.5	0.108
Зеркальное Я	6.4	6.3	1461	0.9
Самоценность	6.81	7.66	1022	0.009
Самопринятие	6.91	6.57	1589	0.354
Самопривязанность	6.33	5.16	1945	0.002
Внутренняя конфликтность	4.19	4.37	1266.5	0.278
Самообвинение	4.3	4.36	1437.5	0.988

Эмпирически выявлено, что самоценность взрослых, не имеющих детей, значимо выше ($U = 1022$; $p = 0,009$), причем значение данной шкалы выходит за рамки нормы в сторону высоких баллов. Это характеризует взрослых без детей, как имеющих большую заинтересованность в собственном Я, любящих себя, ощущающих ценность собственной личности и одновременно предполагаемую ценность своего Я для других. Самопривязанность находится в пределах нормы в обеих выборках, однако в выборке взрослых с детьми она все же несколько выше ($U = 1945$; $p = 0,002$), что говорит о несколько большей ригидности их Я-концепции, привязанности, нежелании меняться на фоне общего положительного отношения к себе. Данные переживания часто сопровождаются привязанностью к неадекватному Я-образу. Далее были проанализированы вторичные шкалы опросника самоотношения (таблица 6).

Таблица 6.

**Параметры самоотношения у респондентов с детьми и без детей
(по вторичным шкалам)**

	<i>Есть дети</i>	<i>Нет детей</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Самоуважение	54	52.01	1519.5	0.63
Аутосимпатия	55.4	52.03	1547.5	0.513
Внутренняя неустроенность	50.33	55.13	1305.5	0.409

Как видно из таблицы 6, значимых различий не наблюдается, и самоотношение не зависит от наличия ребенка. Таким образом, самоотношение фактически не имеет различий у мужчин и женщин и имеет минимальные различия у взрослых, имеющих и не имеющих детей. В связи с этим, имеет смысл проанализировать общий профиль самоотношения без учета дополнительных факторов пола и наличия детей. Для респондентов, участвовавших в исследовании, наиболее свойственна самоценность, что отражает их заинтересованность в собственном Я, любовь к себе, ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемую ценность своего Я для других. Менее всего респондентам свойственны внутренняя конфликтность и склонность к самообвинению, что позволяет охарактеризовать их как не переживающих чрезмерные внутренние конфликты и отсутствие чувства вины как характерного переживания собственного Я.

Диагностика мотивации одобрения, иначе называемая шкалой социальной желательности, показала, что мужчины и женщины имеют равную степень выраженности социальной желательности ($t = 0,67$; $p = 0,5$). Также нами были проверены различия в зависимости от наличия ребенка (таблица 7).

Таблица 7.

**Сравнение выборок респондентов с детьми и без детей
по уровню мотивации одобрения**

	<i>Есть дети</i>	<i>Нет детей</i>	<i>U</i>	<i>p</i>
Мотивация одобрения	9.98	8.51	1849.5	0.012

Расчеты показали, что у респондентов, имеющих детей, социальная желательность выше, таким образом, они стремятся в большей мере, чем респонденты без детей, показать себя с лучшей стороны.

Далее были выявлены взаимосвязи стремления к поиску ощущений и самоотношения у всей выборки – и у мужчин и женщин в отдельности. С этой целью был рассчитан ранговый коэффициент корреляции Спирмена (таблица 8).

Таблица 8.

Взаимосвязь поиска ощущений с особенностями самоотношения

	<i>Потребность в новых ощущениях</i>		
	<i>Все</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Внутренняя честность	-0.11	-0.25	-0.04
Самоуверенность	0.03	-0.22	0.16
Саморуководство	<u>-0.23</u>	<u>-0.38</u>	-0.14
Зеркальное Я	-0.06	-0.25	0.05
Самоценность	-0.06	-0.30	0.10
Самопринятие	-0.07	<u>-0.37</u>	0.02
Самопривязанность	<u>-0.26</u>	<u>-0.40</u>	-0.19
Внутренняя конфликтность	-0.12	-0.03	-0.15
Самообвинение	0.01	0.18	-0.07
Самоуважение	-0.14	<u>-0.36</u>	-0.02
Аутосимпатия	<u>-0.22</u>	<u>-0.47</u>	-0.09
Внутренняя неустроенность	-0.08	0.04	-0.13

Отметим, что поиск ощущений у женщин не связан с самоотношением. Судя по всему, особенности самопринятия, личностные конфликты, доверие к себе и т. д. не подвигают женщин искать новые впечатления. Поиск ощущений связан с низким саморуководством во всей выборке ($r = -0,23$; $p \leq 0,05$), однако анализ с учетом пола показывает, что эта взаимосвязь существует только за счет мужской выборки ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$). Выявленная закономерность свидетельствует о том, что чем хуже саморегуляция, и чем больше Я человека зависит от обстоятельств, тем больше мужчины стремятся к новым переживаниям и впечатлениям, больше склонны к авантюрам. То же касается и связи стремления к поиску ощущений с самопринятием у мужчин ($r = -0,37$; $p \leq 0,05$). Мужчины, которыми движет внутреннее противоречие, которые не принимают себя такими, какие они есть – склонны к поиску ощущений. У женщин эта закономерность отсутствует. Для всей выборки характерна отрицательная взаимосвязь самопривязанности и стремления к новым ощущениям ($r = -0,26$; $p \leq 0,05$), однако она существует только за счет мужской выборки. Мужчины с низкой самопривязанностью также

более склонны к поиску ощущений ($r = -0,40$; $p \leq 0,05$). Судя по всему, желание что-либо изменить в себе, неудовлетворенность собой повышают степень стремления к новым впечатлениям. Мы предполагаем, что эта закономерность отражает особенности поиска себя, своей сущности мужчинами. Женщинам эта закономерность не свойственна. Низкий уровень самоуважения также заставляет только мужчин искать новые ощущения ($r = -0,36$; $p \leq 0,05$). Соответственно, те мужчины, которые низко оценивают себя с точки зрения морали, социально-нормативных критериев, наиболее склонны к поиску ощущений, авантюрам, рискованному поведению. Женщинам это не свойственно. Мужчины с низкой аутосимпатией также склонны к поиску ощущений ($r = -0,47$; $p \leq 0,05$), причем эта закономерность наблюдается для всей выборки, но существует только за счет мужчин. Женщинам это также не свойственно.

В нашем исследовании рассматривается также взаимосвязь между поиском ощущений и мотивацией одобрения у мужчин и женщин. Как показали результаты проведенного корреляционного анализа, мотивация одобрения не связана со стремлением к поиску ощущений. Отметим также, что с возрастом поиск ощущений у женщин падает ($r = -0,31$; $p \leq 0,05$), что не характерно для мужчин, у которых эта связь проявляется независимо от возраста.

Кроме выявленных выше закономерностей, мы имеем возможность проанализировать связь социальной желательности с самооощением. Были получены значимые положительные корреляции внутренней честности с мотивацией одобрения, причем эта закономерность характерна для всей выборки ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$), для выборки мужчин ($r = 0,53$; $p \leq 0,05$) и для выборки женщин ($r = 0,41$; $p \leq 0,05$). Только женщинам с высокой мотивацией одобрения свойственны самоуверенность, т. е. высокое самомнение, и отсутствие напряженности ($r = 0,36$; $p \leq 0,05$). Самоуверенные женщины склонны переоценивать свои возможности, показывать себя только с лучшей стороны. Для мужчин нет четкой закономерности между этими явлениями. Сочетание высокого саморуководства и высокой мотивации одобрения также свойственно только женщинам ($r = 0,46$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем сильнее у женщин способность руководствоваться только собственным мнением, тем более им свойственно показывать себя с лучшей стороны. Самопривязанность положительно взаимосвязана с мотивацией одобрения у женщин ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$). Согласно интерпретации авторов, самопривязанность часто проявляется в привязанности к неадекватному образу собственного Я, ригидности, и вполне закономерно высокое стремление таких женщин к социальному одобрению [14, 15]. Внутренняя конфликтность и мотивация одобрения отрицательно связаны у женщин ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$). Таким образом, у женщин непринятие себя, сомнения в собственных силах совпадает

с более реалистичным представлением о себе и нежеланием показывать себя только с лучшей стороны. Самоуважение связано с высокой мотивацией одобрения у всех респондентов ($r = 0,49$; $p \leq 0,05$), у мужчин ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$) и у женщин ($r = 0,51$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем выше респондент оценивает себя с позиций общественной морали, уважает собственное Я, тем с лучшей стороны он стремится себя показать. Аутосимпатия, т. е. положительное эмоциональное отношение к себе, положительно взаимосвязана с мотивацией одобрения только у женщин ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$). Внутренняя неустроенность и потребность в психологической поддержке совпадают с низкой мотивацией одобрения у женщин ($r = -0,34$; $p \leq 0,05$).

Выводы

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Поиск ощущений выше у мужчин, что подтверждает нашу первую гипотезу.

2. Анализ взаимосвязей поиска ощущений и самоотношения выявил множество закономерностей. В первую очередь, необходимо отметить, что поиск ощущений связан с самоотношением только у мужчин. В частности, результаты исследования позволяют утверждать, что высокие саморуководство, самопривязанность, самоуважение и аутосимпатия характерны для мужчин с низким уровнем поиска ощущений, что частично подтверждает нашу вторую гипотезу. У женщин действуют другие закономерности, которые требуют дальнейших исследований.

3. Анализ взаимосвязи поиска ощущений и мотивации одобрения не выявил гендерных различий, что не подтверждает нашу третью гипотезу.

4. Нами были получены и другие взаимосвязи (которые не были отражены в гипотезах исследования), в частности между самоотношением и мотивацией одобрения. Самоотношение связано с мотивацией одобрения в основном у женщин. Можно утверждать, что чем выше самоотношение, а именно – самоуверенность, саморуководство, самопривязанность, самоуважение и аутосимпатия, тем больше женщины склонны к социальной желательности. Для мужчин характерна взаимосвязь самоуважения и мотивации одобрения.

5. Так как в нашем исследовании учитывался фактор наличия или отсутствия детей, считаем необходимым отметить, что поиск ощущений у мужчин и женщин не зависит от наличия детей. Особенности самоотношения респондентов, не имеющих ребенка, являются заинтересованность в собственном Я, любовь к себе, ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемой ценности своего Я для других. При этом у респондентов с детьми выше самопривязанность. Мотивация

одобрения респондентов зависит от наличия ребенка. В частности, было обнаружено, что родители более склонны к тому, чтобы показывать себя с лучшей стороны.

Таким образом, в данной работе рассмотрена взаимосвязь поиска ощущений с самоотношением и мотивацией одобрения в гендерном аспекте. Понимание механизма поиска ощущений, их возникновения и развития, а также проявления гендерных особенностей помогло бы решить целый ряд задач личностного характера, способствовало бы пониманию процесса эволюции супружеских взаимоотношений, сыграло бы важную роль в решении проблем родительской сферы.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991. – 298 с.
2. Архиреева Т. В. Родительские позиции как условие развития отношения к себе ребенка младшего школьного возраста: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1990. – 19 с.
3. Белогай К. Н. Некоторые аспекты изучения гендерных различий в структуре родительского отношения // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 2. – С. 31–49.
4. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб., 2001. – 528 с.
5. Грейдина Н. Л. Гендерная специфика коммуникации // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты: материалы науч.-практ. телеконф., посвященной Международному году языков и 10-летию гуманитарного отделения ИГХТУ. – Иваново, 2002. – С. 5–14.
6. Джеймс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
7. Калинин С. И. Компьютерная обработка данных для психологов. – СПб.: Речь, 2002. – 136 с.
8. Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999 – 180 с.
9. Кистяковская М. Ю. О стимулах, вызывающих положительные эмоции у ребенка первых месяцев жизни // Вопр. психопатологии. – 1965. – № 2. – С. 129–140.
10. Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 1998. – 18 с.
11. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб., 2013. – 320 с.
12. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна // Практическая психодиагностика. Методики

- и тесты. Учебное пособие. Ред. и сост. Д. Я. Райгородский. – Самара, 2001. – С. 635–636.
13. Панкратов В. Н. Саморегуляция психического здоровья: практическое руководство. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 352 с.
 14. Пантилеев С. Р. Методика исследования самооотношения. – М., 1993. – 32 с.
 15. Пантилеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М., 1991. – 338 с.
 16. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – СПб.: Питер, 2006. – 560 с.
 17. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. – СПб., 2007. – 350 с.
 18. Шкала поиска ощущений (М. Цукерман) // Альманах психологических тестов. – М., 1995. – С. 187–189.
 19. Щелованов Н. М., Аксарина Н. М. Воспитание детей раннего возраста в детских учреждениях. – М., 1955. – 302 с.
 20. Ashmore R. D. Sex, gender, and the individual // Handbook of personality: Theory and research / Ed. by L. A. Pervin. – N. Y.: Guilford Press, 1990.
 21. Cloninger C. R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants: A proposal // Arch. Gen. Psychiatry. – 1987.
 22. Cloninger C. R., Svrakic D. M. Integrative psychobiological approach to psychiatric assessment and treatment // Psychiatry. – 1997.
 23. Cloninger C. R. et al. Anxiety proneness linked to epistatic loci in genome scan of human personality traits // Am. J. Med. Genet. – 1998.
 24. Zuckerman M. Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. – N. Y.: Cambridge University Press, 1994.
 25. Zuckerman M. Sensation seeking. Sensation seeking and risky behavior. – Washington, DC, US: American Psychological Association, 2007. – pp. 3–49.

УДК 159.923:378:002

ЛИЧНОСТНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В СЕТЕВОМ ПОВЕДЕНИИ

*Иващенко Александр Васильевич
Карабущенко Наталья Борисовна
Сунгурова Нина Львовна*

Теоретическое и эмпирическое исследование выполнены при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10956а «Индивидуально-типологические характеристики личности студентов в информационном пространстве».

Организация эмпирического исследования осуществлена при грантовой поддержке по инициативным проектам подразделений в РУДН, проект 051316-0-000 «Этнокультурные ценности и мотивационные установки студентов международно-ориентированного вуза»

Одним из перспективных направлений современных психологических исследований является деятельность человека в информационном пространстве. Современное информационно-психологическое пространство расширяет границы личной свободы человека. Интернет-ресурсы представляют возможности в использовании различных информационных источников: полоролевого экспериментирования; вариативности самовыражения и самопрезентации. В этой связи сетевое пространство предстает как информационно-психологическое, где находят свое проявление индивидуально-типологические характеристики личности участников.

В статье представлены теоретические основания изучения индивидуальности личности студентов в информационно-психологическом пространстве. Проявлениями индивидуальности личности в сетевом взаимодействии являются половые, возрастные характеристики, стаж и уровень владения технологиями, степень интереса, направленность, мотивационные аспекты. Индивидуальные особенности проявляются в психологическом отношении к информационным технологиям. Индивидуальные характеристики реализуются в особенностях протекания сетевой активности, предпочтения тех или иных видов деятельности. Типологический подход к индивидуальности личности в условиях информационного пространства представлен некоторыми авторскими моделями.

Эмпирическое исследование проведено с использованием комплекса методов, психодиагностический инструментарий составили оригинальные и авторские методики. Достоверность результатов подтверждается

репрезентативностью выборки, применением математической обработки данных. В статье анализируются результаты эмпирического исследования индивидуально-типологических особенностей личности студентов в сетевом взаимодействии. Авторами описаны три типа сетевого поведения студентов-участников Интернет-взаимодействия по характеру и степени вовлеченности. Проведен сравнительный анализ результатов исследования сетевого поведения в зависимости от направления профессиональной подготовки студентов. Структурный и корреляционный анализ выявили устойчивые свойства и взаимосвязи, характерные для разных стратегий сетевой активности. В работе представлены обобщенные профили основных типов сетевой активности с позиции индивидуально-типологических особенностей личности студентов.

Ключевые слова: личность студента, индивидуальность, индивидуальность личности, индивидуально-типологические особенности, сетевая активность, образ Я, информационное взаимодействие, самопрезентация, идентичность, виртуальная идентичность.

Введение

В контексте современной социальной ситуации развития человека, связанной с глобальным информационным пространством, особую важность и актуальность приобретает комплексный и системный анализ одной из значимых проблем современной психологии – проблема индивидуальности личности. Сегодня можно говорить о расширении границ личной свободы человека, различных возможностях самовыражения, саморазвития, вариативности самопрезентации, индивидуально-личностных проявлениях. В контексте информационно-психологической безопасности поднимаются вопросы, связанные с рисками смещения идентичности, нивелированием индивидуальности личности, формированием нереалистичного образа Я [14, 15].

Теоретико-эмпирические подходы к исследованию индивидуальности в психологии показывают сложность и разносторонность в понимании данной категории. В отечественной психологии исследования индивидуальности можно представить несколькими основными направлениями:

- *дифференциально-психофизиологическое*, изучающее биологические, нейрофизиологические и психофизиологические аспекты индивидуальных различий человека (особенности строения тела, свойства нервной системы, темперамент). Это работы И. П. Павлова, Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына, В. С. Мерлина, А. М. Русалова [7, 9, 11];
- *личностно-типологическое*, связывающее индивидуальность с типологическим своеобразием личности (А. Лазурский, А. И. Крупнов, Э. А. Голубева),

описывающее индивидуальный стиль деятельности человека (Е. А. Климов, Г. А. Берулава) [6, 7, 10, 11];

– *индивидуальность как единство процессов и состояний психики, взаимодействие внутренней и внешней жизни человека* (представлена в работах К. А. Абульхановой, А. Г. Асмолова, А. А. Бодалева, Д. А. Леонтьева, И. Н. Семенова, Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова) [1, 11, 12].

Структура индивидуальности описывается несколькими уровнями.

На *первом уровне* (биологическом фундаменте личности) представлены индивидуальные, формально-динамические характеристики (пол, темперамент, задатки способностей, асимметрия полушарий головного мозга). На *втором уровне* характеризуются предметно-содержательные качества (черты, типы личности, способности, стилевые характеристики поведения). На *третьем уровне* присутствуют духовно-мировоззренческие характеристики (направленность личности, ценности, убеждения, взгляды, установки) [12].

Проблема индивидуальности изучается нами в контексте психологии личности в информационном пространстве. Знакомство с отечественной и зарубежной литературой показывает, что большое количество публикаций ориентировано на изучение влияния на человека пространства Интернета. В зарубежной психологии следует отметить исследования К. Брод, Д. Верч, Д. Магнуссон, Ш. Текл, К. Янг и др. [18, 19, 21, 22, 23, 24]. В отечественной психологии психологические аспекты освоения человеком информационного пространства рассматриваются в работах О. Н. Арестовой, Ю. Д. Бабаевой, Л. Н. Бабанина, Е. П. Белинской, А. Е. Войскунского, Л. П. Гурьевой, А. Е. Жичкиной, Ю. М. Кузнецовой, О. К. Тихомирова, Н. В. Чудовой, И. С. Шевченко и др. [2, 3, 4, 8, 17].

Использование сетевых возможностей реализации познавательной, учебной, учебно-профессиональной деятельности, общения, развлечения делает пространство Интернета такой средой, где проявляются психологические стратегии поведения разных категорий пользователей, их личностные особенности [5, 14, 16, 20].

Проявлениями индивидуальности личности в сетевом взаимодействии являются половые, возрастные характеристики, стаж и уровень владения технологиями, степень интереса, направленность, мотивационные аспекты. Индивидуальные особенности проявляются в психологическом отношении к информационным технологиям [15, 20]. Индивидуальные характеристики реализуются в особенностях протекания сетевой активности, предпочтения тех или иных видов деятельности.

Среди разных видов сетевой активности можно выделить три основных вида деятельности: познавательную, игровую и коммуникативную [2]. Им соответствуют определенные личностные изменения:

- познавательная увлеченность в сфере программирования и телекоммуникаций, переходящая в хакерство;
- компьютерная увлеченность, в том числе играми, посредством Интернета, приводящая к игровой зависимости;
- сетевая коммуникативная увлеченность, проявляющаяся, как крайний вариант, в Интернет-аддикции.

Однако, по мнению А. Е. Жичкиной, следует выделить созидательную деятельность, или деятельность по преобразованию самого Интернета (создание веб-страниц, программирование и т. п.) [4].

В целом, сетевая активность может характеризоваться как глубоко психологически насыщенный, личностный процесс. Предъявление себя, самовыражение, переживание себя в Интернет-пространстве отличается от того, как чувствует, как представляет себя человек в реальном мире, что проявляется в феномене «виртуальной личности». Активные участники, создавая виртуальную личность, намеренно показывают одни свои черты или качества, а о других характеристиках умышленно замалчивают, намеренно скрывая определенные намерения.

Типологический подход к индивидуальности личности в условиях информационного пространства можно представить некоторыми авторскими моделями.

С. А. Смирнов выделяет типы «фигур идентичности», определяемые приоритетами сетевого существования [13]:

- *человек-чойсер* (choicer) – субъект выбора в нулевой ситуации сети-лабиринта;
- *человек-сетевик* (networker) – собирательный образ бытования в открытом информационно-коммуникативном пространстве;
- *человек-понтифик* (от лат. *pons* – «мост» и *facio* – «делать») – «наводящий мосты», творящий сети, обустроивающий переход;
- *человек-челенджер* (challenger) – принимающий вызовы и отвечающий на них в новой ситуации;
- *человек-навигатор* – проводник по сетевому лабиринту, лоцман [13].

В. Фриндте и Т. Келером предлагается типология пользователей в соответствии с личной значимостью или значимостью принадлежности к социальной группе:

- включенность в виртуальную коммуникацию, в персональную идентичность, или «любители», т. е. такие пользователи, которые интересуются Интернетом с позиции возможности общения, но они не включают в свою идентичность принадлежность к тому или иному сетевому сообществу;
- включенность в Интернет-коммуникацию, представленная в социальной идентичности, или «хакеры». У таких участников сетевой коммуникации

идентичность включает характеристики, отражающие принадлежность к продвинутым пользователям;

- включенность в виртуальную коммуникацию, которая никакого влияния на идентичность не оказывает, или «прагматики». Они пользуются Интернетом только по необходимости [4].

И. С. Шевченко предлагает типологию пользователей Интернета, исходя из особенностей вариативности самопрезентации:

- пользователи, не обладающие подвижностью, вариативностью самопрезентации в Интернет-общении;
- пользователи, обладающие вариативностью самопрезентаций и проявляющие ее в актуальном общении;
- пользователи, потенциально обладающие вариативностью самопрезентаций как возможной стратегией поведения в Интернет-общении, но актуально не проявляющие ее [17].

Целью настоящего исследования стало выявление личностно-типологических особенностей студентов с разными стратегиями сетевой активности, описание образа Я личности, предпочитающей определенное поведение в Интернет-взаимодействии.

Методика

В исследовании приняли участие студенты московских вузов разных направлений профессиональной подготовки (гуманитарное и инженерно-техническое). Объем выборки составил 260 человек. Средний возраст выборки 20,5 лет. Психодиагностический комплекс составили следующие методики: анкета на изучение целей и предпочтений в использовании информационных технологий (Н. Л. Сунгурова), опросник поведения в Интернете (А. Е. Жичкина), методика личностного дифференциала, пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае, П. Коста («Большая пятерка») в адаптации А. Б. Хромова.

Результаты

По целям использования сети ответы студентов распределились следующим образом. Поисковая активность широко представлена в ответах 63 % респондентов. Интерес к коммуникации посредством сетевых ресурсов указывают 32 % студентов. Предпочитают реальное общение 36 % студентов, а 20 % отмечают для себя виртуальное общение как более комфортное. 44 % не высказали определенного предпочтения в отношении виртуального или реального общения. Около 5 % опрошенных отметили организационную и творческую деятельность (создание сайтов, сопровождение проектов).

По характеру вовлеченности и степени Интернет-взаимодействия определились три типа сетевой активности студентов по А. Е. Жичкиной [4].

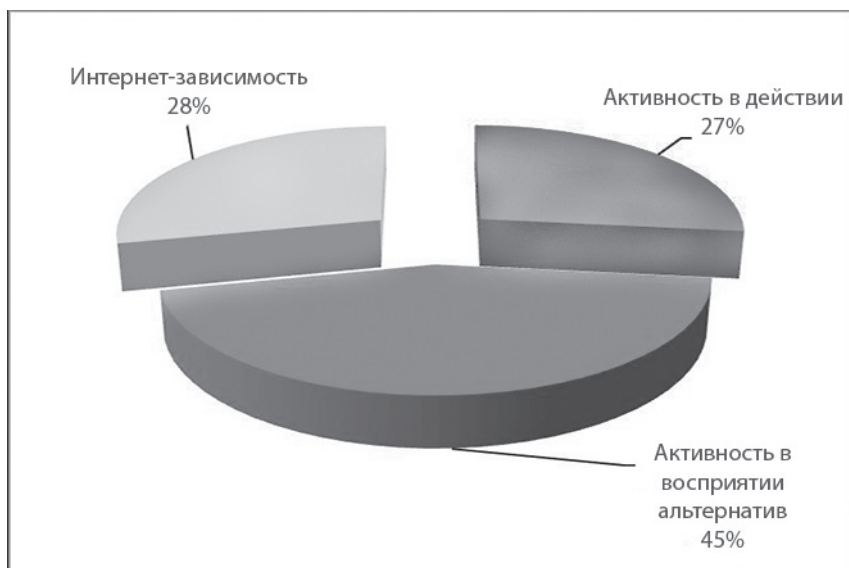

Рисунок 1. Стратегии сетевой активности

«Активность в восприятии альтернатив» характерна для 45 % студентов. «Активность в восприятии альтернатив» как стратегия сетевого поведения связана с особенностью идентичности участников. Низкие показатели активности в восприятии альтернатив свидетельствуют о значимом стремлении реализовать идеальное Я в Интернете, высокие – о стремлении к самореализации в реальной жизни. Но еще не менее важным для таких пользователей является желание испытать некий новый опыт, который трудно или невозможно испытать в реальном общении.

«Активность в действии» как психологическая стратегия сетевого поведения связана с осуществлением определенных действий, действий в принятии решений – выявилась у 27 % обучающихся.

Склонность к Интернет-зависимости, выражающуюся в постоянном навязчивом стремлении выйти в Интернет, в потере субъективного контроля над его использованием показали 28 % опрошенных.

Соотношение шкал по средним рангам распределилось следующим образом: «активность в восприятии альтернатив» (2,51) преобладает в поведении у респондентов над «активностью в действии» (1,71) и «Интернет-зависимостью» (1,78). Математическая обработка данных в SPSS 13.0 с помощью критерия Фридмана выявила статистически значимые различия ($\chi_r^2 = 118.811$; $p = 0$).

При этом наблюдаются некоторые тенденции, представленные на рисунке 2. Во-первых, имеется преобладание «активности в восприятии альтернатив» для гуманитарного направления, но статистически достоверных различий не выявлено. Во-вторых, по всем стратегиям сетевой активности показатели выше также у студентов гуманитарного направления. Применение критерия Манна–Уитни показало статистически значимые различия: по шкале «Активность в действии» ($U = 7125$; $p = 0,027$), по шкале «Активность в восприятии альтернатив» ($U = 6415$; $p = 0,001$), по шкале «Интернет-зависимость» ($U = 6651$; $p = 0,003$). Представляется, что студенты гуманитарного направления (историки, социологи, психологи) в большей мере направлены на сетевое взаимодействие по сравнению с респондентами инженерно-технических специальностей, для которых Интернет-ресурсы менее привлекательны по сравнению со специальным программным обеспечением, используемым в учебно-профессиональной деятельности.

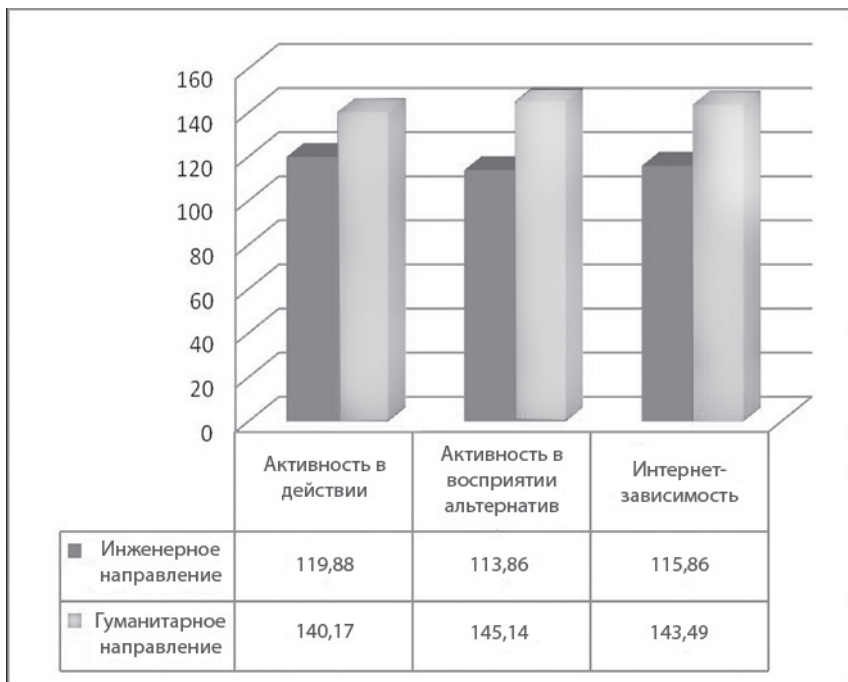

Рисунок 2. Распределение средних рангов стратегии сетевой активности по направлениям подготовки

В дальнейшей работе использовалась методика личностного дифференциала, которая позволила получить информацию о субъективных аспектах отношений испытуемого к себе, составить обобщенный образ Я.

Для 70 % студентов, предпочитающих стратегию «активность в восприятии альтернатив», в большей мере характерно доминирование низких значений фактора силы. Для описания личностных особенностей этих студентов применимы следующие суждения: неспособность держаться выбранной линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств, недостаточный самоконтроль.

Для 58 % респондентов – «активных в действии» – доминирующим является фактор активности (низкие значения). Студенты, у которых в поведении преобладает данная стратегия, отличаются экстравертированностью, определенной активностью, спокойными эмоциональными реакциями. Но для данной стратегии активности характерен и фактор силы с низкими значениями у 52 % студентов, что может говорить о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств.

У студентов, склонных к Интернет-зависимости, низкие значения имеют фактор активности и фактор оценки, что свидетельствует о неудовлетворенности своим поведением, уровнем достижений, критическом отношении к себе, недостаточном уровне принятия себя, а также указывает на выраженные интровертированные реакции обследуемых, их пассивность и пессимизм.

С позиции качественного анализа положительных и отрицательных характеристик имеем следующее.

Студенты, предпочитающие стратегию «активность в восприятии альтернатив», в основном оценивают себя положительно. Отрицательные характеристики имеют место в категориях: «безответственный», «упрямый», «зависимый».

Большинство респондентов, выбирающих стратегию «активности в действии» в качестве основной, также оценивают себя с позиции положительных качеств: «обаятельный», «добрый», «деятельный», «справедливый», «уверенный», «общительный». К отрицательному качеству была отнесена характеристика «упрямый». А вот по шкале «независимый – зависимый» дала зону неопределенности.

Студенты, проявляющие склонность к Интернет-зависимости, в целом тоже оценивают себя с позиции положительных качеств, однако отрицательные оценки встречаются чаще по сравнению с двумя другими группами. Так, студенты в большинстве оценивают себя с отрицательной стороны по шкалам: «безответственный», «упрямый», «зависимый», «раздражительный».

Распределение результатов исследования по основным факторам «Большой пятерки» для всей выборки в целом можно видеть на рисунке 3.

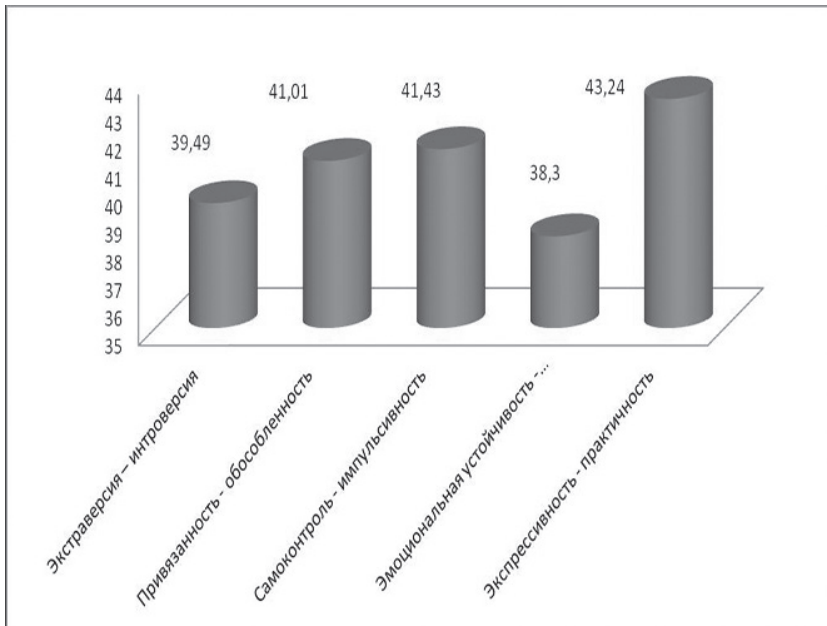

Рисунок 3. Средние показатели по основным факторам «Большой пятерки»

Для студенческой аудитории свойственны низкие показатели по первому фактору «Экстраверсия – интроверсия» (39,49) и четвертому фактору «Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» (38,3), что свидетельствует о преобладании интроверсии и эмоциональной неустойчивости как свойств личности данной группы. Средние показатели характерны для второго фактора «Привязанность – обособленность» (41,01), третьего фактора «Самоконтроль – импульсивность» (41,43) и пятого фактора «Экспрессивность – практичность», что говорит о направленности на взаимодействие с другими, о склонности к волевому поведению и вместе с тем о легкости в восприятии жизненных проблем и интересе к разным сторонам жизнедеятельности. Математическая обработка данных с помощью критерия Фридмана выявила статистически значимые различия ($\chi^2 = 71.77$; $p = 0$).

Корреляционный анализ результатов исследования стратегий сетевой активности и основных факторов студентов с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал следующие достоверные взаимосвязи (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Корреляционные связи стратегий сетевой активности с основными личностными факторами (N = 260)

Факторы	Стратегии сетевой активности		
	<i>Активность в действии</i>	<i>Активность в восприятии альтернатив</i>	<i>Интернет-зависимость</i>
Экстраверсия – интроверсия		0,126 * p = 0,041	
Привязанность – обособленность			-0,128 * p = 0,039
Самоконтроль – импульсивность			-0,220 * p = 0,0

Положительная взаимосвязь стратегии «Активность в восприятии альтернатив» с фактором «Экстраверсия – интроверсия» показывает, что чем больше выражено стремление реализовать идеальное Я в Интернете, тем характернее интровертированное поведение в этой среде, следование своим интересам, неактивное общение с другими участниками взаимодействия. Стратегия «Интернет-зависимость» имеет отрицательные взаимосвязи с факторами «Привязанность – обособленность» и «Самоконтроль – импульсивность». Студенты, проявляющие склонность к Интернет-зависимости, демонстрируют более независимое, самодостаточное, обособленное, беспечное поведение, без перспектив на будущее.

Обсуждение результатов

Для сетевых участников с высокими показателями «активности в восприятии альтернатив», с одной стороны, характерно то, что стремление реализовать идеальное Я в Интернете не является единственным регулятором их поведения; с другой стороны, они проявляют желание испытать некий новый опыт, который они не могут испытать в реальном общении. «Активность в восприятии альтернатив» проявляется в интересе читать чужие сообщения, просматривать сайты, порталы разного информационного содержания, выражать оценочное отношение к фото- или видеоматериалу.

Стратегия «Активность в действии» связана с характеристикой самокатегоризации. Высокие значения по данному виду активности говорят о слабой выраженности социально-ролевой составляющей в идентичности

пользователя. В сети респонденты с данной выраженной стратегией знакомятся первыми, предлагают свою тему для обсуждения, обычно выходят в сеть, нечетко представляя свой личный статус.

Особенностями идентичности пользователей, склонных к Интернет-зависимости, являются стремление избавиться от требований социального окружения и потребность в эмоциональной поддержке [5].

Обобщенные профили основных типов сетевой активности с позиции особенностей личности студентов можно представить следующим образом.

«Активность в действии» связана с такими особенностями студентов, как самопринятие, экстраверсия, общительность. Пользователи, выбирающие в качестве стратегии поведения в Интернете активность в действии, отличаются позитивным отношением к себе, принятием своих хороших и плохих качеств, положительной оценкой своего прошлого, высокой социальной активностью и яркой выраженностью проявления чувств, тенденцией самоутверждения и активной самореализации, эгоцентризмом.

«Активность в восприятии альтернатив» связана с такими особенностями, как интроверсия, ригидность, достаточно высокий уровень нейротизма. Это студенты с богатой интрапсихической активностью, выраженной изменчивостью настроения, чертами демонстративности. Для них характерны неспособность держаться выбранной линии поведения, зависимость от внешних обстоятельств, недостаточный самоконтроль.

Образ Я студента, склонного к Интернет-зависимости, можно представить следующим образом. Личность, которая критически относится к себе, скорее интроверт, чем экстраверт, с высоким уровнем нейротизма, неудовлетворенный собой (отсюда зависимость от внешних оценок и обстоятельств), нерешительный, задумчивый, тревожный, обособленный. Склонность к Интернет-зависимости связана с такими особенностями, как агрессивность, спонтанность, эмоциональная неустойчивость. Среди пользователей, склонных к Интернет-зависимости, наблюдаются низкая социальная активность и низкая выраженность проявления чувств, непринятие своих хороших и плохих качеств, низкая тенденция самоутверждения и активной самореализации.

Заключение

Сетевое пространство, по сравнению с реальным социальным окружением, представляет современной молодежной аудитории разные возможности для проявления индивидуально-личностных особенностей, создает условия вариативности самопрезентации, активности. Оно выступает уже как информационно-психологическое пространство, в котором наиболее рельефно проявляется влияние личностных детерминант на стратегии поведения.

Литература

1. *Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во Института практической психологии. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
2. *Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смылова О. В.* Интернет: воздействие на личность. Психология зависимости: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2004. – 592 с.
3. *Белинская Е. П.* Психология Интернет-коммуникации: учебное пособие. – М.: Изд-во МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. – 192 с.
4. *Жичкина А. Е.* Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2001.
5. *Иващенко А. В., Карабущенко Н. Б., Сунгурова Н. Л., Пилишвили Т. С., Чхиквадзе Т. В., Хворова Е. М.* Личностные особенности студентов в сетевом взаимодействии // Humanitarian Bulletin SU "Pereyaslav-Khmel'nitsky Pedagogical University by N. Skovoroda" – 2015. – Supplement 1 to V. 36, V. VI (66). – С. 588–598.
6. *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности // Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М., 1982. – С. 74–77.
7. *Костюк Т. В.* Проблема индивидуальных особенностей личности и различные варианты ее решения в психологии // Психология и школа. – 2004. – № 3. – С. 3–23.
8. *Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Психология жителей Интернета. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 224 с.
9. *Мерлин В. С.* Психология индивидуальности / Под ред. Е. А. Климова. – М.: Изд-во Института практической психологии. – Воронеж: ВПО «МОДЭК», 1996. – 448 с.
10. *Мироненко И. А.* Современные теории в психологии личности. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2003. – 224 с.
11. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Изд-во РАН, 1997. – 576 с.
12. Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под науч. ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. – М.: Изд-во НОУ ВПО МПСИ, 2009. – 384 с.
13. *Смирнов С. А.* Человек перехода // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. – 2003. – № 32. – С. 29–36.
14. *Сунгурова Н. Л.* Виртуальная самопрезентация личности: гендерный аспект // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы: монография / Под общ. ред. Н. Б. Карабущенко, Н. Л. Сунгу-

- ровой. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 316–329.
15. *Сунгурова Н. Л.* Индивидуально-личностные особенности студентов в информационно-психологическом пространстве. – М.: Изд-во РУДН, 2014. – 170 с.
 16. *Сунгурова Н. Л.* Личностно-типологические особенности студентов в компьютерно-опосредованной коммуникации // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире. Сборник научных трудов участников II Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 294–299.
 17. *Шевченко И. С.* Исследование самопрезентации личности в Интернет-общении: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2003.
 18. *Graff M.* Individual differences in hypertext browsing strategies // Behaviour & Information technology. – 2005. – V. 24. – pp. 93–99.
 19. *Holland N.* The Internet regression // URL: www.rider.edu/users/suler/psycyber/holland.html
 20. *Sungurova N., Karabuschenko N.* Psychological Features of the Interaction of Students in Information Educational Space // EUROPEAN HUMANITIES STUDIES: State and Society / EUROPEJSKIE STUDIA HUMANISTYCZNE: Państwo i Społeczeństwo. – 2014–2015. – no. 1. – pp. 170–180.
 21. *Temple L., Lips H. M.* Gender differences in Internet usage and task preferences // Behavior & Information Technology. – 2000. – V. 19. – pp. 283–295.
 22. *Turkle Sh.* Constructions and Reconstructions of the Self in Virtual Reality // Massachusetts Institute of Technology. Identity workshop // URL: <http://www.pscw.uva.nl/sociosite/psyberspace.html>
 23. *Turkle Sh.* The Second Self: Computers and Human Spirit. – N. Y.: Simon and Schuster, 1984.
 24. *Young Kimberly S.* Caught in the Net. How to Recognize the signs of Internet Addiction And a Winning strategy for Recovery // URL: http://www.netaddiction.com/infidelity_online.htm

УДК 159.9.07

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ИСКУССТВА С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПРОДУКТИВНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ

**Карпова Виктория Викторовна
Дикая Людмила Александровна**

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 2141

В статье рассматривается вопрос о связи творческого воображения с психологическими характеристиками специалистов сферы искусства. В статье описаны методика и процедура проведения эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения. В исследовании приняли участие 240 человек: специалисты сферы искусства (художники, актеры), специалисты, не работающие в сфере искусства. Процедура исследования включала определение уровня продуктивности творческого воображения и психологическое тестирование.

При определении уровня продуктивности творческого воображения применялась экспертная оценка художественных произведений, выполненных испытуемыми в технике монотипии. В результате все участники исследования были разделены на высоко- и низкопродуктивных в рамках своей профессиональной группы. Для психологического тестирования использованы: личностный опросник FPI, опросник волевого самоконтроля А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана, тест Е. Торренса «Выбор стороны», субтест Е. Торренса «Неоконченные фигуры», метод парных сравнений В. В. Скворцова. Статистическая обработка проводилась методом сравнительного анализа данных с помощью параметрического t-критерия Стьюдента. Использован пакет компьютерных программ Statistica 13.0.

На основе анализа полученных данных выявлены индивидуально-психологические особенности, характерные для специалистов сферы искусства – художников и актеров – с высоким уровнем продуктивности творческого воображения. Представители сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, независимо от специальности, характеризуются высоким уровнем невротичности, раздражительности, эмоциональной лабильности. Художников с высоким уровнем продуктивности

творческого воображения отличают выраженная застенчивость, депрессия и интровертированность, низкий уровень волевой саморегуляции. У них доминируют правополушарный и совмещенный типы мышления; уровень невербальной креативности – высокий, особенно выражен показатель «разработанности»; основные потребности – в самореализации и в уважении. У актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения достоверно выше показатель уравновешенности; доминирующий тип мышления – смешанный; уровень невербальной креативности – средний; наиболее выражена потребность в самореализации.

Ключевые слова: художники, актеры, сфера искусства, творческое воображение, монотипия, волевая регуляция, тип мышления, креативность, продуктивность, потребности.

Введение

Творчество – неотъемлемая часть жизни человека, предполагающая мобилизацию всех его ресурсов, знаний, умений, всего жизненного опыта. Характер творческого процесса во многом обусловлен особенностями вида искусства – поэзии, живописи, музыки. Однако, при всех специфических особенностях разных видов искусства, источником творческого процесса, первичным его импульсом является художественный образ, создание которого связывается с воображением. В научном представлении воображение традиционно рассматривается как психический процесс создания новых образов путем переработки материала восприятий и представлений. При этом представление образа по его описанию определяется как воссоздающее воображение, а создание новых, оригинальных образов – как творческое [11, 15].

В современной психологии представлено немало работ, направленных на изучение нейрофизиологических коррелятов когнитивных процессов, в том числе процесса воображения [4, 6, 7, 16, 17, 20]. Вопрос о способе создания нового образа является одним из самых актуальных и требующих объяснения. А. А. Мелик-Пашаев рассматривает художественное воображение как способность реализовать направленность человека на преобразование впечатлений, порождаемых эстетическим отношением к жизни, в выразительных чувственно воспринимаемых образах [8].

В научной литературе показана роль психических свойств личности, способствующих реализации творческих способностей, определяющих творческий потенциал и свидетельствующих о предрасположенности личности к деятельности в сфере искусства [1, 2]. Среди индивидуально-психологических особенностей деятеля сферы искусства исследователи выделяют: эмоциональность, способность к сопереживанию, спонтанность, независимость, внутреннюю свободу, способность к саморегуляции [13, 18].

Так же, как и общая одаренность, художественная одаренность является системным качеством психики, в основе которой лежат не отдельные специальные способности, а интенсивность интеграционных процессов «внутри» субъекта, вовлекающих его личностную сферу [2]. Личность как системообразующий фактор одаренности может определять продуктивность творческого воображения – ключевого феномена художественной одаренности [3]. Поэтому представляет интерес исследование индивидуально-психологических особенностей специалистов сферы искусства с разным уровнем продуктивности творческого воображения.

Методика проведения исследования

Цель исследования – изучение индивидуально-психологических особенностей специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения. В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения: 1) для специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения могут быть выявлены как общие, так и специфичные в зависимости от сферы их профессиональной деятельности психологические характеристики; 2) различия в степени выраженности психологических характеристик у представителей разных профессиональных групп могут быть обусловлены уровнем продуктивности творческого воображения.

В исследовании приняли участие 240 праворуких испытуемых в возрасте от 23 до 27 лет мужского и женского пола, выразивших добровольное желание. Все участники исследования в соответствии со своей профессиональной принадлежностью были разделены на три группы: художники – 80 человек; актеры – 74 человека; специалисты, не работающие в сфере искусства – 84 человека. Специалисты сферы искусства имели высшее или среднее специальное образование и опыт работы в своей профессиональной деятельности не менее трех лет.

Процедура эмпирического исследования включала: определение уровня продуктивности творческого воображения; психологическое тестирование. Определение уровня продуктивности творческого воображения проводилось на основе экспертной оценки художественных произведений, выполненных испытуемыми в технике монотипии. Монотипия – особая художественная форма в изобразительном искусстве, которая считается эффективным средством к формированию художественного образа [9]. Работа испытуемых с монотипиями включала: 1) создание на основе одной из 10 предложенных монотипий художественного образа, его мысленную композиционную проработку, выбор изобразительного материала для его исполнения; 2) материализацию задуманного художественного образа на листе бумаги с выбранной «монотипией».

Уровень продуктивности творческого воображения участников исследования определялся в соответствии с результатами экспертной оценки художественных произведений, созданных испытуемыми в процессе работы с монотипиями [5]. Состав экспертной комиссии включал пять профессиональных художников-преподавателей, которые в течение длительного периода времени (не менее 15 лет) являются постоянными членами жюри региональных и всероссийских конкурсов, принимают участие в составе приемной комиссии при отборе кандидатов в средние общеобразовательные учреждения г. Ростова-на-Дону, специализирующиеся на углубленной подготовке по предметам художественного цикла: живописи, графики, дизайна, архитектуры.

Критерии для определения уровня продуктивности творческого воображения выделялись, исходя из представлений о том, что процесс творческого воображения проявляется в способности создавать выразительный художественный образ и применять адекватные средства того или иного вида искусства при его реализации [8, 9]. Таким образом, экспертный анализ работ участников включал два уровня оценки и проводился по следующим критериям:

1. Способ создания художественного образа в монотипии: использование монотипии как фигуры образа (1 балл), частичное использование монотипии как фигуры образа (2 балла), использование монотипии как фона для идейно-смыслового развития образа (3 балла).

2. Выразительность раскрытия художественного образа в общей композиции: 1) степень разработанности и законченности композиции (1–3 баллов); 2) техническое качество изображения: композиционная упорядоченность, светотеневые отношения, цветовые соотношения, динамические характеристики (направленность линий, чувство ритма) (1–4 баллов).

Для создания равных условий в определении уровня продуктивности творческого воображения на основе оценки художественных произведений у художников и у участников, не имеющих опыта работы с изобразительным материалом, оценка проводилась отдельно для представителей каждой профессиональной группы.

Совместно с членами экспертной комиссии для каждой профессиональной группы были определены ключевые критерии оценки уровня продуктивности художественных произведений. Для специалистов, не работающих в сфере искусства, ключевыми критериями являлись полное или частичное использование монотипии в качестве фигуры образа, а также степень разработанности и законченности композиции. Высокопродуктивными участниками считались испытуемые, получившие по суммированию баллов данных признаков от 4 баллов. Для актеров, профессиональная деятельность

которых связана с процессом формирования художественных образов, ключевым критерием продуктивности являлся способ создания художественного образа и степень разработанности и законченности композиции. Высокопродуктивными участниками считались испытуемые, использующие монотипию в качестве фона для идейно-смыслового развития образа и имеющие не менее 2 баллов в разработанности композиции. Для художников, профессиональная деятельность которых связана не только с процессом формирования художественных образов, но и с техническими возможностями воплощения задуманного на бумаге, оценка продуктивности работ затрагивала все представленные выше критерии. Высокопродуктивными участниками считались испытуемые, использующие монотипию в качестве фона для идейно-смыслового развития образа и раскрывшие с помощью технических приемов замысел целостной композиции – по суммированию баллов данных признаков от 8 баллов.

В результате экспертной оценки продуктов творческого воображения все участники в рамках своей профессиональной группы были разделены на высоко- и низкопродуктивных: **группу художников** составили 50 высокопродуктивных и 30 низкопродуктивных участников; **группу актеров** – 45 высоко- и 29 низкопродуктивных; **группу специалистов, не работающих в сфере искусства** – 49 высоко- и 37 низкопродуктивных участников.

Процедура психологического тестирования включала следующие методики: для выявления основных свойств личности был использован Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI; для определения уровня волевой регуляции – опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана; для выявления доминирующего типа мышления – тест Е. Торренса «Выбор стороны»; для определения уровня невербальной креативности – субтест Е. Торренса «Неоконченные фигуры»; для определения степени удовлетворенности основных потребностей – метод парных сравнений В. В. Скворцова. Статистическая обработка данных проводилась на основе сравнительного анализа данных с помощью параметрического t-критерия Стьюдента. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 13.0.

Результаты исследования

1. В результате проведенного сравнительного анализа данных Фрайбургского многофакторного личностного опросника FPI выявлены психологические характеристики, отличающие специалистов сферы искусства – художников и актеров – с низким и с высоким уровнями продуктивности творческого воображения. Для всех художников характерны: высокий уровень эмоциональной лабильности, низкий уровень уравновешенности, а также

выраженная интровертированность. У художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, в отличие от художников с ее низким уровнем, достоверно выше усредненные показатели невротичности (высокий уровень) ($p \leq 0,01$), раздражительности (высокий уровень) ($p \leq 0,01$), застенчивости (высокий уровень) ($p \leq 0,05$), спонтанной агрессии (средний уровень) ($p \leq 0,01$), реактивной агрессии (средний уровень) ($p \leq 0,01$), депрессии (средний уровень) ($p \leq 0,01$).

У актеров с высоким уровнем продуктивности достоверно выше, чем у актеров с ее низким уровнем, показатели (см. рисунок 1): раздражительности (высокий уровень) ($p \leq 0,01$), невротичности (средний уровень) ($p \leq 0,01$), спонтанной агрессии (средний уровень) ($p \leq 0,01$), реактивной агрессии (средний уровень) ($p \leq 0,01$), уравновешенности (средний уровень) ($p \leq 0,05$), эмоциональной лабильности (высокий уровень) ($p \leq 0,01$).

Рисунок 1. Усредненный личностный профиль представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: ● отмечены достоверные различия между соответствующими показателями у специалистов разных профессиональных групп ($p \leq 0,05$).

Результаты сравнительного анализа данных опросника FPI специалистов разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности с помощью *t*-критерия Стьюдента показали, что у специалистов сферы искусства достоверно выше, чем у специалистов, не работающих в сфере искусства, средние значения показателей раздражительности ($p \leq 0,01$) и эмоциональной лабильности ($p \leq 0,01$). Достоверно выше усредненный показатель невротичности ($p \leq 0,01$) в группе художников в сравнении с двумя другими профессиональными группами, однако в группе актеров значения невротичности ($p \leq 0,01$) также достоверно выше, чем у специалистов, не работающих в сфере искусства.

Сравнивая между собой группы художников и актеров, следует отметить, что у художников достоверно выше усредненные показатели депрессии ($p \leq 0,01$) и застенчивости ($p \leq 0,01$); у актеров достоверно выше значения уравновешенности ($p \leq 0,05$) (рисунок 1).

2. В результате сравнительного анализа данных, полученных в ходе изучения уровня развития волевой саморегуляции испытуемых, выявлено, что у художников с высоким уровнем продуктивности, в отличие от группы художников с низким уровнем продуктивности, достоверно ниже средние значения показателей общей волевой регуляции (низкий уровень) ($p \leq 0,01$), настойчивости (низкий уровень) ($p \leq 0,01$) и саморегуляции (низкий уровень) ($p \leq 0,01$). У актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, в отличие от группы актеров с низким уровнем продуктивности, достоверно ниже усредненные показатели общей волевой регуляции (средний уровень) ($p \leq 0,01$), настойчивости (средний уровень) ($p \leq 0,01$).

Результаты сравнительного анализа специалистов разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения с помощью *t*-критерия Стьюдента показали, что у художников средние значения показателей волевой регуляции ($p \leq 0,01$), настойчивости ($p \leq 0,01$) и самообладания ($p \leq 0,01$) достоверно ниже, чем у представителей двух других исследуемых групп (рисунок 2).

Таким образом, у специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, особенно у художников, обнаруживается невысокая рефлексивность, но при этом повышенные чувствительность, гибкость, изобретательность. У специалистов, не работающих в сфере искусства, с высоким уровнем продуктивности выявлены устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство долга, высокий уровень рационального контроля.

3. Анализ распределения доминирующих типов мышления среди художников с низким уровнем продуктивности творческого воображения показал равномерность распределения всех типов мышления: правополушарный

тип мышления – 27 % (8 чел.); совмещенный тип – 23 % (7 чел.); смешанный тип – 33 % (10 чел.); левополушарный тип – 17 % (5 чел.).

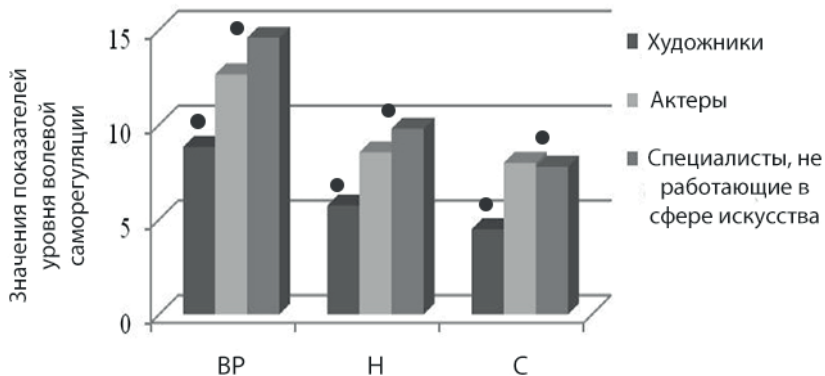

Рисунок 2. Усредненные значения показателей уровня волевой саморегуляции представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: ВР – общий уровень волевой регуляции, Н – настойчивость, С – самообладание; ● отмечены достоверные различия между соответствующими показателями у специалистов разных профессиональных групп ($p \leq 0,01$).

Среди художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения выявлено, что 52 % (26 чел.) представителей группы характеризуется совмещенным типом мышления, у 40 % (20 чел.) обнаружен правополушарный тип мышления, незначительное количество художников – 8 % (4 чел.) имеют смешанный тип мышления.

Анализ распределения доминирующих типов мышления среди актеров с низким уровнем продуктивности творческого воображения показал, что 38 % (11 чел.) имеют смешанный тип, 28 % (8 чел.) – совмещенный, 24 % (7 чел.) – левосторонний и 10 % (3 чел.) – правосторонний тип мышления.

Среди актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения выявлено, что 49 % (22 чел.) представителей группы характеризуется смешанным типом мышления, 24 % (11 чел.) имеют правосторонний, 27 % (12 чел.) – совмещенный тип мышления.

Обобщая результаты распределения доминирующих типов мышления

у представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, можно отметить, что доминирующий правополушарный тип мышления выявлен во всех исследуемых группах, но в разном процентном соотношении: у 40 % художников, у 24 % актеров и у 10 % специалистов, не работающих в сфере искусства. Доминирующий левополушарный тип мышления характерен только для специалистов, не работающих в сфере искусства – 30 %, у художников – 52 %, у специалистов, не работающих в сфере искусства – 55 %; у актеров данный тип представлен у 27 % испытуемых. Смешанный тип преимущественно выражен в группе актеров – 49 %, однако у небольшого процента художников (8 %) и специалистов, не работающих в сфере искусства (5 %) этот тип мышления также выражен (рисунок 3).

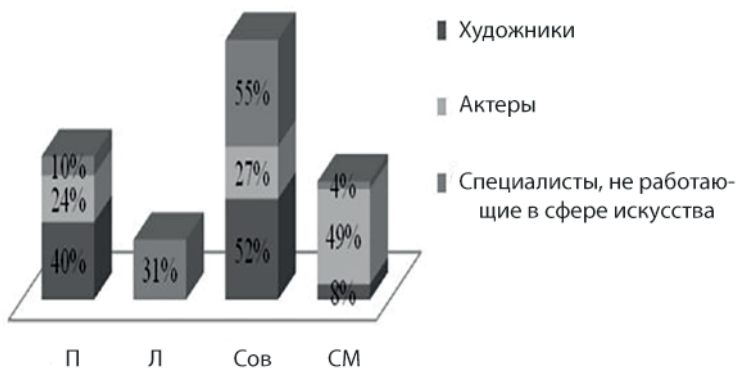

Рисунок 3. Распределение доминирующих типов мышления среди представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения

4. Характер распределения уровня невербальной креативности у специалистов сферы искусства в зависимости от уровня продуктивности творческого воображения имеет следующие особенности. У большинства художников с низким уровнем продуктивности творческого воображения выявлен средний уровень невербальной креативности – 90 % (27 чел.), небольшой процент участников данной группы имеют уровень креативности выше среднего – 10 % (3 чел.). Среди художников с высоким уровнем продуктивности творческого

воображения 50 % выборки (25 чел.) имеют высокий уровень креативности, 34 % (17 чел.) – средний уровень, и у 16 % (8 чел.) – выше среднего.

Половина представителей группы актеров с низким (62 %, 18 чел.) и с высоким (51 %, 23 чел.) уровнями продуктивности творческого воображения имеют средний уровень креативности. Остальные актеры с низким уровнем продуктивности имеют низкий (24 %, 7 чел.) и ниже среднего (14 %, 4 чел.) уровни креативности, а актеры с высоким уровнем продуктивности творческого воображения характеризуются высоким (24 %, 11 чел.) и выше среднего (24 %, 11 чел.) уровнями креативности.

Обобщая результаты распределения уровней невербальной креативности среди специалистов разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, следует подчеркнуть, что низкий и ниже среднего уровни креативности наблюдаются только у специалистов, не работающих в сфере искусства, а средний, выше среднего и высокий уровни креативности в разном процентном соотношении выявлены у представителей всех исследуемых групп (рисунок 4).

Рисунок 4. Распределение уровня невербальной креативности среди представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: Н – уровень креативности низкий; НС – уровень креативности ниже среднего; С – уровень креативности средний; ВС – уровень креативности выше среднего; В – уровень креативности высокий.

Однако для того, чтобы на основании данного теста судить о влиянии уровня креативности специалистов разных профессиональных групп на продуктивность творческого воображения, недостаточно рассмотреть количественные особенности распределения общего уровня креативности. Важно учитывать, что в тесте оценка общего уровня креативности производится через сумму ее отдельных показателей: оригинальности, разработанности, абстрактности названия, – которые могут иметь разное соотношение в разных профессиональных группах и влиять на способ подготовки к процессу творческого воображения [14].

В результате сравнения показателей креативности у испытуемых разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения выявлено, что у специалистов сферы искусства, в отличие от специалистов, не работающих в этой сфере, достоверно выше среднее значение показателя «разработанность» ($p \leq 0,01$). При сравнении групп специалистов сферы искусства между собой достоверно выше значения показателя «разработанность» у художников ($p \leq 0,01$), тогда как значения показателя «абстрактность названия» достоверно выше у актеров ($p \leq 0,01$). Достоверных отличий в значениях показателя «оригинальность» у специалистов разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения не обнаружено (рисунок 5).

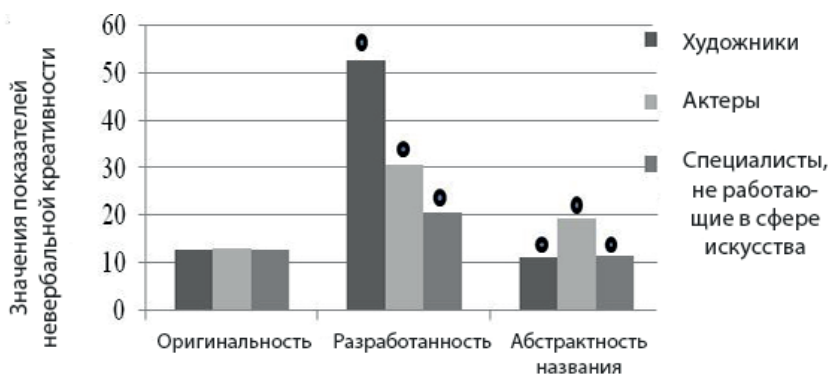

Рисунок 5. Усредненные значения показателей невербальной креативности среди представителей разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: ● отмечены достоверные различия между соответствующими показателями у специалистов разных профессиональных групп ($p \leq 0,01$).

Таким образом, обнаруженные различия в значениях показателей креативности могут свидетельствовать о различных восприятии и интерпретации заданной инструкции «дорисовать незаконченные фигуры и придумать название к каждому рисунку» специалистами разных профессиональных групп. Для специалистов, не работающих в сфере искусства, при выполнении теста важными представляются оригинальность придуманного изображения, его неповторимость и уникальность. Для специалистов сферы искусства значимой является передача основной концепции общей композиции, дорисованная фигура является здесь лишь частью художественного замысла. В связи со спецификой профессиональной деятельности актеры передают идею задуманного с помощью названия и имеют достоверно более высокие, по сравнению с художниками, значения показателя «абстрактность названия», тогда как художники используют для этого изобразительные средства и имеют более высокие, по сравнению с актерами, значения показателя «разработанность».

5. В результате анализа распределения доминирующих потребностей среди специалистов сферы искусства с разным уровнем продуктивности творческого воображения было выявлено, что у художников с низким уровнем продуктивности доминируют потребность в уважении – 40 % (12 чел.), потребность в самореализации и материальные потребности – 20 % (6 чел.). Незначительное количество художников 10 % (3 чел.) испытывают потребность в безопасности и установлении межличностных связей.

Основные потребности художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения составляют: потребность в самореализации – 50 % (25 чел.), потребность в уважении – 24 % (12 чел.). У меньшего количества представителей данной группы выражены потребность в межличностных контактах и материальные потребности – 18 % (9 чел.), а также потребность в безопасности – 8 % (4 чел.) (рисунок 6).

У актеров с низким уровнем продуктивности доминируют потребность в уважении – 48 % (14 чел.), потребность в самореализации – 52 % (15 чел.), в материальном обеспечении жизни – 38 % (11 чел.). Небольшой процент участников исследования (10 %, 3 чел.) среди неудовлетворенных потребностей отмечают потребность в межличностных связях (рисунок 7).

У большинства актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения доминирует потребность в самореализации – 62 % (28 чел.). И лишь небольшое количество представителей групп среди неудовлетворенных потребностей отмечает потребность в уважении – 13 % (6 чел.), в межличностных связях – 11 % (5 чел.), в материальном обеспечении жизни – 11 % (5 чел.) (рисунок 7).

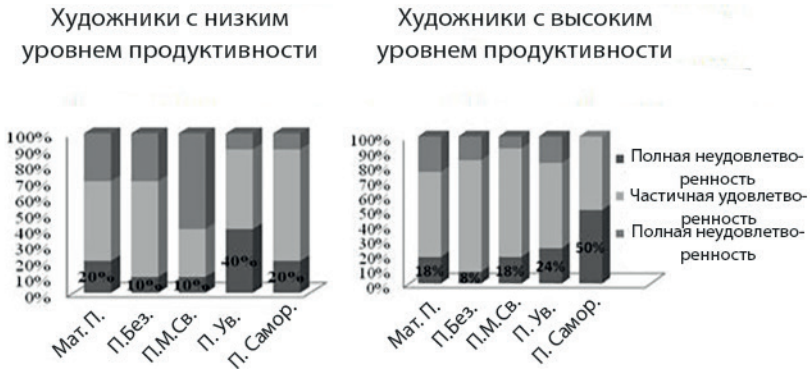

Рисунок 6. Распределение основных потребностей среди художников с разным уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: Мат.П – материальные потребности; П.Без. – потребность в безопасности; П.М.Св. – потребность в межличностных связях; П.Ув. – потребность в уважении; П.Самор. – потребность в самореализации.

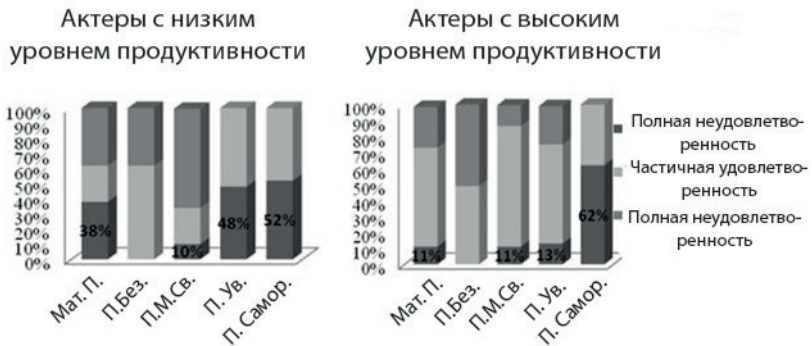

Рисунок 7. Распределение основных потребностей среди актеров с разным уровнем продуктивности творческого воображения

Условные обозначения: Мат.П – материальные потребности; П.Без. – потребность в безопасности; П.М.Св. – потребность в межличностных связях; П.Ув. – потребность в уважении; П.Самор. – потребность в самореализации.

Обобщая полученные результаты распределения основных потребностей среди испытуемых разных профессиональных групп с высоким уровнем продуктивности творческого воображения, следует отметить, что у большинства специалистов сферы искусства доминирует потребность в самореализации. У большинства специалистов, не работающих в сфере искусства (59 %, 29 чел.), а также у четверти художников выраженной является потребность в уважении, признании.

Полученные в данном исследовании результаты соотносятся с данными других авторов. Так, G. J. Feist отмечает у представителей сферы искусства большую эмоциональность, нестабильность, асоциальность [18]. Н. В. Рождественская, А. В. Толшина среди особенностей художественной одаренности выделяют чувствительность к незначительным изменениям во внешней среде, эмоциональную возбудимость [13]. Это согласуется с полученными в нашем исследовании данными о высоком уровне невротичности, раздражительности, эмоциональной лабильности у специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения.

Специфические особенности личности художника показаны Е. В. Павловой в их направленности на свой внутренний мир [10]. В нашем исследовании у художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения также выявлены такие психологические характеристики, как погруженность в собственные переживания, отгороженность. Среди особенностей личности актера В. С. Собкин отмечает параметры эмоциональной неустойчивости, чувствительности к социальным воздействиям, впечатлительности, сопереживания с одновременным возрастанием показателей непринужденности поведения (раскованности) [19]. В нашем исследовании у актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения также обнаружены такие психологические характеристики, как стабильность, раскованность, удовлетворенность собой.

Выявленный в нашем исследовании сниженный уровень волевой саморегуляции у художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения согласуется с данными Н. В. Рождественской, где высокий уровень рефлексии может сковывать подсознательную работу творческих сил, блокировать воображение с позиций скептического ума [12]. Нарушения общей регуляции и воли отмечены Д. Б. Богоявленской при изучении одаренных детей с дисгармоничным типом развития. Для одаренных детей характерна такая личностная особенность, как перфекционизм, проявляющаяся в повышенных требованиях к себе и влекущая за собой стрессы и переживания [3]. Стремление художников к самораскрытию было показано Н. В. Рождественской, что связано со стремлением воздействовать на людей, заражать их своим видением мира. Художник зависим от восприятия

его трудов другими людьми, их суждений о его творчестве [12]. Вероятно, именно с этим фактом связано обнаруженное нами у художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения сочетание потребностей в уважении и самореализации.

На основе результатов исследования сделаны следующие **выводы**:

1. Изучены индивидуально-психологические особенности специалистов сферы искусства, а также художников и актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения.

2. Специалистов сферы искусства с высоким уровнем продуктивности творческого воображения достоверно отличает от других участников исследования большая эмоциональность, склонность к аффективному реагированию, высокая тревожность, повышенная возбудимость.

3. Для художников с высоким уровнем продуктивности творческого воображения характерны погруженность в собственные переживания, отгороженность, повышенная чувствительность, гибкость, изобретательность. Большинству представителей этой группы художников присущи правополушарный и совмещенный типы мышления, высокий уровень невербальной креативности, где выражен показатель «разработанности». Потребность в самореализации и потребность в уважении выражены в наибольшей степени.

4. Для актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения характерны стабильность, раскованность, удовлетворенность собой. Среди представителей этой группы актеров доминирует смешанный тип мышления. У большинства актеров с высоким уровнем продуктивности творческого воображения выявлен средний уровень невербальной креативности, где выражен показатель «абстрактность названия». Потребность в самореализации проявлена в наибольшей степени.

Практическим применением полученных результатов может стать создание образовательных программ подготовки специалистов сферы искусства, основанных на гармоничном сочетании развития продуктивного творческого воображения с учетом индивидуально-психологических особенностей личности и формирования технических навыков и умений.

Литература

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Кара Ж. Ю., Москаленко А. Е.* Социальная реклама для детей. – М.: КРЕДО, 2015. – 84 с.
2. *Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е.* Одаренность: природа и диагностика. – М.: АНО «ЦНПРО», 2013. – 208 с.
3. *Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е.* Особенности развития личности с гармоничным и дисгармоничным типами одаренности // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 11–21.

4. *Дикая Л. А., Дикий И. С.* Творческий мозг: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. – 218 с.
5. *Дикая Л. А., Карпова В. В.* Влияние профессиональной художественной подготовки на особенности формирования функциональных связей коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности // *Российский психологический журнал*. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 80–91.
6. *Дикий И. С.* Особенности функциональной организации коры головного мозга у одаренных учащихся различных возрастных групп при выполнении когнитивной деятельности // *Естественно-научный подход в современной психологии* / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. – М.: Изд-во ИП РАН, 2014. – С. 260–265.
7. *Карпова В. В., Дикая Л. А.* Электрофизиологические показатели образной творческой деятельности у художников // *Северо-Кавказский психологический вестник*. – 2015. – № 13/2. – С. 29–34.
8. *Мелик-Пашаев А. А., Новлянская З. Н., Адаскина А. А., Чубук Н. Ф.* Психология одаренности: художественная одаренность. – М.: Изд-во МИОО, 2005. – 128 с.
9. *Новикова Н. А.* Творческое воображение как перспектива развития личности // *Педагогика искусства*. – 2007. – № 1. – С. 10–17.
10. *Павлова Е. В.* Психологические и художественные особенности картины мира у студентов-художников и студентов других специальностей // *Молодой ученый*. – 2014. – № 2. – С. 689–693.
11. *Петухов В. В.* Воображение и познание // *Модели мира*. – М., 1997. – С. 27–35.
12. *Рождественская Н. В.* Творческая одаренность и свойства личности (экспериментальное исследование актерской одаренности) // *Психология процессов художественного творчества*. – Л.: Наука, 1980. – С. 57–67.
13. *Рождественская Н. В., Толшин А. В.* Креативность: пути развития и тренинги. – СПб.: Речь, 2006. – С. 320.
14. *Туник Е. Е.* Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. – СПб.: Речь, 2006. – С. 121–158.
15. *Шрагина Л. И.* Проблема психологической природы воображения // *Вісник Одеського Національного Університету*. – 2010. – Т. 15. – № 11. – Ч. 2. Психологія. – С. 156–164.
16. *Babenko V., Yavna D.* Participation of the hemispheres in detection of 1st- and 2nd-order visual stimuli // *International Journal of Psychology*. – 2012. – V. 47. – P. 145.
17. *Dikiy I. S., Dikaya L. A., Karpova V. V.* Inter- and intrahemispheric functional organization of brain cortex in artists during creative process // *Inter-*

- national Journal of Psychophysiology. – 2014. – V. 94. – Issue 2. – P. 161.
doi:10.1016/j.ijpsycho.2014.08.706
18. *Feist G. J.* Affect in artistic and scientific creativity // *Affect, creative experience and psychological adjustment.* – Philadelphia: Taylor & Francis, 1999. – pp. 93–108.
 19. *Sobkin V. S. et al.* Specific Features of Personality Changes Among Theatre College Students During the First Year. – 2014. – 12. – pp. 2099–2109.
 20. *Vorobyeva E., Talalaeva L., Pomazkova N. et al.* Age Dynamics of Verbal Creativity at Pupils of Multidisciplinary Institution of Additional Education // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* – 2014. – V. 146. – pp. 483–486.
doi:10.1016/j.sbspro.2014.08.159

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ВРАЧЕЙ В СВЯЗИ СО СМЫСЛООБРАЗУЮЩИМИ МОТИВАМИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Обухова Юлия Владимировна
Обухова Светлана Георгиевна**

Статья посвящена изучению когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого компонентов Я-концепции, а также смыслообразующих мотивов профессиональной деятельности врачей. Приводится обзор современных психологических исследований, посвященных данной проблеме, а также представлены результаты исследования, проведенного в медицинских центрах г. Ростова-на-Дону.

В ходе теоретического обзора показана специфика когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов Я-концепции медицинского персонала в процессе профессиональной подготовки в вузе, а также на протяжении всего профессионального пути субъекта врачебной деятельности. Описаны предпочтения исследователей в выборе эмпирического объекта. В большинстве работ в качестве объекта исследования выбирались студенты-медики, студенты-провизоры, реже – работающий контингент (медсестры, врачи). Новизна исследования заключается в изучении особенностей всех трех компонентов Я-концепции в связи со смыслообразующими мотивами профессиональной деятельности врачей медицинских центров. По результатам исследования были установлены различия у врачей – мужчин и женщин в выраженности значимо предпочитаемых категорий, отраженных в их Я-концепции. У мужчин-врачей значимо предпочитаемой категорией является «Способности», а у женщин-врачей – «Личностные качества». Для врачей, принимавших участие в исследовании, характерны гармоничная Я-концепция, видение себя в разных связях и отношениях действительности, субъектность самоотношения. В зависимости от половой дифференциации врачей различается структурированность компонентов Я-концепции. У мужчин-врачей высокая структурированность когнитивного, умеренная – эмоционально-оценочного и низкая – поведенческого компонентов их Я-концепции. У женщин-врачей умеренная структурированность когнитивного, высокая – эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов их Я-концепции.

В зависимости от половой дифференциации врачей различен характер взаимосвязи между когнитивным и эмоционально-оценочным компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами получения денег.

Только у врачей-мужчин выявлена взаимосвязь между эмоционально-оценочным компонентом Я-концепции и смыслообразующими мотивами взаимоотношения в коллективе. Как у мужчин, так и у женщин выявлены особенности Я-концепции и смыслообразующих мотивов профессиональной деятельности, требующие психокоррекционных мероприятий.

Ключевые слова: Я-концепция, компоненты, когнитивный компонент, эмоционально-оценочный компонент, поведенческий компонент, смыслообразующие мотивы, профессиональная деятельность, деньги, коллектив, врачи.

Введение

Качественное медицинское обслуживание населения всегда являлось и будет являться актуальной проблемой в любой стране мира. Эта проблема обсуждается не только в рамках каждого отдельного государства, но все больше приобретает международный характер. Проникновение в сферу медицинского обслуживания передовых технологий, широкое использование новейшей техники, а также применение эффективных принципов управления настоятельно требуют учета личностных факторов как в процессе профессиональной подготовки, так и на протяжении всего профессионального пути субъекта врачебной деятельности. Именно врач, руководствуясь уникальным багажом своих профессиональных навыков, умений, знаний, личностных качеств и стратегий, является ведущим звеном процесса лечения. Для эффективного выполнения своих профессиональных функций врач должен обладать не только квалификацией и опытом, но и определенными личностными особенностями (гармоничной Я-концепцией, субъектностью самоотношения, видением себя в разных связях и отношениях действительности, хорошо развитым социальным и эмоциональным видами интеллекта, эмпатией, стрессоустойчивостью и др.), а также осознавать смыслообразующие мотивы своей профессиональной деятельности.

В современной литературе чаще всего рассматриваются следующие измерения Я-концепции медицинского персонала: Я-социальное, Я-физическое, Я-деятельное, Я-перспективное, Я-материальное, Я-ситуативное, Я-рефлексивное, Я-коммуникативное и Я-проблемное в структуре идентичности студента-медика [19]; преобладание Я-будущего, высокая частота встречаемости характеристик Я-деятельностного и низкая – Я-физического в структуре идентичности студентов-медиков [2]; изменение образа «Я сам как врач» за время обучения в вузе [5]; формирование Я-успешного студентов-медиков в результате психолого-педагогического сопровождения [18]; характер взаимосвязи между чертами, отраженными в Я-реальном, Я-будущем, Я-прошлом, Я-отраженном и Я-представляемом, и видами интеллекта

у студентов-медиков [15, 16]; Я-физическое у врачей и студентов стоматологического профиля [3]; Я-врач-педагог – образ собственного Я, включающий Я-реальное, Я-социальное, Я-идеальное [23]; высокий уровень развития Я-зеркального у медсестер [1]; структура Я-актуального и Я-ретроспективного врача-хирурга как субъекта профессиональной деятельности [12, 14]; Я-идеальное и Я-реальное врача – как обобщенный и сложившийся образ субъекта управленческого труда [24, 25, 26]; профессиональное самосознание клинического психолога [11]. На основе личностно-ориентированного подхода происходит формирование способности к рефлексии студентов-медиков [4, 17].

Специфика эмоционально-оценочного компонента Я-концепции медицинского персонала выражается в следующих эмпирических закономерностях: акушеры и патологоанатомы имеют наиболее высокие показатели по методике самооценки С. А. Будасси, нежели чем врачи других специальностей [21]. На основе различных инновационных подходов происходит формирование самоотношения и оценок других [6], обеспечение и поддержка развития процессов самопознания, самостроительства и самореализации личности [4], положительное оценивание себя в целом как средство позитивной Я-концепции [9]; с возрастом у студентов-провизоров снижаются самопринятие и самоуважение [18], изменяются самооценки профессиональной теоретической и практической компетентности [5]; для медсестер характерны самоуверенность, высокое самоотношение, ощущение силы и отчетливости переживания своего Я [1].

Поведенческий компонент Я-концепции изучается в следующих направлениях: на основе интегративно-модульного, личностно-деятельностного, личностно-ориентированного и компетентностного подходов развиваются самостоятельность [6], готовность к волевым усилиям ради возможности достигнуть значимой для себя цели [4]; с возрастом у студентов-провизоров снижаются волевой самоконтроль, настойчивость и самообладание [18].

Таким образом, в большинстве работ анализировались взаимодифференциальные прямые и обратные связи между Я-реальным и Я-идеальным, реже описывались специфические измерения Я-концепции, такие как: Я-успешное, Я в образе профессии, Я-сам как врач, Я-врач-педагог, Я-социальное, Я-физическое, Я-деятельное, Я-перспективное, Я-материальное, Я-ситуативное, Я-рефлексивное, Я-коммуникативное и Я-проблемное. Имеет место изучение связей опосредования и декларируемых связей детерминации между каждым из компонентов Я-концепции. Внимание исследователей чаще всего уделялось изучению эмоционально-оценочного и когнитивного компонентов Я-концепции, содержание которых обуславливают особенности ее поведенческого компонента. Исследователи при изучении когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов Я-концепции фиксировали свое

внимание на исследовании педагогических механизмов, которые должны оказывать влияние на эти компоненты. В большинстве работ в качестве объекта исследования выбирались студенты-медики, студенты-провизоры, реже – работающий контингент (медсестры, врачи).

Исследование различных аспектов феномена мотивации будущих врачей осуществляется в контексте определения особенностей их учебной мотивации (В. И. Мешков, В. И. Шкуркин и др.), потребностно-мотивационной сферы (Н. Н. Демиденко, И. В. Коровина и др.), профессиональной направленности (Н. Ю. Есенкова и др.), потребностно-мотивационных компонентов коммуникативной направленности (С. А. Сомова), мотивов выбора врачебной деятельности (В. М. Зайцева) [7, 8, 12, 20]. В большинстве работ в качестве объекта исследования выступали студенты-медики.

В статье рассматриваются следующие смыслообразующие мотивы профессиональной деятельности по результирующей и процессуальной ориентации: преобразовательный, коммуникативный, утилитарно-прагматический, кооперативный, конкурентный и мотив достижения [10].

Предметом исследования выступили особенности Я-концепции и смыслообразующие мотивы профессиональной деятельности. **Цель исследования:** изучить особенности Я-концепции и смыслообразующие мотивы получения денег и взаимодействия в коллективе. **Эмпирический объект:** в исследовании приняли участие 60 мужчин и женщин – врачей в возрасте от 26 до 42 лет со стажем работы от 3 лет до 15 лет, работающих в медицинских центрах г. Ростова-на-Дону.

Методы и методики исследования

В исследовании использовались следующие **методы:** психологическое тестирование, контент-анализ самоописаний, статистическая обработка результатов (определение коэффициента ранговой корреляции Спирмена, критерия Вилкоксона, Манна–Уитни, Фридмана). **Методики исследования:** тест-опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантлеева, тест-опросник исследования волевой саморегуляции А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана, свободные самоописания «Я...», методика «Словарь» И. Г. Кокуриной.

В результате контент-анализа самоописаний были выделены следующие категории: «**Способности**», «**Воля**», «**Интеллект**», «**Личностные качества**», «**Карьера**», «**Семья**». Показателем выраженности категории выступала относительная частота их встречаемости в самоописаниях [16].

Результаты

Обратимся к анализу особенностей Я-концепции врачей – мужчин и женщин. В таблице 1 представлены значимо предпочитаемые категории

в самоописаниях врачей. Как видно из таблицы, Я-концепция врачей – мужчин и женщин является генерализованной по содержанию, т. к. в текстах самоописаний все подкатегории употребляются без значимых предпочтений какой-либо из них. Для врачей характерен субъектный способ самоотношения, который позволяет им видеть себя как активное начало, осознавать свои сильные стороны личности, верить в себя и свои силы.

Таблица 1.

Суммы рангов значимости частоты употребления категорий в самоописаниях врачей (кр. Фридмана при $p < 0,05$)

	<i>Переменные</i>	<i>Average Rank</i>	<i>Sum of Ranks</i>
Мужчины	Способности	4,564	88,5
	Воля	3,666	84,0
	Личностные качества	3,578	62,5
	Карьера	2,796	60,5
	Семья	2,325	40,0
	Интеллект	1,118	34,0
Женщины	Личностные качества	6,233	100,0
	Карьера	4,894	96,0
	Способности	3,545	77,5
	Воля	3,226	65,5
	Семья	2,862	51,0
	Интеллект	2,356	49,0

У мужчин-врачей значимо предпочитаемой является категория «Способности». Такие мужчины стремятся описать свои способности, навыки и умения, которые позволяют им наилучшим образом самореализоваться в разных сферах жизнедеятельности. У женщин-врачей значимо предпочитаемой является категория «Личностные качества». Такие женщины стремятся описать только свои сильные стороны личности, подчеркнув свою общительность, спокойствие, выдержку, высокую адаптированность.

Таким образом, в зависимости от половой дифференциации врачей различаются значимо предпочитаемые категории, отраженные в их Я-концепции.

Определим структурированность компонентов Я-концепции. У мужчин-врачей выявлена *высокая структурированность когнитивного компонента их Я-концепции*. У мужчин имеет место высокая выраженность категории «Способности», отраженной в их Я-концепции, и низкая выраженность

категории «Семья» ($r = -0,699$ при $p \leq 0,01$). Мужчины, осознающие свои навыки и умения, недостаточно хорошо осознают свои семейные роли. У мужчин имеет место высокая выраженность категории «Карьера», отраженной в их Я-концепции, и высокая выраженность категории «Способности» ($r = 0,788$ при $p \leq 0,01$). Мужчины, стремящиеся к самореализации в карьере, склонны описывать свои умения и навыки, которые благоприятно сказываются на решении ими профессиональных задач. У мужчин имеет место высокая выраженность категории «Воля», отраженной в их Я-концепции, и высокая выраженность категории «Интеллект» ($r = 0,799$ при $p \leq 0,01$). Мужчины, осознающие свои волевые качества, демонстрируют окружающим свои интеллектуальные особенности (эрудицию, профессиональную компетентность, аналитические способности, креативность и др.). У мужчин-врачей выявлена *умеренная структурированность эмоционально-оценочного компонента их Я-концепции*. Мужчины с высоким уровнем самоотношения гордятся своими заслугами, действуют больше на основе собственных убеждений и ценностей, чем на основе социальных норм или группового давления ($r = 0,855$ при $p \leq 0,01$). Мужчины, высоко оценивающие свои качества, руководствуются при принятии решения только своими интересами ($r = -0,766$ при $p \leq 0,01$). Мужчины, стремящиеся к познанию своего внутреннего мира, не склонны к самобичеванию и принижению своих заслуг ($r = -0,846$ при $p \leq 0,01$). Мужчины-врачи нуждаются в оценке результатов своей деятельности окружающими ($r = 0,903$ при $p \leq 0,01$). У мужчин-врачей выявлена *низкая структурированность поведенческого компонента их Я-концепции*, т. к. не обнаружены корреляционные связи между показателями поведенческого компонента Я-концепции.

У женщин-врачей выявлена *умеренная структурированность когнитивного компонента их Я-концепции*. Высокая представленность категории «Карьера», отраженной в Я-концепции, сопровождается высокой представленностью категории «Личностные качества» ($r = 0,834$ при $p \leq 0,01$). Женщины, ориентированные на построение карьеры, в самоописаниях чаще стремятся показать профессионально важные качества (активность, коммуникабельность, харизматичность, доброжелательность и др.). Высокая представленность категории «Семья», отраженной в Я-концепции, сопровождается низкой представленностью категории «Воля» ($r = -0,650$ при $p \leq 0,01$). Женщины, для которых приоритетным направлением является семья, не стремятся демонстрировать окружающим свои волевые качества. У женщин-врачей выявлена *высокая структурированность эмоционально-оценочного компонента Я-концепции*. Женщинам с высоким уровнем самоотношения нравится размышлять о своих достоинствах, выделять себя из массы других людей, они уверены в себе и своих силах ($r = 0,707$ при $p \leq 0,01$).

Женщины, высоко оценивающие себя, нуждаются в оценке своих результатов окружающими, не стремятся скорректировать свои личностные качества ($r = 0,715$ при $p \leq 0,01$). Женщины, относящиеся с симпатией к своему внутреннему миру, уверены в себе, принимают себя такими, какие они есть, не стремятся скорректировать имеющиеся качества ($r = 0,821$ при $p \leq 0,01$). Женщины, как и мужчины-врачи, нуждаются в оценке своих успехов окружающими ($r = 0,798$ при $p \leq 0,01$). Женщины, прекрасно понимающие свои чувства, эмоции, внутренний мир, стремятся получить конструктивную критику или похвалу ($r = 0,824$ при $p \leq 0,01$). У женщин-врачей выявлена *высокая структурированность поведенческого компонента их Я-концепции*. Женщины, активно стремящиеся к выполнению намеченного, владеющие собой в различных ситуациях, мобилизуют преграды на пути к цели ($r = 0,705$ при $p \leq 0,01$). Для эмоционально зрелых женщин характерно внутреннее спокойствие, уверенность в себе, которая освобождает их от страха перед неизвестностью, повышает готовность к восприятию нового, неожиданного и, как правило, сочетается со свободой взглядов, тенденцией к новаторству и радикализму ($r = 0,808$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, структурированность компонентов Я-концепции варьируется в зависимости от половой дифференциации врачей.

Рассмотрим особенности смыслообразующих мотивов у мужчин и женщин-врачей в связи с их возрастом и трудовым стажем. Мужчины по мере приобретения стажа работы рассматривают коллектив как средство получения совместного результата ($r = 0,818$ при $p \leq 0,01$). Более взрослые женщины с большим стажем работы рассматривают коллектив как средство самосовершенствования, самореализации в разных сферах жизнедеятельности ($r = 0,556$ при $p \leq 0,05$). Женщины с незначительным стажем работы рассматривают деньги как плату за трату энергии, сил при выполнении профессиональных задач ($r = -0,664$ при $p \leq 0,05$). Более молодые женщины, с незначительным стажем работы, зарабатывают деньги, чтобы быть лучше других, иметь высокий престиж, авторитет ($r = 0,543$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, специфика смыслообразующих мотивов взаимодействия в коллективе изменяется с возрастом и стажем работы врачей. В зависимости от половой дифференциации, возраста и стажа работы врачей изменяется специфика смыслообразующих мотивов получения денег.

Рассмотрим взаимосвязь между компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами получения денег у мужчин и женщин-врачей. Мужчинам, осознающим свои интеллектуальные особенности, деньги нужны для поддержания социального статуса, чтобы быть не хуже других сотрудников, которые могли бы составить им конкуренцию. Мужчины, понимающие себя, свои потребности и поступки, работают ради материального блага,

но при этом не желают отдаваться профессии в полной мере, никогда не будут жертвовать своим здоровьем ради результата.

Для женщин, не реализовавшихся в семейной сфере, деньги необходимы для активного взаимодействия с другими (общение с коллегами, средства для проведения досуга с друзьями и др.). Женщины, не осознающие свои волевые качества, воспринимают деньги как средство физических и психологических затрат. Женщинам, проявляющим интерес к себе, своим чувствам, эмоциям, понимающим свои потребности, активно стремящимся к выполнению намеченного, уважающим социальные нормы, нуждающимся в оценке со стороны других людей, важна не сама сумма зарплаты, а активное взаимодействие с окружающими. Женщины, проявляющие настойчивость для достижения желаемого результата, ориентированы на активное взаимодействие с другими, на общение в труде, на помощь другому человеку, а не на само материальное вознаграждение.

Из результатов мы видим, что у мужчин когнитивный и эмоционально-оценочный компоненты Я-концепции взаимосвязаны с конкурентным и утилитарно-прагматическим мотивами получения денег, а у женщин все компоненты Я-концепции взаимосвязаны с коммуникативным мотивом. В зависимости от половой дифференциации врачей различен характер взаимосвязи между когнитивным и эмоционально-оценочным компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами получения денег.

Рассмотрим взаимосвязь между компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами взаимодействия в коллективе у мужчин и женщин – врачей.

Мужчины, для которых приоритетом является семья, воспринимают коллектив как людей, общение с которыми требует значительных энергозатрат. Мужчины, низко оценивающие свои способности, воспринимают коллектив как необходимый элемент трудового процесса. Мужчины, осознающие свои волевые качества и ориентированные на построение карьеры, воспринимают коллектив как соперников, с которыми можно посоревноваться с целью повышения своего авторитета. Мужчины, принимающие все проявления своей личности, уверенные в своих силах, рассматривают коллектив как людей, которые выполняют общественно полезную деятельность, необходимую всему обществу в целом. Мужчины с высоким уровнем произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний, планомерно реализующие возникшие намерения, в общении с коллективом ориентируются на активное взаимодействие с другими, на общение в труде, на помощь другому человеку.

Женщины, ориентированные на построение карьеры, воспринимают коллектив как соперников, поэтому они не стремятся активно взаимодействовать с коллегами и, тем более, помогать им. Женщины, ориентированные

на развитие своих способностей и навыков, не ориентированы на активное взаимодействие в коллективе, не стремятся быть полезными коллегам. Женщины с высоким уровнем волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания при взаимодействии с коллективом ориентированы на активное взаимодействие с другими, на общение в труде, на помощь другому человеку.

Рисунок 1. Взаимосвязь между компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами трудовой деятельности (деньги) мужчин и женщин – врачей

Условные обозначения:

- значимая положительная связь;
- значимая отрицательная связь.

Рисунок 2. Взаимосвязь между компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами трудовой деятельности (коллектив) мужчин и женщин-врачей

Условные обозначения:

— значимая положительная связь;

-- значимая отрицательная связь.

Таким образом, наличие взаимосвязи между эмоционально-оценочным компонентом Я-концепции и смыслообразующими мотивами взаимоотношения в коллективе обусловлено половой дифференциацией врачей.

По результатам исследования нами составлены рекомендации, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Рекомендации врачам – мужчинам и женщинам

<i>Параметры</i>	<i>Мужчины-врачи</i>	<i>Женщины-врачи</i>
Генерализованность Я-концепции	Хороший уровень, психокоррекция не требуется	Хороший уровень, психокоррекция не требуется
Структурированность Я-концепции	Необходимы психокоррекционные мероприятия на осознание волевой саморегуляции	Необходимы психокоррекционные мероприятия на улучшение самоотношения и повышение самооценки
Мотив «Деньги»	Ориентированы на получение денег, чтобы быть не хуже других, но при этом они не будут жертвовать своим здоровьем ради получения денег. Психокоррекция не требуется	Незамужние женщины: деньги необходимы для активного взаимодействия с другими. У женщин, не осознающих свои волевые качества, воспринимающих деньги как средство физических и психологических затрат, наблюдаются симптомы профессионального выгорания. Поэтому им требуются мероприятия для профилактики профессионального выгорания
Мотив «Коллектив»	Молодые врачи (26–34 лет): рассматривают коллектив как соперников, поэтому необходимы мероприятия на командообразование, улучшение микроклимата в коллективе. Врачи 35–42 лет: психокоррекция не требуется. Врачи, имеющие семью: мероприятия для профилактики профессионального выгорания. Врачи со стажем работы 3–4 года: мероприятие для профилактики комфортности, осознания общественной полезности и нужности труда врача. Врачи-карьеристы: профилактика развития перфекционизма, улучшение микроклимата в коллективе	Опытные врачи: не желают активно взаимодействовать и поддерживать позитивные взаимоотношения с коллегами и помогать им. Можно порекомендовать проведение тренингов на сплочение коллектива и индивидуальное психологическое консультирование данных сотрудников

Выводы

1. Я-концепция врачей является генерализованной по содержанию. В зависимости от половой дифференциации врачей различаются значимо предпочитаемые категории, отраженные в их Я-концепции, а также структурированность компонентов Я-концепции.

2. В зависимости от возраста и стажа работы врачей изменяются мотивы взаимодействия в коллективе. В зависимости от половой дифференциации, возраста и стажа работы врачей изменяются смыслообразующие мотивы получения денег.

3. В зависимости от половой дифференциации врачей различен характер взаимосвязи между когнитивным и эмоционально-оценочным компонентами Я-концепции и смыслообразующими мотивами получения денег. В зависимости от половой дифференциации врачей различаются взаимосвязи между эмоционально-оценочным компонентом Я-концепции и смыслообразующими мотивами взаимоотношения в коллективе.

Литература

1. *Бастракова Е. Г.* Профессиональное становление личности медицинского работника среднего звена: на примере медицинской сестры: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Калуга, 2003. – 23 с.
2. *Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В., Морева С. А.* Профессиональная идентичность в структуре индивидуальной и социальной идентичности студентов-медиков // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 375. – С. 135–140.
3. *Гартфельдер Д. В., Николаев Е. Л.* Оценка удовлетворенности образом собственного тела у врачей и студентов стоматологического профиля // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21203>
4. *Грушевская Е. В.* Личностно-ориентированный подход в профессиональной подготовке студентов высших медицинских учебных заведений: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Ярославль, 2008. – 22 с.
5. *Денисова О. В.* Становление профессиональной идентичности студента-медика в образовательном процессе в вузе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2008. – 26 с.
6. *Деревцова С. Н.* Формирование профессиональных умений будущих провизоров в процессе изучения физики на основе межпредметной интеграции: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Калуга, 2010. – 24 с.
7. *Есенкова Н. Ю.* Взаимосвязь учебной мотивации и профессиональной направленности врача на этапе обучения в вузе: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Курск, 2010. – 27 с.

8. *Зайцева В. М.* Индивидуально-психологические особенности личности студентов и мотивы в выборе врачебной специальности: на материале медицинского вуза: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 26 с.
9. *Ковелина Т. А., Боженкина С. А.* Психологические аспекты развития профессионального самосознания будущих врачей как условие реализации компетентностного подхода в медицинском образовании // *Международный журнал экспериментального образования.* – 2012. – № 4–2. – С. 101–103.
10. *Кокурина И. Г.* Методика «Словарь» // *Психология общения: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Бодалева. – М., 2011. – С. 478.
11. *Матвеева Л. Г.* Становление профессионального самосознания клинических психологов: дисс. ... канд. психол. наук. – Челябинск, 2004. – 217 с.
12. *Мешков Н. И.* Мотивация учебной деятельности студентов: учебное пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та., 1995. – 184 с.
13. *Миροнова Т. Л.* Ретроспективный Я-образ врача-хирурга // *Вестник Бурятского университета: Сер. 10: Психология.* – 2005. – Вып. 2. – С. 33–68.
14. *Миροнова Т. Л.* Структура актуального Я-образа у врача-хирурга как субъекта профессиональной деятельности // *Вестник Бурятского государственного университета.* – Вып. 5. Психология. Социальная работа. – 2009. – С. 153–165.
15. *Обухова Ю. В.* Взаимосвязь между особенностями интеллекта и содержанием, характеристиками Я-концепции у студентов-медиков // *Вестник Череповецкого государственного университета.* – 2013. – Т. 3. – № 4 (53). – С. 129–133.
16. *Обухова Ю. В.* Особенности Я-концепции и видов интеллекта студентов социо- и несоциономического типов профессий: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2014. – 21 с.
17. *Пьянкова Г. С.* Личностная и профессиональная рефлексия. Психологический практикум. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2012. – 125 с.
18. *Репс А. Г.* Психологические условия личностного и профессионального становления специалиста в области фармации: дисс. ... канд. психол. наук. – Пятигорск, 2010. – 280 с.
19. *Румянцева Т. В.* Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях: дисс. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2005. – 219 с.
20. *Сомова И. А.* Потребностно-мотивационные характеристики профессионального общения врача общей практики: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1995. – 16 с.

21. *Сурат Л. И.* Проблемы самосознания представителей медицинских профессий // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 21. – С. 28–37.
22. *Татарников М. А.* Трудовая мотивация медицинских работников // ГлавВрач. – 2007. – № 5. – С. 46–55.
23. *Шурупова Р. В.* Концепция формирования и реализации социальной роли врача-педагога в отечественной медицине: автореф. дисс. ... докт. соц. наук. – Волгоград, 2011. – 42 с.
24. *Ясько Б. А., Казарин Б. В.* Соотношение «идеального» и «реального» образа Я врача-руководителя: психологический анализ с позиций компетентностного подхода // Человек. Общество. Управление. – 2013. – № 3. – С. 54–64.
25. *Yasko B. A., Kazarin B. V., Rimmavi M. H.* Basics of administrative competence of a doctor-head as a subject in a post graduate education system // International Journal of Experimental Education. – 2011. – no. 1. – pp. 15–17.
26. *Yasko B. A., Kazarin B. V., Rimmavi M. H.* Methods of self-management in post-graduate education of health care managers // International Journal of Experimental Education. – 2011. – no. 1. – pp. 18–20.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧИТЕЛЯ: ДЕСТРУКТИВНЫЙ АСПЕКТ

**Желдоченко Людмила Дмитриевна
Рогов Евгений Иванович**

В работе исследуются особенности изменения профессионально-личностных характеристик педагогов общеобразовательных школ и социальных приютов. В соответствии с авторской концепцией профессионализации, изменение профессионально-личностных характеристик рассматривается в пространстве, образованном тремя векторами, обозначенными как психологические особенности субъекта, особенности самой профессиональной деятельности, особенности объекта деятельности и взаимодействия с ним. Для фиксации различных поведенческих проявлений субъектов, оказывающих негативное влияние на развитие личности в профессиональной деятельности педагогов школы и педагогов социального приюта, использовались следующие стандартные методики: тест-опросник самооотношения В. В. Столина, тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева, тест «Удовлетворенность работой» В. А. Розановой, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, опросник SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолл, методика общей коммуникативной толерантности В. В. Бойко, тест на определение уровня агрессивности Басса–Дарки.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии различий в деструктивных изменениях профессионально-личностных характеристик педагогов социального приюта в сравнении с педагогами общеобразовательной школы, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности педагогов приюта, взаимодействием с психологически сложным объектом труда. Деструктивные изменения протекают по всем трем направлениям профессионализации. Психологические особенности личностно-смыслового компонента деструктивных изменений профессионального развития педагогов социального приюта характеризуются более низкими, по сравнению с педагогами общеобразовательной школы, показателями самооотношения и осмысленности жизни. Психологические особенности индивидуально-деятельностного компонента деструктивных изменений профессионального

развития педагогов приюта проявляются в демонстрации крайней неудовлетворенности своей работой, ее условиями, организацией, возможностью карьерного роста, а также финансовой составляющей, по сравнению с педагогами общеобразовательных школ.

У педагогов социальных приютов более выражен синдром эмоционального выгорания: как показали результаты проведенного исследования, они чаще прибегают к асоциальным действиям в стрессовой ситуации. Коммуникативный компонент деструктивных изменений профессионального развития педагогов социальных приютов обнаруживается в более высокой интолерантности, более выраженных агрессивных реакциях, проявляющихся преимущественно через вербальную агрессию.

Ключевые слова: *профессионализация, профессиональная деятельность, профессиональный стресс, профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, педагогическая агрессия, педагогическая деятельность, деформация личности, деформация деятельности, деформация взаимодействия.*

Введение

Исследования процесса профессионального становления личности в разных профессиях достаточно широко представлены в научной литературе. Однако особое внимание, уделяемое исследователями проблеме профессионализации педагогов, не раскрывает специфику влияния на личность их воспитательной, предметной, возрастной направленности. Практически отсутствуют работы, изучающие профессиональные изменения педагогов социальных приютов, актуальность изучения которых обоснована важностью профессиональной деятельности педагогических кадров в ходе реабилитации и адаптации детей и подростков в обществе, значимостью личности педагога в процессе коррекции личностного развития воспитанников.

Проблема усугубляется нестабильным противоречивым состоянием современной системы социального обслуживания населения. С одной стороны, предъявляются высокие требования к качеству оказываемых услуг педагогами социальных приютов, с другой – достаточно низкий социальный статус профессии, текучесть и острая нехватка квалифицированных педагогических кадров, рост числа подопечных, склонных к девиациям, асоциальному поведению, имеющих отклонения в психосоматическом здоровье. Особенностью профессиональной деятельности педагога социального приюта является интенсивное эмоциональное взаимодействие со всеми участниками педагогического процесса. Регулярные стрессогенные ситуации, в которых пребывает педагог, погружение в сущность жизненных трудностей подопечных, высокая ответственность – все это пагубно сказывается на профессиональном развитии.

В результате длительное пребывание в профессии, воздействие специфики профессиональной деятельности и влияние ее объекта искажают траекторию профессионального развития и детерминируют возникновение и развитие деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик у педагога социального приюта. В связи с этим, сложилась насущная необходимость изучить психологические особенности деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагога социального приюта, провести анализ факторов, детерминирующих возникновение и развитие деструктивных изменений в процессе профессионализации и способствующих формированию профессиональной деформации педагога социального приюта.

Обзор литературы

В современной науке учеными широко представлены теории педагогических систем, концепции профессионального становления личности (Н. В. Кузьмина, 1993; А. К. Маркова, 1994; Е. И. Рогов, 2014; В. А. Якунин, 1988, и др.) [8, 10, 11, 14]. Основательно изучены деструктивные изменения профессионально-личностных характеристик, профессиональные деформации у педагогов общеобразовательных школ. Проблема нарушения профессионализации педагога изначально не была предметом научных исследований, а подразумевалась в рамках концепций профессионального развития (Ch. Buhler, 1971; J. L. Holland, 1973; D. Super, 1980, и др.), и только позднее изучалась исследователями как часть профессионального развития личности учителя [17, 20, 22].

В дальнейшем это послужило предпосылкой для проведения комплексных исследований личностно-профессиональной деформации педагогов общеобразовательных школ (С. А. Дружилов, 2013; Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, 2005; А. К. Маркова, 1994; Е. И. Рогов, 2014, и др.) [3, 6, 10, 11].

Учеными установлено что, будучи значимой для человека, профессиональная деятельность оказывает заметное влияние на его ценностные ориентиры, смысложизненные установки, мотивы деятельности (И. В. Абакумова, 2002, 2003) [1, 15]. Изучая отрицательное воздействие профессиональной деятельности на развитие личности учителя, Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк применяют такое понятие, как «профессиональные деструкции» педагога. Исследователи тем самым расширяют представления о профессиональной деформации, присоединяя к данному понятию профессиональную отчужденность и некомпетентность, профессионально обусловленные акцентуации и выученную беспомощность. Среди наиболее распространенных профессиональных деформаций у школьных учителей ученые называют: педагогический догматизм, авторитарность, доминантность и др. (Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк, 2005) [6].

По мнению авторов, именно эмоциональная напряженность школьного труда является одним из факторов развития деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагога. Длительное напряжение может способствовать снижению психологической устойчивости человека, ослаблению его активности и в результате приводить к развитию деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик, профессиональным деформациям (Р. М. Грановская, 1994; Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, 2005) [2, 6].

Большое количество исследований искажения профессионализации школьных учителей посвящено развитию негативных эмоциональных состояний и, в частности, агрессии в деятельности (M.-L. Chang, 2009) [18]. Doherty Erin Neave показано, что агрессивный педагог не только разрушительно воздействует на психику учащихся, но и являет собой пример для подражания и закрепления ответных агрессивных реакций, обогащая их поведенческий репертуар (E. N. Doherty, 2009) [19].

Боннер Дебора Л. установлено, что желание педагога добиться доминирующей позиции по всем позициям, угнетение, отсутствие веры в способности учащихся отрицательно сказываются не только на его поведении в классе, но и на Я-концепции его учеников и даже на их успеваемости (D. L. Bonner, 2010) [16].

Т. Е. Майорова установила взаимосвязь конфликтного поведения учителя в школе с уровнем его деформации. Учителя с высоким уровнем профессиональной деформации имеют низкий уровень конфликтной компетенции, что проявляется в авторитарном и манипулятивном взаимодействии в педагогическом процессе, в соперничестве и унижении ученика в ситуации конфликта, в демонстрации подозрительности, обидчивости, недоверия и недовольства другими (Т. Е. Майорова, 2010) [9].

Рассмотрение результатов научных исследований позволяет заключить, что педагоги общеобразовательных школ по роду своей деятельности вовлечены в длительное напряженное общение с обучающимися, их родителями, коллегами, а их профессиональный труд отличает высокая эмоциональная напряженность. В связи с этим, педагогической деятельности присущи деструктивные изменения профессионально-личностных характеристик, которые приводят к нарушению процесса профессионализации, снижают эффективность профессионального труда. Несмотря на различные подходы в исследовании искажения профессионального развития, большинство ученых едины во мнении, что педагогам присущи такие деструктивные изменения, как: авторитарность, демонстративность, дидактичность, педагогическая агрессия, формализм, консерватизм и др. (Л. Д. Желдоченко, 2015; Л. Д. Желдоченко, Е. И. Рогов, 2016; А. В. Козлова, 2006; Е. I. Rogov, E. E. Rogova, 2015) [4, 5, 7, 21].

В то же время проблема профессиональных изменений, происходящих с педагогами, работающими с детьми в других типах воспитательных учреждений, в частности в социальных приютах, проработана недостаточно. Психологические аспекты исследований, в основном, посвящены изучению профессиональных качеств, умений, профессиональной компетентности социальных работников (С. А. Дружилов, 2013) [13].

Главная отличительная особенность деятельности педагогов различных воспитательных учреждений определяется особенностями детей, иначе говоря – социально-психологическими особенностями объекта труда, с которыми осуществляется педагогическое взаимодействие. Характеризуя контингент социального приюта, Н. Б. Троицкая отмечает, что каждый ребенок, попавший в приют, психологически травмирован. Для большей части детей характерны задержка психического развития, педагогическая или социальная запущенность, различного рода девиации. Они не имеют необходимого социального опыта для полноценной жизни в обществе, вместе с тем их индивидуальный опыт отягощен различными негативными привычками (Н. Б. Троицкая, 2009) [12].

В отличие от учащихся общеобразовательных школ, дети и подростки, поступающие в приют, имеют различные отклонения в развитии, в познавательной сфере проявляющиеся в педагогической запущенности, задержке речевого и психоречевого развития, недоразвитии интеллекта. Нередко у них нарушена полоролевая социализация. Как правило, воспитанниками приюта становятся дети из асоциальных, неблагополучных семей, где они приобретают негативный социальный опыт: употребление психоактивных веществ, попрошайничество, бродяжничество, воровство, проституция и т. п. Такое ближайшее социальное окружение пагубно влияет на формирование личности ребенка, искажает его представления о здоровом образе жизни и социально приемлемых способах жизнедеятельности в целом (Л. Д. Желдоченко, 2015) [4].

Педагог социального приюта несет повышенную ответственность за жизнь и здоровье воспитанников, и это обстоятельство выступает для него тяжелым психологическим грузом. Ведь помимо того, что психотравмированному ребенку нужно оказать поддержку, в том числе и психологическую, завоевать его доверие, расположить к себе с целью проведения реабилитационных мероприятий, педагог должен постоянно держать под контролем жизненную ситуацию этого воспитанника. Одновременно педагог обязан выполнять свои профессиональные обязанности и по отношению к другим воспитанникам, у которых, возможно, не менее сложные проблемы. Во время пребывания воспитанников в приюте задача всех специалистов, работающих с ними, и педагогов в первую очередь, заключается в реабилитации,

адаптации подопечных в социуме, перевоспитании детей и подростков путем вовлечения их в здоровую систему социального взаимодействия. Важная задача педагогов состоит в том, чтобы показать подопечным, что есть другая система ценностей, другая система взаимоотношений – без насилия, без агрессии (Л. Д. Желдоченко, Е. И. Рогов, 2016) [5].

Профессиональная деятельность педагога приюта связана с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок и повышенной моральной ответственностью. Это создает чрезмерное психологическое напряжение, способное привести к появлению у педагогических работников признаков эмоционального выгорания, развитие которых способствует повышению раздражительности, снижению фрустрационной толерантности, возникновению неудовлетворенности профессией, утрате перспектив профессионального роста. Эмоциональное истощение способствует потере мотивации и работоспособности, что может привести к регрессу профессиональной деятельности. Кроме того, специфика профессиональной деятельности педагога состоит в том, что она основывается на активном общении, включающем интенсивное эмоциональное взаимодействие. Учитывая вышесказанное, без сомнения можно утверждать, что педагоги социального приюта относятся к «группе риска» по вероятности возникновения и развития деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик, профессиональной деформации.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что специфику профессиональной деятельности педагога социального приюта обуславливают такие факторы, как эмоциогенная напряженность профессионального труда и интенсивное эмоциональное взаимодействие, психологически трудный объект труда, повышенная ответственность за исполняемые обязанности. С увеличением стажа работы это, вероятно, приводит к развитию деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик, профессиональной специфической деформации педагога социального приюта.

Методы и методики исследования

Согласно концепции Е. И. Рогова, личностно-профессиональное развитие педагога протекает в сложном объемном трехмерном профессиональном пространстве, образованном тремя векторами, обозначенными как психологические особенности субъекта, особенности самой профессиональной деятельности, а также третьим вектором, определяемым как специфические особенности объекта деятельности и взаимодействия с ним. Пересекаясь в пространстве, векторы, обозначенные как «личность специалиста» и «профессиональная деятельность», образуют плоскость, куда входит все многообразие вариантов индивидуальных стилей деятельности

профессионалов, оказывающих влияние на профессионально-личностные характеристики педагогов (Е. И. Рогов, 2014) [11].

Соответственно, можно утверждать, что развитие отклонений у профессионала также будет происходить в рамках данного пространства профессионализации и протекать по трем направлениям: нарушение деятельности, разрушение личности, дефекты профессионального взаимодействия. Так, деструктивные изменения личностных характеристик отражает личностно-смысловой компонент, деструктивные изменения профессиональных характеристик – индивидуально-деятельностный компонент, а деструктивные изменения профессионального взаимодействия – коммуникативный компонент.

Для изучения разнообразных личностных поведенческих проявлений, оказывающих негативное влияние на развитие личности в профессиональной деятельности педагогов школы и педагогов социального приюта, использовались следующие методики: тест-опросник самоотношения В. В. Столина, тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева для изучения личностно-смыслового компонента, тест «Удовлетворенность работой» В. А. Розановой, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, опросник SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (С. Хобфолл) для изучения индивидуально-деятельностного компонента, методика общей коммуникативной толерантности В. В. Бойко, тест на определение уровня агрессивности Басса–Дарки для изучения коммуникативного компонента. При осуществлении математической обработки использовалась компьютерная программа статистического анализа и обработки SPSS v. 21.

Экспериментальная база исследования. В исследовании приняли участие 210 респондентов, из них – 60 педагогов общеобразовательных школ г. Батайска Ростовской области и 150 педагогов социальных приютов Ростовской области. Выборка респондентов социального приюта включает 138 женщин и 12 мужчин, 73 % из них имеют высшее педагогическое образование и 27 % – среднее профессиональное педагогическое. По стажу работы выборка разделена на 3 группы по 33 % каждая – до 5 лет работы в социальном приюте, от 5 до 10 лет и более 10 лет работы. Из 60 педагогов общеобразовательных школ – 57 женщин и 3 мужчин. Высшее педагогическое образование имеют 85 % респондентов, среднее профессиональное педагогическое – 25 % обследуемых. Выборка испытуемых разделена по стажу работы на три равные группы по 33,3 %. Это педагоги со стажем до 5 лет работы, от 5 до 10 и более 10 лет работы в общеобразовательной школе. Исследовательской базой выступило Государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения Ростовской области «Центр социальной помощи семье и детям» г. Ростова-на-Дону.

Результаты и дискуссия

Изучение личностно-смыслового компонента деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагогов показало разную степень выраженности структурных компонентов самоотношения у педагогов социального приюта и общеобразовательной школы. Установлены достоверно значимые различия по трем компонентам самоотношения на уровне конкретных действий в отношении к своему Я: «самоуверенность», «самоинтерес», «самопонимание» и по шкале «самоинтерес». В ходе исследования доказано, что педагогов социальных приютов отличают более низкие показатели самоотношения.

В ходе анализа результатов исследования смысложизненных ориентаций педагогов социальных приютов и общеобразовательных школ выявлен интересный факт: в обеих группах испытуемых отмечается достаточно высокий общий уровень осмысленности жизни. Это позволяет утверждать типичность для педагогов наличия целей в будущем, которые придают их жизни разную степень осмысленности и временную перспективу.

В показателях «результативность жизни» выявлены достоверные различия, согласно которым педагоги социального приюта в большей степени ориентированы на прошлое. Прожитая часть жизни оценивается ими как наиболее продуктивная и результативная. Анализируя показатели осмысленности жизни, важно отметить, что у педагогов приюта они ниже, чем у педагогов общеобразовательной школы.

Изучение индивидуально-деятельностного компонента деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагогов позволило выявить достоверно значимые различия по таким симптомам, как: «переживание психотравмирующих обстоятельств», «неудовлетворенность собой», «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоциональный дефицит», «эмоциональная отстраненность» и «психосоматические и психовегетативные нарушения». Важно отметить, что вышеперечисленные симптомы в большей степени переживаются педагогами социальных приютов, что обусловлено спецификой их профессионального труда.

Согласно полученным данным, для педагогов социального приюта характерен более высокий уровень сформированности как отдельных симптомов, так и фаз синдрома эмоционального выгорания. У них выработан более выраженный механизм психологической защиты, чем у педагогов школ. Их отличает практически сформированный стереотип профессионального поведения, позволяющий дозировать и экономно расходовать эмоционально-энергетические ресурсы. Это приводит к формированию дисфункциональных следствий синдрома у педагогов приюта и негативно отражается на выполнении профессиональной деятельности.

Анализ результатов исследования степени удовлетворенности своей работой педагогов социальных приютов и общеобразовательных школ показал, что достоверно значимые различия выявлены в частоте встречаемости таких оценок, как «не вполне удовлетворен» и «крайне не удовлетворен» работой. Доказано, что педагоги социальных приютов чаще выражают неудовлетворенность и крайнюю неудовлетворенность своей работой, ее условиями, организацией, возможностью карьерного роста, а также финансовой составляющей, в сравнении с педагогами общеобразовательных школ.

Проведенный анализ результатов стратегий преодоления стрессовых ситуаций позволил установить достоверно значимые различия в копинг-стратегиях педагогов социальных приютов и общеобразовательных школ по следующим стратегиям: «импульсивные действия», «избегание» и «асоциальные действия». Это говорит о том, что педагогов социальных приютов отличает избегание решительных действий, уход от конфликтных ситуаций, стремление откладывать разрешение проблемных ситуаций. Важно отметить, что несмотря на преобладание в обеих исследовательских группах просоциальных моделей поведения, для педагогов социальных приютов характерна более выраженная склонность действовать по первому побуждению без предварительного анализа проблемной ситуации, они в большей степени склонны выходить за социально допустимые рамки и ограничения в стрессовых ситуациях.

Установленные различия по отдельным стратегиям поведения педагогов в стрессовых ситуациях позволили достоверно точно установить тот факт, что степень конструктивности преодолевающего поведения педагогов социального приюта, в целом, ниже, чем у педагогов общеобразовательных школ.

Исследование психологических особенностей коммуникативного компонента деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик выявило достоверно значимые различия в уровне «вербальной агрессии» и «подозрительности» педагогов. Отмечено преобладание вербальной агрессии у педагогов социальных приютов и подозрительности у педагогов общеобразовательных школ. Расчет индексов враждебности и агрессивности в группах педагогов, осуществленный на основании установленных показателей, достоверно доказывает, что для педагогов общеобразовательных школ характерна негативная позиция по отношению к участникам педагогического процесса, а педагогов социальных приютов отличает склонность к агрессивным реакциям, преимущественно вербальным, по отношению к обучающимся и коллегам.

Изучение коммуникативной толерантности испытуемых обеих групп позволяет утверждать, что педагогам социального приюта свойственна достаточно низкая терпимость к участникам педагогического процесса

в различных ситуациях. В ходе исследования установлены достоверные различия по следующим направлениям взаимодействия: «тенденция оценивать людей, используя себя в качестве эталона», «категоричность в оценках других», «способность скрывать неприятные впечатления от общения с некоммуникабельными людьми», «терпимость к дискомфортным состояниям окружающих» и «адаптационные способности». Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о более низкой коммуникативной толерантности педагогов социальных приютов, как по отдельным компонентам, так и в целом, в сравнении с педагогами общеобразовательных школ.

Далее нами было проведено исследование особенностей деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик у педагогов социального приюта с разным стажем работы по каждому структурному компоненту. Достоверно точно установлено, что стаж значимо коррелирует со всеми интегративными показателями личностно-смыслового, индивидуально-деятельностного и коммуникативного компонентов профессионально-личностных характеристик педагогов социальных приютов. Таким образом, можно заключить, что с увеличением стажа работы педагогом в социальном приюте значительно снижаются показатели самоотношения и осмысленности жизни, сужается репертуар просоциальных копинг-стратегий поведения в стрессовых ситуациях. Наряду с этим, повышается интолерантность, отмечается рост агрессивности и враждебности, усиливается степень выраженности синдрома эмоционального выгорания.

Заключение

В результате проведенного эмпирического исследования удалось достоверно точно установить тот факт, что увеличение педагогического стажа неизбежно приводит к нарушению процесса профессионализации. Детерминирующими факторами искажения профессионального становления педагога социального приюта выступают повышенная психоэмоциональная напряженность педагогической деятельности и психологически сложный объект труда.

Доказано, что деструктивные изменения профессионально-личностных характеристик педагога социального приюта развиваются по трем направлениям: нарушение деятельности, нарушение личности, нарушение профессионального взаимодействия.

Признаки деструктивных изменений деятельности отражает индивидуально-деятельностный компонент. В профессиональной деятельности это проявляется через деперсонализацию, нарушение функций самоконтроля, редукцию профессиональных обязанностей и эмоциональную отстраненность. Деструктивные изменения личности отражает личностно-смысловой

компонент, что проявляется в искажении ценностных ориентаций, нарушении целеполагания и прогнозирования, снижении или утрате позитивного самоотношения, нарушении целостности личности, ее адаптивности. Деструктивные изменения профессионального взаимодействия с объектом труда отражает коммуникативный компонент, что проявляется в профессиональной деятельности как значительное снижение толерантности к окружающим и утрата навыков конструктивного взаимодействия.

Психологические особенности деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагогов социального приюта, в сравнении с педагогами общеобразовательной школы, отражены в каждом структурном компоненте профессиональной деформации:

– на уровне личностно-смыслового компонента – более низкие показатели самоотношения и осмысленности жизни по сравнению с педагогами общеобразовательной школы;

– на уровне индивидуально-деятельностного компонента – большая неудовлетворенность и крайняя неудовлетворенность своей работой во всех ее аспектах, более выраженный синдром эмоционального выгорания в сравнении с педагогами общеобразовательных школ;

– на уровне коммуникативного компонента – высокая интолерантность и выраженность агрессивных реакций, преимущественно вербальных, в сравнении с педагогами общеобразовательной школы.

Проведенное исследование позволило более подробно изучить деструктивные изменения профессионально-личностных характеристик в педагогической профессии, исследовать психологические особенности деструктивных изменений профессионально-личностных характеристик педагогов социального приюта в сравнении с педагогами общеобразовательной школы. Полученные результаты позволили углубить и расширить научные представления о процессе профессионального развития педагога социального приюта.

Практическая значимость представленных материалов заключается в возможности их использования в работе практикующих психологов, педагогов-психологов при разработке программ психологического сопровождения профессионального развития педагогов социального приюта с целью предупреждения деструктивных процессов на разных этапах профессионализации, с целью повышения эффективности деятельности.

Литература

1. *Абакумова И. В.* Толерантность и личностный смысл как сопряженные характеристики образовательного процесса // Материалы регионального научно-практического семинара. – Ростов н/Д, 2002. – С. 98–103.

2. Грановская Р. М. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб., 1994. – 179 с.
3. Дружилов С. А. Концептуальная модель профессиональной деятельности как психологическая детерминанта профессионализма // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 29. – С. 4.
4. Желдоченко Л. Д. Психологические особенности профессиональной деформации педагога социального приюта: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2015. – 169 с.
5. Желдоченко Л. Д., Рогов Е. И. Профессиональные деформации в педагогической деятельности (на примере педагогов социального приюта). – М.: Изд-во ЮФУ, 2016. – 248 с.
6. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. – М.: Академический проект, 2005. – 240 с.
7. Козлова А. В. Психологические особенности профессиональных деформаций преподавателя высшей школы: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 120 с.
8. Кузьмина Н. В., Реан А. А. Профессионализм педагогической деятельности. – СПб., 1993. – 263 с.
9. Майорова Т. Е. Формирование конфликтной компетентности педагогов, имеющих профессиональную деформацию: дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2010. – 223 с.
10. Маркова А. К. Психология труда учителя. – М., 1994. – 308 с.
11. Рогов Е. И. Психология становления профессионализма. – Ростов н/Д: Фонд поддержки образования, 2014. – 360 с.
12. Троицкая Н. Б. Педагогическая поддержка подростков в условиях приюта: дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2009. – 174 с.
13. Фирсов М. В. Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики. – М.: Юрайт, 2013. – 419 с.
14. Якунин В. А. Обучение как процесс управления: психологические аспекты. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 160 с.
15. Abakumova I. V., Yermakov P. N. On development of a tolerant personality in multicultural education // Questions of Psychology. – 2003. – Issue 3. – pp. 78–82.
16. Bonner D. L. Do individual differences matter? Individual differences and teachers' perceptions of physical and social aggression. – Richardson: The University of Texas at Dallas Publ., 2010. – 129 p.
17. Buhler Ch. Basic Theoretical conceptions of Humanistic Psychology // American Psychol. – 1971. – V. 26. – № 4. – pp. 378–386.
18. Chang M.-L. Teacher emotion management in the classroom: Appraisal, regulation, and coping. – Columbus: The Ohio State University, 2009. – 140 p.

19. *Doherty E. N.* Self-efficacy and relational aggression: An examination of general and special education teachers: Dissertation. – San Diego: Alliant International University Publ., 2009. – 161 p.
20. *Holland J. L.* Making vocational choice // A theory of careers. – N. Y., 1973.
21. *Rogov E. I., Rogova E. E.* Professional Ideas as Factor of Attitude towards Performed Activity // Asian Social Science. – 2015. – V. 11. – no. 8. – pp. 233–242.
22. *Super D. A.* Life-span, life-space approach to career development // Journal of Vocational Behavior. – 1980. – V. 16. – pp. 282–298.

УДК 159.923

КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Черемисова (Курышева) Ирина Валерьяновна

Разработка критериев и методов оценки музыкально-творческого развития личности студента в образовательном процессе вуза имеет особую актуальность в связи с тем, что выпускник вуза должен обладать не только набором профессиональных компетенций, но и высоким уровнем общей культуры, интеллигентностью, креативностью, духовностью. Авторская позиция состоит в том, что использование формирующих потенциалов музыкального искусства в системе высшего отечественного образования отличается фрагментарностью, ситуативностью. Массовое музыкальное образование в юношеском возрасте обрывается, вопреки традициям отечественного образования дореволюционного периода развития России.

В качестве результата непрерывного массового музыкального образования личности обучающегося автор представляет вторичную музыкальную личность будущего специалиста. Теоретический анализ исследований этого направления показал, что ученые в разных областях знания подчеркивают огромные возможности музыкального искусства для формирования ценностных ориентаций молодежи, обретения смысла жизни, смысла профессиональной деятельности, для возможности творческого самовыражения, самопознания, духовного общения. В то же время, диагностика музыкального и творческого развития личности в психолого-педагогической науке остается неразрешенной проблемой, связанной со сложностью и многогранностью этих феноменов. Особенно остро эта проблема стоит для оценки эффективности программ психологического сопровождения творческого развития личности студента вуза. В статье предпринята попытка восполнить дефицит исследований в указанном направлении с позиций авторского эстетико-семиотического подхода. Для того чтобы оценить изменения, произошедшие в личности обучающегося в процессе экспериментальной работы, разработаны критерии, показатели и соответствующие им уровни развития вторичной музыкальной личности.

Ключевые слова: *высшее образование, музыкальное образование, творческое развитие, музыкальное искусство, интеллигентность, критерии, уровень музыкальности, диагностика креативности, диагностика музыкальности, музыкальная личность.*

Введение

В современной ситуации российская психолого-педагогическая наука уделяет много внимания проблемам модернизации высшего образования. Остро встают вопросы, касающиеся ценностных ориентаций молодежи, поиска смысла профессиональной подготовки на этапе высшего образования, развития субъектности обучающихся [1, 12, 22]. При этом большое значение придается формированию компетенций, позволяющих быть успешным в профессиональной деятельности [1, 22]. Имея в виду две составляющие образования – обучение и воспитание, отметим, что основные усилия по модернизации отечественного высшего образования направлены на всестороннее совершенствование обучения. Психологи и педагоги отмечают недостаточное внимание, недооценивание второй составляющей – именно воспитания будущего специалиста с высшим образованием [7, 11]. Это подразумевает не только набор сформированных компетенций будущего специалиста, но и формирование общей культуры, интеллигентности, развитие духовности личности будущего специалиста [1, 3, 5, 6, 8, 10, 11, 12].

На основе теоретического анализа психолого-педагогических исследований, а также философских научных трудов, мы можем заключить, что мощным формирующим потенциалом для социализации и инкультурации личности обладает классическое музыкальное искусство [3, 5, 13, 18]. В нашем исследовании определяется важнейшая роль массового музыкального образования и музыкального самообразования на этапе вузовского обучения для творческого, духовного развития, формирования интеллигентности будущих специалистов. Результатом музыкального образования личности обучающегося нам представляется формирование вторичной музыкальной личности будущего специалиста [3, 4, 10]. Нами разработано и обосновано понятие «вторичной музыкальной личности».

Вторичную музыкальную личность мы определяем как музыкально-творчески активного субъекта, способного к познанию, оцениванию, описанию, преобразованию окружающей действительности и собственной музыкально-творческой среды, способного использовать музыку как средство общения в процессе музыкальной деятельности. Для того чтобы оценить изменения, произошедшие в личности обучающегося в процессе экспериментальной работы, мы разработали критерии, показатели и соответствующие им уровни развития вторичной музыкальной личности.

Уровень развития свойств и способностей в психологической структуре вторичной музыкальной личности определяет уровень ее музыкально-речевой и музыкально-языковой компетентности [2], уровень развития музыкального сознания [9]. В нашем исследовании структура вторичной музыкальной личности представлена музыкально-когнитивным, мотивационным, эмоциональным,

коммуникативным, деятельностным, духовно-нравственным компонентами.

Актуальность проблемы

Анализ психолого-педагогических исследований, направленных на экспериментальное изучение развития музыкальности творческой личности студента вуза, позволил констатировать их немногочисленность [13, 14, 15]. Скорее всего, это обусловлено отсутствием специальной диагностической технологии в психолого-педагогической науке. В основном при изучении музыкально-творческого развития обучающегося экспериментаторы диагностируют отдельные музыкальные способности. Анализу подвергаются, прежде всего, результаты тестовых испытаний, которые дают представление о количественном выражении музыкальных способностей (если можно так выразиться). В то же время эти методы не позволяют представить оценку качественного своеобразия музыкальных способностей каждого испытуемого, в целом его музыкальности [2, 9, 19]. Особенно остро стоит проблема диагностики развития творческих способностей [5, 15, 16, 21, 23]. В нашем исследовании предпринята попытка разработать и апробировать диагностический комплекс, который позволил бы всесторонне изучать и оптимизировать процесс музыкально-творческого развития личности. Особенно остро эта проблема стоит в контексте модернизации высшего российского образования, поскольку можно с уверенностью заявить, что в пространстве высшего образования массовое музыкальное образование отсутствует [4, 11]. Вместе с тем, обратившись к истории отечественного образования, отметим, что в дореволюционной России массовое музыкальное образование было частью образования на любом возрастном этапе.

Методы

В комплексной диагностической методике музыкально-творческого развития личности студента представлены два направления анализа: первое – компетентность в музыкально-творческой деятельности, второе – результативность этой деятельности.

Оценивая готовность студента к музыкально-творческой деятельности, мы анализировали основные ее составляющие. В качестве таковых мы выделили когнитивную, мотивационную, операциональную, рефлексивную, духовно-нравственную готовность.

Особо отметим, что необходимо провести диагностику каждого компонента готовности к творческой деятельности. Для этого важно выявить специфику и определить уровень сформированности каждого компонента. При проведении анализа нами были определены основные критерии изучения и оценки всех компонентов готовности.

Когнитивная готовность.

В качестве *критериев оценки* мы определили следующие моменты: какой стаж музыкальной деятельности студента; каким наличным уровнем музыкального опыта он обладает; какими знаниями музыкальной грамоты, основных средств музыкальной выразительности, знаниями о композиторах и исполнителях, о музыкальных стилях и жанрах, о возможностях творческого самовыражения он владеет.

Когнитивная готовность оценивалась с помощью «Опросника креативности» Д. Джонсона в модификации Е. Туник; авторского теста «Определение уровня музыкальности» (ОУМ); собеседования; опроса; наблюдения; самооценки; контент-анализа высказываний студентов, сочинений – музыкальных впечатлений; анализа продуктов творческой деятельности.

Мотивационная готовность.

Критерии оценки: потребность в слушании музыки и занятии музыкальным творчеством; потребность в самоактуализации; отношение к классической музыке; потребность в получении новых музыкальных впечатлений; при выборе композиций для прослушивания возможность эмоциональной избирательности; желание посещать балетные и оперные спектакли, концерты классической музыки; степень мотивации на восприятие сложных музыкальных текстов; увлеченность заданиями теста, продолжительность выполнения задания; разнообразие, оригинальность решений задачи; эмоциональный настрой при выполнении заданий; эмоциональная составляющая продукта творчества (наличие или отсутствие); наличие мотивации к осознанно направленной деятельности (танцевальным движениям, пению, декламации стихов, сочинению стихотворных строк).

Мотивационную готовность студента к музыкально-творческой деятельности мы оценивали с помощью методики «Диагностика психологической структуры мотивационной сферы личности» по В. Э. Мильману; теста на определение уровня музыкальности; теста В. С. Аванесова «Измерение художественно-эстетической потребности»; теста И. М. Пейсахова «Круги»; теста на определение творческих способностей Х. Зиверта; методики «Зелёные пятна» (авторская); опросника креативности Д. Джонсона в модификации Е. Туник; собеседования; опроса; наблюдения; самооценки; психосемиотического анализа сочинений-самонаблюдений, высказываний студента.

Операционная готовность.

Критерии оценки: владение студентом навыками пения, способность простучать заданный ритм, качественные характеристики слушания музыки, способность к импровизации; владение разнообразными приемами и техниками творческого самовыражения; способность к комбинированию; умение предложить несколько вариантов решения задачи, предложить творческое

решение задачи, создать творческий продукт, отличающийся оригинальностью замысла и исполнения; владение навыками интерпретации текста, ассоциативного рисунка; соответствие субъективных образов слушателя объективному содержанию музыки; мастерство исполнения, эстетическая ценность продукта творчества; проявления таланта.

Операциональный компонент готовности к музыкально-творческой деятельности изучался тестом на определение уровня музыкальности (авторский); тестом И. М. Пейсахова «Круги»; методикой «Зелёные пятна» (авторская); тестом Х. Зиверта на определение творческих способностей; опросником креативности Д. Джонсона в модификации Е. Туник; а также с помощью наблюдения, самооценки; анализа продуктов и процесса музыкально-творческой деятельности.

Рефлексивная готовность.

Критерии оценки: уровень развития личностного смысла; способность к философским размышлениям о будущем, о смысле жизни и своем назначении в ней, о взаимоотношениях с окружающими людьми; степень обобщенности ассоциаций; анализ воспоминаний (их наличие или отсутствие); способность к самооценке качественных характеристик самооощений; уровень конформизма личности при оценке музыкальных произведений; навыки саморегуляции, способность к самодиагностике; умение представлять развернутые, детализированные, поэтичные описания.

Оценка рефлексивного компонента готовности проводилась с использованием теста М. В. Носкова в модификации Н. А. Абыденовой «Уровень духовно-нравственных ориентаций»; методики исследования самоотношения С. Р. Пантिलеева – В. В. Столина (МИС); методики Д. Крамбо и Л. Махолика в модификации Д. А. Леонтьева «Изучение смысложизненных ориентаций личности»; методики «Диагностика психологической структуры мотивационной сферы личности» по В. Э. Мильману. Сочинения-музыкальные впечатления, сочинения-самонаблюдения, размышления, высказывания студентов, продукты их творческой деятельности исследовались с помощью метода психосемантического анализа.

Важнейшим компонентом готовности к музыкально-творческой деятельности считаем ***духовно-нравственную готовность.***

Критерии оценки: духовная творческая активность личности; творческий и альтруистический характер жизнедеятельности; ориентация личности на высокие нравственные ценности; высокие духовно-нравственные переживания; интерес к внутреннему миру человека; отношение к другому человеку как самоценности; наличие в сочинениях – музыкальных впечатлениях светлых образов природы, красоты, добра, любви (к людям, к природе, Родине); оптимистичность, философская направленность

высказываний молодого человека; проявления желания слушать серьезную классическую музыку, наполненную глубоким духовно-нравственным содержанием; эстетическая ценность творческих продуктов, отражающих общечеловеческие ценности.

Духовно-нравственная готовность студента оценивалась методикой «Уровень художественного восприятия» В. А. Веденкиной; диагностической методикой Д. Крамбо и Л. Махолика в модификации Д. А. Леонтьева для изучения смысложизненных ориентаций личности; тестом М. В. Носкова в модификации Н. А. Абыденовой для исследования уровня духовно-нравственных ориентаций; тестом В. С. Аванесова для измерения художественно-эстетической потребности; методикой С. Р. Пантилеева – В. В. Столина для исследования самоотношения (МИС); с помощью психосемантического анализа сочинений студентов, их устных высказываний при обсуждении впечатлений от прослушанной музыки.

Результаты исследования

Критерии готовности к музыкально-творческой деятельности в совокупности всех ее компонентов послужили основанием для разработки уровней музыкально-творческого развития личности студента в комплексе основных показателей каждого уровня. Были определены 4 уровня музыкально-творческого развития личности: I (высший) и IV (низший) для студентов вуза. Характеристикам вторичной музыкальной личности соответствовал I уровень (высокий уровень музыкальности), далее следовали II уровень музыкальности – выше среднего, III (средний) уровень музыкальности, IV (низкий) уровень музыкальности [4]. На основе показателей этих четырех уровней проводился анализ музыкально-творческого развития студентов.

Эффективность качественного анализа уровня музыкально-творческого развития личности студента обеспечивает психосемантический анализ их сочинений [5]. Студентам предлагали написать сочинение-размышление, сочинение-самонаблюдение, сочинение – музыкальное впечатление.

Например, в исследовании уровня мотивационной готовности студентам было предложено две темы сочинения (на выбор). Первая тема – «Музыка в моей жизни». Вторая тема звучала так: «Музыка – моя жизнь». Выбор второй темы, по нашему мнению, может свидетельствовать о высшем уровне музыкально-творческого развития личности молодого человека. В контексте нашего исследования это уровень вторичной музыкальной личности.

В сочинении студентам предлагали: представить подробное и детальное описание значение музыки в их жизни; указать предпочтения в музыкальных жанрах, направлениях в музыке, музыкальных стилях; написать, почему занимаются музыкально-творческой деятельностью; указать предпочитаемые

и доступные для них виды музыкально-творческой деятельности; сообщить о владении музыкальным инструментом или инструментами. Молодые люди также могли рассказать о возможности участия в музыкально-творческом коллективе, руководстве таким коллективом. В сочинении можно было оценить и описать собственные музыкально-творческие способности, личностные качества; степень подготовленности к музыкально-творческой деятельности, успешность в этой деятельности.

Участникам музыкально-творческих коллективов предлагалось подробно рассказать о своих коллективах. Можно было указать цель участия в коллективе; охарактеризовать взаимоотношения участников творческого коллектива; описать эмоциональное состояние, преобладающее в процессе музыкально-творческой деятельности; оценить психологический климат в коллективе; представить ценности, разделяемые членами музыкально-творческого коллектива.

Студентам в сочинении также предлагали высказать свое мнение о сущности и содержании музыкального искусства, классической музыки, его роли в жизни человека.

Также молодые люди могли написать в сочинении свои представления о будущем, о карьере, семье. Поразмышлять, какую роль в своей жизни они отведут музыке, о будущем музыкального искусства в целом, о необходимости массового музыкального образования.

Эти творческие работы студентов обрабатывались методом контент-анализа. Основные характеристики психологической готовности к музыкально-творческой деятельности позволили выделить категории контент-анализа. Анализ осуществлялся с целью выявления ориентировочной основы музыкально-творческой деятельности испытуемых, особенностей их мотивации к музыкально-творческой деятельности, определения объема знаний и представлений о музыке в целом и о классической музыке в частности.

В качестве единицы анализа текста выступали предложение, фраза или абзац, которые соответствовали смыслу категории анализа. Трехуровневая шкала отражала степень выраженности категории в анализируемой части текста (единицы счета).

Диагностика мотивационной структуры личности испытуемых была также проведена с использованием более объективного инструментария, в частности методики В. Э. Мильмана.

На основе обобщения данных мотивационной готовности каждого студента определили распределение студентов всей выборки (в процентах) соответственно уровням и рассчитали средний уровневый показатель (СУП) мотивационной готовности всех испытуемых. При расчете СУП использовали методику В. А. Пономаренко, модифицированную в исследованиях В. В. Рыжова [8].

Выводы

В заключение отметим, что представленная комплексная психодиагностическая методика исследования музыкально-творческого развития личности может быть использована на этапе вузовского обучения. Данная методика разработана в рамках авторской концепции музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе на основе авторского эстетико-семиотического подхода [4]. Сравнительные результаты формирующего эксперимента, полученные с использованием описанной методики, позволяют оценить количественные и качественные изменения в степени психологической готовности студента вуза к музыкально-творческой деятельности, в целом уровень музыкально-творческого развития личности в процессе высшего образования.

Критерии и методы оценки представленной комплексной психодиагностической методики могут использоваться для оценки эффективности программ психологического сопровождения музыкально-творческого развития личности обучающегося в пространстве высшего образования, тем самым способствуя совершенствованию психолого-педагогической работы по подготовке будущих специалистов с высшим образованием.

Литература

1. *Зинченко Ю. П.* Новые возможности высшего психологического образования // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1 (3). – С. 86–89.
2. *Кирнарская Д. К.* Теоретические основы и методы оценки музыкальной одаренности: дисс. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 373 с.
3. *Курышева И. В.* Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. – Н. Новгород, 2011. – 53 с.
4. *Курышева И. В.* Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе: дисс. ... д-ра психол. наук. – Н. Новгород, 2011. – 453 с.
5. *Кыштымova И. М.* Психосемиотическая методика диагностики вербальной креативности // Психологический журнал РАН. – 2008. – Т. 29. – № 6. – С. 57–67.
6. *Пономаренко В. А.* Психология духовности профессионала. – М.: Изд-во ИПАН РАН, 2004. – 162 с.
7. *Резниченко М. Г.* Формирование воспитательного пространства вуза: критерии эффективности // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 8. – С. 32–42.
8. *Рыжов В. В.* Личность: творчество и духовность. – СПб.: Изд-во Санкт-

- Петербургского христианского университета, 2012. – 489 с.
9. *Торопова А. В.* Феномен музыкального сознания: методология исследования и развития: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 2009. – 58 с.
 10. *Торопова А. В.* Ното-musicus в зеркале музыкально-психологической и музыкально-педагогической антропологии. – М.: ГРАФ-ПРЕСС, 2008. – 288 с.
 11. *Фадеева С. А.* Преемственность в музыкально-эстетическом образовании: проблемы, пути решения // Актуальные вопросы подготовки специалиста в контексте современных преобразований: материалы всерос. науч.-практ. семинара. – Орёл, 2006. – С. 208–209.
 12. *Фигуровская В. М.* Элитарное образование: научное содержание и теоретическое обоснование проблемы // Проблемы образования. – Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 1997. – С. 9–12.
 13. *Burton J., Horowitz R., Abeles H.* Leaning In and Through the Arts. – N. Y.: Columbia University, 2008.
 14. *Ekvall G., Britz A.* Perceptions of the best and worst climates for creativity: preliminary validation evidence for Situational Outlook Questionnaire // Creativity Research Journal. – 2001. – V. 13. – no. 2. – pp. 171–184.
 15. *Eysenck H. J.* Creativity and personality: A theoretical perspective // Psychology Inquiry. – 1993. – V. 4. – pp. 147–178.
 16. *Guilford J. P.* Measurement of creativity. Exploration in creativity. – N. Y.: Mc-Gaw Hill, 1967.
 17. *James K., Asmus Ch.* Personality, cognitive skills and creativity in different life domains // Creativity Research Journal. – 2000. – V. 2. – pp. 149–159.
 18. *Kuryшева I. V.* Fundamental psychophysiology of music therapy of neurological diseases // International Journal of Psychophysiology. – 2008. – 69 (3). – P. 302.
 19. *Seashore C. E.* Psychology of Music. – N. Y.: Gemünder, 1990.
 20. *Sternberg R. J.* A three-facet model of Creativity // The nature of creativity. – Cambridge, 1998. – pp. 53–92.
 21. *Torrance E. P.* The nature of creativity as manifest in the testing // Sternberg R. The nature of creativity. – Cambridge, 1988. – pp. 43–75.
 22. *Vorobyeva E., Ermakov P.* Training of psychology students in the scientific methods of research // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – V. 191. – pp. 2699–2703.
 23. *Vorobyeva E., Talalaeva L., Pomazkova N., Sokurenko A., Samoilova N.* Age dynamics of verbal creativity at pupils of multidisciplinary institution of additional education // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – V. 146. – pp. 483–486.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ ВЕДУЩИХ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ИНТЕРНАЛЬНОСТЬЮ В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТАХ

Афанасенко Инна Владимировна

Статья посвящена изучению ведущих ценностей и их взаимосвязи с интернальностью у лиц юношеского и зрелого возрастов. Приводится обзор современных психологических исследований, посвященных данной проблеме. Эмпирическим объектом исследования выступили 80 человек, из них 40 человек в возрасте 19–24 лет – студенты разных специальностей г. Ростова-на-Дону, и 40 человек в возрасте 40–45 лет – люди с высшим образованием, представители различных профессий г. Ростова-на-Дону. В данной статье рассмотрены преобладающие терминальные ценности, особенности структуры индивидуальной религиозности и показатели интернальности в группах респондентов юношеского и зрелого возрастов.

Характерной особенностью для респондентов юношеского возраста является доминирование ценности высокого материального достатка. Преобладающими жизненными сферами, в которых представители юношества в первую очередь стремятся реализовать свои ценности, являются сферы общественной жизни и увлечений, в то время как в группе зрелых людей жизненные сферы оказались не дифференцированы, что может объясняться индивидуальным своеобразием их распределения у людей этого возраста. Характерной особенностью мужчин зрелого возраста по сравнению с юношами-студентами является большая выраженность веры в Творца, которая связана с внутренним локусом контроля.

Общий показатель интернальности у студентов связан с философским восприятием религии, развитием их религиозного самосознания, соблюдением религиозных обрядов и признанием религии как образца моральных норм. Этот же показатель (интернальность) больше выражен у тех людей зрелого возраста, которые имеют хобби и стремятся к сохранению своей индивидуальности, и связан у них с верой в Творца, а также в явления, не объясненные наукой. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования в психологическом консультировании клиентов по вопросам их ценностного и религиозного самоопределения.

Ключевые слова: терминальные ценности, ценностные ориентации, жизненные сферы, индивидуальная религиозность, вера в Творца, интернальность, экстернальность, юношество, зрелость.

Введение

В отечественной психологии ценности и ценностные ориентации определяются через понятия отношения, отражения, установки и исследуются в понятийном аспекте их определения и соотношения [2], в динамическом аспекте их проявления [9], у учащейся молодежи [1, 2, 6, 13, 17], в связи с профессиональной ориентацией [11] и выбором [10, 14]. За рубежом представлены исследования ценностей в русле персонализма [19], в их связи с политическими убеждениями людей [20, 22], в кросс-национальном аспекте [21] и др. Ценностные ориентации формируют избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, систему индивидуальных установок, убеждений, предпочтений, опосредованных личностными смыслами [3, 18].

Наиболее активно становление ценностной сферы личности происходит на этапе подростковой и юношеской социализации. Ценностно-смысловая сфера развивается у человека под влиянием социального окружения, но вместе с тем и сам человек активно формирует и конкретизирует ее содержание, принимая, изменяя или отвергая ценности и смыслы, предлагаемые обществом [2, 8, 9, 14].

В системе ценностей личности особое место занимает религиозность, которая рассматривается как одно из ключевых качеств личности и понимается в связи со смыслообразующими и мироописательными категориями [4, 13]. Обращаясь к содержательному аспекту изучения религиозности, следует отметить разнообразие феноменов, включенных в ее состав. Представления о магии, религии и науке, их соотношение в рамках фундаментальных измерений отношения любого человека к миру рассматриваются в работах Б. Малиновского [12]. Религиозные ценности определяются «как ценности, обусловленные верой в сверхъестественное и возможностями непосредственного общения с ним, направленные на осуществление высшего смысла жизни человека, не сводимого к его биологическому существованию» [5, с. 138–139].

Классификационная модель ценностей, представляющая духовные, материальные и общечеловеческие ценности и взаимосвязь между ними, предложена в работе И. В. Федосовой. В качестве одной из причин социальных противоречий отмечается то особое значение, которое придается отношению личности к собственности как ценности [15]. Так, например, для студентов экономических специальностей наиболее важна ценность

материального благосостояния [16]. Вместе с тем в научной литературе представлены результаты, отражающие высокую значимость для молодых россиян духовных ценностей [13], выраженных в том числе в стремлении получать моральное удовлетворение, удовольствие в большей степени от процесса деятельности, нежели от результата во всех сферах [1], а также высокую значимость творчества (для студентов гуманитарных специальностей) [16].

Ценности личности, сформированные в юношеском возрасте, определяют особенности и характер ее отношений с окружающей действительностью, тем самым в определенной мере детерминируя ее поведение и способствуя успешной социализации. Человек «социализированный» – значит «полностью интернализовавший нормы и ценности данной группы» [3, с. 31]. Источниками инкультурации ценностей для молодежи выступают семья, образовательные учреждения, референтные группы, а также информационная среда [8], географическое положение, идеология и религиозная вовлеченность [16]. Ведущими субъективными факторами, обуславливающими жизненные ценности учащейся молодежи, являются: жизненные цели, жизненный опыт (личные проблемы), личные качества студентов и вера [11, 13, 14, 16]. В отличие от юношеского возраста зрелость является периодом своеобразной переоценки жизненных притязаний и личностных ценностей, изменения уже сформированной к этому возрасту структуры жизненных ценностей, личностные детерминанты которой до конца не изучены.

Указанные возрастные особенности личности определяют актуальность исследования специфики ценностной сферы, включая особенности ее религиозных представлений и выраженности интернальности у представителей юношеского и зрелого возрастов, различий в доминировании тех или иных видов ценностей и готовности принимать ответственность за разные события своей жизни. Особый исследовательский интерес вызывает изучение характера связи религиозных представлений личности с локусом ее контроля в различных жизненных сферах у представителей разных возрастов, и, в частности, у представителей поколения, родившегося в годы перестройки. Отсутствие научных работ, посвященных этим вопросам, обуславливает актуальность и новизну представляемого исследования.

Целью исследования стало выявление ведущих ценностей и их взаимосвязи с интернальностью у субъектов юношеского и зрелого возрастов.

Объект и методы исследования

Выборку составили 80 человек: 40 студентов (19–24 лет) разных специальностей г. Ростова-на-Дону и 40 человек (40–45 лет) с высшим

образованием, представители различных профессий г. Ростова-на-Дону. По полу группы распределены равномерно, все опрашиваемые исповедуют православие.

Методы исследования: 1) психологическое тестирование – опросники: «Терминальные ценности» (ОТеЦ) И. Г. Сенина; «Структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых; «Уровень субъективного контроля (УСК)» Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкина, А. М. Эткинд; 2) методы математической статистики (программа STATISTICA 6.0): коэффициент ранговой корреляции R-Спирмена, критерий χ^2 -Фридмана, критерий Т-Вилкоксона, U-критерий Манна-Уитни. Анализировались результаты с достоверностью $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

Для представителей юношеского возраста ведущими терминальными ценностями оказались ценности достижения и высокого материального положения, а для представителей зрелого возраста ценность достижений значимо доминировала над ценностью материального положения. Наиболее значимыми жизненными сферами для студентов оказались сферы общественных отношений и увлечений, а во взрослой выборке выявленные жизненные сферы оказались не дифференцированы.

Сравнительный анализ двух выборок мужского пола показал, что для юношей более значимыми, чем для мужчин зрелого возраста, являются сфера увлечений ($U = 104$) и стремление к сохранению собственной индивидуальности ($U = 113$). Среди женщин различий не выявлено.

В индивидуальной структуре религиозности респондентов выявлены следующие особенности. Студенты в религии склонны видеть преимущественно поддержку и утешение, склонны выполнять формальные требования православных традиций. В религиозной сфере они ищут ответы на вопросы о смысле жизни и Бытии, но не рассматривают ее как образец моральных норм. У мужчин зрелого возраста достоверно выше, чем у юношей, выражена вера в Творца ($U = 476,5$), что проявляется в их склонности видеть за происходящими событиями действие некой Высшей силы.

Интернальный локус контроля проявляется у студентов в области достижений и в области семейных отношений, а экстернальный локус контроля – в сфере производственных отношений и области неудач. У представителей зрелого возраста интернальность проявляется в сферах достижений, семейных и межличностных отношений, здоровья и болезни.

В зрелой группе сильнее, чем в юношеской, выражена интернальность в отношении здоровья и болезни ($U = 481$) и в области достижений ($U = 590,5$).

В результате корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между показателями ценностной сферы и выраженностью интернальности в группах субъектов юношеского и зрелого возрастов. Склонность к выполнению религиозных обрядов сильнее выражена у студентов с высоким общим уровнем интернальности ($r = 0,36$). Также внутренний локус контроля связан у них с философским восприятием религии ($r = 0,4$), развитием их религиозного самосознания ($r = 0,4$) и признания религии как образца моральных норм ($r = 0,46$). Внутренний локус контроля в отношении физического самочувствия проявлен у тех представителей юношества, для которых значимы ценности креативности ($r = 0,36$) и активных социальных контактов ($r = 0,4$), которые стремятся к самореализации в сферах увлечения и семейной жизни ($r = 0,42$). Интернальность в сфере межличностных отношений выше у тех студентов, которые отстаивают ценность собственного престижа ($r = 0,32$) и стремятся реализовывать себя в сфере обучения и образования ($r = 0,41$).

Специфика корреляционных взаимосвязей в группе мужчин и женщин зрелого возраста оказалась иной, чем в группе студентов. Общий показатель интернальности выше у тех, кто верит в существование Творца (Высшую силу) ($r = 0,4$), в не установленные наукой явления (телепатия, энергетический вампиризм и др.) ($r = 0,44$), в магию ($r = 0,5$). Интернальность в сфере достижений связана со сферой увлечений ($r = 0,32$) и ценностью сохранения собственной индивидуальности ($r = 0,37$). Верующие в Творца представители зрелой возрастной группы проявляют интернальность в сфере производственных ($r = 0,4$), межличностных отношений ($r = 0,33$) и в сфере здоровья ($r = 0,33$). А вот отсутствие у них ориентации на постулаты идеалистической философии и вера в магию в аспекте наведения порчи и колдовства связаны с их интернальностью в сфере неудач ($r = -0,32$ и $r = 0,34$).

Заключение и выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Выявленные в результате исследования достоверные различия в преобладании терминальных ценностей, особенности структуры индивидуальной религиозности и показателей интернальности касались доминирования ценности высокого материального достатка у студентов, что мы объясняем имеющейся у них фрустрированностью в материальной сфере вследствие отсутствия дохода от своей еще нереализуемой профессиональной деятельности. Представители юношества стремятся реализовать свои ценности преимущественно в сферах общественной жизни и увлечений, в то время как для зрелых людей жизненные сферы

оказались не дифференцированы, что объясняется индивидуальным своеобразием их распределения в этом возрасте. Полученные результаты могут быть обусловлены разным характером социальной активности и профессиональной занятости у учащихся студентов и взрослых работающих людей. Для первых преимущественно характерны обучение, поиск профессиональных и личных возможностей самореализации, поиск и выбор партнера для близких отношений и создания семьи, что предполагает активное включение в социальное сообщество и широкий спектр социальных контактов. Для юношей-студентов вопросы самопознания и утверждение своей индивидуальности остаются более актуальными, нежели для мужчин зрелого возраста, у которых эти вопросы в той или иной степени оказываются решенными.

Зрелых мужчин от юношей-студентов отличает большая выраженность веры в Творца, связанной с внутренним локусом контроля, т. е. принимать ответственность за свою жизнь им помогает представление о мироустройстве как о согласованном и имеющем некий непостижимый смысл Творении. Высокая интернальность в сфере здоровья и болезни и в области достижений обуславливается возрастными изменениями в функционировании организма и большим опытом собственных достижений в разных сферах жизни у представителей зрелой группы по сравнению со студентами.

2. Специфика характера связей ценностной сферы и интернальности у представителей юношества и зрелого возраста касается преобладания в них элементов структуры внутренней религиозности, причем качественно отличных у представителей разных возрастных групп. Общий показатель интернальности у студентов связан с философским восприятием религии, развитием их религиозного самосознания, соблюдением религиозных обрядов и признанием религии как образца моральных норм. В группе людей зрелого возраста выше интернальность у тех, кто имеет хобби и стремится к сохранению своей индивидуальности, и связана у них с верой в Творца, в не установленные наукой явления и магию. Можно предположить, что внутренний локус контроля у представителей молодого поколения обусловлен признанием ими духовно-нравственного авторитета религии конфессионального характера, а у взрослых людей – сохранением непрерывности процесса их внутреннего развития наряду с расширением диапазона восприятия явлений окружающей действительности.

Полученные результаты могут быть полезны в практике психологического консультирования по вопросам ценностного самоопределения и осознания системы религиозных воззрений в связи со способностью нести ответственность за происходящие жизненные события.

Литература

1. *Афанасенко И. В., Тащёва А. И., Габдулина Л. И.* Ценностные ориентации в связи с социальной фрустрированностью обучающихся и работающих молодых мужчин и женщин // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 172–183.
2. *Бездухов В. П., Жирнова Т. В.* Нравственно-ценностная сфера сознания студента: диагностика и формирование. – М.: Изд-во МПСИ, 2008. – 201 с.
3. *Безумова Л. Г.* Соотношение ценностей и потребностей в смысловой сфере личности студента // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2007. – № 2. – С. 29–36.
4. *Богдановская И. М.* Религиозный опыт личности как феномен психологического исследования // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: материалы Покровских педагогических чтений. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – С. 130–133.
5. *Бокова О. А.* К вопросу о теоретических основах изучения психологических феноменов ответственности и локуса контроля // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5. – С. 181–182.
6. *Буравлева Н. А.* Ценностные ориентации студентов // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 6 (108). – С. 124–129.
7. *Думнова Э. М.* Молодежь мегаполиса: социальное неравенство и ценности // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 6 (121). – С. 54–58.
8. *Ерохин Д. О.* Характер взаимодействия аудитории с информационной средой и формирование ценностных ориентаций // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2010. – № 7. – С. 43–46.
9. *Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 335 с.
10. *Кузнецова Е. Г.* Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // Вестник ОГУ. – 2010. – № 10 (116). – С. 20–24.
11. *Ладьяина В. В.* Ценностно-профессиональные ориентации студентов технических вузов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2012.
12. *Надточий И. О.* Трансцендентное как сущность религиозного // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Философия. Социология. Право. – 2010. – Вып. 13. – Т. 14. – С. 264–269.
13. *Павлык Н. В.* Духовная личностная направленность как фактор гармонизации характера в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1 (17). – С. 88–95.
14. *Трещев А. М., Сергеева О. А.* Психолого-педагогические условия формирования ценностных ориентаций гражданско-патриотической направленности у студентов-спортсменов // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 1 (129). – С. 25–31.

15. Федосова И. В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2. – С. 75–92.
16. Черкасова А. А. Жизненные ценности студенческой молодежи в России и США: социологический анализ: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2012.
17. Щанкина Э. В. Субъектно-ценностный подход к формированию нравственных идеалов студентов колледжа // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 1 (3). – С. 615–619.
18. Яницкий М. С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие. – Новокузнецк: Изд-во МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 102 с.
19. Perry R. B. The Realms of Value [Based on Gifford Lectures]. – Cambridge: Harvard University Press, 1954.
20. Schoemaker P., Tetlock P. E. Taboo scenarios: How to think about the unthinkable // California Management Review. – 2011. – no. 54 (2). – pp. 5–24.
21. Schwartz S. H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Measuring attitudes cross-nationally – lessons from the European Social Survey. Ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald & G. Eva. – London: Sage Publ., 2006.
22. Tetlock P. E. Thinking about the unthinkable: Coping with secular encroachments on sacred values // Trends in Cognitive Science. – 2003. – no. 7. – pp. 320–324.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

УДК 159.956

ПРОЦЕССЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпов Анатолий Викторович
Карпов Александр Анатольевич

Статья подготовлена на основе пленарного доклада Всероссийской конференции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии и психологии труда» (Институт психологии РАН, октябрь, 2015).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, № проекта 14-06-00542; Российского научного фонда, № проекта 16-18-10030 (разделы «Введение», «Результаты»); гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, № проекта НШ – 2165. 2014.6 (разделы «Результаты», «Заключение»)

Представлены материалы, раскрывающие новые закономерности детерминационного влияния процессов принятия решения на процессуальные и результативные параметры профессиональной деятельности. Показано, что существуют два основных типа такого влияния – прямое и косвенное. Выявлено и объяснено принципиально новое явление – феномен элиминативного поведения субъекта в ситуациях принятия решения. Дана классификация основных форм элиминативного поведения, согласно которой они дифференцируются на три основных класса – адекватные, неадекватные и ситуационно-относительные. Обнаружены и проинтерпретированы две новые функции процессов принятия решения в организации деятельности – структурообразующая и генеративно-порождающая. Сущность структурообразующей функции состоит в том, что процессы принятия решения, обладая отрицательной субъективной валентностью, детерминируют предпочтение таких стратегий деятельности и их структуры, которые минимизируют их функциональную роль в организации деятельности в целом. Сущность генеративно-порождающей функции заключается в формировании репертуара репродуктивных способов преодоления неопределенности, а тем самым – и в повышении надежности всей деятельности, а также минимизации субъективных затрат на ее реализацию.

Сформулирован новый методологический подход к исследованию процессов принятия решения. Согласно ему, они должны изучаться не прямо и непосредственно, что предполагается методологией традиционной теории решений, а принципиально иначе – опосредствованно, точнее – деятельностью-опосредствованно. Они должны трактоваться и изучаться как такие операционные средства, которые формируются и реализуются «в» деятельности и «для» деятельности – как естественные и объективно необходимые для ее организации операционные средства. Лишь в деятельности они обретают поэтому свое конкретно-системное бытие, свою истинную – ненарушенную «исследовательскими процедурами» форму и наиболее богатый вид, развернутое содержание. Такой подход и равнозначен тому, что в системной методологии обозначается как смена призм видения – «предметоцентрической» на «системоцентрическую».

С этих позиций обнаружено и проинтерпретировано принципиально новое явление, обозначенное как «феномен элиминативного поведения», суть которого состоит в целенаправленной минимизации степени представленности процессов принятия решения в структуре деятельности и тем самым – обеспечения ее более высокой надежности.

Ключевые слова: *принятие решения, деятельность, структура деятельности, элиминация, структурообразующая функция, качество решений, эффективность деятельности, детерминистский способ, репродуктивный способ, субъект решений.*

Введение

В настоящее время в структуре психологического знания существуют два очень крупных и внутренне дифференцированных направления исследований – психологическая теория деятельности и психологическая теория принятия решения. Наряду с собственным – предметно-специфическим содержанием, каждое из них имеет и более широкое – по существу, общепсихологическое значение, значимо содействуя разработке целого ряда иных фундаментальных психологических проблем. Кроме того, очень показательна и даже поучительна та ситуация, которая сложилась сегодня в плане их взаимоотношений, т. е. «на стыке» этих проблем. Сущность ситуации состоит в следующем. Каждое из указанных направлений достаточно интенсивно развивается, так сказать, «само по себе» – автономно от другого, вне должных концептуальных и иных связей с ним. Внутри каждого из них накоплен очень большой и, фактически, труднообозримый эмпирический материал, сформулировано множество частных объяснительных концепций.

Вместе с тем, ни в историческом, ни в предметном плане между этими направлениями нет должного взаимодействия, не говоря уже

о каком-либо «концептуальном синтезе» между ними. Так, психологическая теория решений, фактически, не контактирует с теорией деятельности, не опирается ни на ее понятийный аппарат, ни на полученный в ней эмпирический материал, ни на сделанные в ней концептуальные обобщения. Эта теория, взятая даже в ее наиболее развитом варианте – в так называемой поведенческой теории решений, носит отчетливо выраженный внедеятельностный и внеповеденческий характер (несмотря на ее название) и столь же выраженную когнитивистскую ориентацию. Она обозначается как «поведенческая», в основном, лишь в силу того, чтобы указать на ее принадлежность к дескриптивно-психологическому подходу к разработке теории ПР в противовес другому основному подходу (нормативно-рационалистическому как подчеркнуто внепсихологическому). Первая особенность проявляется в доминировании в ней собственно экспериментальных (лабораторных), т. е. именно внедеятельностных методов изучения, а также в рассмотрении процессов принятия решения (ПР) в возможно более «чистом» виде – т. е., повторяем, в изоляции от целостного деятельностного и поведенческого контекста. Вторая особенность проявляется в очевидном преобладании в ней изучения когнитивных феноменов, процессов и механизмов ПР и в столь же очевидном отставании изучения иных – не менее важных его аспектов. Начиная с первых работ в данной области (скажем, с теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона [22] и по ходу всего дальнейшего развития – например, в теории «познавательных уклонов» А. Тверского и Д. Канемана [21]), основной акцент делается на исследовании именно когнитивных «составляющих» этих процессов.

Наряду с этим, и психологическая теория деятельности до сих пор в очень слабой степени ассимилировала основные положения психологической теории ПР. При ее разработке сложилась стойкая и в целом достаточно негативная традиция, состоящая в отношении к психологической теории ПР как к чему-то такому, что не обязательно должно учитываться при разработке ключевой проблематики теории деятельности. Ни в работах классиков теории деятельности (скажем, С. Л. Рубинштейна [19] и особенно А. Н. Леонтьева [14]), ни во многих последующих концепциях деятельности нет подчас даже самого термина «принятие решения». И хотя в более современных версиях теории деятельности она «вынуждена» обращаться к данным относительно закономерностей процессов ПР, раскрытых в теории решений, такое обращение носит все же явно недостаточный и иногда фрагментарный характер. Даже в наиболее разработанных версиях теории деятельности, приведших к разработке структурно-функциональных моделей организации деятельности и направленных на экспликацию закономерностей целостной организации деятельности, разработанных на относительно поздних

этапах развития теории деятельности [например, 2, 3, 4, 12, 17], такому ее важнейшему компоненту, как процессы ПР, уделяется явно недостаточное внимание. Во избежание недоразумений подчеркнем, что речь при этом идет не о том, что таких исследований не проводится вообще, а о том, что их масштаб совершенно *несопоставим* с фундаментальной значимостью указанных направлений. В итоге такой несинтезированнойности двух этих направлений «страдают» они оба, а отсутствие реального взаимодействия между ними все более явно и значимо сдерживает их конструктивную разработку.

При этом очень характерно и то, что все это имеет место на фоне постоянно декларируемых и признаваемых всеми исследователями «центральной и определяющей», «решающей» (не только в переносном, но и в *прямом* – этимологическом смысле) роли процессов в плане обеспечения результативных параметров деятельности. Кроме того, важно учитывать, что атрибутивная взаимосвязь предметных областей обеих рассматриваемых теорий не только осознается исследователями достаточно отчетливо, но и сама она является явной и многогранной. В наиболее общем и принципиальном виде она состоит в следующем. Структурно-функциональная организация деятельности как целостной системы, фактически, не допускает своего достаточно полного раскрытия вне опоры на экспликацию закономерностей процессов ПР, поскольку они играют центральную и во многом определяющую роль в этой организации. Следовательно, и теория деятельности будет принципиально неполной и некорректной без включения в ее концептуальный состав психологической теории ПР. Однако не менее очевидно и то, что сами процессы ПР не могут быть раскрыты полно и корректно в их внедеятельностном и внеповеденческом виде, т. е. вне той реальной и онтологически представленной системы, в которой они обретают комплекс своих истинных характеристик и целостность (а значит – и полноту) своей организации. Данное обстоятельство составляет, как известно, суть главной – «критически» значимой проблемы всей современной теории решений – проблемы *экологической валидности* ее эмпирического базиса и осуществленных на его основе концептуальных обобщений.

Далее, в данной связи нельзя не отметить и еще одно – также достаточно существенное обстоятельство, свидетельствующее о неестественности сложившейся в настоящее время ситуации. С одной стороны, единодушно признается, что именно процессы ПР – в силу их объективно определяющей роли в организации деятельности и в обеспечении ее результативных параметров, характеризуются и относительно наибольшим потенциалом *прикладной оптимизации*. Это означает, что именно их исследование содержит в себе наибольшие возможности для практической оптимизации деятельности, ее рационализации, отбору к ней и т. п. Однако, в резком контрасте с этим

находится то, что именно этот – объективно, повторяем, наиболее важный в прикладном плане процесс, изучен в относительно меньшей степени, нежели многие иные (несопоставимые с ним по потенциалу прикладной оптимизации) компоненты деятельности.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что сложилась и еще одна традиция, связанная уже с тем, каким образом принято объяснять констатированную выше несинтезированность двух рассматриваемых важнейших областей психологии. Она как раз и состоит в том, что обычно причина этого связывается с наибольшей *сложностью* процессов ПР как предмета изучения (и в целом, и в качестве компонента общей структуры деятельности), а следовательно, – и с наибольшими *трудностями* их изучения. В результате этих трудностей, «на выходе» именно процессы ПР оказываются раскрытыми в относительно меньшей степени по сравнению со многими иными психологическими «составляющими» деятельности. Фактически, имеет место та, нередкая для психологических исследований ситуация, когда *объективно* наиболее значимое явление выступает *гносеологически* наименее раскрытым – именно по причине его наибольшей сложности. Вместе с тем, несмотря на справедливость данного объяснения, все же остается открытым наиболее значимый вопрос. Это – вопрос о том, может ли быть объяснена *только* указанной причиной столь явная и сохраняющаяся на протяжении уже достаточно длительного времени несинтезированность двух рассматриваемых направлений? Не лежат ли в ее основе причины более глубинного, но одновременно – и более значимого плана? Что в *действительности* «скрывается» за отсутствием должного синтеза этих направлений – причем, повторяем, на фоне редкого по своему единодушию, но преимущественно лишь декларативного признания «решающей роли» процессов ПР в организации деятельности? Попытка ответа на данный вопрос и составляет основную цель представленного ниже анализа.

Результаты

На наш взгляд, для того чтобы ответить на сформулированный выше вопрос, необходимо эксплицировать некоторые ключевые особенности логики развития обоих рассматриваемых здесь направлений. Так, во-первых, необходимо предельно четко осознать, что доминирующий в современной теории решений до сих пор внедеятельностный (и внеповеденческий) характер исследования процессов ПР есть не что иное, как проявление и следствие столь же отчетливо господствующего *аналитического* подхода в ее развитии, аналитической методологии в целом. Следовательно, данная теория должна преодолеть характерную для нее аналитичность посредством реального, а не декларативного исследования процессов ПР именно в структуре деятельности, т. е. в качестве ее реального компонента. Другими словами, тем

самым она должна, фактически, сделать «шаг навстречу» именно теории деятельности. Одновременно этот шаг, с гносеологической точки зрения, как раз и эквивалентен смене *аналитического* (внедеятельностного) подхода в разработке теории ПР на *системный*. При этом в качестве более общей и онтологически представленной системы по отношению к процессам ПР выступает целостная деятельность.

Однако и теория деятельности также должна сделать ответный «шаг навстречу» теории ПР. Его суть состоит в том, что теория деятельности должна, наконец, преодолеть свою определенную симплифицированность, проявляющуюся в том, что в ней явно недостаточное внимание уделяется *наиболее* сложным процессам и образованиям – прежде всего, образованиям подчеркнута интегративного, синтетического типа (каковыми и являются процессы ПР). В данной связи следует подчеркнуть, что достаточно слабая «сензитивность» традиционных вариантов психологической теории деятельности новым и новейшим психологическим данным (например, полученным в рамках когнитивной психологии и метакогнитивизма) вообще является одной из отличительных особенностей ее современного состояния, которая также отнюдь не свидетельствует о ее концептуальной зрелости. Именно эти интегративные «составляющие» в первую очередь и решающим образом обеспечивают именно интеграцию, а значит – и целостность деятельности. Поэтому именно они и позволяют ей быть тем, чем она реально и является – системой в непосредственном и полном смысле данного понятия со всеми присущими системности атрибутами. Тем самым, лишь через изучения интегративных процессов и структур деятельности – и в целом, и процессов ПР как наиболее характерных среди них по отношению к деятельности – может быть реализован (не на словах, а на деле) *принцип системности*.

Таким образом, можно видеть, что данный принцип, равно как и системный подход в целом, является тем «концептуальным мостом», который позволяет реализовать синтез психологической теории деятельности и психологической теории ПР. Подход к исследованию процессов ПР должен быть не «прямым» и, так сказать, «лобовым» (но одновременно – и аналитическим), а принципиально иным – опосредствованным, точнее – *деятельностно-опосредствованным*. «Предметоцентрическая» призма видения (когда «в центр» исследования ставится сам предмет непосредственно – процессы ПР) должна быть трансформирована в «системоцентрическую» призму видения (когда «в центр» исследования ставится целостная система, в которой сам предмет представлен в его реальном и ненарушенном исследовательскими процедурами, а значит – максимально полном и богатом содержанием, виде) [13]. Однако это же означает, что за «исходный пункт» анализа процессов ПР должны быть

взяты не они сами – непосредственно и в так называемом «чистом виде», а реальная деятельность и поведение, «в» и «для» которых они формируются и функционируют, и в которых обретают свой истинный вид и полноту своих психологических закономерностей. Наконец, это же означает, что базовой и исходной методологией разработки проблемы ПР должна выступить методология *психологического анализа деятельности*, а получаемые при его осуществлении результаты и должны составить существенно обновленный и содержательный – *экологически валидный* эмпирический базис для самой психологической теории ПР.

Действительно, как показал психологический анализ большого числа видов профессиональной деятельности – реальная картина процессов ПР в них оказалась гораздо более сложной и неоднозначной, нежели это можно было ожидать на основе существующих общетеоретических представлений. Анализировался достаточно широкий спектр видов профессиональной деятельности: операторов нефтеперерабатывающего производства (технологов, диспетчеров), операторов сортировочных горок на железнодорожном транспорте, операторов АЭС, операторов-космонавтов, ряд водительских профессий, операторов-испытателей, операторов систем военного назначения, программистов, деятельность детских и общих хирургов, ряд видов управленческой деятельности и др. – всего более 20 видов (см. обзор в [8]). В частности, уже с самых первых шагов исследования обнаружилось явление, которое, на первый взгляд, совершенно не соответствует сложившимся в теории решений традиционным представлениям о базовых особенностях организации процессов ПР, но которое при более глубоком анализе вскрывает одну из основных закономерностей организации ПР в деятельности. Оно состоит в том, что *первым* и наиболее очевидным результатом анализа деятельности выступает не использование процессов ПР (и их разновидностей) в непосредственной форме, а явление в некотором смысле *противоположное* ему. Его сущность заключается в применении субъектом различных средств и приемов, направленных на то, чтобы *избежать* самой *необходимости* принятия решения. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем (см. далее), тенденция к исключению – к *элиминации* из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее *нежелательных* средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо

не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.).

Эта тенденция (явление элиминации) в естественных условиях оказывает очень сильное влияние как на динамику и результаты деятельности, так и на ее субъективные характеристики. Более того, вопреки своей функциональной направленности (устранению процессов ПР из деятельности), она глубоко и органично связана с принятием решения как психологическим явлением [5, 10]. Дело в том, что, во-первых, она ими *порождена*; во-вторых, они оказывают существенное влияние на формирование важнейшей составляющей процессов ПР – субъективного представления о задаче ПР; в-третьих, и это главное, они сами являются одной из форм (правда, очень специфической) принятия решения. Действительно, отказ от решения также должен быть понят как своеобразное решение, а выбор «ПР-избегающей» стратегии – это тоже *выбор*. Именно эти «решения о решениях», или «решения второго порядка» и составляют суть элиминативных явлений. Посредством такого рода метарешений принимается решение, так сказать, «второго порядка» – идти на принятие какого-либо конкретного решения или же постараться уйти от него. Это «решение о решении», решение «второго порядка», почему, собственно, оно обозначается понятием метарешения.

Указанная тенденция – своего рода *элиминативное* поведение (т. е. поведение, направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) – в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности), она глубоко и органично связана именно с этими процессами, поскольку, во-первых, ими порождена; во-вторых, оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, т. к. реализуя его, субъект *решает*, идти ему на выбор или попытаться уйти от него. Посредством такого рода метарешений принимается решение, так сказать, «второго порядка» – идти на принятие какого-либо конкретного решения или же постараться уйти от него. Это, повторяем, «решение о решении», решение «второго порядка», почему, собственно, оно и обозначается понятием метарешения.

Между тем, в традиционной теории решений это явление не обнаруживается и не анализируется. Это вполне закономерно, поскольку в данной теории процессы ПР исследуются, как правило, вне структуры деятельности, аналитически. Такой подход не может обнаружить указанное явление в силу своей исходной ориентации. Было бы вместе с тем неправомерно утверждать, что явления, частично сходные с элиминативным поведением, вообще

не рассматривались в психологических работах. Например, отмечаются такие средства ухода от необходимости в принятии решения, как: избегание ситуаций ответственных решений [19], максимальная оттяжка решений во времени [1], подмена самостоятельного решения неадекватным поиском алгоритма («заалгоритмизированность» деятельности) [20], тенденция к переложению решений на других лиц [10] и др. Следует, однако, подчеркнуть, что, во-первых, все эти явления рассматриваются вне связи с психологической теорией решений, вообще *вне связи* с изучением процессов принятия решения; во-вторых, перечень и разнообразие этих явлений, отмеченных в литературе, нельзя считать *полными*; в-третьих, они не объединены в качественно однородную *группу*, поскольку за их разнообразием не распознано сходство их функциональной направленности, все они не систематизированы и не классифицированы. Однако есть основания считать, что эти явления в такой же мере должны быть предметом изучения теории решений, как и теории деятельности. Они выступают как бы опосредующим звеном между структурой деятельности и процессами выбора в ней.

Конкретные средства элиминативного поведения (как показано в [5]) должны быть подразделены на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые (см. рисунок 1). К *адекватным средствам элиминации*, в частности, относятся: сбор заведомо избыточной информации в целях подготовки к возможным ситуациям выбора; использование стратегий и способов деятельности, минимизирующих количество потенциальных ситуаций выбора; формирование представления о ситуации решения в схематизированном виде за счет ее упрощения и абстрагирования от ряда ее параметров; выход из ситуаций посредством обращения к «информации по запросу»; предвидение возникновения ситуаций решения и упреждающее переструктурирование нормативного способа деятельности в целях их предотвращения; адекватное отсрочивание решения с целью сбора дополнительной информации.

К *неадекватным средствам элиминации* следует отнести: неосознанное «незамечание» ситуаций, являющихся объективно неопределенными и требующими реализации процессов принятия решения (например, вследствие несформированности способов получения профессионально важной информации или же по причине действия «психологических защит»); неадекватное затягивание решений; избегание ситуаций решения путем выбора неэффективной стратегии деятельности; переложение решений на других лиц; действие по неадекватному данной ситуации алгоритму взамен выработки самостоятельного решения; отказ от решения и пассивное ожидание «саморазрешения» ситуации принятия. В плане анализа неадекватных средств элиминации были введены также понятия «парциальных»

и «замещающих» решений [5]. «Парциальное» решение характеризуется тем, что в его результате происходит не полное, а частичное разрешение исходной проблемы; под «замещающим» решением понимается такое решение, в котором акт выбора, хотя и имеет место, но соотносится не с существом объективной проблемы, а с ее второстепенными, неглавными аспектами. Кроме того, существуют также и *ситуативно-зависимые* средства элиминации. Их эффективность (и вообще – адекватность) определяется содержанием и спецификой актуально складывающейся, т. е. *конкретной* деятельностной ситуации. Они поэтому (в аспекте их влияния на деятельность) являются не абсолютными – оценочными, а *относительными*: точнее – деятельностно-относительными. Вся эта – охарактеризованная выше и достаточно богатая, развернутая феноменология, связанная с процессами метарешений, безусловно, не может быть игнорирована при раскрытии процессуально-психологического содержания деятельности.

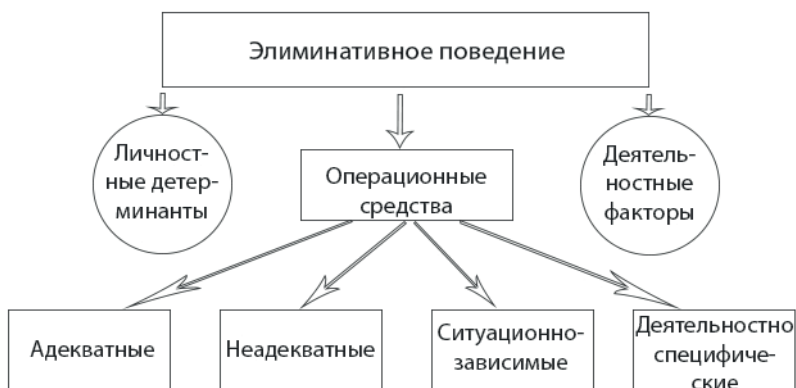

Рисунок 1. Основные категории средств элиминативного поведения

Далее, исследования показали, что выраженность этих явлений, их *функциональная роль* в регуляции деятельности *возрастает* в зависимости от степени освоенности деятельности. На начальных этапах освоения субъект, как правило, еще не в состоянии предвидеть возможное возникновение ситуаций ПР, прогнозировать их и либо готовиться к ним, либо предотвращать их. На более продвинутых этапах освоения деятельности такое «пассивное» реагирование на возникновение ситуаций ПР трансформируется в *активное избегание* ситуаций ПР, замену процессов ПР иными, как правило, более надежными средствами организации деятельности.

Таким образом, сформированность элиминативных средств – очень важный показатель степени освоенности деятельности, условие ее надежности и эффективности. Однако на фоне этой общей закономерности обнаруживаются устойчивые *индивидуальные различия* в мере выраженности элиминативной тенденции, в связи с чем необходимо различать два типа стратегий организации деятельности – «элиминативную» и «неэлиминативную». Лица, устойчиво предпочитающие первую из них, характеризуются максимальным стремлением к прогнозированию, к возможно более полному предотвращению и (или) избеганию уже возникших ситуаций ПР. Поэтому они могут быть обозначены как «гипопроблемные» индивиды. Лица, предпочитающие вторую стратегию, несколько легче включают в деятельность процессы ПР, не используют столь широкий круг средств элиминации, как это было в случае первого типа стратегий (в силу чего они могут быть обозначены как «гиперпроблемные» индивиды).

На основании сказанного появляются основания для дифференциации *специфически* деятельностного параметра *индивидуально-стилевых* различий в реализации процессов ПР по мере выраженности элиминативной тенденции. Данный параметр, как и любой иной индивидуально-стилевой параметр, не проявляется существенным образом в результативных показателях деятельности, а относится, преимущественно, лишь к ее *процессуальной* (стратегической) стороне. Кроме того, было установлено, что в основе выделенных типов лежат разные «симптомокомплексы» индивидуальных качеств (различные их структуры, разнородные по критерию) [6]. Для лиц, придерживающихся «элиминативной» стратегии («гипопроблемных» индивидов), это относительно более высокое развитие таких качеств, как интернальность, самоконтроль, долговременная память, нейротизм, а также фактор («высокое рабочее напряжение») по методике 16PF Р. Кэттелла. Для лиц, придерживающихся «неэлиминативной» стратегии («гиперпроблемных» индивидов), это, прежде всего, следующие качества: экстернальность, скоростные параметры интеллектуальных операций, эмоциональная стабильность, оперативная память. Таким образом, индивидуально-стилевые различия процессов ПР в деятельности определяются не каким-либо одним свойством (или их аддитивной совокупностью), а являются *структурно-обусловленными*.

В связи с этим важно, на наш взгляд, особо подчеркнуть, что та, действительно, обнаруживаемая в ходе психологического анализа деятельности (и повседневного поведения) очень широкая представленность и важная роль указанных явлений, эксплицирует их истинную значимость для их организации. Они раскрываются в качестве очень общих и, по существу, фундаментальных явлений (а частично – механизмов) такой организации. Для выявления этой роли необходимо, однако, заглянуть за их феноменологический «фасад» и подвергнуть их адекватной концептуализации. Она,

в свою очередь, возможна лишь с позиций синтеза теории решений и теории деятельности и состоит в следующем.

С этих позиций все указанные явления раскрываются, во-первых, как, хотя и очень специфические, но все же именно как процессы выбора – от-носительно того, идти на реализацию процессов ПР или же попытаться уйти от него, т. е. как *метарешения*. Они, однако, существуют и обнаруживаются лишь в контексте целостной деятельности – ее системе, и выступают как необходимые операционные средства ее организации. «За пределами» деятельности (и поведения) они не существуют и, соответственно, не обнаруживаются. В системе деятельности они выступают, таким образом, в качестве своеобразной *превращенной формы* процессов ПР. В этом и заключается их истинная специфичность и трудность их распознавания именно в качестве разновидностей процессов выбора. Можно видеть также, что она преодолевается лишь с позиций деятельностно-опосредствованного, т. е., по существу, системного исследования этих процессов – при их рассмотрении в качестве объективно необходимых компонентов целостной системы деятельности.

Во-вторых, с этих позиций несколько по-новому и более объемно раскрывается и истинная детерминационная роль процессов ПР по отношению к организации деятельности, а также к обеспечению ее результативных параметров. Обычно эту роль принято рассматривать следующим образом. Процесс ПР имеет те или иные собственные результативные параметры – он может быть либо более, либо менее успешным. Одновременно он, естественно, включен в состав деятельности как одно из необходимых и, более того, решающих операционных средств ее реализации. Тем самым и его качественные характеристики непосредственно влияют, а нередко – и предопределяют общие результативные параметры всей деятельности. Все это, разумеется, справедливо. Однако только к этому реальная роль процессов ПР не сводится. Дело в том, что, как показано выше, процессы ПР, обладая своеобразной «отрицательной валентностью», стимулируют субъекта проявлять тенденцию к их возможно более полному исключению (элиминации) из деятельности, поскольку они объективно сопряжены с известным, а часто – и немалым риском. Они не являются поэтому оптимальными средствами ее организации. Субъект, в силу сказанного, выбирает и (или) формирует такие стратегии и способы реализации деятельности (вообще – стремится к такой ее организации и к такой ее структуре), которые позволяли бы достигать именно этого – минимизировать функциональную роль в ней процессов ПР. Одним из конкретных проявлений этого является, в частности, уже отмеченная выше прямая связь «гипопроблемного» стиля организации деятельности с выбором и предпочтением *активной* (упреждающей) стратегии реализации деятельности управленческого типа.

Метафорически выражаясь, можно сказать, что процессы ПР как бы «выдавливают» сами себя из общей организации деятельности путем выбора и (или) формирования таких стратегий ее реализации, а в конечном счете, – и такой ее структурной организации, которая минимизировала бы их функциональную роль в ней. Тем самым они оказывают на нее – и на ее процесс, и на ее результативную сторону – влияние совершенно иного типа, нежели это принято считать традиционно. Они влияют на них уже не только прямо, а опосредствованно: эффективность деятельности выступает при этом уже не в качестве прямой функции качества процессов ПР, а в качестве функции от меры их представленности в общей структуре деятельности. Чем эта мера ниже (естественно, в известных пределах), тем эффективность, а главное, – надежность деятельности выше. На основании всего сказанного с достаточной степенью очевидности эксплицируется особая и очень важная, на наш взгляд, функция процессов ПР в организации деятельности (и, соответственно, в обеспечении ее результативных параметров) – *структурообразующая*. Процессы ПР оказывают влияние на результативные параметры деятельности не только прямо и непосредственно, но и через детерминацию ими (точнее – субъективной тенденцией их исключения из деятельности) такой структуры ее организации, которая позволила бы достичь этого – минимизировать их функциональную роль в ней. Это – хотя и более сложный (в том числе и для его обнаружения и понимания), но, не исключено, и более существенный тип детерминационного влияния процессов ПР на деятельность.

С точки зрения представленных выше результатов становится очевидной еще бóльшая, нежели это полагается традиционно, сложность организации деятельности. Дело в том, что в этой организации «сталкиваются и переплетаются» две общие по фундаментальности их значимости, но диаметрально противоположные по психологическому смыслу тенденции, носящие при этом одинаково объективный характер. Первая – это уже рассмотренная выше тенденция субъекта к элиминации процессов ПР из структуры деятельности и к минимизации их функциональной роли в ее организации. Однако эта тенденция является в такой же степени *субъективно-желательной*, в которой она выступает одновременно и как *объективно-неосуществимая* в полной мере. Ситуации выбора, хотя и могут быть минимизированы в деятельности, причем достаточно радикально, все же полностью, т. е. принципиально неустранимы из нее. В результате и вся деятельность разворачивается «в пространстве», образованном двумя «полюсами»: субъективной элиминативной тенденцией и объективной неустранимостью самого предмета этой элиминации – ситуаций ПР и, соответственно, процессов выбора в них. Одновременно это и одно из основных противоречий, лежащих в основе реализации деятельности: тот

объективный антагонизм, который выступает одним из основных факторов, динамизирующих деятельность и, соответственно, лежащих в основе всей ее функциональной динамики.

Психологический анализ деятельности в аспекте функциональной роли в ее организации процессов ПР позволяет, далее, выявить еще одну достаточно значимую, по нашему мнению, закономерность, суть которой заключается в следующем. Так, представляется вполне очевидным (по крайней мере, на первый взгляд), что во всех тех случаях, когда феномены и средства элиминации, рассмотренные выше, «не срабатывают» (т. е. оказываются либо недостаточными, либо дают «отрицательный» результат), субъект вынужден идти на реализацию процессов ПР. Иного выхода просто не остается (даже – по определению). Кроме того, представляется столь же очевидным, что эта реализация должна осуществляться по такому «сценарию», который подробно охарактеризован в психологической теории решений и закреплён в представлениях о так называемой «канонической форме» выбора [16].

Согласно этим представлениям, сущность такой «канонической» формы процессов ПР состоит в следующем. Субъект при возникновении ситуаций неопределенности и невозможности действовать в них по известному способу реализует так называемый «полный цикл» процесса ПР, включающий три основных этапа – информационную подготовку решения, собственно принятие решения, а также его реализацию. Подчеркнем, что при этом возникновение ситуаций неопределенности рассматривается как необходимое и достаточное условие для инициации собственно *продуктивных* процедур, направленных на выработку некоторого нового способа выхода из ситуации, а затем и его принятия в качестве операционного средства организации деятельности. После этого и «на основе этого» осуществляется третий этап – реализация принятого решения (с возможностью последующей его коррекции). Такая процедурная организация лежит, как известно, в основе одного из двух важнейших способов выработки и принятия решения, обозначаемого понятием *детерминистского* способа. Его суть как раз и заключается в том, что он, фактически, реализуется посредством «двухшаговой» процедуры. На первом «шаге» субъект, принимая максимизированную установку на полную компенсацию («снятие») неопределенности, стремится к восстановлению – поиску, добору, «вычерпыванию» имплицитной информации. Фактически, речь идет о том, чтобы практически полностью (пусть лишь и с субъективной точки зрения) устранить неопределенность из ситуации выбора. На втором «шаге» посредством, в основном, рационалистически-дискурсивных процедур и при стремлении к возможно большей обоснованности аргументов и «взвешиванию» альтернатив осуществляется собственно принятие решения. Его выбор имеет в данном случае успешивный характер и реализуется, повторяем, на основе принятия

субъектом максимизированного критерия предпочтительности практически всех компонентов выбора. Это означает, что субъект стремится к использованию, в основном, нормативных правил выбора и максимально информационно емких и объективно представленных информационных признаков; к реализации дискурсивных, а частично – и регламентированных в нормативно одобренном способе деятельности процедур выработки решения и т. п.

Данный способ позволяет, таким образом, компенсировать неопределенность на очень существенном интервале ее возрастания и тем самым принимать достаточно обоснованные, т. е. именно детерминистские решения. В дальнейшем, т. е. при последующем возрастании степени неопределенности, однако, имеет место феномен, также описанный в теории решений и состоящий в следующем. При некоторых значениях степени неопределенности возможности субъекта к ее компенсации и, соответственно, к выработке решений на основе детерминистского способа оказываются уже недостаточными. Реализация детерминистского способа становится уже поэтому объективно невозможной, и субъект переходит к выработке решений на основе принципиально иного – *вероятностного* способа. Его сущность состоит в следующем. В силу значительной степени неопределенности и, соответственно, столь же высокой степени сложности объективной ситуации, индивид реализует установку уже не на ее субъективно-полную компенсацию («снятие») неопределенности разрешения, а лишь на частичное ее преодоление. В силу этого, решения обретают именно вероятностный характер, т. к. частичное снятие неопределенности дает лишь те или иные шансы для достижения общих целей субъекта и для реализации на этой основе тех или иных деятельностных функций, но не гарантирует их. Характерной особенностью данного подуровня является и то, что он базируется не на дискурсивно-рациональных способах разрешения ситуации, а в основном на интуитивных средствах и приемах. Смена двух указанных способов образует собой так называемый «ДВ-переход», т. е. трансформацию одного из них (детерминистского) в другой (вероятностный). Она лежит в основе процессуальных трансформаций принятия решения при возрастании степени неопределенности внешних условий. Сказанное можно проиллюстрировать следующим образом (см. рисунок 2).

Вместе с тем, реальная картина организации процессов ПР в деятельности, а также динамика основных способов их подготовки при этом оказалась существенно более сложной и неоднозначной, но одновременно – и психологически более богатой. Сущность отличий реальной картины от той, которая считается нормативной и принята в качестве «канонической» в теории ПР, состоит в том, что в структуру деятельности включается принципиально *новый* способ подготовки и принятия решения (точнее – целое семейство

качественно гомогенных стратегий по его организации). Он может быть обозначен как *репродуктивный*, а его содержание и общий смысл являются в такой же мере простыми и очевидными, даже – интуитивно ясными, в какой он явно недооценен и, фактически, во многом просто «обойден вниманием» в психологических исследованиях деятельности и процессов ПР в ней. В значительной степени это объясняется самой его сущностью. Она, в свою очередь, базируется на феномене (точнее – механизме) *репродуктивности* как таковой. В общем плане его смысл состоит в следующем.

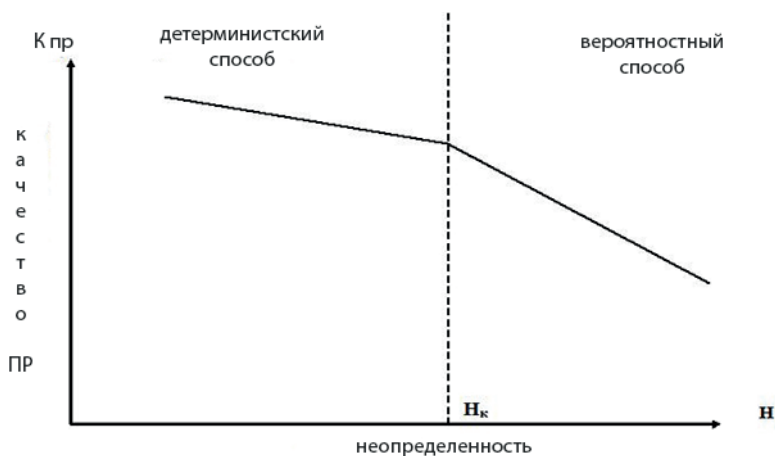

Рисунок 2. Взаимосвязь динамики основных способов реализации процесса ПР и степени неопределенности ситуации (нормативный подход)

Трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что реальная организация деятельности, ее осуществление в естественных, «жизненных», т. е. экологически валидных условиях (в ее массовом случае) в подавляющем числе случаев – и в целом, и в плане реализации процессов ПР в особенности, базируется именно на принципе репродуктивности. Действительно, несомненная реальность такова, что в огромном большинстве случаев деятельность и процессы ПР отнюдь не строятся (и даже *не должны* строиться) по типу нахождения какого-либо *нового* варианта, нового способа их организации в тех или иных ситуациях, т. е. по типу *продуцирования* новых стратегий и решений выхода из тех или иных деятельностных ситуаций (или ситуаций ПР). Эта организация строится принципиально иначе (и даже – противоположным образом). Субъект просто *распознает*, идентифицирует

в актуально возникающей ситуации ту или иную – уже встречавшуюся ранее ситуацию, затем относит ее к какому-либо знакомому ему типу; и, наконец, на основе всего этого репродуцирует тот вариант поведения (организации деятельности), который уже представлен в его прошлом профессиональном опыте как релевантный данному типу.

Иными словами, подавляющее большинство ситуаций, связанных с организацией деятельности, разрешается именно на основе принципа репродуктивности, а не продуктивности. Более того, оно не только «разрешается», осуществляется именно на основе данного принципа, но и *должно* осуществляться именно на его основе. Последнее объясняется достаточно просто. Любая «продукция», т. е. любой *новый* – спродуцированный вариант выхода из деятельностных ситуаций атрибутивно и объективно сопряжен с известным *риском* (уже просто потому, что он новый, а следовательно, еще не апробированный). Однако, именно это – рискованность – как раз и является наиболее негативным и нежелательным элементом организации практически всех видов реальной профессиональной деятельности. Вся ее организация и, прежде всего, нормативная регламентация как раз и направлены обычно именно на то, чтобы, по возможности, наиболее полно *исключить* данный элемент из нее.

В силу этого, по отношению к деятельности в целом и процессам ПР в ней, в частности, именно репродуктивность как базовый принцип ее организации является не только более важным и «позитивным», но и, фактически, императивным. Сама суть процедурной организации деятельности как раз и направлена обычно на то, чтобы максимально регламентировать, стандартизировать желательное – и алгоритмизировать ее. Это, разумеется, не относится к таким специфическим типам деятельности, как, скажем, творческие, «свободные» ее типы. Для подавляющего большинства «экологически валидных» случаев, т. е. для «мира деятельности» в целом, именно репродуктивность – это безусловное благо, чрезвычайно позитивный момент и фактор в ее организации, носящий, повторяем, фактически императивный характер. И напротив, для столь же подавляющего числа реальных случаев «продуктивность», мягко говоря, «не приветствуется», а нередко – просто запрещается и соответственно наказывается.

Вместе с тем, в силу целого ряда причин, в психологии деятельности (впрочем, не только в ней, но и в иных сферах исследований – например, в психологии мышления) данный феномен приобрел, в основном, «негативную» семантическую окраску. Он как бы оппозиционируется противоположному по отношению к нему феномену – продуктивности, который, наоборот, рассматривается как безусловно позитивный во всех отношениях. Согласно этой трактовке, «репродуктивный» – значит рутинный и повторяющийся, «старый»

и «неинтересный», даже – косный, стереотипный и пр. И напротив, «продуктивный» – значит новый и оригинальный конструктивный, результативный и пр. Конечно, во всем этом есть доля истины – но только лишь доля. По отношению именно к деятельности и, прежде всего, профессиональной, существенно большее значение имеют иные стороны и характеристики самого феномена репродуктивности.

Вместе с тем, не следует, конечно, упрощать реальную ситуацию, поскольку она, в действительности – именно в плане соотношения репродуктивного и продуктивного принципов организации деятельности, является еще более сложной и неоднозначной. Дело в том, что в любом отдельно взятом случае, т. е. при возникающей в каждый конкретный момент времени ситуации, она, характеризуясь сходством или даже подобием с уже содержащимися репрезентациями профессионального опыта, все же включает и тот или иной момент «новизны», отличия от «уже бывших» ситуаций. Поэтому и репродукция реагирования на нее должна быть не механической, а *адаптивной*. Она должна строиться не по типу автоматизированных реакций (операций), а по типу осознаваемых актов, ответов на нее. Реагирование на ситуации должно базироваться не на актуализации навыков, не по типу операций (которые как раз и ассоциируются в психологии деятельности с феноменом репродуктивности), а по типу опоры на системы *знаний*, по принципу актуализации именно знаний и построения на их основе соответствующего, т. е. именно *осознаваемого* способа ответа. Вместе с тем, сама степень осознаваемости профессионального опыта, всей совокупности используемых знаний может существенно различаться при реализации репродуктивного способа. Она в ряде случаев может быть достаточно редуцированной, в связи с чем сам опыт реализуется в форме так называемых «ситуационных стереотипий» (по [8]).

Наряду с этим, важно учитывать и ту крайне значимую роль, которую играет в организации деятельности известный «принцип экономии»; подчиненность многих аспектов деятельности и всей ее в целом данному принципу. Он – в наиболее общем виде, как известно, предполагает последовательную и развертывающуюся по нескольким направлениям *минимизацию* субъектных «затрат» на нее. Однако именно принцип репродуктивности является, безусловно, наиболее «выигрышным», т. е. более «экономичным» и в этом отношении. Кроме того, нельзя забывать и о том, что именно принцип репродуктивности лежит в основе формирования и профессионального опыта субъекта в целом. Он является основой расширения всего «репертуара» деятельностных средств, арсенала способов и стратегий организации деятельности.

В результате действия рассмотренных выше закономерностей, *реальная*

динамика способов организации процессов ПР в деятельности существенно усложняется и обретает вид, который схематично можно проиллюстрировать следующим образом (см. рисунок 3).

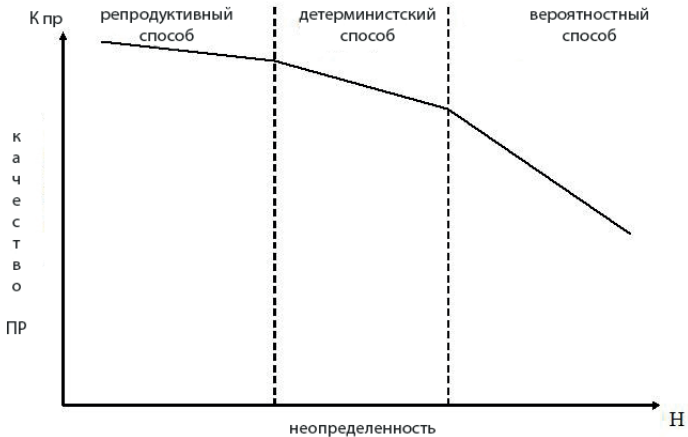

Рисунок 3. Взаимосвязь динамики основных способов реализации процесса ПР и степени неопределенности ситуации (дескриптивно-деятельностный подход)

В эту динамику включается новый способ подготовки и принятия решения – репродуктивный. Более того, он является первичной и исходной «реакцией» субъекта на возникновение ситуаций, характеризующихся неопределенностью и, соответственно, – необходимостью реализации в них процессов ПР. Он, предворяя тем самым собой детерминистский способ, так же, как и он (и это наиболее принципиально) обеспечивает реализацию процессов ПР именно по аналогичному с ним принципу – детерминистскому. Следовательно, он позволяет расширить общий интервал, который обозначается в теории решений как интервал *компенсированной неопределенности*, а тем самым существенно повышает общую резистентность субъекта к данному фактору, что, в свою очередь, выступает очень мощным фактором общей оптимизации деятельности. Вполне закономерно также, что этот же способ значительно содействует и повышению практически всех результативных параметров деятельности, а также повышению степени субъективного комфорта от ее осуществления и степени самооценки правильности ее реализации.

С этих позиций становится очевидным также, что сама *ситуация* – и как некоторая объективная реальность, и как понятие, явно недооцененное

теорией деятельности, должна быть понята и в качестве комплексной «единицы» формирования субъектно-деятельностного опыта. Это – способ и форма расширения не только «деятельностного арсенала» операционных средств (что, однако, уже само по себе очень значимо), но и средство расширения профессионального *опыта* субъекта. «В» ситуациях и «через» них, а также через их трансформацию в статус репродуктивных («уже бывших», «знакомых»), происходит «кристаллизация» и аккумуляция профессионально-деятельностного опыта субъекта. Особо выражено и значимо это именно по отношению к наиболее значимым деятельностным ситуациям, которые обычно и соотносятся с ситуациями выработки решений. Кроме того, с этих позиций становится не только очевидной необходимость синтеза теории решений с очень общей *парадигмой ситуационизма*, но и выявляются совершенно конкретные пути и средства такого синтеза.

Наконец, в свете представленного выше анализа раскрывается еще одна грань детерминационного влияния процессов ПР на организацию деятельности в целом; выявляется еще одна – значимая, на наш взгляд, закономерность такого влияния. Она состоит в том, что по отношению к организации деятельности процессы ПР, фактически, реализуют еще одну, не эксплицированную пока ни в теории решений, ни в теории деятельности, функцию. Действительно, как можно видеть из изложенного, в конечном итоге вся представленная выше картина обусловлена опять-таки ни чем иным, как стремлением субъекта к минимизации функциональной роли процессов ПР в организации деятельности. Он – по ходу развертывающейся профессионализации – все более расширяет арсенал репродуктивных средств деятельности, что в свою очередь означает все более полную *замену* процессов ПР средствами принципиально иного типа – репродуктивными по своей сути. Тем самым осуществляется общая оптимизация деятельности – причем, одновременно по целому ряду направлений, которые и были рассмотрены выше. Таким образом, вновь можно констатировать ту же принципиальную картину, которая была выявлена ранее при анализе феноменов элиминации. А именно: процессы ПР не только прямо и непосредственно влияют на результативные параметры деятельности (хотя, конечно, и так тоже), но оказывают это же влияние и принципиально иным путем – опосредствованно. Они как бы «выдаввливают» сами себя из структуры деятельности, трансформируясь в репродуктивные способы и средства снятия ситуаций неопределенности. Более того, именно в деятельности для этого существуют, пожалуй, наибольшие и, притом совершенно объективные, предпосылки и условия. Они коренятся в атрибутивно присущих деятельности чертах – повторяемости, стандартизованности, регламентированности, стереотипизированности и т. п. Можно сказать, что деятельность – это не только основной «заказчик»

репродуктивных форм ее организации, но и основное наиболее комплексное условие (и в этом смысле – «изготовитель») формирования именно таких форм. В этом плане становится очевидным, что процессы ПР раскрываются по отношению к организации и формированию деятельности в еще одной своей не эксплицированной в теории решений функции – *генеративно-порождающей* (а шире – и генетической). «В» и «через» процессы ПР деятельность не только проявляется, но и формируется – прежде всего, посредством складывания и совершенствования особой категории фундаментальных по своей значимости средств ее организации – репродуктивных.

Заключение

Таким образом, подводя итоги представленному выше анализу, можно сделать ряд заключений обобщающего характера, основные из которых состоят в следующем.

Во-первых, в настоящее время сложились все необходимые и достаточные условия для того, чтобы преодолеть одну из наиболее негативных черт современного состояния исследований в двух фундаментальных психологических направлениях (теории решений и теории деятельности) – фактически, отсутствие их действенных «концептуальных контактов» и тем более – их синтеза. И, напротив, реализация такого синтеза, как можно видеть из представленных выше материалов, действительно может в значимой степени содействовать развитию и углублению представлений по каждому из них.

Во-вторых, тем «концептуальным мостом», который позволяет действительно реализовать такой синтез, является общенаучный принцип системности, взятый, однако, в его совершенно конкретном выражении, суть которого состоит в следующем. Процессы ПР должны изучаться не «прямо» и непосредственно, не «сами по себе» (т. е. в их «чистом виде»), что предполагается методологией традиционной теории решений, а принципиально иначе – опосредствованно, точнее – деятельностно-опосредствованно. Они должны трактоваться и изучаться как такие операционные средства, которые формируются и реализуются «в» деятельности и «для» деятельности – как естественные и объективно необходимые для ее организации операционные средства. Лишь в деятельности они обретают поэтому свое конкретно-системное бытие, свою истинную – ненарушенную «исследовательскими процедурами» форму и наиболее богатый вид, развернутое содержание. Однако именно такой подход и равнозначен тому, что в системной методологии обозначается как смена призм видения – «предметоцентрической» на «системоцентрическую». Именно эта смена, а также развернутая реализация второй из указанных призм – это и есть, фактически, конкретная реализация системного подхода как такового.

В-третьих, очень показательно, а в плане обоснования предложенного выше подхода – и доказательно, что именно он позволяет получить целый ряд новых результатов как по отношению к проблеме ПР, так и по отношению к проблеме деятельности. Главными из них являются, на наш взгляд, две новые функции, которые выполняют процессы ПР по отношению к организации и реализации деятельности, равно, впрочем, как и к ее формированию. Это функции, обозначенные выше как *структурообразующая* и *генетически-порождающая* (генетическая).

В-четвертых, посредством экспликации и анализа именно этих функций выявляется обстоятельство и еще более имплицитного, но одновременно – и более значимого плана. Оно состоит в том, что в реальности детерминационные воздействия процессов ПР на результативные параметры деятельности представлены в двух основных и принципиально различных модусах. Первый – это *непосредственное* влияние качества принимаемых решений на результативные параметры деятельности.

Именно это влияние, существуя, естественно, как несомненная реальность, зачастую рассматривается уже не только как основное, но и как *единственное*. Вместе с тем, это не так, поскольку существует еще один – более «скрытый» от непосредственного наблюдения тип детерминационного воздействия. Он состоит в том, что процессы ПР, обладая «отрицательной валентностью» для субъекта, как бы «выдавливают» себя из структуры деятельности, что проявляется в общей тенденции к минимизации функциональной роли этих процессов в общей организации деятельности. Деятельность и структурируется и развивается (эволюционирует) в процессе профессионализации таким образом, чтобы минимизировать эту роль. Следовательно, процессы ПР оптимизируют общую организацию деятельности и за счет того, что (хотя это не вполне обычно с традиционной точки зрения) они имеют мощную тенденцию к «самоисключению» их из структуры деятельности, а тем самым и на основе этого – к максимизации ее результативных параметров. В результате и вся деятельность развертывается «в пространстве», образованном двумя «полюсами»: субъективной элиминативной тенденцией и объективной неустранимостью самого предмета этой элиминации – ситуаций ПР – и, соответственно, процессов выбора в них. Одновременно – это и одно из основных противоречий, лежащих в основе реализации деятельности: тот объективный антагонизм, который выступает одним из основных факторов, динамизирующих деятельность и, соответственно, лежащих в основе всей ее функциональной динамики.

С позиций сформулированных выше результатов становится существенно более понятной и та ситуация, которая была констатирована в начале статьи. Ее суть состоит в том, что несмотря на кажущуюся предельно очевидной

«решающую» и повсеместную роль процессов ПР в организации деятельности, эта роль постоянно «ускользает» от обнаружения и раскрытия. Представленные выше данные показывают, что такое «ускользание», в действительности, вполне закономерно, поскольку сама связь и детерминационные влияния процессов ПР на деятельность в реальности являются совсем не такими, как это полагается априорно и (или) традиционно. Они отнюдь «не лежат на поверхности», а носят, как правило, более глубокий и имплицитный характер. И лишь его обнаружение и раскрытие, представленное, в частности, в существовании двух охарактеризованных в данной статье новых функций процессов ПР (структурообразующей и генеративно-порождающей), позволяет в существенно большей степени приблизиться к выявлению и пониманию реальной, а не кажущейся очевидной, детерминационной роли процессов ПР по отношению к организации и реализации деятельности, а также к ее формированию.

Литература

1. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 300 с.
2. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. – М.: Наука, 1985. – 219 с.
3. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – М.: Наука, 1966. – 114 с.
4. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. – 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 82–127.
5. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – 602 с.
6. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. – М.: Изд-во ИП РАН, 2000. – 230 с.
7. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – М.: Изд-во ИП РАН, 2000. – 358 с.
8. Карпов А. В. Психология деятельности. Т. 2. Структурная организация. – М.: Изд. дом РАО, 2015. – 411 с.
9. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – 450 с.
10. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – М.: Изд. дом РАО, 2012. – 494 с.
11. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
12. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. –

- М.: Политиздат, 1984. – 464 с.
13. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
 14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 410 с.
 15. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 622 с.
 16. Нормативные и дескриптивные модели принятия решения. – М.: Наука, 1984. – 410 с.
 17. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практика. – М.: Наука, 1977. – С. 134–149.
 18. Психологические основы профессиональной деятельности. Хрестоматия. – М.: Per Se, 2007. – 854 с.
 19. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1984. – 410 с.
 20. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – М.: Изд-во ИП РАН, 2013. – 419 с.
 21. Hacker D. J. Metacognition: Definitions And Empirical Foundation // The University of Memphis // URL: <http://www.psyc.Memphis.edu/trg/meta.htm>
 22. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. – Cambridge: CUP, 1982. – 555 p.
 23. Simon H. A. Administrative behavior. – N. Y., 1947. – 236 p.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.91

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОРНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

**Ермаков Павел Николаевич
Воробьева Елена Викторовна
Яцык Геннадий Геннадьевич**

Работа выполнена в рамках проектной части внутреннего гранта Южного федерального университета № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи»

Работа посвящена изучению влияния индивидуально-типологических различий испытуемых на физиологические показатели реагирования во время процедуры тестирования на полиграфе.

В работе была проведена оценка: свойств нервной системы (силы, баланса и подвижности) с применением методики СЗМР-3 – сложной зрительно-моторной реакции; характерологических индивидуальных различий с применением теста акцентуаций характера К. Леонгарда и Г. Шмишека; показателей вегетативных реакций испытуемых (электрической активности кожи, верхнего и нижнего дыхания, сердечно-сосудистой активности, а также тремора) с применением профессионального компьютерного полиграфа «ПОЛАРГ-М» со специальным программным обеспечением «Фемида». В исследовании с применением полиграфа применялись следующие методики: стимуляционно-адаптирующий тест (САТ), тест общих контрольных вопросов (ТОКВ) и поисковый тест на знания виновного (П-ТЗВ). В работе приняли участие 30 человек в возрасте от 18 до 24 лет.

В результате исследования показано, что испытуемые с ярко выраженным свойством силы нервной системы способны более успешно противостоять процедуре тестирования на полиграфе. Выявлено влияние характерологического комплекса «тревожность – эмотивность» на амплитуду позитивной и негативной полуволн в канале электрической активности кожи. Показана принципиальная возможность дифференцирования реакций

испытываемых, вызванных тревожностью либо значимостью стимула, что позволяет избежать ошибки ложного обвинения. Показано, что различные способы реагирования на стресс могут формировать индивидуальные формы физиологических реакций. В этих условиях ключевое значение приобретает понятие индивидуального симптомокомплекса как уникального набора параметров физиологических реакций, возникающих при предъявлении исследуемому лицу субъективно значимых стимулов.

Ключевые слова: индивидуальные особенности, полиграф, стресс, эмоциональность, тревожность, переключаемость, симптомокомплекс, сила НС, акцентуации характера, кожно-гальваническая реакция.

Введение

Вопросы государственной и общественной безопасности являются одними из самых важных направлений в деятельности любого государства. В этой связи учет человеческого фактора имеет особое значение. Именно поэтому исследования в области выявления скрываемой человеком информации являются одними из самых актуальных в современной психологической науке [14]. На сегодняшний день существует большое количество методов тестирования психики испытуемых с целью выявления скрываемой ими информации. В рамках психологической науки в этой области имеется большое количество концепций, начиная от чисто «психологических», таких как оперативная психодиагностика, анализ невербального поведения и других [3, 20], заканчивая методами, в основе которых лежит применение специальных устройств, регистрирующих изменение физиологической активности испытуемых [5].

Наиболее научно обоснованным и широко применяемым сегодня является метод детекции скрываемой информации с применением полиграфа. Опрос с применением полиграфа – это психофизиологическое исследование (ПФИ), в ходе которого проводится регистрация деятельности вегетативной нервной системы испытуемого во время предъявления ему опросников, содержащих релевантные и нерелевантные стимулы. Именно анализ и сравнение между собой реакций на эти стимулы и дает возможность судить о наличии или об отсутствии определенной информации у испытуемого. Один из наиболее авторитетных современных исследователей в области инструментальной «детекции лжи» Ю. И. Холодный характеризует процесс ПФИ с применением полиграфа как исследование памяти человека с целью обнаружения наличия (или отсутствия) следов событий, имеющих уголовно-релевантное значение [19].

Одной из самых актуальных проблем, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей в области полиграфологии, является вопрос о значении индивидуально-типологических различий испытуемых при

проведении психофизиологического исследования с применением полиграфа [1, 2, 4, 6, 7, 9, 10, 16, 18, 19, 21, 24].

Особое место в исследованиях в области детекции скрываемой информации занимает метод регистрации электроэнцефалограммы и вызванных потенциалов мозга. Как показано во многих исследованиях, волна P300 является одним из наиболее достоверных маркеров процесса сокрытия информации [12, 22, 23]. Интересные результаты были получены в результате ЭЭГ-исследований индивидуальных различий. Так, было показано, что как особенности темперамента, так и уровень мотивации испытуемых при выполнении заданий довольно отчетливо отражаются в динамике ЭЭГ, а последняя, в свою очередь, непосредственно коррелирует с динамикой ЧСС [25, 26, 27].

Как правило, процедура тестирования на полиграфе носит стрессогенный характер для исследуемого лица. Это может быть связано и с боязнью ложного обвинения, и просто с незнанием элементарных основ работы полиграфа. Так или иначе, но стресс – это один из самых важных факторов, который должен быть учтен при проведении тестирования на полиграфе.

Один из наиболее уважаемых современных ученых в области изучения стрессового поведения Д. А. Жуков дает следующее определение стресса: «Стресс – это неспецифическая системная приспособительная реакция организма на новизну, т. е. на отклонение условий существования от привычных» [8]. Исследователь подчеркивает, что степень стрессорности ситуации для конкретного человека зависит от его индивидуально-типологических особенностей. Для интроверта такой стрессорной ситуацией может оказаться простое общение с незнакомым человеком, а у экстраверта причиной стресса может стать простая, но монотонная работа [8].

Выделяют два типа поведения человека при возникновении стрессовой ситуации: реакция по типу «борьбы или бегства» и реакция по типу «защиты». Указанные типы реагирования связаны с индивидуальными особенностями реагирования и возможными различиями реагирования на физиологическом уровне [9, 10].

Одну из самых важных проблем ПФИ с применением полиграфа затронули С. И. Оглоблин и А. Ю. Молчанов, указав на две разновидности ошибок, которые может совершить полиграфолог при проведении исследования:

а) ошибки I-го типа, которые трактуются как «ложная тревога», «обвинение невиновного» или «ошибочное принятие обвинительной версии»;

б) ошибки II-го типа, которые определяются как «пропуск цели», «оправдание виновного» или «ошибочное принятие оправдательной версии» [16].

Нам представляется, что расширение исследований в области индивидуально-типологических различий испытуемых при проведении тестирования

на полиграфе будет способствовать более точному пониманию тех или иных физиологических реакций испытуемых, что позволит повысить точность и обоснованность проводимых исследований.

Целью нашего эмпирического исследования было изучение влияния индивидуально-типологических различий испытуемых на физиологические показатели реагирования во время процедуры тестирования на полиграфе.

Нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Индивидуальные характерологические различия испытуемых могут оказывать значимое влияние на частоту и величину проявления тех или иных информативных признаков во время процедуры тестирования на полиграфе.

2. Индивидуальные особенности свойств нервной системы испытуемых могут оказывать влияние на физиологические показатели реагирования испытуемых, такие как амплитуда, латентность и скорость протекания реакций, что может сказываться на вероятности правильного определения значимых стимулов.

Методика

Проведенное нами эмпирическое исследование состояло из следующих этапов:

- 1) целью первого этапа исследования было получение данных об индивидуально-типологических различиях испытуемых;
- 2) на втором этапе испытуемые проходили тестирование на полиграфе;
- 3) полученные данные были обработаны при помощи методов математической статистики.

В эксперименте приняли участие 30 испытуемых, из них 16 мужчин и 14 женщин, в возрасте от 18 до 24 лет. Никто из испытуемых ранее не проходил процедуру тестирования на полиграфе.

Первым этапом данного экспериментального исследования было проведение комплекса тестов, целью которых было выявление индивидуально-типологических различий испытуемых. Свойства нервной системы (сила, баланс, подвижность) выявлялись при помощи устройства психофизиологического тестирования УПФТ 1/30 – «ПСИХОФИЗИОЛОГ» с применением методики СЗМР-3 – сложной зрительно-моторной реакции с выбором из двух альтернатив в 3 этапа [17].

Для определения характерологических индивидуальных различий был использован тест-опросник для определения акцентуаций характера К. Леонгарда и Г. Шмишека. В результате применения теста-опросника каждому испытуемому было присвоено значение от 0 до 24 баллов по каждой из десяти акцентуаций, включенных в тест [13].

Второй этап нашего эксперимента представлял собой процедуру психофизиологического исследования с применением полиграфа. Главной целью данного этапа исследования являлось получение характеристик индивидуального симптомокомплекса испытуемых. Здесь важно дать определение этого термина. Нам представляется наиболее точным определение, приведенное Р. С. Ивановым: «индивидуальный симптомокомплекс – это уникальный набор параметров физиологических реакций, возникающий при предъявлении исследуемому лицу субъективно значимых стимулов, обусловленный его оптимальным функциональным состоянием в ходе всего процесса психофизиологического исследования с применением полиграфа» [9].

Тестирование на полиграфе проводилось под общим руководством опытного эксперта полиграфолога, с соблюдением всех соответствующих процедуре требований и рекомендаций, принятых на сегодняшний день в Российской Федерации:

- с каждым испытуемым предварительно проводилась предтестовая беседа, в ходе которой испытуемому сообщались все необходимые сведения о предстоящей проверке и обсуждаемых в ходе этой проверки вопросах. В течение данного этапа исследователь также собирал информацию об испытуемом, которая учитывалась при последующем составлении и корректировании тестов;
- в исследовании применялись наиболее распространенные и апробированные на сегодняшний день тестовые методики: стимуляционно-адаптирующий тест (САТ), тест общих контрольных вопросов (ТОКВ) и поисковый тест на знания виновного (П-ТЗВ);
- каждый тест, использованный при проведении проверки на полиграфе, предъявлялся 4 раза;
- порядок предъявления всех вопросов в тестах изменялся от предъявления к предъявлению, чтобы избежать позиционного эффекта;
- на момент проведения тестирования в лаборатории находились только экспериментатор и испытуемый;
- в поле зрения испытуемого не попадали ни полиграф, ни исследователь;
- непосредственно перед каждым тестом с испытуемым обсуждались вопросы, которые планируется предъявлять во время этого теста.

Для регистрации вегетативных реакций использовался профессиональный компьютерный полиграф «ПОЛАРГ-М» со специальным программным обеспечением «Фемида». Для регистрации физиологической активности испытуемых использовались три основных канала и один дополнительный: канал электрической активности кожи, верхнего и нижнего дыхания, сердечно-сосудистой активности, а также канал регистрации тремора.

Результаты исследования

В результате эмпирического исследования были получены данные об индивидуально-типологических различиях испытуемых и особенностях проявления их индивидуального симптомокомплекса. По каждому испытуемому в сумме было собрано 29 переменных, измеренных как в номинативной шкале, так и в шкале абсолютных величин. В качестве статистического теста в нашем исследовании был использован метод непараметрической корреляции Спирмена. Также был использован факторный анализ, целью которого было выявление возможных скрытых переменных, влияющих на формирование симптомокомплекса. Для оценки возможностей прогнозирования особенностей симптомокомплекса нами был использован метод множественного регрессионного анализа [15].

В результате проведения корреляционного анализа нами была получена высокая отрицательная корреляционная связь между свойством силы нервной системы и успешностью определения программой «Фемида» реализации ложных ответов ($r_s = -0,496^{**}$, $p < 0,01$). Интересная корреляционная связь была выявлена между переменными свойствами переключаемости нервных процессов и амплитудой негативной полуволны в канале КГР ($r_s = 0,392^*$, $p < 0,05$), что также может косвенно свидетельствовать о валидности данных, полученных в ходе исследования, т. к. негативная полуволна по каналу КГР – это показатель, отражающий, в том числе, работу свойства переключаемости нервных процессов.

Особое внимание стоит уделить корреляционным связям между позитивной и негативной полуволнами (канал КГР) с тревожностью и эмотивностью. Уровень значимости этих связей составляет $p < 0,05$. Их корреляционная связь устойчиво проявлялась на всех промежуточных этапах обсчета эмпирических данных и при использовании различных методов математической статистики. Интересной эта связь представляется из-за выявленной закономерности: позитивная полуволна имеет устойчивую корреляционную связь и с тревожностью ($r_s = 0,379^*$, $p < 0,05$), и с эмотивностью ($r_s = 0,434^*$, $p < 0,05$), в то время как негативная полуволна имеет устойчивую связь только с эмотивностью ($r_s = 0,404^*$, $p < 0,05$).

Полученные нами данные были обработаны при помощи факторного анализа. Результаты представлены в таблице 1.

В результате факторного анализа удалось классифицировать данные. Первый фактор (переключаемость нервных процессов, тревожность, позитивная и негативная полуволны) можно охарактеризовать как группу, влияющую на амплитуду реагирования по каналу КГР, второй фактор (демонстративность, гипертимность, реакция облегчения) – группа корреляций, влияющих на реакцию облегчения, а третий (сила нервной системы, эмотивность,

эффективность работы программы «Фемида») – фактор успешности определения программой «Фемида» реализации ложных ответов.

Таблица 1.

Матрица перевернутых компонент исследуемых переменных

	<i>Компонента</i>			
	1	2	3	4
Сила НС	,054	,076	,823	–,154
Переключаемость НС	,700	–,202	–,007	–,399
Демонстративность	,050	,910	–,162	–,022
Педантичность	,039	–,125	–,064	,908
Гипертимность	–,191	,812	,153	–,069
Тревожность	,643	,264	,165	,217
Эмотивность	,360	–,114	,606	,180
Облегчение	,386	–,547	–,079	,430
Позитивная п-на	,758	–,125	,340	,158
Негативная п-на	,749	–,316	,192	,018
«Фемида»	–,163	–,024	–,820	,044

Последним методом математической статистики, примененным в нашем исследовании, стал метод множественного регрессионного анализа (МРА). Первой регрессионному анализу мы подвергли самую значимую корреляцию нашего исследования – свойство силы нервной системы и успешность определения программой «Фемида» значимых стимулов. Анализ показал, что коэффициент детерминации этой регрессии нельзя назвать высоким (R -квадрат = 0,278), в то время как высокая отрицательная значимость связи была подтверждена (коэффициент β = –0,528). Графическая модель регрессии отображена в рисунке 1.

Ожидаемыми оказались результаты анализа комплекса «эмотивность – тревожность» и амплитуды позитивной полуволны. Коэффициент детерминации (R -квадрат) был равен 0,250, а важность переменных (коэффициент β) составила 0,344 для эмотивности и 0,274 для тревожности, что примерно сопоставимо. Графическое изображение этих регрессий можно увидеть на рисунках 2 и 3.

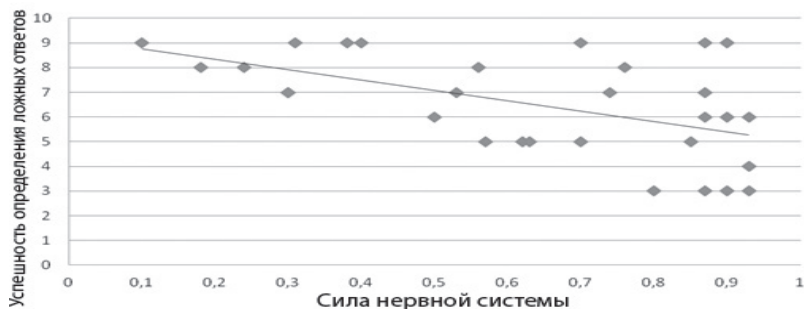

Рисунок 1. Зависимость силы нервной системы и успешности определения ложных ответов программой «Фемида»

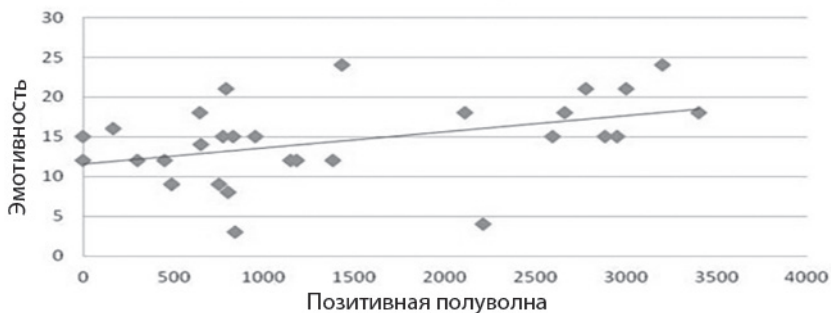

Рисунок 2. Регрессия позитивной полугодны и эмотивности

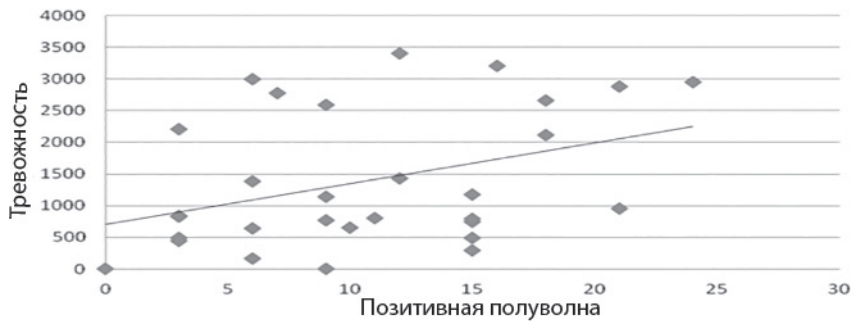

Рисунок 3. Регрессия позитивной полугодны и тревожности

Наибольший интерес вызвал анализ результатов корреляций эмотивности, тревожности и переключаемости нервных процессов с позитивной и негативной полуволнами. По результатам анализа регрессии группы «тревожность, эмотивность и свойство переключаемости» (независимые переменные) с амплитудой негативной полуволны (зависимая переменная), автоматический обсчет исключил корреляцию тревожности из расчетов, посчитав ее незначимой. При этом коэффициент детерминации регрессии одного параметра «эмотивность» составлял 0,178 (R-квадрат), а в сумме с переключаемостью нервных процессов уже составил 0,295 (R-квадрат), причем важность переменных (коэффициент β) для «эмотивности» составлял 0,362, а для «переключаемости НП» 0,347, т. е. они были равнозначны. На рисунке 4 изображена регрессия негативной полуволны и эмотивности.

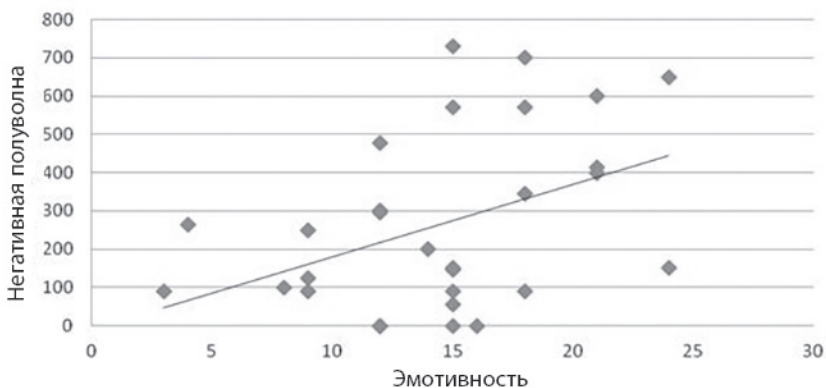

Рисунок 4. Регрессия негативной полуволны и эмотивности

Обсуждение результатов

Подводя итоги нашего эмпирического исследования, можно заключить, что поставленная цель была реализована, а гипотезы подтвердились. Мы выяснили, что индивидуально-типологические особенности оказывают значимое влияние на формирование индивидуального симптомокомплекса и что учет психологических и психофизиологических характеристик человека в равной степени важен.

В результате нашего исследования было выявлено, что среди психофизиологических особенностей испытуемых наибольшее влияние на формирование симптомокомплекса физиологического реагирования оказывают свойство силы нервной системы и свойство переключаемости нервных процессов.

Среди психологических характеристик наиболее значимыми для формирования симптомокомплекса испытуемых оказались такие характеристики, как демонстративность, педантичность, гипертимность, тревожность и эмотивность. В качестве зависимых переменных выступили амплитуда позитивной и негативной полуволн (канал КГР), реакция облегчения (канал ПГ), а также эффективность определения программой «Фемида» реализации ложных ответов. Следует сказать, что полученные нами данные, в целом, можно разделить на две группы: данные, которые с определенной степенью осторожности могут быть учтены при проведении специалистом действительной проверки на полиграфе, и данные, которые представляют собой только научный интерес и требуют дальнейших исследований.

Наиболее значимая отрицательная корреляция была выявлена между свойством силы нервной системы и успешностью определения программой реализации ложного ответа испытуемым ($p < 0,01$). Эта связь представляется нам логически понятной и объяснимой. Об этом говорит и Л. Г. Алексеев, обращая внимание на то, что сила нервной системы имеет большое значение в условиях стрессовых ситуаций [1]. Е. П. Ильин приводит данные о том, что у лиц со слабой нервной системой быстрее происходит снижение эффективности реагирования [11]. Приведенных данных из литературы достаточно, чтобы заключить, что существование этой корреляции связано с тем, что лица с сильной нервной системой способны дольше выдерживать стрессовые нагрузки и дольше находиться в «эффективном» состоянии, даже в моменты реализации ложных ответов. Но, помимо описанной корреляции, по результатам факторного анализа были получены данные о том, что в одну группу с вышеуказанными переменными была включена также и такая переменная, как эмотивность. Это может быть связано с тем, что эмотивность имела наибольшие корреляции как с позитивной, так и с негативной полуволнами (канал КГР). Вполне возможно, что это связано с тем, что канал КГР в лабораторных исследованиях наиболее наглядно демонстрирует значимость стимулов.

Пожалуй, самым значимым результатом нашего эмпирического исследования стала выявленная связь комплекса «эмотивность – тревожность» с позитивной и негативной полуволнами.

Корреляционный анализ показал, что позитивная полуволна имеет значимые корреляции с переменными «тревожность» и «эмотивность» ($p < 0,05$), в то время как негативная полуволна имеет значимые корреляции лишь с эмотивностью ($p < 0,05$), а с тревожностью таковых обнаружено не было. Это позволило нам сделать предварительные выводы о том, что высокоамплитудная позитивная полуволна в сочетании с амплитудной негативной полуволной может служить индикатором того, что человек эмоционально воспринимает отдельные из предъявленных ему стимулов, или же, в случае

отсутствия амплитудной негативной полуволны, испытывает тревогу по поводу задаваемых ему вопросов.

Применение дополнительных методов математической статистики, таких как факторный анализ и множественный регрессионный анализ, подтвердило полученные нами данные. Также удалось выявить, что помимо эмотивности на величину негативной полуволны оказывает влияние также и свойство переключаемости нервных процессов.

Выводы

В результате исследования были получены данные о значительной отрицательной ($p < 0,01$) связи свойства силы нервной системы с успешностью определения программой «Фемида» релевантных стимулов. Эти данные подтверждают предположения Л. Г. Алексеева об отрицательной корреляции развитой эмоционально-волевой сферы и успешности определения релевантных стимулов [1].

Установлена корреляционная связь амплитуды позитивной полуволны в канале электрической активности кожи с тревожностью и эмотивностью ($p < 0,05$), а также связь амплитуды негативной полуволны с эмотивностью ($p < 0,05$). Это позволяет нам утверждать о принципиальной возможности использования комплекса «тревожность – эмотивность» для более точной диагностики вызываемых у испытуемых эмоций во время предъявления им вопросников, а также для снижения риска допущения ошибки ложного обвинения.

Теоретический анализ современной литературы и результаты проведенной нами эмпирической работы позволяют сказать, что исследования в области влияния индивидуально-типологических различий испытуемых на особенности их физиологического реагирования имеют большой научный и практический интерес. Не вызывает сомнения необходимость теоретического обоснования и практического подтверждения выявленной нами связи комплекса «тревожность – эмотивность» с позитивной и негативной полуволнами в канале электрической активности кожи. В этой связи нам представляются наиболее перспективными исследования в области стрессорных и гормональных механизмов человека и их влияния на индивидуальный симптомокомплекс испытуемых.

Литература

1. Алексеев Л. Г. Психофизиология «детекции лжи». – М., 2011. – С. 30, 41, 105.
2. Варламов В. А., Варламов Г. В. Компьютерная детекция лжи. – Краснодар: Илигар, 2010. – 946 с.
3. Гоннов Р. В., Ляшенко В. Н. Бесконтактная детекция лжи как важный инструмент сотрудника полиции // Научно-методические проблемы

- подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел // Сборник материалов VIII межвузовской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2015. – С. 7–12.
4. *Дикий И. С.* Влияние психофизиологических и психологических особенностей участников полиграфных проверок на характер проявления информативных признаков / Центр специальных исследований и экспертиз // URL: <http://www.psy-expert.ru/publ/16-1-0-47>
 5. *Дикий И. С.* Возможности применения полиграфа и новых альтернативных методов инструментальной детекции лжи для предупреждения террористических угроз // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 63–67.
 6. *Дикий И. С.* Психофизиологические особенности субъектов в условиях инструментальной детекции скрываемой информации: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 173 с.
 7. *Ермаков П. Н., Иванов Р. С.* Организационно-методические аспекты судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Методическое пособие для студентов психологических и юридических вузов. – М., 2015.
 8. *Жуков Д. А.* Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. – Т. 1. – М., 2015. – С. 428.
 9. *Иванов Р. С.* Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 90–97.
 10. *Иванов Р. С.* Пригодность психофизиологического состояния человека к применению полиграфа // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10/1. – С. 9–12.
 11. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология. – СПб.: Питер, 2001. – 463 с.
 12. *Кузнецов Д. А., Воробьева Е. В.* К вопросу об использовании метода анализа электрической активности мозга в сфере детекции лжи // Личность в современном обществе: социализация, поведение, общение: Материалы Всероссийской научной конференции (19–20 апр. 2007 г.) / Науч. ред. Н. И. Виноградова. – Чита, 2007. – С. 155–158.
 13. *Миронова Е. Е.* Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие. – Минск: Изд-во Женского института ЭНВИЛА, 2005. – 155 с.
 14. *Мочагин П. В., Сметанин А. М.* Детекция лжи: психофизиологическое исследование и основы информационной технологии выявления скрываемой информации // Вестник ИЖГТУ им. М. Т. Калашникова. – 2013. – С. 121.

15. *Наследов А. Д.* Математические методы в психологии. – СПб.: Речь, 2012. – 392 с.
16. *Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю.* Инструментальная «детекция лжи». – Ярославль: Ньюанс, 2004. – 464 с.
17. Руководство пользователя УПФТ-1/30 «Психофизиолог» / Научно-производственно-конструкторская фирма «Медиком МТД». – Таганрог, 2005.
18. *Сошников А. П., Федоренко В. Н., Молчанов А. Ю. и др.* Методика по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа в кадровой работе, оперативно-розыскной деятельности и уголовном производстве. – М., 2008. – 90 с.
19. *Холодный Ю. И.* Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. – 2005. – № 1 (13). – С. 39–48.
20. *Черкасова Е. С.* Профайлинг как метод создания психологического портрета потенциального преступника на этапе организации предварительного расследования // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2013. – С. 72–73.
21. *Barland G. H., Raskin D. C.* Detection of Deception. In *Electrodermal Activity in Psychological Research*. – N. Y.: Academic Press, 1973.
22. *Dikiy I. S., Dikaya L. A., Ermakov P. N.* Amplitude and latency of components of event related potentials as indicators of false responses in participants with different modes of thinking // *International journal of psychophysiology*. – 2012. – V. 85. – Issue 3. – P. 378. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.041
23. *Dikiy I. S., Ermakov P. N.* Interhemispheric distribution of components of Event-related potentials during false responses // *International Journal of Psychology*. – 2012. – V. 47. – Supp. 1. Special Issue: XXX International Congress of Psychology. – pp. 145–146.
24. *Gronau N., Ben-Shakhar G., and Cohen A.* Behavioral and Physiological Measures in the Detection of Concealed Information // *Journal of Applied Psychology*. – 2005. – V. 90. – no. 1. – pp. 147–158.
25. *Vorobyeva E.* EEG spectral power during the performance of mental tasks and individual profile asymmetry of twins // *International Journal of Psychophysiology*. – 2012. – V. 85. – I. 3. – P. 424. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.157
26. *Vorobyeva E., Ermakov P.* Event-related potentials and achievement motivation (research of twins) // *International Journal of Psychophysiology*. – 2012. – V. 85. – I. 3. – P. 421. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.149
27. *Vorobyeva E. V., Ermakov P. N., Saakyan O. S.* The relationships between the achievement motivations and temperaments of psychology students with different lateral organization profiles // *Psychology in Russia: State of the Art*. – 2015. – V. 8. – I. 1. – pp. 32–42. doi:10.11621/pir.2015.0104

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.624.3:159.99

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Голоснов Олег Анатольевич

Девиантное поведение выступает особой тематикой в дискурсе современных социально-гуманитарных дисциплин, поскольку девиации являются оборотной стороной решения ключевого вопроса об архитектонике социального порядка. Вместе с тем, понимание природы этого феномена по-прежнему остается актуальной задачей. В настоящей статье рассматриваются концепция социальной аномии, продолжающая выступать смыслообразующим элементом российской девиантологии, а также ее возможности при анализе отклоняющегося поведения в постсоветском обществе.

Сформулирована авторская позиция, согласно которой норма и отклонение являются не надындивидуальной данностью, а вырабатываемыми различными группами социальными представлениями, которые в интересубъективном мире повседневности становятся самоочевидными феноменами реальности. В связи с этим отечественная девиантология стоит перед необходимостью определенного пересмотра своих концептуальных оснований. Дальнейшее развитие междисциплинарного подхода, в частности, использование социально-когнитивистских, феноменологических, конструкционистских концепций может дать возможность получения более адекватных ответов на взаимосвязанные вопросы – как вообще возможны отклонения, и почему они происходят, – поскольку объясняет и саму природу социального порядка.

В рассматриваемом отношении одним из наиболее перспективных подходов выступает использование концепции социальных представлений, разработанной С. Московичи. Социальные представления являются определенным набором понятий, берущих свое начало в повседневной коммуникации и интеракции, в результате чего они становятся общепринятыми, и с их помощью происходит создание реальности здравого смысла, обыденного знания. Самое непосредственное отношение эти процессы имеют

к определению значений континуума «норма – отклонение», а также факторов, под воздействием которых распространяющиеся в постсоветском обществе различные формы социального варварства приобретают статус самоочевидных феноменов повседневной реальности.

Ключевые слова: *девиация, аномия, нормативно-ценностный вакуум, социально-когнитивный подход, конструкционизм, социальные представления, интерсубъективность, конвенциональность, категоризация.*

Введение

Девиантное поведение выступает особой тематикой в дискурсе современных социально-гуманитарных дисциплин, что неудивительно, ибо социальные девиации являются оборотной стороной решения, по сути, главного вопроса – как возможен социальный порядок, какова архитектоника его становления и функционирования? Вместе с тем, сегодня по-прежнему актуальным остается то, насколько адекватно ученые представляют себе природу вышеуказанного феномена (равно как и сам механизм формирования социального порядка). Выраженные релятивность и неоднозначность самого понятия «девиантное поведение» обнаруживаются уже в первом приближении. Действительно, без понятия «норма» понятие «девиация» попросту нефункционально. В самом общем виде нормы представляют собой исторически сложившийся континуум допустимого и позволительного в поведении индивида, группы, из чего следует, что это также и определенный комплекс ожиданий и требований, предъявляемых обществом (общностью).

Адекватность требованиям и ожиданиям как критерий нормативности основывается на определенном понимании полезности, безопасности и т. п. Здесь достаточно вспомнить тот хрестоматийный исторический факт, что руководствуясь именно соображениями полезности, сограждане признали идеи Сократа общественно опасными в степени, требующей применения к нему высшей меры наказания.

Кроме того, плеядой выдающихся исследователей экзистенциально-гуманистического направления (В. Франкл, Э. Фромм, К. Хорни и др.) было показано, что приспособление к требованиям социальной среды способно деструктивно воздействовать на личность посредством навязывания ей чуждых ценностей и потребностей и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как универсальный критерий разграничения нормы и отклонения (например, анализ патогенности формирования так называемой «тирании долженствования» как определенного поведенческого императива).

В качестве иллюстрации обращения к неким идеальным нормам можно привести точку зрения отечественного исследователя Б. С. Братуся, который нормальным считал такое развитие человека, которое ведет его к обретению

родовой человеческой сущности, проявляемой в следующих характеристиках – отношение к человеку как самоценности, способность к любви и творчеству, внутренняя ответственность перед собой и другими и т. п. [12]. Объективная и непредвзятая практика жизненных наблюдений показывает, что зачастую в обществе вполне нормальными называются люди, в своем поведении очень далеко отстоящие от подобного идеализированного образца.

Помимо этого, социальные нормы, как известно, имеют культурально и исторически изменчивый характер. Так, например, практически до конца 80-х гг. XX в. в нашей стране для подавляющего большинства людей слова «бизнес» и «бизнесмен» преимущественно означали элементы разнообразных антикапиталистических агиток, а предпринимательская активность была чревата наступлением уголовной ответственности.

Уже только этих приведенных доводов достаточно для понимания проблематичности определения значений интервала «норма – отклонение». Для целей настоящего исследования гораздо важнее то обстоятельство, что *как норма, так и девиация по своей природе являются формирующимися в обществе представлениями людей соответственно о мере, рамках допустимого в поведении и о характере выхода за их пределы. Эти представления разделяются с другими людьми и ложатся в основу формирования картины мира, обретения личностной и социальной идентичности.*

Я. И. Гилинский делает выдержку из результатов проведенного в США в начале 60-х гг. XX в. социологического опроса, имевшего целью выяснить, как люди определяют девиантность. В ходе описанного исследования было получено более 250 различных ответов, в т. ч.: кинозвезды, насильники над детьми, извращенцы, профессиональные картежники, наркоманы, политические экстремисты, консервативно настроенные, женщины-карьеристки, проститутки, лгуны, обольстительницы, священники, атеисты, либералы, коммунисты, алкоголики, пенсионеры, уголовники, разведенные, водители-лихачи, всезнайки-профессора (Р. Симмонс, 1965) [8].

Очевидно, что выявленный в указанном исследовании разброс мнений и оценок обусловлен как различиями в особенностях индивидуальных биографий, так и действием целого комплекса микро- и макросоциальных факторов. Аналогичных примеров любой исследователь-девиантолог может привести большое количество, в том числе из жизни российского социума на этапе современности. Так, априори девиантной предпринимательская деятельность сегодня воспринимается только представителями старшего поколения. В то же время, в рассматриваемом отношении весьма показательна резонансная история 2010 г. с судом над так называемыми «приморскими партизанами» – организованной преступной группой, в течение определенного времени совершившей в Приморском крае несколько

убийств сотрудников правоохранительных органов. Несмотря на содеянное, в общественном мнении, СМИ представители данной ОПГ получили поддержку и даже моральное оправдание как борцы с дискредитировавшими себя силовыми структурами.

С учетом всего вышесказанного девиантологи должны стремиться найти ответ на вопросы не только о том, *как и почему происходят отклонения от норм, регулирующих жизнь человеческих обществ*, но и о том, *как вообще возможно отклонение*.

Концепция социальной аномии как системообразующий элемент отечественной девиантологии и ее возможности в анализе девиаций в современном российском обществе

В частности, в современной западной девиантологии и криминологии стали активно развиваться постмодернистские концепции преступности и иных проявлений девиантности, трактующие их в качестве социальной конструкции. В работах таких авторов, как Н. Кристи, М. Робинсон, Л. Халсман, Н. Хесс, С. Шеерер, Э. Янг и мн. др., девиации рассматриваются не как онтологическое явление, а как мыслительная конструкция, имеющая при этом преходящий характер, из чего следует радикальный тезис о несуществовании девиантного поведения в природе [9]. Нормативно-ценностный порядок в высшей степени релятивен, чему наглядный пример – реагирование определенных социальных институтов на пресловутые «преступления без жертв» (Э. Шур): гомосексуализм, наркопотребление, проституция и т. п. Этому очень созвучна интеракционистская позиция сторонников теории стигматизации, согласно которой девиантность – не имманентно присущее некому социальному действию качество, а следствие его «называния» в качестве такового в результате соответствующего отношения общества.

Это, разумеется, не означает принципиальную произвольность процессов конструирования девиантности. Так, очевидно, что фиксируемый в постсоветском периоде высокий уровень распространения наркотизма в России, события наподобие происходивших в городах Кондопога и Сальск, станице Кущёвской и т. п. не могут не создавать угроз стабильности общества. Следовательно, трудно переоценить значимость выявления конкретных причинно-следственных связей в развитии соответствующих явлений.

Между тем, согласно авторитетному мнению Я. И. Гилинского, отечественная девиантология далеко не в полной мере отвечает вызовам времени. Последняя не вписалась в должной мере в мировую, не включена в нее, нет значимых теоретических прорывов [7]. Это обстоятельство способно ставить под сомнение ее возможности к получению адекватных ответов на вышеуказанные вопросы.

На наш взгляд, наиболее наглядно сказанное можно продемонстрировать на примере осуществляемого в отечественной девиантологии анализа явления *социальной аномии*, характеризующего транзитивность российского общества. Данное понятие, введенное в социологический оборот Э. Дюркгеймом и в дальнейшем развитое Р. Мертоном, с начала 90-х гг. XX в. выступает в качестве своеобразного «стержня», центрального, смыслообразующего элемента девиантологического дискурса. В частности, отмечается, что в течение более двадцати лет едва ли не половина статей в «СОЦИСе» затрагивает проблему социальной аномии в России [15].

Один из наиболее известных исследователей кризисных явлений «переходного» российского социума С. Г. Кара-Мурза в своей работе «Аномия в России: причины и проявления» (2013) «аномичность» общества на всем постсоветском этапе последовательно рассматривает с позиций концептуализации польским социологом П. Штомпой резких и масштабных социокультурных изменений как травмы. П. Штомпка отмечает: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Ценности теряют ценность... нормы предписывают непригодное поведение...» [29, с. 6]. При этом С. Г. Кара-Мурза подчеркивает, что основную массу населения втянули в так называемую «революцию притязаний», заставили отказаться от нравственных норм в пользу гедонистических и потребительских, что становится для него постоянным источником стресса и генератором аномии [15].

Отсюда автором делается вывод о сохранении вышеуказанной травмы, случившейся в начале 90-х гг. В современной России существенно уменьшилась доля готовых проявить отзывчивость и взаимопомощь, а насаждение идеологии продажности привело к повсеместной распространенности безудержного внеэтического индивидуализма и т. п., – и это картина дальнейшего погружения России в бездну аномии [15]. Действительно, не вызывают сомнения выводы социологов о распространенности «морального релятивизма» среди молодого поколения: согласно исследованиям, молодежь стала еще более беспринципной по сравнению с 90-ми гг.; многие молодые люди полагают, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы» [11, 14, 21, 27].

Вместе с тем, к настоящему времени результаты многочисленных исследований позволяют весьма критически оценивать тезис о сохранении на протяжении всего постсоветского периода воспроизводства социокультурной травмированности общества, т. е. аномии в дюркгеймовском понимании.

Особенно ярко это прослеживается в исследованиях мнений и оценок, ценностных ориентаций молодежи как «метафоры перемен». Так, отечественные

исследователи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги на основе обобщения данных репрезентативных всероссийских опросов, проведенных в разные годы Институтом комплексных социальных исследований РАН и Институтом социологии РАН, обращают внимание на выявленную тенденцию к установлению позитивного восприятия происходящего в стране. По сравнению с концом 90-х гг., российская молодежь более чем в два раза чаще заявляет о том, что сегодняшняя жизнь в России им нравится (скорее нравится). Кардинально меняются оценки прошлого и настоящего. Например, в 2000 г. только 6 % россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть респондентов присоединились к мнению о том, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась в современный период истории России – в «эпоху Путина» [25].

Это резко контрастирует с результатами исследований начала 90-х гг. В частности, С. В. Мошкин и В. Н. Руденко в 1994 г. в ходе опросов школьников установили наличие страха за свое будущее: боязни быть убитыми или ограбленными на улице, в подъезде. Преобладали пронизанные страхом смерти высказывания по типу: «Боюсь, что не доживу до 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым – меня убьют» и др. [24].

В рассматриваемом отношении представляют также большой интерес результаты проведенных Е. М. Белинской и О. А. Тихомандрицкой лонгитюдных сравнительных исследований образов «возможных «Я» у российских подростков. В большинстве случаев в начале 90-х гг. в качестве престижных достижений своего «завтра» фигурировали: наличие собственной фирмы или «дела», обладание определенной маркой автомобиля и видеомэгафона, возможность потребления импортной пищи. При этом не упоминался характер профессиональной деятельности, желаемый уровень и качество образования. В представлениях подростков конца 90-х гг. личное «социальное будущее» претерпело значительные изменения. В качестве престижных собственных достижений выступили обладание высокооплачиваемой профессией, предполагающей работу по найму в зарубежной фирме, наличие собственной квартиры и загородной виллы; в значительной степени оказались представлены характеристики уровня образования и особенности досуга [28]. Показательно, что в сравнении со слабо структурированными и игнорирующими причинно-следственные связи образами начала 90-х гг. представления конца 90-х гг. выглядят гораздо реалистичнее.

В концепции Э. Дюркгейма аномия – это состояние общества, когда при резких социальных изменениях в силу нарушения нормативно-ценностной системы оно на определенный промежуток времени оказывается неспособным влиять на поведение его членов. Аномичность общества и, как следствие, социальная дезориентированность индивида при явном, контрастирующем

рассогласовании ранее усвоенных предписаний и ожиданий с реальными условиями деятельности характерны прежде всего для России начала 90-х гг. Подобная социальная дезорганизация очевидна и неизбежна, особенно с учетом масштабности и скорости произошедших изменений. Такие потрясения в социальном плане в высшей степени травматичны.

Вместе с тем, полагать возможным сохранение нормативно-ценностного вакуума в течение почти 25 лет постсоветского периода вряд ли правомерно. Вышеприведенные примеры показывают, как менялись представления подрастающего поколения (в особенности если речь идет о подростках, находящихся на стадии первичной социализации). Особенно наглядны столь высокие оценки «эпохи Путина», и это не просто отражение свойственной юности чрезмерной оптимистичности, а некая обобщенная оценка произошедших изменений.

Более того, на наш взгляд, очевидный нонсенс представляет собой сам термин «нормативно-ценностный вакуум». Социальные нормы, считающиеся общепринятыми, изначально вырабатываются определенными группами и затем могут получать широкое распространение и утверждение. Так, например, в XVII в. в Британии, затем (и в особенности) в Новом свете в качестве таковых утвердились пуританские нормы, основанные на протестантизме кальвинистского образца. Строгость пуританского регулирования поведения сегодня способна покоробить самого ярого поборника «духовных скреп»: запреты театральные представления, развлечений, нарядной одежды и т. п. В современном американском обществе, что характерно, социальный порядок в значительной степени строится на институционализации ценностей среднего класса, основывающихся именно на элементах протестантской трудовой этики (вопрос об обоснованности и верифицируемости выводов М. Вебера не входит в задачи настоящего исследования).

В России начала 90-х гг. нарушение сложившейся ранее конфигурации нормативно-ценностного регулирования способствовало его партикуляризации, когда для различных социальных групп ориентиром поведения стали свои представления о разграничении допустимого и недопустимого. Здесь необходимо отметить, что общим моментом в исследованиях «переходного периода» российского общества выступает подчеркивание выраженной криминализации этого процесса, причем речь не только о стремительном распространении, в частности, организованной преступности, но и о приобретении легитимности этикой и эстетикой преступного мира, в результате чего преступность трансформировалась едва ли не в механизмы социального контроля [16, 17, 20].

Сторонники идеи нормативно-ценностного вакуума как следствия масштабных социальных трансформаций, по сути, исходят из предпосылки

о некой статичной, эссенциалистской природе так называемых общепринятых норм и ценностей, тогда как последние отражают прежде всего вырабатываемые различными общностями представления о должном, предосудительном и желаемом, которые под воздействием определенных факторов способны институционализироваться.

Между тем, подобный подход, на наш взгляд, стал своеобразным мейнстримом отечественной девиантологии. В ряде вышеуказанных исследований по-прежнему воспроизводятся концепты, подобные рассматриваемым в работах примерно десятилетней давности, где исследователи отмечали характеристики дезинтеграционных процессов российского общества – вакуумизацию общественного сознания, смещение ценностных ориентаций, отсутствие идеологических ориентиров и т. п. [4, 19].

В значительно большей степени применимой в отношении исследования девиации как дезорганизации личности и общества выглядит концепция аномии Р. Мертонa. В отличие от дюркгеймовской трактовки аномии как временной утраты идентификационных структур и нарушения нормативно-ценностной регламентации поведения (которые попросту не могут длиться вечно), последняя акцентирует внимание на том, как сама социальная система, вполне стабильная и не подверженная существенным трансформационным процессам, побуждает индивида выходить за рамки норм. Результатом рассогласованности вырабатываемых социальной системой целей и институционализированных в ней средств их достижения выступает нарушение интеграции индивида с обществом, непризнание нормативных ограничений, морально-этических обязательств (беспринципность, моральный релятивизм, эгоцентризм и т. п.).

Мертоновская концепция аномии получила свое дальнейшее развитие в исследованиях американских социологов Р. Клоурда, А. Коэна, Л. Олина и др., где акцент ставится на особенностях поведения различных низкостатусных групп населения, у которых ограничение институционализированных возможностей достижения успеха сочетается, как правило, с высоким потенциалом использования нелегальных средств. Вместе с тем, «Великая российская криминальная революция» 90-х гг. показала, что преступность не локализовалась в пределах низшего социального слоя, маргинализированных групп. Э. Сазерленд в попытке объяснения причин разной степени распространенности противоправной мотивации в разных социальных группах разработал концепцию дифференцированной ассоциации, согласно которой криминальному поведению также научаются, во взаимодействии с носителями соответствующих традиций, норм и ценностей. Но тогда не совсем понятно, откуда сами по себе берутся различные девиантные (криминальные) образцы поведения, и кроме того, нет объяснения целому ряду противоправных деяний (в частности, «беловоротничковых» и т. п.).

Концепция аномии и девиации Р. Мертона, апеллирующая к продуцированию самой социальной структурой различных образцов отклоняющегося поведения, тем не менее, грешит механистичностью и индивидуализированностью. Совершенно непонятен выбор конкретной формы девиации, и, что особенно характерно, процесс акцентирования и усвоения определенных целей, по сути, лишь обозначается, констатируется как некая данность, причем от анализа совершенно ускользают процессы социальных взаимодействий, в ходе которых это могло бы происходить.

На наш взгляд, подобные теоретико-методологические затруднения проистекают из самой специфики функционалистской парадигмы, в рамках которой и формировались многие из подобных концепций социальной аномии. Так, например, в структурно-функционалистской теории, как критически замечает ученик Т. Парсонса Г. Гарфинкель, «отдельный человек является “оценивающим простофилей”, который действует в квазиэмосознанном согласии с наличными альтернативами действий, заранее заданными “общей культурой”, и не имеет ни возможности, ни способности осмысленно структурировать, то есть интерпретировать ценности культуры и социальные нормы» [1, с. 156]. С критикой такого понимания взаимодействия личности и общества выступали многие исследователи (труды Г. Блюмера, Ч. Кули, Дж. Мида, символический интеракционизм, представители феноменологического и герменевтического направления – П. Бергер, И. Гофман, Э. Гуссерль, Т. Лукман, П. Рикёр, А. Щюц и др.).

Сторонники феноменологического направления в социологии, такие как П. Бергер, Т. Лукман, А. Щюц и их последователи, подчеркивают тот факт, что общество одновременно является как объективной, так и субъективной реальностью. Следовательно, сама социальная реальность существует не только в качестве надличностной данности, но как мир, создающийся в мыслях и действиях людей, переживаемый ими в качестве такового, – мир повседневной реальности [5]. Она *интерсубъективна*, т. е. конструируется и поддерживается во взаимодействии людей, в ходе которого ими разделяется определенная совокупность конвенциональных значений, становящихся по мере их усвоения самоочевидными, интуитивно достоверными, непротиворечивыми. Другими словами, с микросоциологической, в частности, феноменологической точки зрения, как отмечает Л. Е. Ионин, «... решение проблемы социального порядка (*равно как и девиации*, – курсив наш. – О. Г.) следует искать не в фактическом ценностном консенсусе (где ищут его функционалисты) и не в насилии (как то предполагается конфликтным подходом), а в когнитивных структурах осмысления и описания социального мира, которые применяются участниками в ходе их повседневных взаимодействий» [13, с. 55].

Концепция социальных представлений и перспективы ее применения в анализе феномена отклоняющегося поведения в российском социуме

В начале настоящей статьи нами уже было указано, что норма и отклонение – это прежде всего представления людей о пределах допустимого и недопустимого. Будучи субъективными, они при определенных обстоятельствах могут приобретать свойства «объективной фактичности».

Одним из наиболее известных концептов, позволяющих объединить анализ когнитивных механизмов формирования ментальных репрезентаций с изучением истоков социальности природы любого познания, осуществляемого рядовым индивидом в процессе его повседневной жизнедеятельности, выступает теория социальных представлений, разрабатывавшаяся известнейшим французским социальным психологом С. Московичи и его последователями (Ж. Абрик, Д. Жоделе, Ж. Кодол, М. Плон, К. Фламан и др.). Идеологический посыл ее был направлен конкретно против господства в социальной психологии бихевиористского подхода к объяснению поведения, постулирующего идею о некоем эталонном, как из Палаты мер и весов, внесоциальном индивиде, реагирующем на входящие стимулы, равно как противостоял он и узости когнитивизма с его трактовкой человеческого сознания в виде своеобразной информационно-вычислительной машины, обрабатывающей поступающую из внешней среды информацию.

Воспринимаемая и обрабатываемая перцептивной и когнитивной системами индивида информация «препарируется» социальными представлениями, которые классифицируют получаемые «данные», относят их к той или иной категории, дают им наименование и превращают в объект коммуникации; представления – это определенная социальная «призма», через которую воспринимается (предстает) окружающая действительность [2, 30].

Возможность подобного «наведения мостов» между индивидуальным опытом восприятия и понимания и опытом социальным С. Московичи видит в самом происхождении социальных репрезентаций, рассматриваемых в качестве определенного набора понятий, убеждений и объяснений, берущих начало в повседневной межличностной коммуникации; в результате они становятся распространенными, общепринятыми, и с их помощью происходит создание реальности здравого смысла, обыденного знания [10, 22, 23].

Последнее обстоятельство делает социально-психологическую концепцию С. Московичи весьма близкой феноменологической социологии знания. П. Бергером и Т. Лукманом были развиты тезисы А. Шюца относительно механизмов, посредством которых структура повседневного мышления преодолевает индивидуальные различия при построении intersubъективной реальности. А. Шюц раскрывает характер intersubъективности посредством

постулатов о взаимности перспектив и совпадении систем релевантностей, в результате чего элементы разделяемой с другими реальности представляются в качестве объективных, независимых от индивидуальных особенностей.

П. Бергер и Т. Лукман к таким механизмам добавляют понятия хаби-туализации, типизации, объективации и легитимации. Так, повседневно повторяемые социальные практики постепенно опривычиваются, классицируются и типизируются. Взаимность типизаций (взаимозаменяемость перспектив и совпадение релевантностей) способствует тому, что конструируемая и поддерживаемая индивидами в их взаимодействии социальная реальность начинает приобретать свойство объективности и независимости от субъективных значений. По сути, именно благодаря объективации системы взаимных типизаций различные явления и объекты окружающей действительности приобретают характер социальных фактов в терминологии Э. Дюркгейма.

Вместе с тем, сказанное не отменяет факта субъективности восприятия, равно как и уникальности перипетий индивидуальных биографий. Поэтому для того, чтобы различные субъективные значения повседневности смогли приобретать свойства объективной фактичности, необходимо действие механизма легитимации, т. е. соответствующих способов объяснения и оправдания существующего социального порядка. И здесь П. Бергер и Т. Лукман особое внимание уделяют роли так называемого символического универсума, понимаемого как «...матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений... В смысловом универсуме... отдельные сферы реальности интегрированы в смысловую целостность, которая объясняет, а возможно, и оправдывает их...» [5, с. 158].

Весьма остроумно П. Бергер и Т. Лукман описывают механизм легитимации некой совокупности значений на гипотетическом примере сообщества, в котором институционализирован гомосексуализм. При столкновении с иным определением реальности, гетеросексуальным, способным поставить под сомнение принимаемые за само собой разумеющиеся когнитивные («зрелые мужчины по природе любят друг друга») и нормативные («зрелым мужчинам следует любить друг друга») элементы, подобный символический универсум концептуально ликвидирует такую угрозу взглядом на антигомосексуальные группы как на нечто недочеловеческое: «...их антигомосексуализм есть варварская бессмыслица, каковую здравым людям не следует принимать всерьез» [5, с. 183]. Благодаря наличию такого универсума, в процессе формирования различными группами социальных представлений появляется возможность «зацепления» за соответствующую категорию об антигомосексуальности как девиации. В дальнейшем, становясь своеобразной «призмой» социального восприятия и познания, эти представления при взаимодействии

с любым опытом гетеросексуальных практик будут способствовать определению последних в качестве постыдного отклонения.

То есть, речь идет о том, что будучи формируемыми в ходе коммуникации на основе имеющегося социального запаса знания, социальные репрезентации, в свою очередь, встраиваясь в систему конвенциональных образов и понятий, обеспечивают готовность категорий, облегчая процесс категоризации и позволяя переводить нечто новое в давно знакомое, соответствующее здравому смыслу. Без их циркуляции в интересующем, разделяемом с другими мире становится невозможным возникновение феноменов взаимности перспектив и совпадения релевантностей, без чего окружающий мир утрачивает свойство надындивидуальности, само собой разумеющейся действительности. В этом и заключается идея сторонников рассматриваемых направлений о взаимосвязи процессов интерпретации социальной реальности и ее конструирования.

С точки зрения подобного концептуального обоснования, сочетающего в себе феноменологический и социально-когнитивный подходы, трактовка аномии как нормативно-ценностного вакуума уязвима для критики. Показательно, что П. Штомпка, интерпретируя резкие социальные изменения как травму, объяснял ее дезорганизацией в *привычном, само собой разумеющемся мире*. Так, например, Г. М. Андреева отмечает: «Для групп, сформировавшихся до начала реформ, они выглядели чем-то “нарушающим” естественный ход событий, пугающим... Но когда изменения стали очевидными, перед массовым сознанием, естественно, встал вопрос об их оценке... В нашем исследовании... проведенном в несколько этапов (*в начале и в конце 90-х*, – курсив наш. – О. Г.), было выявлено, что количество молодых людей, оценивающих ситуацию в России как “нестабильную”, уменьшается в ходе преобразований, и растет число тех, для кого существующая ситуация стабильна, поскольку иной они просто не знают» [3, с. 9–10]. Этот вывод согласуется с вышеуказанными результатами проведенных Е. М. Белинской и О. А. Тихомандрицкой исследований среди подростков и т. п. Другими словами, имевший место в начале 90-х гг. нормативно-ценностный вакуум был достаточно быстро, образно говоря, наполнен новым смысловым содержанием, благодаря интересующему формируемому при помощи циркуляции социальных представлений пространству само собой разумеющейся повседневной реальности, наполненной разнообразными самоочевидными феноменами. В частности, этим достаточно хорошо объясняется механизм усвоения индивидом культурно акцентированных целей материального успеха, которое Р. Мертоном указывается и в дальнейшем используется как исходный пункт, но при этом практически не аргументируется: если подобные цели и мотивы становятся частью «жизненного мира» индивида, с позиций

которого он склонен полагать, что другие видят и понимают мир так же, то они превращаются уже в некий поведенческий императив, отражающий неподлежащую сомнению объективность.

В постсоветском обществе с 90-х гг. постепенно начинается процесс нового «определения реальности» (У. Томас). И, в отличие от структурно-функционального, с точки зрения постулируемого нами подхода о целостности познания и конструирования действительности появляется, на наш взгляд, больше возможностей для адекватного ответа на вопрос о том, *как вообще возможно отклонение*. Выше уже приводились результаты социологических исследований 2000-х и 2010-х гг., согласно которым российские подростки и молодежь стали еще более безнравственными и беспринципными, чем в 90-е гг. К. Н. Брутенц отмечает, что россияне «...почти без всякого протеста и нравственного неприятия выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый их шаг, разгула криминалитета» [6, с. 396–397]. Подобно данному автору, это можно рассматривать лишь как пример моральной деградации. С другой стороны, вполне оправдана и принципиально иная трактовка: в условиях разделяемых с другими социальных представлений как своеобразной «категориальной сетки» недопустимость по этическим причинам тех или иных действий не выступает в качестве само собой разумеющейся вещи и потому попросту не понимается. В этой связи зачастую общение с подростками и молодежью на морально-нравственные темы напоминает разговор на разных языках.

В рассматриваемом отношении также весьма интересно наблюдение С. А. Кравченко относительно восприятия нормативности экономических практик: «Текстовый жанр многих преуспевающих агентов экономического поля свидетельствует о том, что они верят, думают, живут и действуют “по-западному, по общецивилизационным нормам”... Между тем... их коллег с Запада... повергают в шок масштабы нечистоплотных комбинаций...» [18, с. 7].

В качестве одного из наиболее деструктивных факторов, способствующих моральной деградации и разрушению правосознания, часто указывается тотальная, всепроникающая коррупция. В ряде исследований (к сожалению, немногочисленных) дается хорошее феноменологическое объяснение. В частности, отмечается, что зачастую в предпринимательской среде типизируется представление о чиновнике как о субъекте, выдающем и отбирающем право на предпринимательскую деятельность. Кроме того, обязательным признаком институционализации взяточничества является формирование коррупционной «знаковой системы» – в общем смысле знания неформального языка чиновников, сленга («отмывание», «крышевание», «откат», «дать на лапу») [26]. Действительно, если социальные представления, способствующие типизации различных ситуаций и социальных ролей, – это прежде всего набор понятий

и утверждений, помогающих категоризировать социальный объект и поместить его в уже существующий класс объектов, то циркуляция в обществе, в том числе и в бизнес-среде, понятий типа «откат» (тем более – «статусная рента») вместо с давних времен существовавших «мздоимства» и «лихоимства» делает данную практику привычной и уже практически легитимной.

Поэтому многие довольно уродливые явления действительности россияне и не рассматривают в качестве нарушения норм, и это не просто факт безразличия, «примирения со злом». В данном случае приходится согласиться с мнением шведского социолога Л.-Э. Берга, согласно которому с феноменологических, конструкционистских позиций социальное отклонение относительно, поскольку черное выглядит черным только на белом фоне [31].

Вообще факт деструкции правосознания российских граждан, в особенности молодежи, широко представлен в девиантологических исследованиях, как правило, в контексте масштабной криминализации общества. При этом часто указывается не только на распространенность противоправных действий, но также этики и эстетики преступного мира.

Здесь стоит еще раз напомнить, что в постсоветском периоде преступность не была локализована какими-то маргинальными слоями. (Конечно, особенно показательны в рассматриваемом отношении 90-е гг. – в широком диапазоне от того, что называется «бытовухой», до деятельности различных ОПГ и ОПС). При этом характерно, что в бывших социалистических странах на этапе их социальной трансформации, несмотря на общность признаков аномии – экономический кризис и политическая нестабильность, нарушение механизмов социального контроля и т. п., – криминализация общества не достигала угрожающих масштабов, подобных российским.

В свое время в западной социологии получили развитие социокультурные концепции девиантности, объясняющие склонность к нарушениям норм у отдельных групп. В частности, В. Миллер полагал, что культуре низших слоев априори присуща девиантогенность – она придает большое значение асоциальному поведению, агрессивности и демонстрации физической силы, тяге к азартным играм, эстетизации подчинения некой «судьбе» и т. п. Думается, здесь нет особой необходимости лишней раз доказывать, что в современном российском обществе широко укоренены многие из указанных черт. Что же касается криминальных этики и эстетики, то сегодня такие сугубо уголовные по своему происхождению понятия, как «лох», «терпила», «олень», «погоняло» и др., входят в лексикон самых разных социальных групп, их без всякого преувеличения можно услышать как от школьника, так и от пенсионера.

На наш взгляд, данное обстоятельство вполне объяснимо, если принять во внимание существование в советском обществе широкого пласта криминальных традиций и соответствующих субкультурных элементов,

распространяемых за счет большого количества лиц, прошедших через пенитенциарную систему. С распадом Советского Союза, в период реально имевшего место резкого ослабления нормативно-ценностной регуляции и неизбежных нарушений механизма социального контроля подобные традиции и поведенческие образцы существенно расширили зону своей локализации, индоктринируя многих постсоветских граждан, утративших четкие контуры надлежащего и предосудительного. Криминальная составляющая стала едва ли не доминантой пространства социальной коммуникации, особенно если учесть немислимое в советское время количество СМИ (в том числе негосударственных) и практически неконтролируемого контента. Сюда же следует отнести, например, появление многочисленных криминальных сериалов. Все это способствовало тому, что социальные представления, вырабатываемые определенными криминальными группами, получили распространение, становясь «категориальной сеткой» восприятия действительности, ее опривычивания и типизации в категориях здравого смысла для широких слоев общества.

Очевидно, что подобное стало возможным далеко не только потому, что государство и общество с началом постсоветского периода самоустранились от воспитательных задач, как это нередко можно услышать и в обывательской и в научной среде. Ни тогда, ни сейчас семья, школа, политические и культурные институты не пропагандируют, явно или неявно, беспринципность, моральный релятивизм, неуважение к любым правилам. Важную роль в формировании подобной непротиворечивой повседневной реальности, в которой при этом наличествуют размывание границ «белого» и «черного», нормы и отклонения, адаптивная вариабельность и амбивалентность морали, выполняет реализация номической функции (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) определенного символического универсума как некоей смысловой матрицы. Символический универсум дает вырабатываемым различными группами социальным представлениям возможность «зацепляться» за такие базовые значения и категории и, тем самым, в дальнейшем становиться «социальной призмой» восприятия и познания действительности.

Постсоветский период характеризуется концептуализацией в массовом сознании нового образа социально успешного человека, неотъемлемые атрибуты которого – отказ от патерналистских ожиданий, а также личностные качества, помогающие выживать в ситуации высокой конкурентности. Материалы масс-медиа, научные публикации были насыщены идеями о необходимости «десоветизации» мышления, затрудняющего адаптацию к новым условиям. Это сопровождалось красочным описанием в различных СМИ образа жизни и возможностей потребления наиболее материально обеспеченных, состоятельных представителей общества (многие из которых при

этом приобретали данный социальный статус незаконным путем). Социальные представления как набор утверждений, образов и понятий, среди которых распространились категории криминального происхождения, в рамках этой смысловой матрицы получали обоснование и объяснение как адекватные новым реалиям повседневности, что, в конечном итоге, способствовало легитимации нарождающегося социального порядка. Образно говоря, в зависимости от преобладания той или иной матрицы значений человек, не различающий способы обогащения и реализующийся в получении нехитрых удовольствий, может быть определен и как духовно неразвитый маргинал, и как позитивно настроенная, незакомплексованная личность. В российском обществе существуют и иные версии символического универсума, в частности, основанного на значениях еще советского времени, но его возможности легитимации несоизмеримо ниже, в особенности если брать средства масс-медиа, где из всего советского заимствуются в основном только образы героического прошлого, тогда как, например, сериалов «про ментов и бандитов» и сегодня на всех федеральных каналах большое множество.

В результате сегодня в российском обществе имеет место ситуация, при которой различные асоциальные и антисоциальные поведенческие установки широко распространены и за пределами маргинальных, «придонных» слов. Сюда относится широчайший спектр явлений – от пандемии обычного бытового хамства и засилья ненормативной лексики до не подверженной рефлексии готовности к совершению любого преступления под действием «тирании долженствования» и т. п.

Заключение

Таким образом, отечественная девиантология, на наш взгляд, стоит перед необходимостью определенного пересмотра своих концептуальных оснований, с позиций которых она пытается анализировать феномен отклоняющегося поведения в российском обществе. К настоящему моменту проведены многочисленные эмпирические исследования девиации, выявившие факты широкой распространенности различных асоциальных и антисоциальных форм поведения, в том числе среди подростков и молодежи. Их объяснение с традиционных социологических позиций зачастую имеет характер констатации факта, причем нередко, по сути, переходит в морализаторство, что малопродуктивно. Доминирование концепции социальной аномии как основного объяснительного принципа – самое яркое тому свидетельство. Акцент по-прежнему ставится на разрушении нормативно-ценностной системы. Значительно меньше внимания уделяется процессам формирования контуров социальной реальности, отражающих специфику указанного периода (что особенно актуально по отношению к несоветскому поколению,

не познавшему всей «травматичности» социальной транзycji).

В свете вышесказанного развитие междисциплинарного подхода, в частности, использование социально-когнитивистских, феноменологических, конструкционистских концепций может дать возможность получения более адекватных ответов на указанные в начале настоящей статьи взаимосвязанные вопросы – как вообще возможны отклонения, и почему они происходят, – поскольку объясняет и саму архитектуру социального порядка. Известно, что люди живут в мире значений, а не стимулов (Г. Блюмер), и эти значения – не просто психическое «отражение» некоей объективной, надындивидуальной данности: они разделяются с другими и тем самым формируют картину мира, в рамках которой соответствующим образом трактуются нормативность и девиантность, а также проявляется девиантогенность.

Применительно к анализу отклоняющегося поведения подобные задачи развития девиантологических исследований продиктованы жизненной ситуацией. Если состояние аномии как нормативно-ценностный вакуум имманентно содержит возможность его преодоления через какое-то время путем неких макросоциальных воздействий (например, влиянием «сильной руки» и т. п.), то фиксируемое распространение различных форм социального варварства, в интерсубъективном мире приобретающих статус самоочевидных феноменов повседневной реальности, подобных шансов уже не оставляет, причем на совершенно неопределенный период.

Литература

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб., 1999.
2. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. – М., 2000. – С. 207–209.
3. *Андреева Г. М.* Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. – 2005. – № 5.
4. *Анисимова С. Г.* Личность в постиндустриальном обществе: транзycja через аномию // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2008. – № 4. – С. 84–89.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
6. *Брутенц К. Н.* Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. – М., 2008.
7. *Гилинский Я. И.* Девиантогенность и девиантология в современной России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: Изд-во РОС, 2012. – 1 CD ROM.

8. *Гилинский Я. И.* Девиантология. – М., 1999. – С. 11.
9. *Гилинский Я. И.* Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/819>
10. *Емельянова Т. П.* Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 6. – С. 39–48.
11. *Жирнов А. А.* Молодость как социокультурный феномен: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Шуя, 2011.
12. *Змановская Е. В.* Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – М., 2004. – С. 21.
13. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. – М., 2004.
14. *Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н.* Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 121–126.
15. *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления. – М., 2013. – С. 6, 57, 175.
16. *Климов И. А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. – М., 2001.
17. *Костюковский Я.* Социальный контроль и организованная преступность // Социальный контроль над девиантностью. – СПб., 1998.
18. *Кравченко С. А.* Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. – 2006. – № 8.
19. *Краснова Е. А.* Феномен аномии в современном российском обществе / Тезисы 1 Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения 2004. Российское общество и вызовы глобализации». – М., 2004. – С. 58–61.
20. *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 3.
21. Молодежь в России. 2010. Обзор литературы. Доклад ООН / Под ред. Я. Охана. – М., 2011.
22. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–95.
23. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3–18.
24. *Мошкин С. В., Руденко В. Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. – 1994. – № 11.
25. Россия и Китай: молодежь XXI века / Отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чун-линь. – М., 2014. – С. 385–387.

26. *Симонов А. А.* Механизм институционализации взяточничества в российском обществе // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М., 2012. – 1 CD ROM.
27. Совесть: бесполезное свойство души? // Круглый стол по проблемам нравственности и духовности. – СПб., 2010.
28. Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. – М., 2001. – С. 45–47.
29. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 8.
30. *Moscovici S.* On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by P. J. Forgas. – London, 1981. – pp. 181–209.
31. *Schmalleger F.* Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. – New Jersey, 1999. – P. 181.

УДК 159.99

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН-СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Кузнецова Ольга Владимировна

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было выявить социально-психологические факторы эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников. Актуальность исследования поддерживалась устойчивой тенденцией увеличения количества женщин на службе в ОВД в настоящее время и приоритетностью для женщин социально-психологических условий в профессиональной деятельности. Понимая под социально-психологическими факторами связи, феномены и закономерности внутренней социально-психологической сферы правоохранительной деятельности группового (служебный коллектив) и индивидуального (социально-психологические особенности личности) уровней, были изучены социально-психологический климат в служебных коллективах, социометрический статус, уровень сформированности правосознания и личностные особенности женщин-сотрудников ОВД во взаимосвязи с эффективностью их служебной деятельности.

Оценка эффективности служебной деятельности проводилась с помощью методики экспертных оценок, социально-психологические исследования в служебных коллективах – с помощью модифицированной социометрической методики М. И. Марьина; для индивидуальной психологической диагностики использовались методики: стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ Л. Н. Собчик, методика изучения правосознания Л. А. Ясюковой. По результатам была установлена взаимосвязь эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников с социально-психологическими показателями служебных коллективов органов внутренних дел, которые обусловлены количественным и гендерным составом; с социометрическими показателями их деловых и эмоциональных статусов, которые опосредованы личностными особенностями женщин-сотрудников и особенностями самого коллектива. Выявлено, что основная часть женщин-сотрудников ОВД профессионально компетентны, эмоционально привлекательны, общительны и пользуются авторитетом в своих коллективах. Уровень сформированности индивидуального правосознания положительно связан с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников ОВД. Для женщин-сотрудников ОВД характерен стенический тип реагирования, преобладание возбудимых черт

личности. Такие личностные особенности, как мягкость, сентиментальность, женственность, чувствительность, стремление быть опекаемой, найти опору, снижают эффективность служебной деятельности женщин-сотрудников.

Полученные данные позволили выработать практические рекомендации по социально-психологическому сопровождению служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: социально-психологические факторы, женщины-сотрудники, служебная деятельность, эффективность деятельности, социально-психологический климат, социометрический статус, правосознание, личностные особенности.

Введение

Социально-ролевые изменения, которые происходят в современном обществе, затрагивают многие сферы жизнедеятельности человека. В настоящее время женщины осваивают новые для себя профессии и виды деятельности, стремятся к выполнению более широких функций, чем традиционные домашние и семейные обязанности. Данные тенденции привели к активному участию женщин не только в общественной и государственной жизни, но и к службе в Вооруженных Силах и органах внутренних дел.

По статистическим данным службу в ОВД сейчас проходят около 200 тысяч женщин, что составляет более 20 % от общей численности личного состава, и наблюдается устойчивая тенденция увеличения этой доли среди сотрудников. Женщины служат почти во всех подразделениях органов внутренних дел: по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних – 79,0 % составляют женщины-сотрудники; по организации дознания – 73,0 %; следствия – 58,9 %; в кадровой – 54,0 % и экспертно-криминалистической – 35,7 % службах; вневедомственной охране – 11,4 %; уголовном розыске – 8,7 %; ГИБДД – 9,5 %; в патрульно-постовой службе – 9,6 % [17].

С социально-психологической точки зрения увеличение количества женщин на службе в ОВД сопровождается изменениями в гендерном составе служебных коллективов, усложнением взаимоотношений между женщинами-сотрудниками и мужчинами-сотрудниками и появлением нового типа проблем. Так, проведенные исследования в воинских коллективах показали, что большинство военнослужащих представляют женщин как играющих менее значимую профессиональную роль и выполняющих функцию, связанную с заботой и оказанием помощи мужчинам (В. В. Овчинникова, 2006) [12]; у женщин на военной службе в той или иной степени возникают напряженные отношения с мужчинами-руководителями, потенциально конфликтные ситуации создает их назначение на мужские вакансии (А. И. Смирнов, 2000) [19]; командиры (начальники) слабо знают и учитывают их индивидуально-психологические

особенности (Д. Ю. Ануфриева, 2009; М. А. Демина, 2005) [2, 4]; офицеры-руководители, которые имеют в подчинении женщин, утверждают, что испытывают систематические трудности при профессиональном воспитании военнослужащих-женщин; признают необходимость совершенствования уровня своей гендерной культуры (М. А. Демина, 2005) [4]. Исследование в коллективах органов внутренних дел выявило, что женщины-сотрудники не реализуют в полной мере свой личностный и профессиональный потенциал в соответствии с полученным образованием, сталкиваются с ограничением возможностей профессиональной переподготовки и получения высшего ведомственного образования, и в связи с этим не видят для себя перспектив в профессиональной карьере (Д. Ю. Ануфриева, 2009) [2].

Приведенные научные исследования, безусловно, освещают отдельные проблемы службы женщин в ОВД, но в современных научных трудах не поднимаются вопросы социально-психологического сопровождения служебной деятельности женщин-сотрудников, социально-психологических факторов эффективности их профессиональной деятельности.

Актуальность исследования поддерживается еще и особенностями самих женщин. Так, анализ литературных источников показал, что многие авторы отмечают приоритетность для женщин в их профессиональной деятельности социально-психологических условий, наличие благоприятных взаимоотношений в коллективах, оценок их труда (Е. И. Комаров и В. Ф. Жукова, Э. Мэйо, Н. Н. Обозов, Э. Ранник) [7, 11, 26]. Также авторы Т. В. Бендас, Е. П. Ильин, Е. И. Комаров и В. Ф. Жукова, Э. Мэйо, Н. Н. Обозов [3, 6, 7, 11, 26] приходят к выводу, что учет гендерных особенностей при организации работы обеспечивает успешность деятельности и мужчин и женщин.

Исходя из всего вышеизложенного, **цель** нашего исследования была определена как выявление социально-психологических факторов эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников в интересах совершенствования организации работы с личным составом с учетом гендерного состава служб и подразделений органов внутренних дел.

Общая выборка состояла из служебных коллективов органов внутренних дел и женщин-сотрудников, проходящих службу в данных коллективах. Социально-психологические исследования проведены в 107 служебных коллективах органов внутренних дел. Всего в ходе социально-психологических исследований учтено мнение 2021 сотрудника, в ходе индивидуальной психологической диагностики обследовано 367 женщин-сотрудников.

Методы

Методы исследования включали: теоретический анализ, метод экспертных оценок, анкетирование, социометрию, психодиагностическое обследование

и методы математической статистики. Социально-психологические исследования в служебных коллективах проводились с помощью модифицированной социометрической методики (М. И. Марьин), зарегистрированной в РОСПАТЕНТ (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013613249). Для индивидуальной психологической диагностики использовались методики: стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛЛ Л. Н. Собчик [20], методика изучения правосознания Л. А. Ясюковой [24].

В настоящее время в системе МВД отсутствует единый подход в оценке эффективности служебной деятельности сотрудников ОВД, который бы регламентировался определенным нормативным актом. Отсутствуют критерии, условия, категории оценок. Само понятие эффективности служебной деятельности в ОВД не имеет единой формулировки.

Авторы М. И. Марьин, И. О. Котенев, Л. Е. Киселева (Академия управления МВД России) в своей работе подробно рассматривают теоретические и методические подходы к оценке эффективности деятельности, понимая под эффективностью интегральную характеристику профессиональной деятельности, качество труда, включающее в себя и технико-экономические, и социальные, и психофизиологические аспекты человеческой деятельности [10, с. 5]. Описывая множество подходов к оценке профессиональной деятельности, авторы рассматривают метод экспертных оценок как наиболее подходящий для системы органов внутренних дел в настоящее время.

В литературе, посвященной изучению профессиональной деятельности сотрудников ОВД, авторы Б. Г. Бовин, Н. И. Мягких, А. Д. Сафронов, ссылаясь на социоэкономический характер профессии, также описывают метод экспертных оценок как наиболее адекватный для оценки эффективности служебной деятельности сотрудника ОВД [13].

Основываясь на вышеперечисленных исследованиях, для получения внешнего критерия оценки служебной деятельности была использована экспертная методика «Основные профессионально важные качества и уровни их градации для целей экспертной оценки» [15], с помощью которой были изучены профессионально важные качества и эффективность служебной деятельности женщин-сотрудников. Для эффективного использования полученных данных была применена формула математической статистики по Е. Сидоренко [18], с помощью которой разделение всей выборки на группы с низкой, средней и высокой эффективностью служебной деятельности производится по критерию отклонения значений от средней величины на $\frac{1}{2}$ стандартного отклонения.

Таким образом, все женщины-сотрудники были распределены по трем группам: первая группа – с показателями высокой эффективности служебной

деятельности (111 человек – 30 %), вторая группа – с показателями средней эффективности (156 человек – 42,5 %), третья группа – с показателями низкой эффективности (100 человек – 27,5 %). Исключение второй группы позволило получить две полярные группы: с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности.

Обсуждение результатов

В ходе проводимого эмпирического исследования был изучен социально-психологический климат в служебных коллективах и такие его показатели, как сплоченность, напряженность, удовлетворенность, конфликтность, взаимность и экспансия. Установлено, что в 21,5 % коллективов органов внутренних дел социально-психологический климат благоприятный. В это число вошли коллективы небольшие (среднее количество сотрудников 13 + 9), по своему составу и однородные мужские (61,9 %), и смешанные – женщины и мужчины (38,1 %). Служебные коллективы с неустойчивым социально-психологическим климатом составляют 78,5 %. В их число вошли коллективы большие по численности (среднее количество сотрудников 20 + 11) и смешанные по составу (76,3 %). Служебных коллективов с неблагоприятным социально-психологическим климатом в настоящем исследовании не выявлено.

В литературе имеются научные труды, посвященные изучению социально-психологических процессов и явлений в служебных коллективах ОВД. Вопросам социально-психологического климата уделено внимание в работах М. И. Марьина, И. В. Ивановой, С. И. Ловчан, А. И. Папкина, А. М. Столяренко, В. И. Черненилова, И. В. Якушева [9, 14, 16, 22, 23]; психологической сплоченности – в работах М. И. Марьина, Е. В. Бобринева, Е. Ю. Сушкиной [22]; методике социально-психологических исследований – в работах М. И. Марьина, И. А. Андреевой и В. А. Корчмарюк [1, 10].

Авторы указывают, что «работа органов внутренних дел в обеспечении законности и правопорядка является разновидностью индивидуально-групповой деятельности, эффективность и надежность которой во многом зависит от социально-психологических явлений в подразделении» [1, с. 3].

В отличие от коллективов гражданских организаций коллектив органов внутренних дел имеет свою специфику, которая выражается в следующих характеристиках: руководители и сотрудники обязаны соблюдать субординацию, уставные отношения, служебную дисциплину; в приказах, распоряжениях, инструкциях, положениях и других нормативных правовых актах МВД России регламентируются права и обязанности должностных лиц, в том числе и социально-психологические отношения; правоохранительная деятельность относится к видам общественно необходимого труда, связанного с экстремальными условиями и элементами риска для жизни [22].

В настоящем исследовании мы изучаем социально-психологический климат в коллективах с точки зрения его взаимосвязи с эффективностью служебной деятельности отдельной категории сотрудников ОВД, которая стала актуальна для системы МВД в настоящее время, т. е. женщин-сотрудников.

Статистический анализ полученных в нашем исследовании результатов свидетельствует о том, что состояние социально-психологического климата на достоверном уровне коррелирует с количественным ($r = 0,265$; $p < 0,05$) и гендерным составом служебного коллектива ($r = 0,496$; $p < 0,05$).

Статистически значимые различия в составе коллективов с благоприятным и неустойчивым социально-психологическим климатом получены в случаях, когда женщин нет в коллективе – коллектив однородный мужской ($\varphi_{эмп} - 3,140$, $p < 0,01$) и когда доля женщин в коллективе свыше 20 % ($\varphi_{эмп} - 1,661$, $p < 0,05$). Количество женщин в коллективе от 0 % до 20 % не значимо для социально-психологического климата, т. е. не оказывает влияния на общий климат в коллективе (таблица 1).

Таблица 1.

Зависимость состояния социально-психологического климата от доли женщин-сотрудников в служебных коллективах ОВД

Доля женщин в коллективе		0 %	От 1 % до 20 %	От 21 % до 49 %	50 % и выше
Количество коллективов	С благоприятным СПК	56,5 %	26,1 %	4,3 %	13,0 %
	С неустойчивым СПК	21,4 %	34,5 %	15,5 %	28,6 %
$\varphi_{эмп}$		3,140	0,782	1,661	1,661
$p <$		0,01	–	0,05	0,05

Данные результаты позволяют сделать вывод, что смешанный гендерный состав коллектива с долей женщин до 20 % существенно не влияет на социально-психологический климат. Но при увеличении количества женщин-сотрудников в служебных коллективах органов внутренних дел свыше 20 % в социально-психологическом климате возможны изменения в сторону неустойчивости.

Существующие взаимосвязи состояния социально-психологического климата с количественным и качественным составом коллектива позволяют сделать вывод, что большие по количеству и смешанные по гендерному составу коллективы требуют от руководителя проявления особой гибкости, высокой компетентности и умения использовать социально-психологические методы в управлении. Особого искусства управления от руководителя требуют служебные коллективы ОВД с долей женщин-сотрудников свыше 20 %.

Для выбора оптимального стиля управления руководителю необходимо учитывать социально-психологические характеристики коллективов, которые раскрываются с помощью постоянного мониторинга. А также учитывание выявленных взаимосвязей при комплектовании служебных коллективов ОВД поможет руководителю с первых шагов влиять на формирование благоприятного социально-психологического климата и корректировать свой стиль управления в зависимости от состава коллектива.

Дальнейший анализ выявил наличие взаимосвязи между состоянием социально-психологического климата и эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности в коллективах ОВД

Состояние СПК	Женщины-сотрудники, %	
	с высокой эффективностью	с низкой эффективностью
Благоприятный СПК	61,1	5,6
Неустойчивый СПК	29,6	27,6
$\varphi_{\text{эмп}}$	2,576	2,519
$p <$	0,01	0,01

Данные показали, что женщин-сотрудников с высокой эффективностью служебной деятельности в служебных коллективах с благоприятным социально-психологическим климатом на достоверном уровне больше, чем в коллективах с неустойчивым социально-психологическим климатом ($\varphi_{\text{эмп}} - 2,576$; $p < 0,01$). Женщин-сотрудников с низкой эффективностью служебной деятельности на достоверном уровне меньше в благоприятных коллективах, чем в коллективах с неустойчивым социально-психологическим климатом ($\varphi_{\text{эмп}} - 2,519$; $p < 0,01$).

Результаты корреляционного анализа подтвердили взаимосвязь социально-психологических показателей с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников: эффективность служебной деятельности женщин-сотрудников коррелирует на уровне статистической значимости со сплоченностью коллектива ($r = 0,29$; $p < 0,05$), напряженностью ($r = -0,27$; $p < 0,05$), конфликтностью в коллективе ($r = -0,27$; $p < 0,05$) и экспансией между мини-группами в коллективе ($r = -0,3$; $p < 0,05$).

В соответствии с задачами исследования были определены индивидуальные социометрические статусы женщин-сотрудников в служебных коллективах (деловой, эмоциональный, интегральный и управленческий).

Большинство женщин-сотрудников имеют средний уровень делового статуса (62,9 %) и высокий (10,9 %). Это характеризует женщин-сотрудников как деловых лидеров в своих коллективах, имеющих высокую профессиональную компетентность и высокий уровень авторитета в коллективе. Всего 73,8 % женщин-сотрудников в деловом плане оцениваются своими коллегами позитивно, как профессионально подготовленные сотрудники, пользующиеся авторитетом. Большинство женщин-сотрудников имеют средний уровень эмоционального статуса (81,3 %) и высокий уровень (6,6 %). Это может характеризовать женщин-сотрудников как эмоциональных лидеров в своих коллективах, имеющих высокую эмоциональную привлекательность, высокую общительность. Всего 87,9 % женщин-сотрудников в эмоциональном плане оцениваются своими коллегами как общительные, эмоционально привлекательные и хорошо принимаются коллегами в своих коллективах. При ответе на вопрос «Выбрали бы Вы этого сотрудника на место непосредственного начальника?» у женщин-сотрудников преобладают низкие оценки – 62,8 %. Высокий и средний уровни управленческого статуса имеют 37,2 % женщин-сотрудников.

Анализ деловых, эмоциональных и управленческих статусов женщин-сотрудников выявил противоречивость оценок. При преобладании высоких и средних оценок деловых и эмоциональных качеств женщин-сотрудников у управленческого статуса преобладают низкие оценки. То есть, признавая достаточную профессиональную и коммуникативную компетентность, эмоциональную привлекательность женщин-сотрудников, коллеги не стремятся выдвигать их на руководящие должности. Можно предположить, что в основе таких оценок лежит стереотип, что руководителем должен быть только мужчина (особенно в силовых структурах). Поэтому коллеги не стремятся выбирать женщин на должность начальника. Это отчасти совпадает с результатами исследований, проведенных Т. А. Ивановой (2000) [5]. В ее работе руководителям структурных подразделений органов внутренних дел было предложено выбрать одного из двух претендентов (мужчина и женщина) на вакантную должность с равноценной профессиональной подготовкой и одинаковым стажем работы. В итоге 87,4 % руководителей в такой ситуации выбрали бы мужчину.

Корреляционный анализ обнаружил наличие положительной, статистически достоверной связи между деловыми ($r = 0,51$; $p < 0,05$), эмоциональными ($r = 0,43$; $p < 0,05$), интегральными ($r = 0,52$; $p < 0,05$), управленческими ($r = 0,4$; $p < 0,05$) статусами женщин-сотрудников и эффективностью их служебной деятельности.

Анализ результатов социально-психологических исследований и изучения личностных особенностей женщин-сотрудников позволил выявить

положительную, статистически достоверную связь между деловыми, эмоциональными и интегральными статусами женщин-сотрудников и 5-й шкалой СМИЛ «женственность – мужественность» (рисунок 1).

Шкала 5 «мужественности – женственности» характеризует полоролевой стиль поведения личности. Л. Н. Собчик указывает, что повышенные показатели по 5-й шкале означают отклонение от типичного для данного пола ролевого поведения и усложнение сексуальной межличностной адаптации [20]. У женщин повышение 5-й шкалы отражает черты независимости, самостоятельности, уверенности, решительности. И чем выше показатели данной шкалы, тем сильнее проявляются данные личностные особенности у женщин.

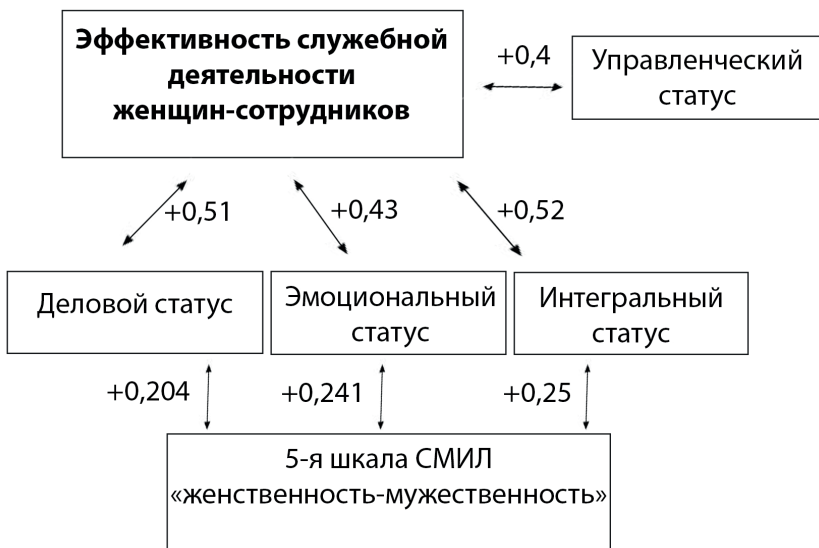

Рисунок 1. Взаимосвязь между личностными особенностями и социометрическими статусами женщин-сотрудников

Полученные взаимосвязи дали основание полагать, что в коллективах органов внутренних дел принимают и признают в большей степени женщины, которые проявляют в своем поведении такие черты, как самостоятельность, независимость, уверенность. Такие женщины в большей степени пользуются и профессиональным и личностным авторитетом у своих коллег. Но данные выводы не применимы к управленческому статусу женщин-сотрудников. Анализ

не выявил статистически достоверных взаимосвязей между управленческим статусом и особенностями личности женщин-сотрудников. Это позволяет сделать вывод, что личностные особенности женщин-сотрудников не влияют на мнение коллег относительно выдвижения женщин на руководящие должности. Отдавая предпочтение самостоятельным, независимым, уверенным женщинам, оценивая их профессионально компетентными, эмоционально привлекательными и общительными, в роли потенциальных руководителей коллеги их не рассматривают.

Оценивая уровень сформированности правосознания (автор методики Л. А. Ясюкова указывает, что правосознание является частью обыденного сознания, его внутренняя структура может быть противоречива и может включать не только рациональные, но и эмоциональные компоненты; правосознание имеет в своей основе морально-нравственные установки, но не сводимо к ним и является специфическим образованием; выделяет три самостоятельные сферы функционирования правосознания: бытовую, деловую и гражданскую; также методикой замеряется уровень правовых знаний, – *прим. автора*), как важного социально-психологического качества сотрудника ОВД (А. М. Столяренко) [23], получили, что средние значения правосознания у женщин-сотрудников с низкой эффективностью находятся в рамках «противоречивого и неполноценного правосознания» (2-ой уровень). А средние значения правосознания женщин-сотрудников с высокой эффективностью находятся в рамках «в основном сформированного» правосознания (3-й уровень). Данный уровень является более высоким и характерен для личности, которая в своей деятельности старается не нарушать существующие законы и различные положения, достаточно надежна в деловой сфере, корректна в деловом взаимодействии [24].

Корреляционный анализ позволил установить статистически достоверную связь между эффективностью служебной деятельности и общим уровнем сформированности правосознания ($r = 0,34$; $p < 0,05$); показателем уровня сформированности правосознания в деловой сфере ($r = 0,33$; $p < 0,05$) и бытовой сфере ($r = 0,24$; $p < 0,05$). Деловая сфера в развитии правосознания характеризуется такими чертами личности, как обязательность в деловых вопросах, в совместной работе, склонность действовать в соответствии с установленными нормами. Бытовая сфера функционирования правосознания определяет область межличностных взаимодействий и описывает такие характеристики, как понимание морально-этических норм групповых взаимоотношений, понимание систем жизненных ценностей других людей.

Исходя из полученных данных, было определено, что в целом уровень сформированности правосознания, наличие установки на соблюдение правовых норм связаны с эффективностью служебной деятельности

женщин-сотрудников. По данным Л. А. Ясюковой, при несформированности правосознания личность ориентируется на свои личные эмоциональные оценки, порой отрицая нормы и правила общества [25]. При такой эмоционально-оценочной ориентации у женщин-сотрудников выполнение поставленных правоохранительных задач может подменяться личными интересами, что несовместимо с профессиональной деятельностью сотрудника органов внутренних дел.

При изучении личностных особенностей женщин-сотрудников с помощью методики СМИЛ (Л. Н. Собчик) [20] были получены усредненные профили групп женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности (таблица 3). Полученные данные указывают, что в профилях женщин-сотрудников обеих групп ведущими являются шкалы 4 «импульсивность» и 9 «оптимистичность». Это позволило сделать вывод, что для женщин-сотрудников вне зависимости от эффективности их служебной деятельности характерен стенический тип реагирования, преобладание возбудимых черт. Такому типу личности присущи оптимистичность, высокая мотивация достижений, высокая потребность в самореализации, уверенность и быстрота в принятии решений.

Таблица 3.

Усредненные профили групп женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности

Шкалы СМИЛ	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Группа с высокой эффективностью	48,2	55,2	62,4	50,2	48,5	49,3	56,2	50,3	48,1	51,1	53,5	58,1	49,2
Группа с низкой эффективностью	49,6	55,3	63,3	51,1	47,8	50,5	54,6	50,6	45,9	51,3	54,2	60,1	47,2

Условные обозначения: L – ложь, F – достоверность, K – коррекция, 1 – «сверхконтроль», 2 – пессимистичность, 3 – эмоциональная лабильность, 4 – импульсивность, 5 – мужественность/женственность, 6 – ригидность, 7 – тревожность, 8 – индивидуальность, 9 – оптимистичность, 0 – интроверсия.

Анализ особенностей личности женщин-сотрудников показал, что для эффективности служебной деятельности значимы показатели 5-й шкалы (ниже 40 T-баллов в профиле), которые отражают женственный стиль поведения: мягкость, сентиментальность, чувствительность, стремление быть опекаемой, найти опору (таблица 4).

Таблица 4.

Взаимосвязь 5-й шкалы СМИЛ с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников

Женщины-сотрудники ОВД	Значения 5 шкалы в Т-баллах		
	ниже 40	от 40 до 60	выше 60
Группа с высокой эффективностью	13,9 %	67,4 %	18,8 %
Группа с низкой эффективностью	36,8 %	52,7 %	10,5 %
$\varphi_{эмп}$	2,412	1,361	1,042
$p <$	0,01	–	–

Выявлены значимые различия в количестве женщин-сотрудников со сниженными значениями 5-й шкалы в группах с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности ($\varphi_{эмп} = 2,412$, $p < 0,01$). Так, среди женщин-сотрудников с низкой эффективностью служебной деятельности женщин с низкими значениями 5-й шкалы – 36,7 %, а в группе с высокой эффективностью – 13,9 %. У женщин-сотрудников с присутствием в личностных характеристиках мягкости и женственности в большей степени эффективность служебной деятельности оценивается как низкая.

А. М. Столяренко в своих трудах, описывая правоохранительную деятельность с точки зрения внешней и внутренней социально-психологической сфер, выделяет в каждой сфере группы социально-психологических связей, феноменов и зависимостей. Во внутренней социально-психологической сфере правоохранительной деятельности автор выделяет три группы факторов: психология большой профессиональной правоохранительной общности; психология коллектива правоохранительного органа; социально-психологические особенности личности сотрудников [21]. В связи с этим в настоящей работе факторы рассматривались как связи, феномены и закономерности внутренней социально-психологической сферы правоохранительной деятельности группового (служебный коллектив) и индивидуального (социально-психологические особенности личности) уровней.

С целью выделения социально-психологических факторов эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников был проведен факторный анализ экспериментальных данных, полученных в результате исследования. Получено 10 главных факторов с собственными значениями больше 1,0. С высокими значениями коэффициента нагрузки показатель эффективности служебной деятельности вошел в три выделенных фактора.

В первый фактор вошли такие социально-психологические показатели служебных коллективов, как сплоченность, напряженность, удовлетворенность и конфликтность, взаимность и экспансия. Это позволило нам назвать данный фактор «социально-психологические показатели служебных коллективов».

Во второй фактор вошли: общий балл правосознания, сформированность правосознания в деловой сфере, уровень правовых знаний и сформированность правосознания в гражданской сфере. Также в данный фактор вошли показатель возраста – 0,47 и показатель стажа службы в ОВД – 0,45. Это позволило говорить о том, что уровень сформированности правосознания и наличие опыта (жизненного и служебного) связаны с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников ОВД, и данный фактор был назван «общий уровень сформированности правосознания в сочетании с жизненным и служебным опытом».

В третий фактор вошли показатели социометрических статусов женщин-сотрудников (деловой, эмоциональный, интегральный). Определенное значение в данном факторе имеют показатели методики СМИЛ: 9-я шкала – 0,29; 5-я шкала – 0,23. При этом шкала 9 находится на противоположном полюсе относительно всех показателей данного фактора. Это говорит о взаимосвязи личностных особенностей женщин-сотрудников с их положением в коллективе в системе межличностных взаимодействий, что в целом и оказывает влияние на эффективность их служебной деятельности. Важно отметить, что социометрический статус личности в коллективе опосредован, с одной стороны, особенностями личности, с другой – характеристиками коллектива. Поэтому третий фактор называется «социометрический статус женщин-сотрудников в коллективе в системе межличностных взаимодействий, опосредованный их личностными особенностями и характеристиками коллектива».

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что социально-психологическими факторами эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел выступают: социально-психологические показатели служебных коллективов; общий уровень сформированности правосознания в сочетании с жизненным и служебным опытом; социометрический статус женщин в коллективе в системе межличностных взаимодействий, опосредованный их личностными особенностями и особенностями коллектива.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Социально-психологические факторы эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников представлены на групповом

и индивидуальном уровнях. Групповой уровень включает в себя социально-психологические показатели служебных коллективов; индивидуальный уровень – характеристики социометрических статусов и особенности личности женщин-сотрудников.

2. Социально-психологические показатели служебных коллективов органов внутренних дел, обусловленные количественным и гендерным составом, обнаруживают положительную (сплоченность и удовлетворенность) и отрицательную (напряженность и конфликтность) связи с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников.

3. Установлена взаимосвязь эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел с социометрическими показателями их деловых и эмоциональных статусов в служебном коллективе, опосредованных личностными особенностями женщин-сотрудников и особенностями самого коллектива.

4. Основная часть женщин-сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, профессионально компетентны, эмоционально привлекательны, общительны и пользуются авторитетом в своих коллективах. Но при достаточно высоких оценках деловых и эмоциональных качеств женщин-сотрудников коллеги не стремятся выдвигать их на руководящие должности и не рассматривают в качестве потенциальных руководителей.

5. Уровень сформированности индивидуального правосознания, как одного из необходимых для сотрудников органов внутренних дел социально-психологических качеств личности, положительно связан с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников ОВД.

6. Для женщин-сотрудников ОВД характерен стенический тип реагирования, преобладание возбудимых черт личности. Такие личностные особенности, как мягкость, сентиментальность, женственность, чувствительность, стремление быть опекаемой, найти опору, снижают эффективность служебной деятельности женщин-сотрудников.

7. Полученные результаты позволили выработать **практические рекомендации по социально-психологическому сопровождению служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел:**

- в программу морально-психологической подготовки в раздел профессионально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел включить тему: «Социально-психологические особенности женщин как субъектов профессиональной деятельности». Проведение занятия по данной теме позволит сотрудникам ОВД получить знания об особенностях женщин, профилировать гендерные конфликты в служебных коллективах, повышать коммуникативную компетентность личного состава и повысить в целом уровень культуры общения в подразделениях ОВД;

- рекомендуется включить в программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации практических психологов ОВД учебные темы по следующим проблемам: «Гендерный аспект при профессиональном психологическом отборе на службу в ОВД», «Особенности социально-психологического сопровождения смешанных служебных коллективов ОВД», «Особенности психологической работы с женщинами-сотрудниками органов внутренних дел»;

- на основании результатов исследования предлагается разработать:
 - для руководителей подразделений органов внутренних дел практические рекомендации по оптимизации социально-психологического климата в служебных коллективах с учетом гендерного состава;

- для практических психологов рекомендации на тему: «Гендерный аспект при профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел»;

- учитывая актуальную гендерную ситуацию в органах внутренних дел и выявленные закономерности, разработать программу социально-психологического сопровождения служебных коллективов с учетом их гендерного состава. В программу предлагается включить следующие разделы:

- лекционные занятия для руководителей подразделений ОВД на тему «Социально-психологические факторы эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел» с целью получения знаний об особенностях женщин как субъектов служебной деятельности; повышения гендерной компетентности руководителей, профилактики гендерных конфликтов, повышения уровня культуры межличностного взаимодействия в ОВД;

- социально-психологические тренинги с целью оптимизации взаимоотношений в коллективе, повышения уровня коллективной работоспособности и профессиональной эффективности сотрудников, разработанные с учетом гендерного состава коллективов. Для смешанных коллективов, в которых примерное соотношение женщин и мужчин 20:80, рекомендовать социально-психологические тренинги с тематикой профессиональной деятельности («Психологические приемы в деятельности сотрудника ОВД», «Психологический портрет в работе юриста»). Для коллективов, в которых примерное соотношение женщин и мужчин 80:20, рекомендовать тренинги с социально-психологической тематикой («От коллектива к команде», «В коллективе дружба – легче служба»);

- социально-психологические тренинги на темы «Адаптационный тренинг для женщин», «Антистрессовый тренинг для женщин» с целью коррекции психоэмоциональных состояний женщин-сотрудников, обучения приемам самопомощи, саморегуляции.

Литература

1. *Андреева И. А., Корчмарюк И. А.* Методика организации социально-психологических исследований в органах внутренних дел. Методическое пособие / Под общ. ред. канд. пед. наук В. Л. Кубышко. – М.: Изд-во ЦОКР МВД России, 2008. – 64 с.
2. *Ануфриева Д. Ю.* Профессиональное развитие женщин, работающих в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. Научно-практический журнал. – 2009. – № 4 (39). – С. 20–22.
3. *Бендас Т. В.* Гендерная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 431 с.
4. *Демина М. А.* Профессиональное воспитание женщин военнослужащих внутренних войск МВД России с учетом гендерных аспектов: дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2005. – 197 с.
5. *Иванова Т. А.* Организационно-правовые проблемы работы с женщинами-сотрудниками органов внутренних дел (милиции) (на примере г. Москвы): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 176 с.
6. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности. – СПб.: Питер, 2011. – 432 с.
7. *Комаров Е. И., Жукова В. Ф.* Гендерный менеджмент. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. – 187 с.
8. *Марьин М. И., Котенев И. О., Киселева Л. Е.* Методика экспертных оценок эффективности адаптации к управленческой деятельности выпускников Академии управления МВД России. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2012. – 96 с.
9. *Марьин М. И., Ловчан С. И., Иванихина И. В. и др.* Оценка и оптимизация психологического климата, стиля руководства в органах управления и подразделениях Государственной противопожарной службы. Методическое пособие / Под. ред. Е. А. Мешалкина. – 2-е изд. – М.: Изд-во ВНИИПО, 1998. – С. 5.
10. *Марьин М. И., Петров В. Е., Адаев А. И., Бореко А. В.* Социально-психологическая компетентность руководителя органа внутренних дел. Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во ЦОКР МВД России, 2005. – 212 с.
11. *Обозов Н. Н.* Женщина + мужчина = ?! – СПб.: ЛНПП «Облик», 2007. – 74 с.
12. *Овчинникова В. В.* Влияние гендерных установок на взаимоотношения в разнополых воинских коллективах (на примере вузов ФСБ России пограничного профиля): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Голицино, 2006. – 21 с.
13. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: справочное пособие / Под ред. Б. Г. Бовина, Н. И. Мягких, А. Д. Сафронова. – М., 1997. – 344 с.

14. *Папкин А. И.* Совершенствование социально-психологического климата в подразделениях и службах ОВД: методические рекомендации. – Домодедово: Изд-во РИПК работников МВД России, 1998. – 27 с.
15. Психологическое изучение личности сотрудника органов внутренних дел при аттестации: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во ЦОКР МВД России, 2007. – 216 с.
16. Психология управления: учебник / Под ред. В. И. Черненилова. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2011. – 352 с.
17. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2015 год. – М., 2016. – 74 с.
18. *Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2001. – 350 с.
19. *Смирнов А. И.* Женщина на военной службе: новые возможности и социальные права. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2000. – 144 с.
20. *Собчик Л. Н.* Введение в психологию индивидуальности. – М.: Изд-во Института прикладной психологии, 1998. – 512 с.
21. Социальная психология: учебник для студентов вузов / Под ред. А. М. Столяренко. – 2-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 511 с.
22. Социально-психологический климат в служебных коллективах: методическое пособие / Под общей ред. М. И. Марьина, А. Е. Мешалкина. – М.: Изд-во ЦОКР МВД России, 2001. – С. 8–9.
23. Энциклопедия юридической психологии / Под. общ. ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 475.
24. *Ясюкова Л. А.* Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 1–13.
25. *Ясюкова Л. А., Самойлова В. А.* Состояние и тенденции развития правосознания в современном российском обществе // Человек и общество. Научный и общественный альманах. – 2005. – № 31. – С. 60–84.
26. *Mayo E.* The Human Problems of an Industrial Civilization (Early Sociology of Management & Organizations) Hardcover. – New York: Routledge Publ.; Reprint edition, 2003. – 208 p.

ДЛЯ ДИСКУССИИ

УДК 159.9.015

СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ В ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ЭФФЕКТ «ПОВТОРЕНИЕ БЕЗ ПОВТОРЕНИЙ» Н. А. БЕРНШТЕЙНА

Еськов Валерий Матвеевич

Зинченко Юрий Петрович

Веракса Александр Николаевич

Филатова Диана Юрьевна

Продолжается дискуссия об особых свойствах живых систем – complexity (гомеостатических систем). Представлено новое понимание complexity и систем третьего типа W. Weaver в рамках новой теории хаоса-самоорганизации и постнеклассики В. С. Стёпина. Сейчас мы демонстрируем отсутствие эффективности в применении стохастики и детерминированного хаоса (которые были представлены I. R. Prigogine, J. A. Wheeler и M. Gell-Mann за последние 50 лет) для описания сложных биосистем.

Возникает возможность нового представления о гомеостатических системах. Эти системы находятся в непрерывном хаотическом движении (неопределенность 2-го типа), и для них методы статистики применять нецелесообразно. Обозначается граница современной детерминистской и стохастической науки в описании сложных гомеостатических биосистем. Это знаменует и новый этап развития философии науки и науки о живой природе (complexity) в целом. В основе этого разделения – эффект «повторение без повторений» Н. А. Бернштейна, который сейчас количественно описывается эффектом Еськова – Зинченко.

Ключевые слова: хаос, стохастика, самоорганизация, гомеостаз, биомеханика, эффект Еськова – Зинченко, гомеостатические системы, теория хаоса-самоорганизации, СТТ (системы третьего типа).

Введение

Развитие человечества невозможно без понимания и изучения особенностей живых систем (системы третьего типа – СТТ – complexity) как уникальных систем, выходящих за рамки традиционной детерминистской, стохастической науки и теории детерминированного хаоса. Впервые об этом

было представлено в работах Н. А. Бернштейна [2] («повторение без повторов») в биомеханике (1947) и в публикации W. Weaver о системах третьего типа [22]. Н. Накен при создании синергетики очень близко подошел к описанию специфики живых систем, но он не вышел за рамки традиционной науки [20]. Сейчас, с созданием третьей парадигмы, это означает отсутствие реальных моделей особых живых систем – СТТ. В рамках современной науки любая модель СТТ имеет историческое значение, следующая динамика (выборка) произвольно не повторима, и тогда традиционная детерминистская или стохастическая модель описывает только артефакты (разовые, уникальные процессы). Повторить динамику СТТ невозможно, любые статистические характеристики СТТ – *complexity* будут непрерывно изменяться [3, 7, 8, 9, 15, 16, 17]. Все это представляет количественную основу эффекта Еськова – Зинченко, который показал хаотическую природу биомеханических систем.

В разрабатываемой сейчас *теории хаоса-самоорганизации* (ТХС) наши научные подходы отрицают возможность применения при описании СТТ любой функциональной зависимости $y = y(x)$ и использования статистических методов расчета параметров живых систем. Любая модель для описания СТТ в виде $y = f(x)$, статистических *функций распределения* $f(x)$, *спектральных плотностей сигнала* (СПС), *автокорреляционных функций* $A(t)$, фрактальной размерности и других характеристик процесса имеет разовое (историческое) значение для сложных биомеханических систем. СТТ – *complexity*, к которым в первую очередь принадлежат *функциональные системы организма* (ФСО) по П. К. Анохину [2], не могут демонстрировать стационарных режимов своего вектора состояния (ВСС) $x = x(t) = (x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ в *фазовом пространстве состояний* (ФПС). Все это означает, что невозможно повторить начальные состояния системы $x(t_0)$ произвольно, как и любые другие состояния $x(t)$ в ФПС [4, 5, 10, 13, 14]. Количественная характеристика такой неповторимости и составляет основу эффекта Еськова – Зинченко.

С позиций ТХС очевидно, что модели и методы СТТ нарушают главный принцип современной науки – повторяемость динамики (или состояний) биомеханических систем. В рамках традиционной науки мы должны иметь повторяющиеся процессы! Если нет произвольного повторения начального состояния СТТ в виде $x(t_0)$ и любого другого состояния системы, если мы не можем произвольно «повторить» вектор состояния системы $x = x(t) = (x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ в данной точке *фазового пространства состояний* (ФПС), то мы имеем дело с уникальными системами. По определению I. R. Prigogine, они не являются объектом современной науки [21], и их невозможно описывать функциями $y(x)$ или *функциями распределения* $f(x)$ в ФПС [15, 16, 17, 18]. Тогда возникает необходимость создания новых подходов в науке в целом.

Особенности СТТ – *complexity*

Высказывание об уникальности биосистем впервые представил I. R. Prigogine в своем предсмертном обращении к потомкам (*"The Die is not Cast"*), уже тогда нобелевский лауреат был твердо уверен, что СТТ – *complexity* (живые системы) не являются объектом современной (традиционной) науки [21]. Но другую науку И. Р. Пригожин не создал. Его *термодинамика неравновесных систем* (ТНС) тоже не имеет прямого отношения к живым системам (СТТ – *complexity*). Было показано, что теорема Пригожина – Гленсдорфа о минимуме скорости $P = dE/dt$ изменения энтропии E для СТТ не выполняется [15, 16, 17, 18]. Термодинамика И. Р. Пригожина не описывает сложные биосистемы – СТТ – вблизи равновесия, т. к. энтропия вообще может не изменяться существенно при переходе СТТ от равновесного состояния к неравновесному [5, 8, 10, 13, 18].

Роджер Пенроуз отмечал: «Что означает "вычислимость", когда в качестве входных и выходных данных допускаются непрерывно изменяющиеся параметры?» [см. 11, с. 165]. Для уникальных систем невозможно произвольно повторить начальное состояние $x(t_0)$ и любое другое $x(t)$ тоже. Для СТТ невозможно повторить конечное состояние $x(t_k)$ ни в виде статистических функций $f(x)$, их СПС, $A(t)$, фракталов и т. д. Для любой гомеостатической системы – СТТ (*complexity*) нужна другая наука – это наука о гомеостатических системах с максимальной неопределенностью их динамики. Такую науку мы сейчас создаем – это *теория хаоса-самоорганизации* – ТХС. Она основана на расчетах *квазиаттракторов* – КА [1, 4, 5, 8, 9, 10] и на новом использовании *нейроэмуляторов* (НЭВМ) [13, 14]. Тогда повторяются параметры квазиаттракторов и определяются параметры порядка χ , для всего ВСС $x(t)$ [15, 16, 17, 18].

Работы Н. А. Бернштейна [6], W. Weaver [22] и I. R. Prigogine [21] (в их попытках изучать и описывать СТТ – *complexity*) были лишь началом и призывом к изучению таких особых биосистем. СТТ – *complexity* изучать в рамках традиционной науки как уникальные СТТ весьма затруднительно (если вообще возможно). Гомеостатические системы имеют две неопределенности 1-го и 2-го типов (здесь статистика не работает!). Для их описания можно использовать *компарментно-кластерную теорию биосистем* (ККТБ), нейроэмуляторы и ТХС [15, 16, 17, 18]. В последнем случае мы имеем определенность параметров квазиаттракторов для неопределенных, гомеостатических систем третьего типа, с которыми приходится работать в психофизиологии. Квазиаттракторы могут описывать динамику СТТ – *complexity*, но понятие стационарных режимов (гомеостаза) и кинематики СТТ в ФПС имеет другой смысл и другие модели [13, 14, 15, 16, 17, 18], которые представляют эффект Еськова – Зинченко в психофизиологии.

Первая статья И. Р. Пригожина (Философия нестабильности, 1991) из целой серии публикаций о неопределенности и неустойчивости систем была лишь прелюдией к познанию жизни, но за эту четверть века, фактически, никакой реакции на эту публикацию не последовало (за исключением комментария С. П. Курдюмова). Наука на современном этапе ее развития становится инертной, она слабо откликается на новые факты. Возникает иллюзия, что человечество все уже изучило и познало, но это далеко не так! Мы живем в мире иллюзий о гомеостатичности психофизиологических и любых биосистем в целом, в психологии и психофизиологии в целом, но их динамика особая. Нужны и другие методы изучения СТТ – *complexity* [1, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10].

Сейчас наблюдается очень слабая реакция на необычные свойства СТТ – *complexity*, которые Н. А. Бернштейн пытался представить почти 70 лет назад [2, 8, 9]. Наука в целом достигла некоторого уровня и как бы не желает дальше развиваться, т. е. развиваются пока прикладные аспекты, и очень мало средств и внимания уделяется перспективам развития науки, общего познания мира. Создание современной научной картины мира не может базироваться на мире научных иллюзий и на искаженных представлениях о живых системах как о системах детерминистских или стохастических. Даже детерминированный хаос для СТТ – это тоже иллюзия. Мир живых систем, СТТ – *complexity* [15, 16, 17, 18] – это другой мир, мир нестабильности и хаотических систем, о котором пытался сказать И. Р. Пригожин (но у него отсутствовал математический аппарат для описания СТТ). Н. А. Бернштейн представлял как минимум четыре регуляторные системы в организации движений (А, В, С, D) и тоже пытался об этом сказать. Однако в эффекте Еськова – Зинченко мы дали этому количественную оценку.

Сейчас наука глубоко уверовала, что биосистемы являются объектом детерминированного или стохастического подходов (в крайнем случае – детерминированного хаоса). Однако реальность совершенно другая – живые системы не являются объектом современной науки. Об этом пытались сказать Н. А. Бернштейн, W. Weaver, I. R. Prigogine, но на их высказывания никто не обращал внимания (включая и представителей философии науки). Однако уже сейчас мы подходим к переосмысливанию новых научных фактов и новых методов оценки динамики (и статики – гомеостатики) сложных биосистем – *complexity*. Возникли границы наших возможностей в рамках современной науки научного познания мира живых систем (и не только!). В первую очередь это касается психологии и психофизиологии, где управление движением происходит при участии миллиардов нейронов, каждый из которых сам уже не может стохастически работать.

Современная наука, требующая повторений любых процессов и явлений, совершенно бессильна перед неопределенностью и неповторяемостью

живых систем – СТТ. Более того, оказалось, что гомеостатическими свойствами обладают не только живые системы. Это и системы регуляции климата, метеорологические параметры окружающей среды пребывания человека. Самоорганизацией обладает и вся Вселенная. Климат, погода, организм человека и социумы (человечество в целом) являются гомеостатическими системами. Их динамика на любом временном отрезке времени Δt не может быть произвольно повторена [3, 6, 7, 8, 9, 10].

Динамика гомеостатических систем имеет особые параметры, которые не укладываются в обычные статистические критерии ($f(x)$, СПС, $A(t)$ непрерывно и хаотически изменяются). К гомеостатическим системам невозможно применять и термодинамический подход, т. к. энтропия СТТ отлична от энтропии молекулярных систем. У живых систем другие критерии статичности (неизменности) и другие критерии кинематики. Мы сейчас в рамках ТХС рассматриваем эволюцию СТТ – *complexity* как движение квазиаттракторов в ФПС, и это движение отлично от обычного механического движения, которое изучается в физике. В целом, для СТТ – *complexity* мы разработали новые критерии стационарности (гомеостатичности), новые критерии кинематики и новые термодинамические подходы [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18].

СТТ демонстрируют полную инверсию понятий. Что в физике является движением, когда $dx/dt \neq 0$ и наблюдается изменение фазовых координат x_i , то в ТХС, наоборот, может представлять статику (гомеостатичность). В этом случае нет существенных изменений параметров квазиаттракторов, не изменяются их объемы V_G и координаты их центров x_i^c . Покой в ТХС соответствует непрерывному движению $x(t)$ в ФПС. Мы имеем инверсию понятий движения, и это требует научного переосмысления и новых моделей и методов расчета. Более того, в ТХС вводится новое понятие скорости движения квазиаттракторов, которое описывает эволюцию сложных биосистем (СТТ – *complexity*).

Более того, сейчас создается новая, третья парадигма естествознания и ее теоретическая основа – ТХС [3]. Третья парадигма естествознания и теория хаоса-самоорганизации изучают и представляют живые системы и все СТТ в целом [3, 12]. Можно выделить несколько ключевых понятий и условий, методов для представления СТТ. *Во-первых*, большой набор фактов и доказательств того, что СТТ не являются объектами современной детерминистско-стохастической науки из-за непрерывной и хаотической изменчивости параметров СТТ x_i . *Во-вторых*, разработаны новые методы и модели, которые способны описывать статику и кинематику, т. е. гомеостаз и эволюцию, таких особых СТТ – *complexity*. *В-третьих*, в различных периодических изданиях (более 400 статей и докладов) и монографиях (более 40 книг) показано практическое применение в биологии, экологии, медицине разработанных

методов для оценки состояния организма человека, климата, погоды и т. д. Рассмотрим теперь особенности хаоса в организации движений более подробно, на примере кластера «доказательство» в изучении эффекта Н. А. Бернштейна «повторение без повторений», который сейчас получил количественное подтверждение в виде эффекта Еськова – Зинченко в психофизиологии и биомеханике.

Особые свойства СТТ в биомеханике как основа эффекта Еськова – Зинченко

В третьей парадигме и теории хаоса-самоорганизации вводится пять основных принципов (свойств) организации особых биосистем (СТТ – *complexity*) [3, 8]. Еще раз отметим, что все особые свойства биосистем были получены с помощью многочисленных наблюдений и экспериментов с более чем 20000 испытуемых (и более 1 млн. выборок). При этом регистрировались не только *треморозаграммы* (ТМГ) и *теппинграммы* (ТПГ) в биомеханике и физиологии *нервно-мышечной системы* (НМС), но и при анализе *электромиограмм* (ЭМГ), *электроэнцефалограмм* (ЭЭГ), *электронейрограмм* (ЭНГ) в электрофизиологии; *кардиоинтервалов* (КИ) и *электрокардиограмм* (ЭКГ) при изучении реакций *кардиореспираторной системы* (КРС) как важнейшей *функциональной системы организма* (ФСО) человека [13, 14, 15, 16, 17, 18]. Наблюдалась динамика ряда биохимических показателей (например, при инфекционном гепатите А, В, С и изменениях уровня сахара в крови при метаболических нарушениях) – БХП.

Все такие переменные можно кратко представить как некоторую одну переменную $x_1(t)$ (для каждого случая). Для таких $x_1(t)$ можно получить скорость их изменения, т. е. $x_2(t) = dx_1(t)$, и ускорение $x_3 = dx_2/dt$ [5, 15]. В этом случае мы переходим к трехмерному подпространству $x_i(t) = (x_{i1}, x_{i2}, x_{i3})^T$, где x_i – любая координата всего m -мерного пространства состояний вектора $x(t)$, а подпространство содержит саму координату x_{i1} , ее скорость x_{i2} и ускорение x_{i3} .

Для любой переменной (ТМГ, ТПГ, ЭМГ, ЭЭГ, КИ, БХП) мы можем построить *фазовое пространство состояний* (ФПС) вектора $x_i^2 = (x_{i1}, x_{i2})^T$ или $x_i^3 = (x_{i1}, x_{i2}, x_{i3})^T$, и в нем (ФПС) изучать характер движения $x_i(t)$. Если система находится в гомеостазе, то квазиаттрактор (объем V_G , внутри которого непрерывно и хаотически движется $x(t)$) будет сохранять свои параметры в виде самого объема V_G и координат его центра x_i^c для каждой i -й координаты и всего вектора $x(t)$ [15, 16]. Это является *главной* характеристикой гомеостаза. С позиций детерминизма мы имеем непрерывное движение вектора состояния $x(t)$ (хаос траектории, $dx/dt \neq 0$ постоянно), а с позиций ТХС мы имеем покой (отсутствие изменений параметров квазиаттракторов).

Мы построили несколько сотен матриц парного сравнения выборок x_i для всех перечисленных выше переменных и везде имели малое число k совпадений выборок. Обычно $k < 20\%$ или даже 5% от общего числа пар сравнения [8, 9, 13, 14].

С позиций ТХС очень важно подчеркнуть, что из-за непрерывного и хаотического изменения $x(t)$ в ФПС мы не можем использовать статистику в оценке СТТ. Любое измерение в психологии и психофизиологии не дает объективного представления о состоянии системы, т. к. на другом интервале времени Δt мы получим другие выборки x_i и другие функции распределения $f(x_i)$. Все непрерывно изменяется для одной и той же системы, находящейся в неизменном гомеостазе. Для гомеостатических систем характерен калейдоскоп не только функций $f(x)$, но и *спектральных плотностей сигнала* (СПС) всех x_i , их автокорреляционных функций $A(t)$ и других характеристик и параметров $x(t)$, которые рассчитываются в рамках стохастики (включая и фрактальные размерности). В описании и изучении медико-биологических систем методы и модели традиционной науки дают низкую эффективность. С нашей точки зрения, биология, медицина и психофизиология до настоящего времени использовали разовые измерения, разовые выборки, которые не могли объективно представлять состояния биосистем (СТТ) [5, 7, 15]. Наступает время третьей парадигмы, ТХС и объективной оценки гомеостаза и эволюции сложных биосистем – *complexity*, учета их непрерывного и хаотического движения вектора $x(t)$ в ФПС, когда непрерывно все изменяется [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 15]. При этом возникает проблема объективного измерения неизменности психического состояния испытуемых (что реально изменяется?).

Для иллюстрации сказанному представим три таблицы – матрицы парного сравнения выборок испытуемого ГДВ, находящегося в одинаковом психическом состоянии (но статистика не дает такой одинаковости). В таблице 1 мы демонстрируем матрицу парных сравнений 15-ти *треморграмм* (ТМГ), полученных от одного испытуемого (подряд), здесь $k_1 = 3$. В таблице 2 мы показываем матрицу парных сравнений 15-ти выборок *теппинграмм* (ТПГ), здесь $k_2 = 17$. Наконец, в таблице 3 мы показываем матрицу парных сравнений 15-ти *автокорреляционных функций* $A(t)$ этого же испытуемого $k_3 = 27$.

Очевидно, что k_1 (тремор) существенно отличается от k_2 (ТПГ). Закономерно, что все ТПГ всегда показывали четырех- или пятикратное превышение над ТМГ. Этим произвольное движение (тремор) отличается от произвольного движения (теппинг). Но соотношения k_1 и k_2 повторяются для всех испытуемых. Характерно, что $A(t)$ не стремится к нулю с ростом времени t , и всегда могут быть совпадения даже между 1-й и 15-й выборками, т. е. автокорреляция $A(t)$ не стремится к нулю при $t \rightarrow \infty$.

Таблица 1.

Матрица парного сравнения выборок треморограмм испытуемого ГДВ (число повторов $N = 15$), использовался критерий Вилкоксона (уровень значимости $p < 0.05$, число совпадений $k_1 = 3$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1.		0.00	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.96	0.00	0.00
2.	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
3.	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
4.	0.02	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
5.	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
6.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
7.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.15	0.00
8.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.42	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
9.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.42		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
10.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
11.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00
12.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00
13.	0.96	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00
14.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.15	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00
15.	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	

Таблица 2.

Матрица парного сравнения выборок теппинграмм испытуемого ГДВ (число повторов $N = 15$), использовался критерий Вилкоксона (уровень значимости $p < 0.05$, число совпадений $k_2 = 17$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1.		0.00	0.00	0.00	0.00	0.17	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00
2.	0.00		0.00	0.00	0.26	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.94	0.04	0.00	0.00
3.	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.74	0.00	0.00	0.00	0.45	0.05	0.00	0.00	0.00
4.	0.02	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.52	0.14	0.18	0.00	0.00	0.00	0.00	0.03
5.	0.00	0.26	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.03	0.38	0.02	0.00
6.	0.17	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.10	0.00
7.	0.00	0.00	0.74	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.74	0.04	0.00	0.00	0.00
8.	0.00	0.00	0.00	0.52	0.00	0.00	0.00		0.06	0.96	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
9.	0.00	0.00	0.00	0.14	0.00	0.00	0.00	0.06		0.82	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01
10.	0.00	0.00	0.00	0.18	0.00	0.00	0.00	0.96	0.82		0.00	0.00	0.00	0.00	0.15
11.	0.00	0.00	0.45	0.00	0.00	0.00	0.74	0.00	0.00	0.00		0.04	0.00	0.00	0.00
12.	0.00	0.94	0.05	0.00	0.03	0.00	0.04	0.00	0.00	0.00	0.04		0.02	0.00	0.00
13.	0.00	0.04	0.00	0.00	0.38	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.02		0.06	0.00
14.	0.01	0.00	0.00	0.00	0.02	0.10	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.06		0.00
15.	0.00	0.00	0.00	0.03	0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.15	0.00	0.00	0.00	0.00	

Таблица 3.

Матрица парного сравнения 15-ти автокорреляционных функций $A(t)$ треморограмм одного испытуемого ГДВ при повторных экспериментах ($k_3 = 27$), по критерию Вилкоксона (для непараметрического распределения)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1.		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
2.	0.00		0.01	0.00	0.00	0.07	0.01	0.00	0.00	0.00	0.93	0.00	0.21	0.00	0.02
3.	0.00	0.01		0.00	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00	0.89	0.21	0.99	0.00	0.01	0.36
4.	0.00	0.00	0.00		0.07	0.00	0.00	0.03	0.01	0.00	0.00	0.00	0.00	0.75	0.00
5.	0.00	0.00	0.00	0.07		0.00	0.00	0.08	0.00	0.00	0.00	0.02	0.00	0.72	0.05
6.	0.00	0.07	0.00	0.00	0.00		0.94	0.00	0.00	0.00	0.02	0.00	0.60	0.00	0.00
7.	0.00	0.01	0.00	0.00	0.00	0.94		0.00	0.00	0.00	0.03	0.00	0.60	0.00	0.00
8.	0.00	0.00	0.01	0.03	0.08	0.00	0.00		0.00	0.03	0.00	0.04	0.00	0.32	0.43
9.	0.00	0.00	0.00	0.01	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.07	0.00
10.	0.00	0.00	0.89	0.00	0.00	0.00	0.00	0.03	0.00		0.22	0.31	0.01	0.00	0.53
11.	0.00	0.93	0.21	0.00	0.00	0.02	0.03	0.00	0.00	0.22		0.13	0.07	0.00	0.11
12.	0.00	0.00	0.99	0.00	0.02	0.00	0.00	0.04	0.00	0.31	0.13		0.00	0.00	0.59
13.	0.00	0.21	0.00	0.00	0.00	0.60	0.60	0.00	0.00	0.01	0.07	0.00		0.00	0.00
14.	0.00	0.00	0.01	0.75	0.72	0.00	0.00	0.32	0.07	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00
15.	0.00	0.02	0.36	0.00	0.05	0.00	0.00	0.43	0.00	0.53	0.11	0.59	0.00	0.00	

В этом хаосе есть определенные закономерности, но все они показывают, что доля стохастики укладывается в $k < 20\%$, и это означает крайне низкую эффективность стохастики. Эпоха традиционной науки уходит в прошлое при описании психофизиологических систем, *complexity*. На это обращал внимание и В. С. Стёпин, развивая представления о трех типах научной рациональности [12]. Он неоднократно говорил о непрерывном изменении вероятности P (у нас – функций распределения $f(x)$) для биосистем, но количественного описания не создал ни Н. А. Бернштейн (он первый заговорил о повторении без повторений), ни I. R. Prigogine (он подчеркивал, что уникальные системы – не объект науки), ни W. Weaver. Только сейчас, в эффекте Еськова – Зинченко, мы можем говорить о количественных закономерностях в биомеханике: повторения треморограмм (k_2) падают при переходе к тремору (k_1).

Три нобелевских лауреата (M. Gell-Mann, I. R. Prigogine, J. A. Wheeler) относили *complexity* (эмерджентные биосистемы) к детерминированному хаосу [19, 21, 23]. Сейчас становится очевидной их ошибочность. У гомеостатических систем (СТТ) их автокорреляционные функции $A(t)$ не стремятся к нулю, нет свойства перемешивания (меры неоднородны), а константы Ляпунова меняют знак от выборки к выборке. Все непрерывно изменяется, как их $f(x)$, СПС и $A(t)$, так и их другие характеристики. СТТ – *complexity* в рамках современной науки невозможно описывать. На это обращал внимание и Роджер Пенроуз: «Что означает “вычислимость”, когда в качестве входных и выходных данных допускаются непрерывно изменяющиеся параметры?» [11, с. 165]. В биомеханике мы не можем произвольно повторить начальное состояние $x(t_0)$, т. е. поставить палец в любую, конкретную точку пространства (из-за непрерывного тремора $dx/dt \neq 0$). Нет повторений для $f(x)$, $A(t)$ произвольно изменяются. Произвольные движения (теппинг) не являются произвольными («повторение без повторений») в плане их реализаций, т. к. они реализуются хаотически, доля стохастики не превышает 20 % для $f(x)$ и 30 % для $A(t)$ и АЧХ.

Сейчас очевидно, что все полученные факты демонстрируют особые свойства биосистем – *complexity*, и они являются объектом постнеклассики В. С. Стёпина [12], где непрерывно вероятность P , и функции распределения $f(x)$, постоянно изменяются. Статистика при разовых измерениях (выборках) не может давать объективную информацию о состоянии психофизиологических систем. Регуляция в биомеханике – это регуляция уникальных систем. У СТТ нет начального (повторяющегося) состояния $x(t_0)$, их $f(x)$, СПС, $A(t)$ непрерывно изменяются, и они не являются объектом современной науки. Постнеклассика В. С. Стёпина, теория хаоса-самоорганизации должны строиться на новом формальном аппарате (теории) для описания СТТ.

Доказательств получено уже достаточно (более 20000 испытуемых и более 1 млн. выборок). Любой исследователь сейчас сам может повторить опыты в биомеханике и построить матрицы парных сравнений выборок ТМГ, ТПГ, их СПС и $A(t)$. Эффект Еськова – Зинченко является фундаментальным эффектом для всех явлений и эффектов в психологии, т. к. психика, ВНД не подчиняется законам стохастике. С нашей точки зрения, теперь использовать стохастике в разовых опытах нецелесообразно [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10], требуется повторение или расчет квазиаттракторов, если исследователь не может повторить опыты многократно.

Квазиаттракторы как метод и модели в изучении СТТ – *complexity*

Сейчас разработана и построена *компарментно-кластерная теория биосистем* (ККТБ), которая учитывает только 1-й принцип организации СТТ (динамика поведения отдельного элемента не имеет информационного значения). Согласно ТХС, в психофизиологии сейчас имеются неопределенности 1-го и 2-го типов. Эти неопределенности полностью выводят СТТ из области современной науки и переводят биосистемы в область постнеклассики, в область глобальной неопределенности, аналогичной принципу Гейзенберга в квантовой механике, в область теории гомеостатических систем [3, 7, 8, 9, 10]. Эффект Еськова – Зинченко сейчас описывается параметрами *квазиаттракторов* (КА), которые характеризуют биомеханический гомеостаз. При этом можно идентифицировать реальные стационарные режимы, что невозможно в стохастике (там всегда $dx/dt \neq 0$) из-за непрерывного калейдоскопа статистических характеристик ТМГ и ТПГ (в виде $f(x)$, $A(t)$ и т. д., что представлено выше в таблицах 1, 2, 3).

Другие методы изучения, другие модели позволяют изучать неопределенности 1-го типа, когда мы имеем совпадение двух выборок, которые описывают два разных психических состояния. Иными словами, современная наука доказывает отсутствие различий, а ТХС их показывает. Это уже различия в покое и движении биомеханических систем. Для моделирования этих процессов мы применили новые методы нейрокомпьютинга, когда две выборки в статистике не различаются, а нейросеть демонстрирует их различие [13, 14]. Неопределенность 2-го типа регистрируется для всех психофизиологических параметров человека. Например, при переездах учащихся с Севера на Юг РФ и обратно сенсомоторные реакции не различаются в стохастике, а ТХС их выявляет.

Статистика показывает статику (покой), а нейрокомпьютинг и ТХС показывают различие в двух сравниваемых состояниях. Это сейчас классифицируется в ТХС как неопределенность 1-го типа. При этом нейроэмулятор (НЭВМ) и ТХС решают задачу бинарной классификации – разделение двух выборок,

которые в статистике не разделяются. Очевидно, что это требует пересмотра понятий статистики (неизменности) и кинематики (изменений) в психологии и психофизиологии.

Для медицины такая ситуация катастрофична, т. к. врач не сможет отличить больной организм от здорового, не сможет выявить начало заболевания. Или наоборот, не сможет выявить начало выздоровления, т. к. с позиций статистики организм отдельного человека или обследуемой группы не отличается от здорового организма (или от исходно больного организма). Как было показано в медицине, эффект Еськова – Зинченко [5, 8] – это не такая уж редкая ситуация, когда применяют методы лечения, а улучшений как бы и не наблюдают. Все такие случаи могут быть разрешены с помощью нейроэмуляторов или путем сравнения параметров квазиаттракторов, которые образуют вектор состояния организма человека. Отметим, что нейроэмулятор при этом работает в особом режиме многократных итераций, что подобно работе мозга (нейросети гиппокампа). Это еще раз подчеркивает, что принципы организации живой природы можно и нужно не только изучать, но и использовать в исследовательских целях. Новые методы ТХС основаны на многократных итерациях в работе нейросети, и они реализуют принципы работы нейросетей мозга, когда мы имеем многократные повторения, но они всегда происходят без повторений (каждый раз мы получаем новую выборку весов W_i всех диагностических признаков x_i). НЭВМ работает эффективно, когда мы повторяем работу нейросетей мозга!

Таким образом, методы нейрокомпьютинга устраняют неопределенность 1-го типа путем многократных итераций (число N повторов настройки нейросети в режиме бинарной классификации у нас составляет несколько тысяч, $N > 1000$). При этом возможно применение и расчетов квазиаттракторов для устранения неопределенности 1-го типа. Одновременно расчет параметров квазиаттракторов целесообразно применять и для устранения неопределенности 2-го типа. В этом случае мы имеем для испытуемого, находящегося в неизменном психическом состоянии, непрерывное изменение всех его статистических характеристик. Об этом мы говорили выше, когда выделяли непрерывное изменение функций распределения $f(x)$ для получаемых подряд выборок любых x_i , их СПС и автокорреляционных функций $A(t)$. Все статистические характеристики вектора $x(t)$ непрерывно (и хаотически) изменяются. В этом случае в ТХС говорят о неопределенности 2-го типа для получаемых подряд выборок исследуемой психофизиологической системы. Можно сказать, что неопределенность 2-го типа – это базовая характеристика всех психических и психофизиологических систем, психического гомеостаза в целом, характеристика психики человека, как СТТ – *complexity* [5, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. Нейросети мозга – это тоже СТТ, и любые проявления высшей нервной

деятельности тоже будут демонстрировать эффект Еськова – Зинченко, когда выборки, их $f(x)$ неповторимы произвольно, как и их спектральные характеристики (СПС, например) или автокорреляционные функции $A(t)$.

В этом случае только параметры квазиаттракторов (объем V_G и координаты центра квазиаттрактора, x_i^c , могут показать наличие неизменности психического состояния (покой) или его (квазиаттрактора) движение. В этом случае движение квазиаттрактора в фазовом пространстве состояний будет представлять эволюцию биосистемы, и эта эволюция практически не может быть зарегистрирована методами статистики (по крайней мере, ее начало). Используя методы ТХС, мы реально можем регистрировать состояние покоя биосистемы (неизменность гомеостатического регулирования) или состояние эволюции. Другими методами это выполнить невозможно. Современная наука, основанная на функциональном анализе или статистике, не может точно изучать СТТ из-за их постоянной изменчивости и отсутствия стационарных режимов в виде $dx/dt = 0$ или сохранения статистических функций $f(x)$. Все изменяется при неопределенности 2-го типа, или наоборот, стохастика показывает неизменность, а реально психофизиологические параметры изменяются.

Методы ТХС (в виде итераций нейроэмулятора или расчета параметров квазиаттракторов) обеспечивают разрешение неопределенности и 1-го типа и 2-го типа. Это расширяет диапазоны диагностики нормы и патологии в психиатрии и делает психофизиологические измерения более чувствительными в оценке неизменности (или реальных изменений) параметров сложных психических и психофизиологических состояний человека. Одновременно для *complexity* с хаотической динамикой поведения x_i (неопределенность 2-го типа) мы вообще не можем ничего диагностировать в рамках стохастики, и методы ТХС становятся единственными в изучении *функциональных систем организма* (ФСО) человека, о которых говорил П. К. Анохин [1], и в изучении эффектов «повторение без повторения» Н. А. Бернштейна [2], и в целом ряде других исследований, когда мы имеем дело с неопределенностью в системе регуляции на основе ВНД. Эффект Бернштейна с момента его открытия (1947) до настоящего времени вообще никем не изучался и никем не описывался (количественно). Сейчас мы используем для количественного описания неопределенности в психологии и психофизиологии эффект Еськова – Зинченко и методы ТХС (расчет квазиаттракторов и нейро-ЭВМ), которые устраняют неопределенности 1-го и 2-го типов [4, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 14].

Поскольку в режиме «повторение без повторений» находятся все ФСО человека, становятся понятными важность и необходимость не только изучения систем со 2-м типом неопределенности, но и их моделирование и описание. Это тем более существенно, что неопределенности 1-го и 2-го типов

переводят психологию и психофизиологию в класс исторических наук (изучение артефактов), если мы будем использовать традиционные методы функционального анализа или статистику. Повторение без повторений, эффект Еськова – Зинченко накладывает существенные ограничения на применение стохастики в психологии.

Сейчас разработаны модели динамики поведения таких систем на основе компартментно-кластерного подхода. Оказалось, что двухкластерные, трехкомпарментные модели могут описывать динамику тремора, теппинга и даже развитие болезни Паркинсона [5, 15, 16, 17, 18]. В частности, они могут моделировать матрицы парных сравнений выборов, которые характеризуют тремор, теппинг, ЭМГ, ЭНГ, ЭЭГ и мн. др. процессы. *Компартментно-кластерная теория биосистем* (ККТБ) оказалась наиболее реальной теорией в описании особого хаоса сложных биосистем, СТТ – *complexity*. Других методов и моделей для описания СТТ пока не создано. ККТБ является на сегодня единственной теорией, в которой можно моделировать системы третьего типа в виде матриц парных сравнений выборов, когда $f(x)$, СПС и $A(t)$ непрерывно и хаотически изменяются [5, 15].

Компартментно-кластерные модели могут описывать переход ФСО от нормы к патологии и обратно (т. е. выздоровление пациента). Например, сейчас в рамках ККТБ разработаны модели болезни Паркинсона и процессы лечения этого заболевания различными препаратами (ЮМЕКС, L-Допа и др.). В целом, нейроэмуляторы, расчет квазиаттракторов и компартментно-кластерный подход на сегодня являются единственными методами и моделями, которые адекватно описывают системы третьего типа; в наших примерах речь идет о биомеханике. Они описывают статику и эволюцию СТТ в ФПС, что совершенно невозможно в рамках стохастики и детерминизма.

В качестве примера представим, как можно определять реальные изменения в параметрах биомеханических систем (в частности, тремора), которые и без других внешних воздействий демонстрируют хаотический калейдоскоп изменений любых стохастических характеристик (в таблицах 1 и 3 это были $f(x)$ и их автокорреляционные функции). Если испытуемому изменить условия проведения эксперимента, например, предъявить внешний раздражитель – звук, охладить конечность перед регистрацией тремора или применить постоянно действующую силу (прикрепить груз к пальцу), то параметры квазиаттракторов сразу будут изменяться. Это будет происходить на фоне продолжающихся непрерывных изменений выборов $x_i(t)$, их $f(x)$, $A(t)$, СПС и т. д.

Действительно, если к пальцу испытуемого подвесить груз $m = 300$ гр., то изменяются матрица парных сравнений выборов и параметры квазиаттракторов, получаемых треморограмм. В таблице 4 мы представляем итоговые

значения одного из более чем из 1000 опытов по регистрации параметров треморограмм в рамках ТХС. Здесь первый столбец показывает значение площади S квазиаттрактора треморограммы испытуемого БАВ в спокойном состоянии (без нагрузки), а 2-й столбец показывает S и среднее значение для этой выборки $\langle S_2 \rangle$ при нагрузке конечности (пальца) массой $m = 300$ гр.

Очевидно, что средняя площадь квазиаттрактора (КА) свободной конечности $\langle S_1 \rangle = 0,26$ значительно меньше средней площади конечности (пальца) при прикреплении $m = 300$ гр., где $\langle S_2 \rangle = 1,24$. Именно площади S квазиаттракторов дают существенные изменения, что и показывает различия между двумя состояниями испытуемого в биомеханическом и психофизиологическом плане. Система регуляции тремора работает разным образом при удержании свободной конечности и нагруженной (массой 300 гр.), но в стохастике (путем анализа выборок) это выявить невозможно из-за неопределенности 2-го типа (см. таблицу 1).

С позиций стохастики мы при $N = 15$ повторях испытаний имели бы обычный для СТТ хаотический калейдоскоп выборок, их $f(x)$, $A(t)$, СПС и т. д. Когда все хаотически изменяется, то непонятно, какие характеристики следует использовать. Мы сейчас продемонстрировали: параметры квазиаттракторов значимо и существенно изменяются при изменении условий проведения эксперимента. Увеличение S_2 по отношению к S_1 наблюдалось у всех испытуемых при более чем 1000 проведенных испытаний. Сейчас у нас имеются огромные базы данных не только в биомеханике, но и других разделов психофизиологии и физиологии ФСО.

Таблица 4.

Значения площадей ($S \cdot 10^{-6}$) квазиаттракторов выборок треморограмм испытуемого БАЕ с нагрузкой и без нагрузки (300 гр.), 28 лет (число повторов $N = 15$, уровень значимости критерия Вилкоксона $p = 0.00$, при критическом уровне значимости $p < 0.05$)

	Значение площади $S \cdot 10^{-6}$ КА без нагрузки	Значение площади $S \cdot 10^{-6}$ КА с нагрузкой (300 гр.)
1.	0.23	1.71
2.	0.09	1.80
3.	0.17	1.86
4.	0.29	0.98
5.	0.26	0.68
6.	0.15	0.72
7.	0.58	1.03
8.	0.10	0.90

Продолжение таблицы 4.

Значения площадей ($S \cdot 10^{-6}$) квазиаттракторов выборок треморограмм испытуемого БАЕ с нагрузкой и без нагрузки (300 гр.), 28 лет (число повторов $N = 15$, уровень значимости критерия Вилкоксона $p = 0.00$, при критическом уровне значимость $p < 0.05$)

	Значение площади $S \cdot 10^{-6}$ КА без нагрузки	Значение площади $S \cdot 10^{-6}$ КА с нагрузкой (300 гр.)
9.	0.27	0.92
10.	0.30	1.82
11.	0.19	1.07
12.	0.18	0.61
13.	0.15	0.84
14.	0.55	0.95
15.	0.36	2.65
< S >	0,26	1,24

Очевидно, что методы ТХС следует применять как при неопределенностях 1-го типа, когда все наблюдаемые статистические функции $f(x)$ совпадают до воздействия и после, так и при неопределенностях 2-го типа, когда все статистические характеристики изменяются хаотически и непрерывно. В этом случае мы имеем эффект Еськова – Зинченко в психологии, и теперь этот эффект требует изучения и изменения наших представлений о реальном хаосе систем, которые регулируются со стороны ВНД со стороны нейросетей мозга. Последние в представлении Н. А. Бернштейна (120-летие со дня рождения которого мы сейчас, в 2016 г., отмечаем) и обеспечивают «повторение без повторений». Очевидно, что добиться одинакового состояния (или динамики) в системах из миллиардов элементов (нейронов) практически невозможно. Это более фантастическая ситуация, чем демон Максвелла в термодинамике.

Выводы

1. Системы *третьего типа* (СТТ), о которых в 1948 г. говорил W. Weaver и которые в 1947 г. пытался описать в виде «повторений без повторений» Н. А. Бернштейн – это реальные системы в биомеханике и всей психофизиологии.

2. Для СТТ характерен эффект Еськова – Зинченко, когда все подряд получаемые выборки систем регуляции движения вместе с их статистическими функциями распределения $f(x)$, их автокорреляционными функциями $A(t)$ и др. статистическими характеристиками демонстрируют хаотический

калейдоскоп – непрерывные изменения. Тогда любая разовая выборка с позиций стохастики произвольно неповторима (она уникальна и имеет характер исторического артефакта).

3. С позиций стохастики нет существенных различий между произвольными движениями (теппинг) и произвольными движениями (тремор). Однако матрицы парных сравнений выборок и параметры квазиаттракторов могут реально характеризовать произвольность (непроизвольность) движений или психическое (психофизиологическое) состояние испытуемого. Еще более выражены различия в параметрах квазиаттракторов ($\langle S_2 \rangle > \langle S_1 \rangle$).

4. Психология и психофизиология требуют других подходов и понятий с учетом реальности эффекта Еськова – Зинченко и представлений Н. А. Бернштейна о многоуровневой системе регуляции (системы А, В, С, D) любого двигательного акта. Высшая нервная деятельность создает стохастический хаос в организации движений, который сейчас изучается в ТХС. Этот хаос можно характеризовать числом k пар совпадений выборок в матрицах парного сравнения треморограмм или теппинграмм (k_2 для теппинга всегда в 4–5 раз больше k_1 для тремора). Хаос теппинга менее выражен, чем хаос тремора ($k_2 > k_1$).

Литература

1. Анохин П. К. Кибернетика функциональных систем. – М.: Медицина, 1998. – 285 с.
2. Бернштейн Н. А. О построении движений. – М.: Медгиз, 1947. – 254 с.
3. Еськов В. М. Третья парадигма. Российская академия наук, Научно-проблемный совет по биофизике. – Самара: ООО «Офорт» (Гриф. РАН), 2011. – 250 с.
4. Еськов В. М., Газя Г. В., Майстренко Е. В., Болтаев А. В. Влияние промышленных электромагнитных полей на параметры сердечнососудистой системы работников нефтегазовой отрасли // Экология и промышленность России. – 2016. – № 1. – С. 59–63.
5. Еськов В. М., Еськов В. В., Вохмина Ю. В., Гавриленко Т. В. Эволюция хаотической динамики коллективных мод как способ описания поведения живых систем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3. Физ. Астрон. – 2016. – № 2.
6. Еськов В. М., Майстренко В. И., Майстренко Е. В., Филатов М. А., Филатова Д. Ю. Исследование корреляции показателей функциональной асимметрии полушарий головного мозга с результатами учебной деятельности учащихся // Вестник новых медицинских технологий. – 2007. – Т. 14. – № 3. – С. 205–207.
7. Еськов В. М., Хадарцев А. А., Еськов В. В., Филатова О. Е. Флуктуации и эволюции биосистем – их базовые свойства и характеристики при

- описании в рамках синергетической парадигмы // Вестник новых медицинских технологий. – 2010. – Т. 17. – № 1. – С. 17–19.
8. *Еськов В. М., Хадарцев А. А., Козлова В. В., Филатов М. А. и др.* Системный анализ, управление и обработка информации в биологии и медицине // Том XI. Системный синтез параметров функций организма жителей Югры на базе нейрокомпьютинга и теории хаоса-самоорганизации в биофизике сложных систем. – Самара: Офорт, 2014. – 192 с.
 9. *Еськов В. М., Хадарцев А. А., Козлова В. В., Филатова О. Е.* Использование статистических методов и методов многомерных фазовых пространств при оценке хаотической динамики параметров нервно-мышечной системы человека в условиях акустических воздействий // Вестник новых медицинских технологий. – 2014. – Т. 21. – № 2. – С. 6–10.
 10. *Еськов В. М., Хадарцев А. А., Филатова О. Е., Хадарцева К. А., Литовченко О. Г.* Проблема оценки эффективности лечения на основе кинематической характеристики вектора состояния организма // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 143–152.
 11. *Пенроуз Р.* «Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики». – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 400 с.
 12. *Степин В. С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 35–44.
 13. *Филатов М. А., Филатова Д. Ю., Сидоркина Д. А., Нехайчик С. М.* Идентификация параметров порядка в психофизиологии // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2014. – № 2. – С. 4–13.
 14. *Филатов М. А., Филатова Д. Ю., Химикова О. И., Романова Ю. В.* Метод матриц межаттракторных расстояний в идентификации психофизиологических функций человека // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2012. – № 1. – С. 20–24.
 15. *Eskov V. M., Eskov V. V., Gavrilenko T. V., Vokhmina J. V.* Biosystem kinematics as evolution: Stationary modes and movement speed of complex systems: Complexity // Moscow University Physics Bulletin. – 2015. – V. 70 (2). – pp. 140–152.
 16. *Eskov V. M., Eskov V. V., Gavrilenko T. V., Zimin M. I.* Uncertainty in the quantum mechanics and biophysics of complex systems // Moscow University Physics Bulletin. – 2014. – V. 69 (5). – pp. 406–411.
 17. *Eskov V. M., Gavrilenko T. V., Vokhmina Y. V., Zimin M. I., Filatov M. A.* Measurement of chaotic dynamics for two types of tapping as voluntary movements // Measurement Techniques. – 2014. – V. 57. – no. 6. – pp. 720–724.
 18. *Eskov V. M., Khadartsev A. A., Eskov V. V., Filatova O. E.* Quantitative registration of the degree of the voluntariness and involuntariness (of the chaos) in biomedical systems // Journal of Analytical Sciences, Methods and

- Instrumentation. – 2013. – V. 3. – no. 2. – pp. 67–74.
19. *Gell-Mann M.* Fundamental Sources of Unpredictability // *Complexity*. – 1997. – V. 3. – no. 1. – pp. 13–19.
20. *Haken H.* Principles of brain functioning: a synergetic approach to brain activity, behavior and cognition (Springer series in synergetics). – Berlin: Springer, 1995. – P. 349.
21. *Prigogine I.* The Die Is Not Cast // *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*. – 2000. – V. 25. – no. 4. – pp. 17–19.
22. *Weaver W.* Science and Complexity // *American Scientist*. – 1948. – pp. 36; 536–544.
23. *Wheeler J. A.* Information, physics, quantum: the search for links. In *Feynman and Computation: Exploring the Limits of Computers* / Ed. A. J. G. Hey. – Cambridge, MA: Perseus Books, 1999. – P. 309.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«САБИНА НИКОЛАЕВНА ШПИЛЬРЕЙН:
ЕЕ ЛИЧНОСТЬ И ВКЛАД В ПСИХОАНАЛИЗ,
ПСИХОЛОГИЮ РАЗВИТИЯ, КЛИНИЧЕСКУЮ
ПСИХОЛОГИЮ»**

УДК 159.9.01

**СИМВОЛ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ
И СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

***Абакумова Ирина Владимировна
Ермаков Павел Николаевич
Колтунова Елена Аркадьевна***

В данной статье представлена современная интерпретация символа как психологической категории в контексте теории смысла и смыслообразования. Хотя исследование символа имеет достаточно длительную историю изучения в различных научных интерпретациях, современная психология дает возможность внести определенные содержательные дополнения в понимание механизмов формирования символов как на уровне общественного, так и личностного сознания. Основная цель данной статьи – охарактеризовать специфику понимания символа как определенной смысловой ценности. Выявлено и описано генетическое родство в интерпретации символизации в таких разных психологических школах, как психоанализ и теория смыслообразования.

Авторы предлагают дифференцировать символы по характеру их представленности в системе личностных ценностей и в связи с этим вводят категорию «понятия-символа». Понятия-символы, по мнению авторов, вследствие своего универсального функционального наполнения не похожи на традиционные понятия. Они – своеобразные трансформаторы, т. к. те значения, обладателями которых они являются, направлены не просто на постижение воспринимаемым субъектом данного контекста, а на вычленение смысла и его возможной вариативности. Символ способен инспирировать процедуру смыслообразования у субъекта, познающего его значения, потому как вбирает в себя две формы смысла: внеличностные и межличностные. Под интериоризацией понятий-символов принято рассматривать

осуществление «раскристаллизации» личностного осмысления, где само понятие и является его обладателем. Через использование понятийно-символической системы, рассматривающей понятия-символы различной смысловой нагрузки (символы: знаки, свойства, композиции, метафоры) возможно формирование и совершенствование смысловой сферы личности.

Ключевые слова: *символ, символизация, смысл, смысловая сфера, смыслообразование, психоанализ, бессознательное, коллективное бессознательное, произвольная регуляция, личностная значимость.*

Введение

Символ прочно входит в личностное и групповое сознание. Соблюдая закономерности и логическую последовательность становления системы понятий, изначальная функциональная база символа была связана с предметно-образной составляющей психосемантического бытия, где доминантой являлось эмпирическое обобщение, которое заключалось в преклонении (в тотеме) и в совершении обрядовых действий – ритуалов с различными предметами, отстраненными от них образами, проводимых в соответственных специфических условиях использования. Далее, в процессе эволюционирования от эмпирики к обобщенному теоретизированию, в результате становления абстрактно-обобщающих значений и их закрепления в виде устойчивых понятий в разных формах общественного сознания на надличностных уровнях, позиции символа укрепились и расширились. Возникновение ряда направлений, связанных с освоением существующей реальности, более не зависело от образного наполнения и развивалось на уровне абстракции свойств, ставших результатом ранее выработанных абстрактных значений, где под уровнем абстракции понимаются отчуждения и обобщения. Примером могут служить точные (математические) науки, содержательная сторона которых представлена в виде символической системы. Специфика понимания реальности через систему символов и механизмы символизации породила достаточно многочисленные исследования в различных психологических школах по поводу генезиса данного феномена. Эти работы достаточно разнородны, но есть определенная преемственность между различными научными трактовками. Цель настоящей статьи – показать, что ряд положений, высказанных еще в период доминирования психоанализа, находит отражение в современных смыслоориентированных трактовках.

Психоаналитические традиции в интерпретации символа

Психоанализ как основа психологического мировоззрения целой эпохи, безусловно, оказал влияние и на современные методологические позиции. Несмотря на то, что психоаналитическая школа занималась изучением

состояний глубинного пласта психики, и круг интересов не затрагивал непосредственно ее смысловой стороны личностной иерархии, вопрос о представлении способа образования личностных характеристик способствовал целенаправленной работе психологов в области выявления механизмов ценностно-смыслового ориентирования личности, к изучению ее интересов и склонностей, форм и способов существования, приближаясь, таким образом, к проблеме смысла и смыслообразования. Что лежит в основе поступков человека? Что определяет специфику его поведения в различных ситуациях? Как вернуть ему утраченную психологическую гармонию? Эти вопросы, поставленные в контексте психоанализа, во многом и были фактором, породившим смыслоцентрированную теорию сегодняшней психологии.

Психоаналитическая традиция также иницирует современных психологов на уровневое и иерархическое описание базовых конструктов. В соответствии с этими традициями интерпретаций, смысл тоже может быть описан как сложносоставной феномен. Уровневый подход позволяет показать взаимодействие разных смысловых структур и образований. Смысл не статичен. Он подвижен и находится в разных состояниях. Одним из таких состояний является ситуативное, подверженное изменчивости, изрядной хаотичности, действующее на данный момент времени. К нему относятся личностные смыслы, личностные установки, смыслообразующие мотивы. Другое состояние смысла характеризуется стабильностью, устойчивостью и затрагивает сферу надситуативности. Это смысловые конструкты, смысловые диспозиции, ценности. Если рассматривать смысл в логических рамках – от частного к общему, от подвижности к стабильности – то наблюдаются эпицентры (проекции) образования смыслов. Такое проявление, с одной стороны, мы наблюдаем в перемещении, в динамичности, во взаимопроникновении в другие блоки смыслообразования. С другой стороны, эпицентр связан с устойчивой смысловой структурой индивидуума. Следовательно, эти эпицентры, возникшие вследствие процесса смыслообразования и способные сами влиять и подвергать этот процесс значительной коррекции, опираются на постоянное дополнение друг друга, на слаженную взаимодействующую работу. Смыслообразование – это не единственное предназначение смысла. Полноту реализации смысла мы можем достичь посредством регулирования смысловых структур индивидуума и наблюдать при выборе его жизнедеятельности, его позиции, определенной ориентации, реализации планов и проектов, его жизнестойкости, качества жизни. Такая модель понимается как способ объединения человека с обществом, который возможен только через процессы указанной выше смысловой регуляции. Главная задача ситуативных и стабильных фаз смысла – «быть в наличии», чтобы произошел запуск функциональных смысловых образований в реальности, и формировалось

научное познание. Таким образом, необходимо разграничивать два направления, берущие начало из одной, конкретной точки смысла:

1) смысловая сфера человека и вопросы ее регуляции в жизни и в деятельности;

2) формирование, этапы развития самой смысловой сферы.

Еще один аспект смысловой проблематики, связанный с психоаналитическими исследованиями, ориентирован на выявление специфики символа как психологической категории. По мнению З. Фрейда, за символами стоит функция защиты собственного Я от угрожающих импульсов Эго. Я в угоду Супер-эго маскирует инициации либидо и Танатоса, ассоциативно закрепляя за определенными переживаниями конкретные образы, которые начинают выполнять роль кодификаторов. Особенно ярко это проявляется в сновидениях, когда цензура Супер-эго не может напрямую регулировать актуализированное психическое содержание, поскольку сон не подлежит волевой регуляции.

По мнению З. Фрейда, интерпретация содержательного наполнения снов может раскрыть специфику мотивации и поведения человека. В период сна человек не связан с реальностью, вытеснение ослабевает, происходит регрессия. Символ способен изменить расставленные акценты, в результате чего происходят трансформации. Скрытые душевные состояния человека: чувства смятения, неуверенности, обреченности, беспокойства, тревоги и страха претерпевают изменения, что приводит к нивелированию напряжения, разладов, страхов.

«Душа человечества выявляла себя от начала веков лишь в художественной фантастике, – иначе, что бы мы о ней знали! Ее творческая мощь постигается нами только в ее сновидениях, воплощенных в религии, мифы и произведения искусства. Никакая психология поэтому не в состоянии – это прочно внушил нашей эпохе Фрейд – доискаться до подлинно личного в человеке, если она рассматривает только его сознательные и ответственные действия; ей приходится спуститься вглубь, туда, где существо человека становится мифом и создает неподлиннейшую картину его жизни, в творчески стремительном потоке стихийно-бессознательного» [13, с. 45]. В процессе своей работы З. Фрейд условно группировал сны по трем направлениям. Первую группу, по З. Фрейду, составляют сны явного исполнения желания, вторую группу – сны с замаскированным исполнением желания, и носят беспокойный, тревожный характер. В таких снах происходит победа над инстинктами. К третьей группе относятся сны, связанные со страхами жизни и смерти. З. Фрейд отмечал, что каждой группе снов свойственен определенный символический арсенал, и для каждого человека он избирателен и индивидуален.

В действительности была и иная символическая теория, в основе которой лежали модели ребусов. В ней сновиденческие образы трактовались как однозначные вкрапления сексуального характера, и, соответственно, «образ – символ (знак)» рассматривался вне текста. Эта теория была заимствована З. Фрейдом у В. Штекеля, где сверхдетерминированность упрощается и сводится к однозначному механическому детерминизму. Результат этой теории сказался на чрезмерном, избыточном суждении З. Фрейда о сексуальности. Разводя символы по половой составляющей, З. Фрейд выделял две группы. К первой группе относились символы в виде фаллоса, а ко второй – в виде вульвы или другой явной компоненты женского естества. К подобной технике обращались при столкновении с типичными единичными символами, поскольку она определялась, также и З. Фрейдом, как вспомогательная. «Фрейд пишет, что ошибки его предшественников сводятся к тому, что они пытались вывести смысл сновидений непосредственно из образов его явного содержания, а не из их связей (через поверхностные ассоциации) со скрытыми мыслями» [6, с. 84]. Такой подход не соответствует языку символов.

Вслед за этим З. Фрейд работал с бессознательным одного определенного человека, тогда как К. Юнг значительно расширил рамки поиска и область изучения символа. Наделив символы совсем иными функциями, он осуществил выход вовне, за пределы индивидуальности, и устремил свои взоры к коллективному бессознательному. Он вводит понятие «опыт поколений», который издревле передается через века и обновляется людьми в соответствии с развитием последующих цивилизаций, где постижение достояния разных культур и ценностей, своеобразие и особенности жизненного уклада и исторических событий не проходят бесследно, а оседают в коллективном бессознательном и проявляются в сновидениях в качестве мифов, мифологических сюжетов как «генетическая память поколений». Он изучал механизмы воздействия и взаимосвязи «генетической памяти поколений» на индивидуальное бессознательное посредством мифологии. Он интерпретировал все богатство человеческих символов как выражение устойчивых фигур, архетипов. «Для того чтобы можно было говорить о содержании коллективного бессознательного, К. Юнг и вводит понятие “архетип”, которое описывает как «первобытный образ», тенденцию к образованию определенных представлений, инстинктивный вектор, мыслеформу, побудительную специфическую энергию, единство образа и эмоции» [15, с. 143]. Архетип, согласно К. Юнгу, представляет собой совокупность символов, где из каждого отдельно взятого символа может получиться большое количество. К. Юнг обозначает проблему духовного содержания личности не с точки зрения взаимосвязи символов. Его интересовала аналогия символов разной направленности (художественных, политических, мифологических),

т. к. в суждениях К. Юнга символы образуют собой своеобразные связующие нити между культурно-историческим наследием и индивидуальным опытом человека. Они функционируют как матрицы (генетические коды) сознания, способные объединять и регулировать впечатления, определяют перспективу личностного роста, распределяя в смысловые ячейки разного рода психосоматические состояния индивидуума [15].

Именно эти, последние, психоаналитические интерпретации влияют на современные концепты смысла и смыслообразования, особенно в той части теории, которая ориентирована на раскрытие механизмов воздействия межличностных и внеличностных форм смысла. Именно в этом контексте символ приобретает новую, теперь уже смысловую интерпретацию.

Символ в смысловой интерпретации

Символ прочно входит в личностное и групповое сознание. Появление символа, чья этиология сопряжена с глаголами греческого происхождения «соединять», «сталкивать», «сравнивать», тесно переплетается с процессом эволюции, в результате которой формировалась и развивалась культура, передавался исторический опыт последующим поколениям.

Соблюдая закономерности и логическую последовательность становления системы понятий, изначальная функциональная база символа была связана с предметно-образной составляющей психосемантического бытия, где доминантой являлось эмпирическое обобщение, которое заключалось в преклонении (в тотеме) и в совершении обрядовых действий – ритуалов с различными предметами, отстраненными от них образами, проводимых в соответственных специфических условиях использования. Далее, в процессе эволюционирования от эмпирики к обобщенному теоретизированию, в результате становления абстрактно-обобщающих значений и их закрепления в виде устойчивых понятий в разных формах общественного сознания на надличностных уровнях, позиции символа укрепились и расширились. Возникновение ряда направлений, связанных с освоением существующей реальности, более не зависело от образного наполнения и развивалось на уровне абстракции свойств, ставших результатом ранее выработанных абстрактных значений, где под уровнем абстракции понимаются отчуждения и обобщения. Сообразно развитию гуманитарной области знаний закреплялись общественные формы сознания, что обусловило потребность в символизации.

Символизация – процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных»

или «сверхреальных». Понятия-символы, по мнению авторов, вследствие своего универсального функционального наполнения не похожи на традиционные понятия. Они – своеобразные трансформаторы, т. к. те значения, обладателями которых они являются, направлены не просто на постижение воспринимаемым субъектом данного контекста, а на вычлениение смысла и его возможной вариативности. Следует разводить понятия «символ» и «знак». Функциональное назначение знака – обозначать, в то время как символу принадлежит иная нагрузка. Символ самодостаточен, ему присуща самоценность. Он органично вписывается в психическую и духовную жизнь индивидуума. Если знаку отводится внешнее восприятие, он представляет собой некую оболочку, то символ – это внутреннее смысловое ядро, кладезь смыслов, которому отводится центральное, доминирующее положение среди понятий, наделенных меньшей обобщенностью. Влияние символа огромно для овладения содержательной стороной определенного контента. Понятия-символы универсальны, значимы, с уровнем оценки событий как составляющей общественного сознания. Опираясь понятиями-символами в рассказах, описаниях, возникает тенденция к размаху, к глобальности, акценты ставятся на широкий диапазон предмета осмысления. При употреблении, например, понятий «Бородинское сражение», «Куликовская битва», «политический переворот» мы тяготеем к оценочному компоненту, который присутствует в понятиях-символах. Это уникальный процесс, поскольку любое конкретное культурное наследие принимается его представителем помимо обобщенного значения конкретного понятия еще и в области положительного или отрицательного. Самобытность символа, наделенного надличностными и личностными смыслами, привлекала и привлекает психологов разных направлений и школ.

В зависимости от уровня реализации данного процесса «раскристаллизации», в контексте теории смысла и смыслообразования возможно выделить уровни развития и понимания символических значений:

- низкий (человек не понимает символических значений, апеллирует к понятиям-символам ситуативно или вообще не использует их в своей практике);
- средний (человек понимает межличностные формы смысла, может интерпретировать их символическое значение);
- высокий (человек понимает символическое значение того или иного понятия, может наделять их личностно-смысловыми интерпретациями, соотносить их значения с другими символами, выделить их общие и отличительные характеристики).

У людей с высоким уровнем осведомленности и понимания символических значений также наблюдаются определенные различия в символизации,

особенно применительно к проблемам, связанным с личностной значимостью символа. Этот показатель тоже можно описать в уровневой логике. Эмпирические исследования позволили выявить три уровня личностной значимости символов:

- «символы-свойства»: символизируется отдельный признак предмета, например, форма или цвет, респондент при этой форме интерпретации символа не видит разницы между интерпретацией символа и знака;
- «символы-композиции»: обобщение ряда свойств в единый устойчивый образ, например, архитектурные сооружения, такие как египетские пирамиды, Колизей и т. д., выход на межличностные формы смысла;
- «символы-метафоры», когда в качестве символа выступает скрытое свойство объекта, порождающее смысловые инициации самого респондента, наличие личностного смысла при смысловой интерпретации.

Данная типология позволяет в процессе исследований смысловой сферы личности ориентироваться на особенности развития символической функции как индикатора смыслового развития личности.

Литература

1. *Абакумова И. В.* Смыслодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. Издание второе, дополненное. – М.: КРЕДО, 2008. – 449 с.
2. *Абакумова И. В., Колтунова Е. А.* Психологические особенности неслышащих в период юности // *Российский психологический журнал*. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 82–90.
3. *Абакумова И. В., Тельнова О. В., Фоменко В. Т.* Дидактическое опережение в обучении: когнитивные реалии и личностно-смысловой ресурс // *Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания*. – 2013. – № 1. – С. 363–364.
4. *Братусь Б. С.* Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии*. Школа А. Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 34–49.
5. *Волочков А. А., Ермолаенко Е. Г.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // *Психологический журнал*. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 17–33.
6. *Гуманитарная коллекция. «Бессознательное»*. – Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994.
7. *Коваленко Е. М.* Концепт «символ» в философии культуры А. Ф. Лосева // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2008. – № 2. – С. 16.
8. *Колтунова Е. А.* Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов // *Российский психологический журнал*. – 2012. – Т. 9. – № 3. – С. 72–81.

9. Колтунова Е. А. Символ как психологическая категория в психоаналитических теориях // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10/4. – С. 5–10.
10. Михайлов М. А. Динамика смыслообразования и ее влияние на архитектуру личности // Журнал прикладной психологии. – 2005. – № 1. – С. 31–37.
11. Развитие творческих способностей: технологии интегрированного воздействия: учебное пособие / Под ред. И. В. Абакумовой, Ж. Ю. Кара. – М.: КРЕДО, 2012. – 92 с.
12. Спирова Э. М. Функции символа // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 205–211.
13. Цвейг С. «Зигмунд Фрейд». Из биографической трилогии «Врачевание и психика». – М.: Форкис, 1990.
14. Цветков А. В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 157 с.
15. Юнг К. Г. Введение в психоанализ. Гл. 5. – М., 1997.
16. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth // The 13th European Congress of Psychology. – Stockholm, 2013.
17. Aristotle. De I interpretation // Aristote. Organon, Cathegories et De I interpretation. – P.: Yrin., 1994.
18. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V. Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 35–41.
19. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V., Kara Zh. Ju. Characteristic Features of Transformation of Life-sense Orientations of Emigrants // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 267–270.
20. Royce J. R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. – Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1983. – 304 p.

УДК 159.925

«СУГУБО ЖЕНСКАЯ ТЕМА» – ВНЕШНИЙ ОБЛИК**Лабунская Вера Александровна**

Работа поддержана внутренним грантом Южного федерального университета, проект № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения детей и молодежи на Юге России»

Статья отражает основные тезисы сообщения, сделанного на круглом столе: «Роль женщин в истории психологии 20 века и в наше время», проведенного в рамках международной научно-практической конференции «Сабина Николаевна Шпильрейн: ее личность и вклад в психоанализ, психологию развития, клиническую психологию» (7–8 ноября, 2015). В сообщении был сделан акцент на том, что С. Н. Шпильрейн можно отнести к тем исследователям, которые заложили основы «Women's Studies» в гуманитарных науках, в гендерных исследованиях, в психологии и психоанализе.

Изучение «женского опыта» женщинами-исследователями представлено обсуждением некоторых проблем, связанных с внешним обликом человека. Обращение к данной теме обусловлено не только тем, что она до настоящего времени в большинстве работ рассматривается как «женская тема», но и тем, что внешний облик самой С. Н. Шпильрейн «ускользает» от исследователей, его оценки являются противоречивыми, и сама С. Н. Шпильрейн «находит себя малопривлекательной», о чем она пишет в своем дневнике, «сомневается в своих женских достоинствах».

Жизнь С. Н. Шпильрейн – это жизнь человека, которая конструируется и находится под «чужим взглядом», что ставит задачу рассмотрения женского внешнего облика, находящегося в поле зрения «маскулинного взгляда», как одну из тем женских исследований. В сообщении данная тема раскрывалась на основе ряда исследований, которые можно рассматривать как «женские исследования», обращенные к изучению женщинами таких феноменов, сопряженных с внешним обликом, как переживание оценок внешнего облика, обеспокоенность внешним обликом. С точки зрения этих исследований могут быть рассмотрены некоторые аспекты биографии С. Н. Шпильрейн.

Ключевые слова: женские исследования, женский опыт, внешний облик, отношение, переживание, оценка, преобразование, гендерные отношения, самопрезентация, со-бытие.

Введение

В многочисленных словарных статьях, публикациях [напр., 41, 42] отмечается, что к «Women's Studies» можно отнести любые исследования, в которых рассматриваются так называемые «женские темы», преимущественно женщинами – практиками и теоретиками. Особое внимание в этих работах уделяется проблеме дискриминации женщин, их социальному статусу, системе их отношений, а в контексте гендерного подхода акцент делается на вопросах взаимоотношений между мужчинами и женщинами, подчеркивается влияние «мужского взгляда» на самовосприятие женщин, на оценку ими своих достижений, в конце концов, на их удовлетворенность жизнью.

В центре «женских исследований» стоит задача определения специфики женского опыта, женских практик. Если посмотреть на научное творчество, на практическую деятельность С. Н. Шпильрейн с точки зрения «Women's Studies», то можно сказать о том, что ее «женский опыт», ее «женские практики» отрефлексированы ею самой (см. дневники С. Н. Шпильрейн), а также стали предметом аналитической деятельности большого отряда ученых, не только женщин. Даже беглое знакомство с имеющимися отечественными работами и переведенными на русский язык зарубежными исследованиями [32, 39, 40], посвященными различным аспектам жизнедеятельности С. Н. Шпильрейн, позволяет заключить, что она оказалась под пристальным «мужским взглядом», что ее «женский опыт» включает рефлексию гендерных отношений, что в их рамках у нее появляются сомнения относительно своей привлекательности для противоположного пола, относительно своего внешнего облика.

В целом, как следует из ее дневников, С. Н. Шпильрейн «находит себя малопривлекательной». Одновременно, З. Фрейд, познакомившись с ней, пишет своему ученику К. Юнгу о том, что встретил «милую девушку». Интересны воспоминания тех людей, которые в Женеве учились в одно время с С. Н. Шпильрейн и оставили воспоминания о ее круге: «...группа ростовских девушек... значительно отличалась от обычных студенток-евреек швейцарских университетов того времени *по внешности, манерам, взглядам. Они были гораздо привлекательнее, чем их ровесницы из черты оседлости...* Студенческое общественное мнение было против ростовчанок, но те не обращали внимания на вражду... община Ростова была сравнительно богата... Поэтому и составляли ростовские девушки контраст с большинством еврейских студенток Женевы, которые чаще всего выглядели *нервными, разочарованными, чахлыми и голодными*» [приводится по 39, с. 160]. Вместе с этим, в дневниках С. Н. Шпильрейн исследователи обнаруживают негативный взгляд сокурсников, как мужчин, так и женщин,

друг на друга. Неприятные прозвища фиксировали некоторые особенности внешнего облика.

Таким образом, с момента приобщения С. Н. Шпильрейн к правилам студенческого со-бытия, она попадает в поле враждебных отношений, актуализированных инаковостью ее внешнего облика, поведения, привлекательностью, а также своеобразием взаимоотношений между мужчинами и женщинами – студентами, обучающимися в швейцарских институтах. Несмотря на то, что вышеприведенные воспоминания относятся к началу XX в., они еще раз подчеркивают, что потребность в самопрезентации, в предъявлении себя другому и самому себе является культурной потребностью, функционирование которой не имеет временных границ, еще раз указывают на устойчивость форм самопредъявления и его важнейшие функции: определение ситуации для себя и присутствующих, контроль за их поведением, создание благоприятного впечатления о себе, достижение наибольшей выгоды от взаимодействия [8]. Но самопрезентация – это не только управление впечатлениями других людей, но и один из способов получения знаний субъекта о себе, об отношении к самому себе. Именно данная функция представляет особый интерес в связи с рассмотрением «женского опыта», «женских практик», гендерных отношений, т. к. выдвигает на передний план вопрос о субъектности «женских самопрезентаций», о включенности самопрезентации, осмысления впечатления для себя и других в качестве важнейшей, значимой составляющей в событийную картину мира человека.

Следует отметить тот факт, что внешний облик человека всегда находится в поле оценок и самооценок. Они отражают отношение к человеку. Известен такой факт из биографии С. Н. Шпильрейн, который демонстрирует восприятие и оценку ее внешнего облика на определенном этапе жизненного пути. Падчерица С. Н. Шпильрейн вспоминает: «Одевалась она только в то, что кто-то ей давал. Она была похожа на маленькую старушку, хотя она была не такой старой. Она была согбенная, в какой-то юбке до земли, старой, черной. На ней были ботики на застежечках, теперь их называют “прощай, молодость”. Я думаю, что привезла она их из Берлина. Так одевалась моя бабушка. Было видно, что она сломлена жизнью» [приводится по 39, с. 210]. В памяти подруг дочери С. Н. Шпильрейн она тоже осталась худой, маленькой, некрасивой седой старушкой, обычно сидевшей в углу дивана [40]. Данная оценка внешнего облика С. Н. Шпильрейн представлена в интервью 1990 г., которое дала падчерица С. Н. Шпильрейн; оценка относится к женщине 52 лет, но отражает то, что зафиксировала девочка подросткового возраста. Она же в интервью 1990 г. сообщает, что дочь С. Н. Шпильрейн – Рената, приехавшая на празднование Нового

года, «...была красивая, артистичная, в вечернем платье» [приводится по 40]. Следовательно, конструирование внешнего облика С. Н. Шпильрейн не столько связано с временем жизни, сколько с отношением к жизни, с мерой удовлетворенности ей.

Таким образом, «женский опыт» С. Н. Шпильрейн, связанный с отношением к внешнему облику, ее жизнь, проходящая под пристальным во многом «чужим, мужским взглядом», ставит перед современными «Women's Studies» задачу изучения внешнего облика, включенного в бытие женщин.

Внешний облик и его влияние на жизнь человека, оценку его личностных свойств

Психология внешнего облика на протяжении всей истории ее развития обращается к изучению отношения, восприятия внешнего облика, факторов определения его привлекательности [2, 5, 15, 23, 24, 31, 36, 38, 53]. В последнее время все чаще появляются исследования, в которых рассматриваются взаимосвязи между «внешним обликом и субъективным благополучием человека» [46]. N. Gupta, N. Etcoff и др. в процессе лонгитюдного исследования установили, что мера привлекательности внешнего облика позитивно коррелирует с показателями субъективного благополучия, с оценками качества жизни и имеет обратно пропорциональные связи с проявлениями негативных состояний и депрессий. Авторы данной работы уверены в том, что привлекательность внешнего облика, влияя на психические состояния человека, оказывает воздействие на различные характеристики человеческой жизни. С выводами приведенной выше работы согласуются данные исследования, выполненного Е. В. Белугиной [2], в котором она зафиксировала феномен влияния самоотношения к внешнему облику на удовлетворенность жизнью, на оценку различных этапов жизненного пути. Е. В. Белугина показала, что чем выше самооценка внешнего облика, чем выше удовлетворенность им, тем выше удовлетворенность жизнью.

Мера привлекательности внешнего облика влияет на оценку здоровья человека, на приписывание ему позитивных/негативных качеств личности [51]. Из общего потока работ можно выделить те, в которых рассматривается влияние гендера лица на оценку его привлекательности [48], а также исследования [49], в которых изучалось влияние привлекательности одного из партнеров на оценку аттрактивности другого партнера противоположного пола, или работы, в которых ставилась задача рассмотреть внешний облик как предиктор оценки добросовестности академической успеваемости студентов [45]. Весьма важными являются работы, в которых

изучаются причины иллюзий партнеров романтических отношений, связанных с привлекательностью внешнего облика [43].

Продолжаются исследования, в которых рассматривается связь между внешним обликом, отдельными его компонентами (позы, выражения лица) и оценками качеств личности [50]. К ним примыкают работы, в которых оценивался интеллект и физическая привлекательность [47]. В исследовании S. Kanazawa в очередной раз доказывается, что существует корреляция между оценками умственных способностей и физической привлекательностью, интенсивность которой может быть опосредована принадлежностью субъекта оценки к определенной этнокультурной и гендерной группе. Результаты указанного исследования говорят о том, что связи между интеллектом и физической привлекательностью интенсивнее, если в качестве объекта оценки выступают мужчины. Известный исследователь в области психологии внешнего облика L. A. Zebrowitz с коллегами [53] рассмотрел несколько подходов к интерпретации взаимосвязи между «выглядеть интеллектуально и выглядеть привлекательно», одним из них является социально-психологическое объяснение, опирающееся на феномен сбывающегося пророчества.

В психологии внешнего облика уделяется внимание таким сложным вопросам, как проявление во внешнем облике нарциссизма. Авторы исследования [52], ставя данную проблему, указывают на то, что люди, склонные к нарциссизму, озабочены своим внешним обликом, но несмотря на этот факт, мы имеем мало сведений о том, как проявляется нарциссизм во внешнем облике. В своей работе они отмечают различные особенности внешнего облика, свойственные людям с нарциссическими наклонностями, и приводят данные, которые свидетельствуют о том, что внешность отражает личностные особенности нарцисса, его озабоченность внешним обликом, его желание быть в центре внимания, что влияет на его статус.

Проблема беспокойности, озабоченности внешним обликом ставится также в связи с изучением людей, которые имеют очевидные деформации внешнего облика, а также в связи с обнаружением феномена «тотальной неудовлетворенности внешним обликом», независимо от негативных изменений внешнего облика [31, 36]. О феномене телесного перфекционизма как социокультурной патологии пишет В. В. Парамонова [27]. К этой проблеме примыкает вопрос о переживаниях людей, внешний облик которых получает отрицательные оценки [1, 13, 17, 19]. В исследованиях последнего времени подчеркивается, что оценки внешнего облика могут указывать на скрытую дискриминацию человека [5, 18, 28], приводить к поиску способов, приемов снижения фрустрации, вызванной негативными оценками внешнего облика [7, 16, 35].

Изучение проблемы восприятия человеком своего собственного внешнего облика, отраженного Другими, восприятия «впечатлений», которые порождает внешний облик и которые представлены в оценках Другого, а также переживания, связанного с «Зеркальным Я», приближает к исследованию бытийных и бытовых аспектов жизни человека. Из разнообразных работ [37], касающихся изучения вопросов оценивания Другим, известно, что сам процесс оценивания и реакция на него зависят от сочетания большого количества факторов, среди которых одно из первых мест занимает личность субъекта оценки и ее место в системе взаимоотношений. Фундаментальным является вывод о том, что ситуация оценивания одного человека другим приводит к повышению уровня тревожности, к актуализации различных видов переживаний [22].

Одним из социально-перцептивных эффектов, связанных с «Зеркальным Я», является переживание оценок Другими внешнего облика, которые обусловлены взаимовлиянием макро- и микросоциальных факторов, приводящих к повышению уровня тревоги, обеспокоенности, агрессии. Среди этих факторов важное место занимают ролевая позиция субъекта негативного оценивания внешнего облика, степень его значимости для человека, внешний облик которого подвергается критике. Особую роль в снижении уровня фрустрации играет выраженность различных компонентов жизнестойкости, т. к. они «препятствуют возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях», приводят к снижению значимости стрессогенных факторов [21], в качестве которых выступают негативные оценки внешнего облика различными партнерами по взаимодействию.

Данные выполненного нами исследования [17, 19] указывают на то, что чем старше человек, тем ниже уровень фрустрации, выраженности агрессии в связи с негативными оценками его внешнего облика «значимыми другими». Уровень негативных переживаний (фрустрация), агрессия, возникшие в результате негативных оценок внешнего облика «значимыми другими», «деловыми партнерами», лицами своего пола, взаимосвязан со стремлением изменять свой внешний облик, выбирая различные практики, в том числе эстетическую хирургию. Иными словами, негативная оценка именно этих партнеров выступает в роли мотивационного фактора, что можно считать одним из социально-перцептивных эффектов негативного оценивания внешнего облика Другими. Кроме этого результата, наше исследование показало, что между общим уровнем фрустрации, негативным переживанием и выраженностью такого компонента жизнестойкости, как принятие риска, существуют высоко значимые обратно пропорциональные взаимосвязи. На наш взгляд, учитывая трактовку этого компонента жизнестойкости создателями теста (показатель убежденности в том, что

все происходящее приносит ценный жизненный опыт [21]), можно предположить, что совладание с негативными переживаниями оценок внешнего облика – это переосмысление «Зеркального Я», ведущее к преобразованию внешнего облика и приобретению иного жизненного опыта.

Заключение

Следует отметить, что каждое из направлений исследований, которые мы объединяем в одно под названием «социокультурные и социально-психологические функции внешнего облика в жизни человека», в качестве главного эмпирического объекта, как правило, выбирает женщин различного возраста, заявляя тем самым, что рассматриваемые темы изучения внешнего облика относятся в большей мере к женщинам. Авторами приведенных работ являются как женщины, так и мужчины. К сожалению, отсутствует достоверная статистика, кто чаще – мужчины или женщины – обращается к исследованию «сугубо женской темы – внешнего облика», но можно не сомневаться в том, что все наиболее важные вопросы, касающиеся включенности внешнего облика в жизнедеятельность человека, были сформулированы мужчинами-исследователями. Иными словами, «женская тема – внешний облик» по-прежнему остается в зарубежной и в отечественной психологии тем предметом изучения, который недостаточно представлен в рамках «Women's Studies», когда на исследовании женского опыта сосредотачиваются женщины-ученые. Следовательно, одной из задач современных исследований роли внешнего облика в жизни женщин может стать задача осмысления женщинами-учеными той темы, которая обозначена мужчинами как «сугубо женская тема».

Вместе с этим, можно указать на ряд публикаций [4, 10, 11, 12, 14, 25, 30, 33, 38], которые демонстрируют понимание женщинами-исследователями роли внешнего облика в современном социальном пространстве. Так, в работе Н. Вульф [6] представлен «женский взгляд» на проблему женской красоты. Она пишет о том, что созданный «миф» о значимости женской красоты – это попытка укрепить власть над женщинами, усилить контроль общества над жизнью женщин. С точки зрения Н. Вульф, женские движения добились «принятия законов, запрещающих дискриминацию по признаку гендерной принадлежности в профессиональной сфере, но, как прямое следствие этого... незамедлительно появилось прецедентное право, которое превратило в общепринятую практику при приеме на работу дискриминацию женщин по признаку внешности» [6, с. 30]. Т. В. Селизова [34], рассматривая «концептуальный признак внешность» в оценке образа женщины на материале романа французского автора Даниэля Пеннака, утверждает, что анализ различных характеристик внешнего облика женщин

указывает на отношение автора к женщине. Она подчеркивает, что с точки зрения мужчины, «привлекательная женщина должна пробуждать интерес своими яркими внешними данными: приятная округлость ее форм, мягкость, женственность, кокетство, пикантность, умение и желание нравиться, свойственные настоящим женщинам. Непривлекательная внешность для мужского пола заключается в чрезмерной худобе, пассивности, физической неактивности» [34, с. 95].

Специалист по гендерной психологии М. Палуди [26] представила обзор исследований, в которых ставилась задача выявить влияние образов, сконструированных СМИ и навязываемых ими, на удовлетворенность женщин своим внешним обликом. Она попыталась ответить на вопрос: «Зачем женщины наносят себе вред, пытаются завоевать одобрение общества?». Имеются в виду различные практики преобразования своего внешнего облика. В качестве ответа на поставленный вопрос М. Палуди приводит рассуждения ряда авторов, обобщение которых позволяет ей ответить на поставленный вопрос, выделив взаимосвязь между успехом и женственностью, презентуемую во внешнем облике. Кроме этого ответа она солидарна с выводами Сьюзан Браунмиллер, которая полагает, что «...внешность – основное оружие в соперничестве женщин. Внешность, а не успех демонстрирует достоинство женщины и ее привлекательность для мужчин...» [приводится по 26, с. 165].

О том, что привлекательная, красивая женщина находится под пристальным взглядом не только мужчин, но и женщин, свидетельствуют данные исследования Д. В. Погонцевой [29], которая изучала представления женщин о красивой женщине. Большинство участниц ее исследования считали красивую женщину более счастливой, полагали, что ей завидуют окружающие, что красивые женщины в большей степени, чем другие переживают из-за своего внешнего облика.

С точки зрения представителей гендерных исследований [9, 10], стремление женщин следовать неким эталонам красоты лишает их индивидуальности, ведет к актуализации экзистенциальных проблем, переживаний, порожденных дискриминацией определенных социально-возрастных групп.

Завершая статью, необходимо еще раз подчеркнуть, что факты из биографии С. Н. Шпильрейн, особенности ее поведения, отношений и взаимоотношений с другими людьми – это определенный «женский опыт», который может быть интерпретирован сквозь призму взаимосвязей между внешним обликом человека и качеством его жизни. Такой взгляд предполагает проведение исследований, в которых бы затрагивалась проблема влияния внешнего облика на со-бытие женщин, изучался бы «женский опыт», связанный с такими явлениями, как красивая/некрасивая, аттрактивная,

ставилась бы задача понимания статуса женщины, внешний облик которой постоянно находится в поле зрения «маскулинного взгляда». Жизнь и судьба С. Н. Шпильрейн, отрефлексированная с различных позиций, может быть также рассмотрена в рамках поставленных задач.

Литература

1. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории: Сб. переводов / Составление, коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. – Минск: ПроPILEI, 2000. – С. 297–346.
2. *Белугина Е. В.* Внешний облик как культурно-исторический феномен // Российский психологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 58–65.
3. *Белугина Е. В.* Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2003.
4. *Бондаренко И. В.* Личностная обусловленность оформления внешнего облика // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 332. – С. 155–157.
5. *Вигарелло Ж.* Эталоны привлекательности в современной культуре // Искусство привлекательности. История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 303–310.
6. *Вульф Н.* Миф о красоте: Стереотипы против женщин. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. – С. 22–35.
7. *Гилман Л. С.* Этнические вопросы в эстетической хирургии // Формула красоты. Чужое лицо / Под ред. А. Ташен. – М.: АСТ, Астрель, 2006. – С. 11–139.
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
9. *Гросс Э.* Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. – Харьков: Изд-во ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 529–626.
10. *Дворкин А.* Гиноцид, или Китайское бинтование ног // Женская солидарность: пособие для женщин и мужчин. – М.: ПроPILEI, 2002. – С. 10–25.
11. *Досина Н. В., Кошкина А. О.* Внешность женщины как фактор социальных отношений. – 2010. – № 1. – С. 62–77.
12. *Иванова Е. Н.* Женщина в российской политической карикатуре // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 3. – С. 66–78.
13. *Килборн Б.* Исчезающие люди: стыд и внешний облик. – М.: Когито-Центр, 2007.
14. *Клюкина Ю. В.* Гендерные стереотипы внешнего портрета человека: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2011.
15. *Лабунская В. А.* «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.

16. *Лабунская В. А.* Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3856–3860.
17. *Лабунская В. А.* Социально-перцептивные эффекты со-бытия: «Зеркальное Я», переживание и совладание // От Истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 3 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. – М.: Когито-Центр, 2015. – С. 139–141.
18. *Лабунская В. А., Бзезян А. А.* Особенности оценивания различных компонентов этнокультурных типов внешнего облика как проявление дискриминационного отношения // Российский психологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 37–43.
19. *Лабунская В. А., Самаева Е. С.* Негативная оценка в процессе общения внешнего облика как фактор фрустрации // Международная конференция «Психология общения и доверия: теория и практика». – М.: Изд-во МГУ, изд-во Университета РАО. – С. 152–155.
20. *Лейбин В. М.* Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней. – М.: Когито-Центр, 2008.
21. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006.
22. *Майерс Д.* Социальное познание и тревога // Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. – С. 211–213.
23. *Майерс Д.* Физическая привлекательность // Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. – Гл. 13. – С. 542–550.
24. *Мещеряков Б. Г., Ющенкова Д. В.* Глаза как предикторы воспринимаемой физической аттрактивности женских лиц // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 1. – С. 48–55.
25. *Михель Д.* Ужасные отражения материнского тела: примеры гендерных политик на Западе в современную эпоху // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 203–226.
26. *Палуди М.* Влияние женских образов в СМИ на удовлетворенность женщин собственным телом // Психология женщины. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 161–167.
27. *Парамонова В. В.* Феномен телесного перфекционизма как социокультурная патология // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 34–41.
28. *Погонцева Д. В.* Виды дискриминации по внешнему облику // Психология и психотехника. – 2013. – № 9. – С. 858–861.
29. *Погонцева Д. В.* Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. – 2011. – № 1. – С. 73–82.

30. *Пушкарева Н. Л.* Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Вестник РГНФ. – 2007. – № 1. – С. 30–40.
31. *Рамси Н., Харкорт Д.* Психология внешности. – СПб.: Питер, 2009.
32. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: «Почти жестокая любовь к науке». Биография (пер. с нем. К. А. Петросян, И. Е. Попова). – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
33. *Рягузова Е. В.* Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4. – Вып. 2 (14). – С. 167–169.
34. *Селизова Т. В.* Концептуальный признак внешность в оценке образа женщины // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 7. – № 4. – С. 85–95.
35. *Сластенина В. В.* Взаимосвязь психологических особенностей и межличностных отношений женщин, прибегающих к услугам эстетической хирургии: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Самара, 2007.
36. *Суэми В., Фернхейм А.* Психология красоты и привлекательности. – СПб.: Питер, 2009.
37. *Шкуратова И. П.* Структура социально-перцептивных оценок // Эмоциональные и познавательные характеристики общения. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1990. – С. 6–13.
38. *Шляхова С. С.* Русская красота триста лет спустя: этнические авто- и гетеростереотипы в рекламе. Часть I. Автостереотипы; Часть II. Гетеростереотипы // Медиаскоп. – 2015. – Вып. 4 // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1862>
39. *Эткинд А.* Чистая игра с русской девушкой: Сабина Шпильрейн // Эрос Невозможного. – СПб.: МЕДУЗА, 1993. – Глава V. – С. 159–212.
40. *Якушев И. Б.* История астероида (Сабина Шпильрейн) // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2015. – № 2 (8) // URL: <http://medpsy.ru/climp>
41. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Женские и гендерные исследования за рубежом // Словарь гендерных терминов (Под ред. А. А. Денисовой). Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 100–103.
42. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Истоки и методы гендерных исследований // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. – М.: Изд-во ИНИОН РАН; Саратов: Изд-во Гос. тех. ун-та, Центра соц. политики и гендерных исслед. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 7–92.
43. *Bareld D. P., Dijkstra H., Koudenburg P. & Swami V.* An assessment of positive illusions of the physical attractiveness of romantic // Journal of Social and Personal Relationships. – 2011. – V. 28. – pp. 706–719. doi:10.1177/0265407510385492

44. *Bleske-Rechek A., Kolb C. M., Stern A. St., Quigley K., Nelson L. A.* Face and Body: Independent Predictors of Women's Attractiveness // *Archives of Sexual Behavior*. – 2014. – V. 43. – Issue 7. – pp. 1355–1365.
45. *Di Domenico S. I., Quitasol M. N., Fournier M. A.* Ratings of Conscientiousness from Physical Appearance Predict Undergraduate Academic Performance // *Journal of Nonverbal Behavior*. – 2015. – V. 39. – Issue 4. – pp. 339–353.
46. *Gupta N., Etkoff N. L., Jaeger M.* Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // *Journal of Happiness Studies*. – 2015. – pp. 1–13 // URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10902-015-9644-6>
47. *Kanazawa S.* Intelligence and physical attractiveness // *Intelligence*. – 2011. – V. 3. – pp. 7–14. doi:10.1016/j.intell.2010.11.003
48. *Kondo A., Takahashi K., Watanabe K.* Influence of gender membership on sequential decisions of face attractiveness // *Attention, Perception & Psychophysics*. – 2013. – V. 75. – Issue 7. – pp. 1347–1352.
49. *Little A. C., Caldwell Ch. A., Jones B. C., DeBruine L. M.* Effects of Partner Beauty on Opposite-Sex Attractiveness Judgments // *Archives of Sexual Behavior*. – 2011. – V. 40. – Issue 6. – pp. 1119–1127.
50. *Naumann L. P., Vazire S., Rentfrow P. J. & Gosling S. D.* Personality judgments based on physical appearance // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2009. – V. 35. – pp. 1661–1671. doi:10.1177/0146167209346309
51. *Nikitina E.* Estimations of Health and Personal Traits Attribution to Attractive and Unattractive Face Stimuli // *Materials of the 5th International Conference on Interdisciplinary Social Sciences* // URL: <http://i10.cgpublisher.com/proposals/1412>
52. *Vazire S., Naumann L. P., Rentfrow P. J. & Gosling S. D.* Portrait of a narcissist: Manifestations of narcissism in physical appearance // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – V. 42. – pp. 1439–1447. doi:10.1016/j.jrp.2008.06.007
53. *Zebrowitz L. A., Hall J. A., Murphy N. A. & Rhodes G.* Looking smart and looking good: Facial cues to intelligence and their origins // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2002. – V. 28. – pp. 238–249. doi:10.1177/0146167202282009

УДК 159.91

УЧЕНИЕ С. Н. ШПИЛЬРЕЙН О ДЕСТРУКЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Филатов Филипп Робертович

В статье приводится характеристика центральной работы в научном наследии С. Н. Шпильрейн – «Деструкция как причина становления» (1912). Эта классическая работа одного из пионеров психоанализа рассматривается как научная альтернатива концепции З. Фрейда о влечении к смерти. З. Фрейд определял влечение к смерти как регресс, «стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния» или «тенденцию возврата к неорганическому состоянию», «к покою неживой материи». Это вполне соответствует его идее о «консервативной природе Либида». Согласно С. Н. Шпильрейн, деструкция предполагает уничтожение прежнего состояния ради возникновения нового, разрушение, обеспечивающее трансформацию, «воскрешение» индивида в новой форме.

С. Шпильрейн предлагает различать два основных инстинкта: инстинкт самосохранения и инстинкт сохранения вида. Первый из них прост по структуре и консервативен, т. к. направлен на сохранение индивида в уже имеющемся наличном состоянии. Второй преследует цель сохранения рода путем постоянных изменений и новообразований, независимо от эгоистических желаний индивида и его стремления к устойчивости. Инстинкт сохранения рода имеет сложную двухкомпонентную структуру; эротическое влечение неотделимо в нем от деструкции. Таким образом, этот инстинкт амбивалентен по своей природе и включает в себя как отрицательные, так и положительные (с точки зрения Эго) компоненты.

Идеи С. Н. Шпильрейн о деструкции анализируются в контексте деструктивных событий ее жизни. В статье прослеживаются этапы жизни С. Н. Шпильрейн, обсуждается ее вклад в становление психоанализа. Автор анализирует концепцию деструкции С. Н. Шпильрейн как оригинальную попытку интегрировать идеи К. Г. Юнга и З. Фрейда на новой теоретической основе.

Ключевые слова: *Сабина Шпильрейн, Карл Юнг, Ойген Блейлер, Зигмунд Фрейд, психоанализ, первичные влечения, либидо, принцип удовольствия, деструкция, влечение к смерти.*

Введение

Эта статья посвящена примечательному образцу психоаналитического дискурса, в котором деструкция представлена как неотъемлемая составляющая

природы человека и который сегодня прочитывается историографами словно бы в обрамлении деструктивных жизненных обстоятельств его автора – последовательницы К. Г. Юнга и З. Фрейда, Сабины Николаевны Шпильрейн (1885–1942).

«Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже *всматривается в тебя*», – афористично изрек Фридрих Ницше («По ту сторону добра и зла»), мыслитель, оказавший значительное влияние на научное творчество и мировоззрение Сабины Николаевны. Для прославленной ростовчанки деструкция стала не только предметом исследования, но и постоянной спутницей жизни. Это обстоятельство в свое время позволило академику В. И. Овчаренко заключить, что трагическая судьба первой русской женщины-психоаналитика прошла «под знаком деструкции» [3]. Следует добавить, что «бездна» сама выбрала свою выдающуюся исследовательницу задолго до того, как та осмелилась заглянуть в нее.

В посвященной ей литературе С. Н. Шпильрейн, как правило, предстает в трех ипостасях: как героиня запутанной и интригующей истории о чудесном исцелении с нежелательным побочным эффектом – влюбленностью в своего психоаналитика К. Г. Юнга [13]; как загадочная фигура «между Юнгом и Фрейдом», связавшая двух великих ученых мужей, невольно став первым поводом к их интенсивной и плодотворной переписке [12, 13, 16, 18]; наконец, как автор собственного оригинального текста – темной и непонятой статьи о деструкции [1, 7, 15, 19, 21]. Замечательным результатом страданий и исканий первого периода ее творческой жизни стала опубликованная в 1912 г. и важнейшая для всей психоаналитической доктрины работа «Деструкция как причина становления» [20]. К сожалению, голос Шпильрейн-ученого по-прежнему заглушает доносящееся до нас эхо скандала, когда-то поднятого в психоаналитическом семействе, а ослепительное величие патриархов психоанализа не всегда позволяет увидеть в истинном свете и масштабе дарование их экстраординарной ученицы.

Факты биографии С. Н. Шпильрейн

Главный лейтмотив статьи Сабины Шпильрейн о деструкции, ее суть можно лаконично выразить следующим тезисом: феномен деструкции неразрывно связан с процессами трансформации и интеграции, происходящими на разных уровнях организации жизни [11]. Именно так, на наш взгляд, следует интерпретировать конструкт «причина становления». И в собственной судьбе Сабины Николаевны каждый новый виток биографической деструкции, вплоть до трагической гибели с дочерьми во время Холокоста в Змиевской балке (Ростов-на-Дону, август 1942), оборачивался попытками интеграции болезненного опыта, выведившими ее на новую ступень

творческой самореализации (относительно жизненного пути С. Н. Шпильрейн, ее роли, характера заболевания и диагноза сложились различные точки зрения. Показательны в этом отношении две работы, в которых трактовки одних и тех же событий существенно расходятся: прославленная монография первооткрывателя С. Н. Шпильрейн Альдо Каротенуто и набирающая популярность в последние годы книга швейцарского психоаналитика Сабины Рихебехер [5, 16]. – Ф. Ф.). Так, попав вследствие душевного заболевания в клинику Бургхёльцли, она стала там же врачом и в конечном итоге психоаналитиком, а ее мучительная любовь к К. Юнгу поспособствовала написанию ряда выдающихся научных трудов.

Сабина Николаевна Шпильрейн – старшая дочь еврейского коммерсанта, энтомолога по образованию, выходца из Варшавы и впоследствии купца 1-ой гильдии Николая Аркадьевича Шпильрейна (1856–1938) и врача-стоматолога Евы Марковны Шпильрейн, урожденной Люблинской (1863–1922). Родилась в Ростове-на-Дону 25 октября (7 ноября) 1885 г. Очень рано, уже в детские годы проявилась ее разносторонняя одаренность. Детский дневник Сабины Шпильрейн отражает многогранность ее интересов, раннее взросление, наблюдательность и проницательность, интерес к языку, склонность к рефлексии, психологическому анализу и словесному творчеству. Сабина была впечатлительной и ранимой девочкой с тонкой психической организацией, оригинальным складом ума и богатым воображением. У Николая и Евы Шпильрейн после Сабины родилось еще четверо детей: три ее младших брата – Ян (1887–1938), Исаак (1891–1938) и Эмиль (1899–1938), а также младшая сестра Эмилия (1895–1901), умершая от тифа в детском возрасте [5]. Братья Шпильрейн впоследствии также стали видными учеными и все трое были репрессированы по сфабрикованным обвинениям в разгар сталинских чисток.

К августу 1904 г., когда Сабина Шпильрейн оказывается вместе с матерью в Швейцарии и попадает в кантональную клинику Бургхёльцли, у девятнадцатилетней ростовской девушки обнаруживаются признаки нервно-психического расстройства, которое вскоре будет диагностировано как истерия. Предпосылками этого заболевания стали, с одной стороны, патогенная атмосфера в семье, конфликты с родителями, чрезмерные требования, предъявляемые отцом семейства, жестокие наказания, а с другой стороны – внезапная смерть младшей сестры Эмилии, обернувшаяся для шестнадцатилетней Сабины глубокой душевной травмой [2, 4, 5].

Николай Аркадьевич Шпильрейн был человеком деспотичным, неуравновешенным и неврастеничным. Стремясь дать детям основательное европейское образование, дабы во взрослой жизни они преуспевали и ни в чем не нуждались, он был склонен к крайностям. Нередко в обращении с детьми проявлял вспыльчивость и жестокость. В соответствии с его радикальными

представлениями о воспитании, в семье в зависимости от дня недели говорили на разных языках: на немецком, французском, английском, причем уклонение от этой обязанности сурово каралось. Для старшей дочери отцовские наказания были невыносимы и вместе с тем носили выраженный сексуально окрашенный характер. Фактически, отец был в ее жизни первой фигурой, олицетворявшей не только на символическом, но и на физическом уровне глубинную взаимосвязь любви и деструкции. В ходе ассоциативного теста, проведенного с ней К. Юнгом, она призналась, что любит отца «с болью» [5].

Указанные обстоятельства и привели к тому, что психическое состояние Сабины Николаевны к 1904 г. стало крайне тяжелым и потребовало лечения. В этот год родители приняли судьбоносное решение отправить дочь за границу, в Швейцарию. Она поступила в клинику Бургхёльцли в Цюрихе вечером 17 августа 1904 г. Ее лечащим врачом был назначен молодой психиатр Карл Густав Юнг (1875–1961), уже тогда стремившийся внедрить новаторские психоаналитические идеи и методы З. Фрейда в свою врачебную практику.

Результаты экспериментального применения аналитического подхода в лечении эксцентричной девушки из России превзошли все ожидания К. Юнга: меньше чем через год, 1 июня 1905 г. курс психоанализа был успешно завершён, а терапевтический эффект четко выражен и очевиден. К. Юнг расценил это как свою первую крупную победу и через некоторое время сообщил об успешном случае терапии в письме к З. Фрейду.

Так открывается новая яркая страница биографии С. Н. Шпильрейн. В этот период начинается стремительный взлет вчерашней пациентки, приведшей в замешательство светила европейской психиатрии: обучение на медицинском факультете Цюрихского университета (1905–1909), специализация в области психиатрии, психоанализа и педологии, защита докторской диссертации под руководством К. Юнга и О. Блейлера (1911). Затем сотрудничество с З. Фрейдом в Вене и, наконец, публикация новаторской статьи «Деструкция как причина становления» (1912), ставшей вехой в развитии психоаналитической теории [10, 11, 20].

Все указанное поразительно как в контексте личной судьбы Сабины Шпильрейн, казалось бы, не сулившей ей ничего, кроме заточения в психиатрической клинике, так и в общем культурном контексте эпохи: фундаментальное образование и научное продвижение молодой еврейской женщины было редкостью не только для царской России, но и для просвещенной Европы.

Учение С. Н. Шпильрейн о деструкции

Остановимся теперь на ключевой научной работе С. Н. Шпильрейн, отражающей ее взгляды на природу деструкции [10].

Для понимания этой статьи важно отметить, что С. Н. Шпильрейн в ней сознательно отказывается от постулатов классической психологии личности, в центр которой помещено сознательное Я (Эго). В западной логоцентрической традиции за Эго пожизненно закреплена прерогатива познавать, конструировать и оценивать мир. Однако, согласно учению С. Н. Шпильрейн, деструкция представляет собой феномен другого порядка и уровня, который несводим к процессам и состояниям Эго-сознания и может быть надлежащим образом исследован лишь в более укрупненном надличностном масштабе. Деструкция, утверждает С. Н. Шпильрейн, соразмерна самой тотальности жизни и, в общем-то, безразлична по отношению к отдельному индивиду с его здравым смыслом, стремлением к удовольствию или волей к власти. Деструктивные процессы, которые в индивидуальной системе оценок представляются едва ли не абсолютным «злом», оказываются важнейшими эволюционными факторами «на службе рода».

В свете психоаналитической историографии Сабина Николаевна Шпильрейн предстает, прежде всего, как предтеча Зигмунда Фрейда: согласно распространенной точке зрения, то, что ей удалось интуитивно и недостаточно ясно выразить в упомянутой статье, позднее переосмыслил и четко сформулировал отец-основатель психоанализа, разрабатывая собственную, довольно спорную, концепцию влечения к смерти. Иными словами, статья С. Н. Шпильрейн – лишь сырая заготовка, предварительный эскизный вариант основных психоаналитических постулатов, касающихся проблемы первичных влечений. Однако сопоставление воззрений З. Фрейда и его ростовской ученицы позволяет выявить ряд существенных теоретических расхождений, причем столь глубоких, что, на наш взгляд, допустимо говорить о подходе С. Н. Шпильрейн как о плодотворной научной альтернативе классическому фрейдовскому учению.

Обратимся к хрестоматийной работе З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [9]. В ней З. Фрейд пишет о *консервативной природе Либида* – о том, что энергия наших инстинктов, подчиняясь фундаментальной закономерности психического – принципу удовольствия, устремляет нас к разрядке напряженности и достижению удовлетворения наиболее привычными, проторенными путями. Происходит это помимо сознательной воли индивидуума, автоматически. При этом главная биологическая цель, консолидирующая все силы бессознательной части нашего «психического аппарата» – «удерживать наличное количество возбуждения на возможно более низком или, по меньшей мере, постоянном уровне» [9, с. 383]. Как писал З. Фрейд, «принцип удовольствия выводится из принципа константности» [9, с. 383]. Наиболее полно этот принцип реализуется в сфере сексуальных влечений.

Присущие каждому первичные побуждения к удовольствию в повседневной

жизни оттесняются требованиями социальной действительности, блокируются в силу действия таких факторов, как нормы морали, культурные запреты, установки и императивы, которые служат преградами для непосредственного удовлетворения и разрядки импульсов либидо. Социальная жизнь вынуждает субъекта согласовывать внутренние импульсы и побуждения с социальными обстоятельствами их реализации. Принцип реальности, постулированный З. Фрейдом наряду с принципом удовольствия, предполагает периодическую отсрочку удовольствия: в социуме оно достигается трудным, окольным путем уступок и компромиссов. Именно стремлением к самосохранению в репрессивной социальной среде объясняется то обстоятельство, что индивиду приходится идти к удовлетворению базисных потребностей извилистыми тропами культуры и цивилизации; каждый на этом пути подобен гомеровскому Одиссею, который возвращаясь на Итаку, встретил множество мифических препятствий. Культура, как следует из теории З. Фрейда, обеспечить полноту биологического удовлетворения не способна, поэтому она предлагает индивиду лишь эрзац, суррогат утраченной «радости жизни», зыбкую химеру потерянного рая. С этим связана особая неудовлетворенность, которую З. Фрейд обозначил как «недовольство культурой». В любой культуре заложен элемент подавления, вынужденного неудовольствия и неполноты удовлетворения, что стимулирует бесконечный поиск новых, замещенных и сублимированных форм наслаждения, служит залогом и источником всего разнообразия культурной жизни.

Таким образом, становление личности, дифференциация индивидуальной психики и общее усложнение душевной жизни, согласно теории З. Фрейда, определяются столкновением сознательного Я со сложной и противоречивой социальной средой, ограничивающей исконные (консервативные) стремления к удовольствию, внутреннему равновесию и покою.

Вопреки сложившемуся убеждению, что все живое стремится к изменению и развитию, З. Фрейд констатирует «консервативную природу живущего». Он определяет *влечение* как «*наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния*», как «*выражение косности в органической жизни*» [9, с. 404], и даже утверждает, что в конечном итоге «целью всякой жизни является смерть», поскольку «неживое было раньше, чем живое» [9, с. 405]. Иными словами, источник развития индивида обнаруживается не в глубинах психического, где зарождаются влечения, но в сфере взаимодействий с окружающей средой. «Если, – пишет З. Фрейд, – все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, к восстановлению прежних состояний, то мы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних, мешающих и отклоняющих влияний» [9, с. 405].

Постулируя заложенную в индивидуальном Я тенденцию возврата к неорганическому состоянию как стремление, погрузившись в покой неживой материи, окончательно избавиться от любого внутреннего напряжения и внешнего раздражения, З. Фрейд предлагает нам предельно дуалистическую картину психической жизни. Он противопоставляет влечения Я (но не к самосохранению, а как раз наоборот, к саморазрушению, к смерти) и влечения рода, направленные на созидание и приумножение жизни (сексуальность или, в более поздней редакции, влечение к жизни).

В упомянутой выше работе С. Н. Шпильрейн природа и судьба первичных влечений представлены в иной перспективе. Почти за десять лет до проведенной З. Фрейдом ревизии С. Н. Шпильрейн ставит вопрос, имеющий для глубинной психологии первостепенное значение: нет ли в нас сил и влечений, которые приводят в движение нашу психическую субстанцию, не беспокоясь при этом о благе или вреде для Эго? Отвечая на этот вопрос, она высказывает мнение, «что душевным Я руководят побуждения, лежащие еще глубже (чем область удовольствия/неудовольствия. – Ф. Ф.) и совсем не заботящиеся о реакции нашего чувства на поставленные ими требования» [10, с. 212]. «Глубина нашей души, – читаем у С. Шпильрейн, – не знает никакого Я, но лишь его суммирование в «Мы» или в настоящее Я, выступающее как объект и подчиненное другим подобным объектам» [10, с. 213]. Этот пассаж перекликается с более поздними по времени рассуждениями К. Г. Юнга о коллективном бессознательном как об объективном психическом, т. е. как о той сфере душевной жизни, в которой индивидуальное Я оказывается мишенью воздействующих на него надличностных факторов (архетипов), или дословно «объектом всех Субъектов» [14]. Впрочем, предвосхищая идеи К. Юнга, С. Шпильрейн остается во фрейдистском проблемном поле. Она фокусирует свое исследовательское внимание преимущественно на инстинктивной сфере и стремится прояснить глубинную динамику человеческих побуждений, тогда как К. Юнг ставил перед собой несколько иную задачу. Он пытался выявить базовые принципы структурной организации индивидуального и коллективного опыта, установить, как структурируются наши представления, образы, убеждения, как психическое приходит к узнаванию и пониманию самого себя в архетипе, этом «автопортрете инстинкта». Воззрения К. Юнга и С. Шпильрейн выступают как взаимодополняющие научные идеи о структуре и динамике безличного (родового или коллективного) бессознательного. Не была ли работа С. Шпильрейн исторически первой попыткой примирить противоречия теоретических подходов З. Фрейда и К. Г. Юнга в тот период, когда они ее только назревали и не были в полном объеме манифестированы?

У С. Н. Шпильрейн не только источником движущих сил поведения и развития индивида, но и активным, деятельным субъектом выступает

т. н. «родовая душа» (понятийный конструкт, предвосхищающий коллективное бессознательное К. Юнга). Активность родовой души может быть разрушительной для индивида и при этом созидательной, конструктивной для рода.

Сабина Шпильрейн одной из первых в западной психологии осуществила «релятивизацию Эго» или, пользуясь выражением Ж. Лакана, «ниспровержение Субъекта», и предложила нам релятивистский взгляд на явление деструкции. Она показала, что значение феномена деструкции не является исключительно негативным, но изменяется в зависимости от выбранной исследователем «системы отсчета».

Рассматривая случаи *dementia praecox* (шизофрении) с их характерной символикой, С. Шпильрейн приходит к заключению, что душевная жизнь психотических пациентов определяется борьбой между двумя антагонистическими стремлениями – «Я-души» и «родовой души». Психопатология в заостренной и гипертрофированной форме показывает нам общую закономерность: здесь оказываются конфликтующими две основные тенденции психического функционирования как такового. Я-душа стремится к сохранению индивида в его актуальном дифференцированном состоянии, в котором преобладают Я-отношения и Я-представления. Именно с устойчивостью Я, сохранением дифференцированных психических содержаний и с возможностью самоутверждения связывается у С. Шпильрейн переживание удовольствия (а не со снижением уровня возбуждения, как у З. Фрейда). В то же время, «душа рода» характеризуется тенденцией к ассимиляции, растворению индивидуальных представлений в безлично типичных, родовых, к замене дифференцированного Я-сознания «унаследованными и всеобщими формами мышления». Это противится такой аннигиляции индивидуально-специфичного, что и выражается в чувстве неудовольствия. Иными словами, душевная жизнь есть борьба или, точнее, диалектика единичного и всеобщего, и пациент-психотик переживает эту борьбу наиболее болезненно и обостренно.

Динамика душевной жизни, полагает С. Н. Шпильрейн, выражается в чередовании двух основных тенденций: 1) дифференциации новых, индивидуально специфичных представлений из более древних, общечеловеческих; 2) ассимиляции, растворении индивидуального в типичном, общезначимом, родовом.

Все индивидуальное и новое проистекает из родовых источников, вычленяется из древнего коллективного опыта, который служит исходным материалом. С другой стороны, чтобы индивидуально своеобразное содержание было понято, воспринято и стало достоянием многих, оно должно быть преобразовано согласно более общей, универсальной схеме. При этом нечто уникальное и неизреченное словно растворяется – утрачивается, чтобы возникнуть вновь, в небывалых комбинациях, следуя бесконечному

круговороту. Деструкция здесь означает не только разрушение, но и пере-структурирование: борьба индивидуальной души и души рода – не есть жизнеотрицание, это непрерывное становление, развитие.

Таким образом, одним из аспектов деструкции выступает *дифференциация*. В понимании С. Н. Шпильрейн, – это вычленение индивидуальных представлений (или Эго-представлений) из системы представлений коллективных, рождение индивидуума из лона «родовой души», вычленение Я из коллективного «Мы». Индивид определяется как *dividuum*, отколовшийся, отделившийся от единства рода, лишенный целостности, значимый в своей отдельности и отличии от других. Фактически деструкция у С. Шпильрейн предстает в качестве основного механизма отделения сознания от недифференцированной коллективной психики, и вместе с тем как возвратное движение к первоистокам, как растворение Я в «Мы». На индивидуальном уровне деструкция означает как дифференциацию, так и аннигиляцию.

Индивидуальные представления формируются посредством разрушения/расщепления родовых синкретов, тогда как понимание между субъектами рождается из деструкции индивидуально-специфичных, невыразимых в слове и уникальных психических содержаний. В языке происходит деструкция неизреченного и сокровенного. «Единство общения и обобщения» в слове достигается посредством разрушения уникально-личностного, не поддающегося унификации и вербализации. Эта идея находит отражение в классической русской поэзии: «Но душу можно ль рассказать?» (М. Ю. Лермонтов); «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев).

Отделение от родовой души оборачивается одиночеством и невозможностью выразить значимые для субъекта, исключительные и ценные в своей единичности переживания; возвращение в сферу разделяемого, коллективного, всеобщего дается ценой утраты невыразимого личностного смысла, его растворения в универсальном.

В то же время, деструкция устоявшейся системы Я-представлений и возврат к истокам могут обернуться вторым рождением, стать значимым этапом личностного развития, предпосылкой интеграции на новом уровне самосознания и психологической зрелости. За ассимиляцией, растворением уникального, неизреченно-личного следует его возрождение в новой, ранее неизвестной форме. Подтверждением этому служит неоднократно отмечавшееся воздействие на личность сакральных ритуалов, отражающих универсальную символику «смерти-возрождения».

Итак, циклическая смена фаз дифференциации и ассимиляции представлений является своеобразным законом психической жизни. Все индивидуальное и новое проистекает из коллективных, родовых источников, вычленяется из древнего, недифференцированного состояния – души рода. Но для того,

чтобы индивидуально своеобразное содержание было понято, воспринято и стало достоянием многих, оно должно быть преобразовано согласно более общей, универсальной матрице. Как пишет С. Н. Шпильрейн, «ассимиляция приводит к тому, что из единства, имеющего значение для Я, рождается единство, значимое для “Мы”» [10, с. 214].

Переводя вышеизложенные идеи на язык теории влечений, С. Шпильрейн предлагает различать два основных инстинкта: *инстинкт самосохранения* и *инстинкт сохранения вида*. Первый из них прост по структуре и консервативен, т. к. направлен на сохранение индивида в уже имеющемся наличном состоянии. Второй преследует цель сохранения рода путем постоянных изменений и новообразований, независимо от эгоистических желаний индивида и его стремления к устойчивости. Инстинкт сохранения рода имеет сложную двухкомпонентную структуру; в нем эротическое влечение неотделимо от деструкции. Таким образом, этот инстинкт амбивалентен по своей природе, т. е. включает в себя как отрицательные, так и положительные (с точки зрения Эго) компоненты. Биологический смысл и предназначение деструктивных импульсов, согласно С. Н. Шпильрейн, – уничтожение старого состояния ради возникновения нового, разрушение, обеспечивающее трансформацию, «воскрешение» индивида в новой форме. Любое развитие осуществляется путем дестабилизации и деструкции. А поскольку род человеческий может сохраниться, только постоянно развиваясь и эволюционируя, разрушение есть необходимый элемент жизни, как бы печально это ни воспринималось нами в контексте индивидуальной биографии. Деструкция, таким образом, выступает в качестве основного креативного эволюционного принципа как центральный фактор «творческой эволюции» всего живого.

Очевидно противоречие между таким диалектическим пониманием либидо, как источника индивидуального развития и трансформации, и предложенным З. Фрейдом определением влечения как «выражения косности в органической жизни». Цель первичных побуждений, согласно С. Н. Шпильрейн, – это постоянное изменение и формообразование, по З. Фрейду же – регресс, возврат к прежде бывшим состояниям. У С. Н. Шпильрейн влечения рода – психологический аналог бергсоновского *élan vital*, фактор творческой эволюции живого; у З. Фрейда они изначально консервативны. В первом случае, деструкция – залог нового рождения, во втором – аннигиляция, «успокоение» живого путем его уравнивания с неорганической материей. И З. Фрейд, и С. Шпильрейн опираются на биологические факты, однако первый верен механистическому детерминизму и предлагает нам модель «автоматического бессознательного», в которой психический аппарат представлен как биосоциальный механизм, подобно более ранним новоевропейским представлениям о телесной машине. В теории С. Н. Шпильрейн

мы обнаруживаем «бессознательное органическое» – сопричастное самой жизни, творческое и созидающее через разрушение.

Можно прийти к заключению, что С. Н. Шпильрейн облекла в психологическую форму одну из древнейших идей, принципиально важных для понимания культурной и духовной истории человечества. Эта идея обнаруживается у самых истоков как мифологического (извечная мифологема «смерти-возрождения»), так и диалектического мышления. У отца диалектики Гераклита она представлена в виде известного парадоксального афоризма: «Война – мать всех вещей». Сабина Николаевна сформулировала ту же мысль в качестве универсального принципа организации и развития живой материи, формирования Я-сознания (индивидуальной души) и ассимиляции неизреченно-субъективного в коллективной системе репрезентации (т. е., согласно ее терминологии, в родовой душе).

Что препятствует пониманию главной работы С. Шпильрейн, почему даже З. Фрейд, безусловно, ценивший ее, признал эту статью недостаточно ясной?

Ознакомление с текстом позволяет заключить, что статья С. Н. Шпильрейн «деструктивна» (или, выражаясь постмодернистским языком, деконструктивна) по отношению к логоцентрической традиции, доминировавшей в психоаналитическом сообществе начала XX в.

В статье действительно нарушен принцип западного логоцентризма, строгого рационального изложения, постулирования и обоснования, что неизбежно навлекает обвинения в недостаточной интеллектуальной дисциплине автора и бессистемности учения, едва ли могущего претендовать на статус самостоятельной целостной теории. Здесь в единой плоскости анализа как равноценные доказательства авторских тезисов представлены научные данные, клинические наблюдения и мифопоэтические иносказания, метафоричность литературных, теологических и мифологических источников равноправно уживается с неоспоримостью биологического факта. При таком «смешении языков» происходит, с одной стороны, характерная для постмодернистского дискурса релятивизация человеческого знания как такового, а с другой – абсолютизация принципа деструкции, который провозглашается универсальным, своего рода «законом жизни», трансцендентным по отношению к конкретным языковым играм с их частными правилами. Слияние (интеграция) двух половых клеток, дающее начало новому организму, вместе с тем означает деструкцию – их взаимное уничтожение в качестве самостоятельных единиц жизни. Это свидетельство биологической науки приобретает в изложении С. Н. Шпильрейн поистине сакральное звучание, как будто автор обращается к первоисточкам основных мифов, извечно волнующих человечество. Изложение авторских тезисов осуществляется по спирали, и вскоре выясняется: «наверху то же самое, что и внизу».

Таким образом, снимаются бинарные оппозиции «жизни – смерти», «возвышенного – низменного», «верха – низа». В высших сферах ментальности и духа торжествуют те же извечные законы, что и на уровне взаимодействия половых клеток: интеграция осуществляется путем деструкции, новое рождается ценой разрушения старого.

Итак, С. Н. Шпильрейн опережает свое время не только в содержании статьи, которое все же укладывается в рамки модернистского мировоззрения, вызывая ассоциации с метафорическими текстами Ф. Ницше, но и в способе изложения, в стиле письма. Она соединяет в своем тексте научное, философское и мифопоэтическое, сводя на нет привычное противопоставление и размежевание этих форм познания.

В завершение еще раз отметим, что тема деструкции – это не только ключевой концепт учения С. Н. Шпильрейн, но и своеобразный лейтмотив ее жизни. Крайне болезненная деструктивная атмосфера в семье и смерть младшей сестры Эмилии способствовали не только развитию у Сабины Николаевны психического заболевания, но также раннему становлению самосознания и проявлению незаурядной одаренности, о чем свидетельствуют ее детские дневники. Болезнь, о которой так много написано, не только привела девятнадцатилетнюю девушку из Ростова-на-Дону в крупнейшую психиатрическую клинику Европы, но и стала предпосылкой отделения от патогенной семейной системы, самопознания и дальнейшего самоопределения. Из деструкции юношеского кризиса родилось более дифференцированное сознание и новая профессиональная идентичность – вчерашняя пациентка стала врачом. Позднее сложные деструктивные отношения с Карлом Юнгом позволили Сабине Шпильрейн осмыслить и выразить важнейшие для психоаналитической теории и практики идеи. В темной истории с «малышкой» Сабиной можно усматривать предпосылки разрыва между З. Фрейдом и К. Юнгом и раскола психоаналитического движения; вместе с тем, в трудах самой С. Н. Шпильрейн мы обнаруживаем попытку интеграции теоретических воззрений этих двух выдающихся ученых. Символический сын Зигфрид, о котором Сабина Николаевна мечтала в период наиболее сильных чувств к К. Юнгу, был призван объединить в себе все лучшее, что есть в арийской и семитской расах. Вместо него она подарила научному миру статью, в которой оказались максимально сближены и увязаны позиции ее размежевавшихся учителей.

За десять лет плодотворной работы Сабина Николаевна Шпильрейн внесла существенный вклад в развитие психоанализа, а также детской психологии [6, 11, 19, 21], предвосхитив более поздние открытия Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд, Мелани Кляйн, Жана Пиаже, Дональда Винникотта.

В 1923 г. Сабина Шпильрейн приняла роковое для ее последующей судьбы решение вернуться в СССР – решение, поддержанное З. Фрейдом, который

таким образом невольно сыграл деструктивную роль в ее жизненной драме. Жизнь Сабины Николаевны вплоть до трагической гибели – это период забвения и тяжелых утрат. Однако и переезд в Ростов-на-Дону и трагическая гибель в Змиевской балке, в свете ее учения, могут интерпретироваться как символическое возвращение к истокам, окончательное воссоединение личной судьбы с Судьбой родного города и народа. История жизни Сабины Николаевны показывает, как деструкция и интеграция парадоксально переплетаются в пределах индивидуальной биографии.

Литература

1. *Ванинг А. ван.* Работы одного из пионеров психоанализа – Сабины Шпильрейн // Вопросы психологии. – 1995. – № 6. – С. 66–78.
2. *Мовшович Е. В.* Очерки истории евреев на Дону. – Ростов н/Д: Книга, 2011. – 336 с.
3. *Овчаренко В. И.* Сабина Шпильрейн: под знаком деструкции // Логос. – 1994. – № 5. – С. 239–256.
4. *Овчаренко В. И.* Судьба Сабины Шпильрейн // Российский психоаналитический вестник. – 1992. – № 2. – С. 64–69.
5. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке». Биография. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 413 с.
6. Сабина Шпильрейн (1885–1942). Материалы к биобиблиографии / Сост. и ред. С. Ф. Сироткин. – М.: Русское психоаналитическое общество; Ижевск: ИД «ERGO», 2006. – 84 с.
7. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей. – Ростов н/Д: МиниТайп, 2004. – С. 256.
8. *Филатов Ф. Р.* Две альтернативные теории влечений в психоанализе // Сумма психоанализа. Антология / Под ред. В. И. Овчаренко. – Том 12 // URL: http://lib100.com/book/psychoanalysis/amount_psy_12/_%D0%A1%D1%83%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0.%20%D0%90%D0%BD%D1%82-%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%20%D0%A2%D0%BE%D0%BC%2012.pdf
9. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С. 382–424.
10. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления. – М.: Логос, 1994. – № 5. – С. 207–239.
11. *Шпильрейн С.* Психоаналитические труды / Пер. с англ., нем. и франц. под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. – Ижевск: ИД «ERGO», 2008. – 466 с.

12. *Штефан И.* Сабина Шпильрейн (1885–1942) – «предмет обмена» между Юнгом и Фрейдом // Вестник Психоанализа. – 2000. – № 2.
13. *Эткинд А. М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. – СПб., 1993; М., 1994. – С. 159–212.
14. *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и Символ. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 95–129.
15. *Berch B.* Sex versus Survival: The Life and Ideas of Sabina Spielrein. – New York: Jewish Book Council, 2015.
16. *Carotenuto A.* A Secret Symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. – New York: Pantheon Books, 1982.
17. *Cooper-White P.* The power that beautifies and destroys. Sabina Spielrein and “Destruction as the Cause of Coming into Being” // Pastoral Psychology. – 2015. – 64. – pp. 259–278.
18. *Etkind A.* Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia. – Boulder, CO: Westview Press, 1997. – P. 172.
19. Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis / Ed. by C. Covington and B. Wharton. – New York, 2003. – pp. 287–305.
20. *Spielrein S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. – 1912. – 4. – pp. 465–503.
21. *Waning A. van.* The works of pioneering psychoanalyst Sabina Spielrein // International Review of Psychoanalysis. – 1992. – 19. – pp. 399–413.

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**FORMATION OF ATTENTION AS A CONDITION
OF OVERCOMING PHONEMIC DISORDERS IN
CHILDREN OF LATE PRE-SCHOOL AGE WITH
GENERAL SPEECH UNDEVELOPMENT**

*Korotovskikh Tat'iana Vladimirovna
Piashkur Iuliia Sergeevna*

The paper studies characteristics of phonemic processes in children with general speech underdevelopment and their correction through the development of attention. Impairments in the discrimination of sense-distinctive characteristics of sounds (phonemes) lead to serious disorders of sound pronunciation on the background of general speech underdevelopment. These disorders complicate the formation of phonemic analysis and synthesis, as well as phonemic and morphological generalizations. A limited vocabulary and insufficient understanding of meanings and grammatical categories are consequences of these disorders.

The analysis of speech pathology should consider not only the structure of a speech defect, but also mental characteristics of the child. Thus, memory disorders, lack of attention, and limitations of the allocation of attention are characteristic for children with general speech underdevelopment.

Working on the formation of the perception of speech sounds depends on the type of the defect. In some cases the work concentrates on the formation of phonemic perception and the development of auditory monitoring, while in other cases the challenge is the development of phonemic perception and operations of sound analysis. Sometimes the work concentrates on the formation of auditory monitoring as a conscious action.

According to the authors of the article, improving phonemic awareness could be successful with the development of auditory attention, formation of skills of the recognition of non-speech sounds, discrimination of the tone, force, timbre of the voice on the material of the same sounds, words, sentences, as well as the discrimination of words similar in their sound composition, differentiation of syllables, differentiation of phonemes, basic skills of sound analysis.

Thus, the child's literacy acquisition in school depends on the efficiency of work on the development of attention and phonemic processes in groups of speech therapy in preschool education institutions.

Keywords: *formation, attention, preschool age, speech disorders, phonemic processes, conditions, technology, overcoming, speech therapy, general speech underdevelopment.*

References

1. Agranovich Z. E. *V pomoshch' logopedam i roditeliam: Sbornik domashnikh zadaniy dlia preodoleniia nedorazvitiia fonematischeskoi storony rechi u st. doshkol'nikov* [Helping speech logopedists and parents: homework for overcoming underdevelopment of a phonemic aspect of speech in elder preschoolers]. St. Petersburg, 2004.
2. Arkhipova E. F. *Metody korrektsii rechevogo i psikhicheskogo razvitiia u detei s tserebral'nym paralichom v rannem vozraste* [Methods of correction of speech and mental development in children with cerebral palsy at an early age]. Moscow, 1997.
3. Levina R. E. *Osnovy teorii i praktiki logopedii* [Fundamentals of the theory and practice of speech therapy]. Moscow, 1968.
4. Lopatina L. V. *Preodolenie rechevykh narushenii u doshkol'nikov: Korrektsiia stertoj dizartrii* [Overcoming speech disorders in preschool children: correction of dysarthria]. St. Petersburg, 2001.
5. Mironova S. A. *Razvitie rechi doshkol'nikov na logopedicheskikh zaniatiakh* [The development of speech in preschool children in speech therapy groups]. Moscow, 1991.
6. Nikashina N. A. *Formirovanie rechi pri ee nedorazvitiu* [Speech formation and its underdevelopment]. Moscow, 2003.
7. Nishcheva N. V. *Konspekty podgruppykh logopedicheskikh zaniatii v podgotovitel'noi grupe detskogo sada dlia detei s ONR. Sentiabr' – Ianvar'; Fevral' – Mai* [Abstracts of subgroup speech studies in a preparatory group of the kindergarten for children with general speech underdevelopment. September – January; February – May]. St. Petersburg, 2008.
8. Nishcheva N. V. *Sistema korrektsionnoi raboty v logopedicheskoi grupe dlia detei s obshchim nedorazvitiem rechi* [The system of correctional work with children with general speech underdevelopment in speech therapy groups]. St. Petersburg, 2008.
9. Filicheva T. B. *Osnovy logopedii. Razvitie slukhovogo vnimaniia, slukhovoii pamiaty i fonematischeskogo vospriiatiia* [Foundations of speech therapy. The development of auditory attention, auditory memory and phonemic perception]. Moscow, 1989.
10. Lalaeva R. I. *Razvitie fonematischeskogo analiza i sinteza* [The development of phonemic analysis and synthesis]. St. Petersburg, 1999.
11. Tkachenko T. A. *Razvitie fonematischeskogo vospriiatiia* [The development of phonemic perception]. Moscow, 2001.
12. Filicheva T. B. *Vospitanie i obuchenie detei doshkol'nogo vozrasta s obshchim nedorazvitiem rechi: programmno-metodicheskie rekomendatsii* [Education and training of preschool children with general speech underdevelopment:

- program and methodical recommendations]. Moscow, 2010.
13. Filicheva T. B. *Logopediia. Metodicheskoe nasledie / Pod red. L. S. Volkovoi. V 5 kn. – Kn. V: Fonetiko-fonematischeskoe i obshchee nedorazvitie rechi: Narusheniia rechi u detei s sensornoi i intellektual'noi nedostatochnost'iu* [Speech therapy. Methodological heritage. V. 5. Phonetic-phonemic and general underdevelopment of speech: speech disorders in children with sensory and intellectual disabilities]. Moscow, 2003.
 14. Filicheva T. B. *Ustranenie obshchego nedorazvitiia rechi u detei doshkol'nogo vozrasta* [The elimination of general speech underdevelopment in children of preschool age]. Moscow, 2004.
 15. Filicheva T. B., Chirkina G. V. *Izuchenie detei s obshchim nedorazvitiem rechi v spetsial'nom detskom sadu* [Studying children with general speech underdevelopment in a special kindergarten]. *Defektologiya – Defectology*, 1985, no. 6.
 16. Shashkina G. R. *Logopedicheskaia rabota s doshkol'nikami* [Speech therapy for children]. Moscow, 2003.
 17. Shumilova E. A. *Zakonomernosti razvitiia vnimaniia v detskom vozraste* [Mechanisms of the development of attention in childhood]. Penza, 2005.
 18. Shumilova E. A. *K probleme izucheniia vnimaniia* [On the problem of studying attention]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniia v sisteme obrazovaniia"* [Proc. the All-Russian Scientific-Practical Conference "Psychological-pedagogical studies in the education system"]. Moscow, 2003.
 19. Leonard L. B. *Consonant and syllable harmony in the speech of language-disordered children // J. of Speech and Hear. Dis.*, 1980, 45, no. 3.
 20. Martin J. A. *Voice, speech and language in the child: development and disorder*. Wein, N. Y., 1981.

THE INFLUENCE OF GENDER ROLE IDENTITY ON REPRESENTATIONS OF VIOLENCE IN FEMALE STUDENTS

Azarova Elena Aleksandrovna
Vorontsov Dmitry Vladimirovich
Bedredina (Gridneva) Svetlana Valer'evna

The paper discusses the empirical results of the study of the influence of gender role identity on representations of violence in young female students at the age from 17 to 19. Attitudes towards violence, as well as the use of violence in interpersonal relations appear long before their realization in interpersonal interaction. The authors

proceeded on the assumption that traditional ideas about gender dichotomy of features of violent behaviour were inadequate for the gender system of modern society. The study sample consisted of 100 respondents. The authors used the following research methods: writing an essay, semantic differential, and the Bem Sex-Role Inventory (BSRI).

The obtained empirical data indicated that the girls with undifferentiated (neutral) gender role identity had a wider range of representations of violence, if to compare with the respondents who were guided by dichotomous models of gender behaviour (with "masculine" and "feminine" patterns). The girls with undifferentiated (not polarized) gender role identity are able to recognize a large variety of forms of violence; they can flexibly use and combine various forms of violence for achieving their own goals in corresponding circumstances. In this sample the girls with typically feminine gender role identity were less able to notice unobvious forms of violence (especially in interpersonal relations); violence usually had polar forms in their representations: either physical, or psychological. Moreover, the girls with typically feminine gender role identity perceived violence in such behavioural patterns which could not be assessed as violent in the given context. The findings of the study could be useful for improving the practices of prevention, correction and rehabilitation of female violent convicts, as well as for reducing manifestations of extreme forms of female violence in society.

Keywords: violence, representation of violence, female violence, domestic violence, gender, gender identity, gender roles, femininity, gender differentiation, interpersonal interaction.

References

1. Azarova E. A. *Pravoslavnoe semeinoe vospitanie protiv nasiliia nad det'mi v sem'e* [Orthodox family education against violence against children within the family]. Rostov-on-Don, Rostov State Pedagogical University Publ., 2004. 160 p.
2. Antonian Iu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. *Psikhologiya prestupleniia i nakazaniia* [The psychology of crime and punishment]. Moscow, Penates-Penaty Publ., 2000. 454 p.
3. Blackburn R. *The psychology of criminal conduct* (Russ. ed.: Blekborn R. *Psikhologiya kriminal'nogo povedeniia*. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 496 p.).
4. Bedredinova S. V., Tashcheva A. I. Predstavleniia o supruzheskom nasilii v roditel'skikh i sobstvennykh sem'iakh [Representation of merital violence in parental and inhouse families]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Psikhologicheskoe, fizicheskoe, informatsionnoe nasilie i puti ego preodoleniia v sovremennom obshchestve"* [Proc. the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation "Psychological, physical, and informational

- violence and ways of its overcoming in modern society]. Omsk, 2015, pp. 133–138.
5. Bem S. L. *The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality* (Russ. ed.: Bem S. L. *Linzy genera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov.* Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2004. 336 p.).
 6. Vorontsov D. V. Gegemonnaia maskulinnost' i mekhanizmy otnoshenii dominirovaniia v mezhruppovom obshchenii kak sotsial'no-psikhologicheskie determinanty fenomena terrorizma v Rossii [Hegemonic masculinity and the mechanisms of domination relations in intergroup communication as socio-psychological determinants of the phenomenon of terrorism in Russia]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 5–6, pp. 41–46.
 7. Lysova A. V. Zhenskaia agressiia i nasilie v sem'e. [Female aggression and family violence]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, 2008, no. 3, pp. 167–176.
 8. Shkurko T. A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti s vyrazhennoi potrebnost'iu v kontrole sebii i drugikh liudei [Socio-psychological characteristics of the person with a high need for self-control and control of others]. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Bulletin of Tomsk State University*, 2011, no. 349, pp. 177–184.
 9. Ben-David S. The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains. *Journal of Family Violence*. 1993. Vol. 8, Issue 4, pp. 345–359.
 10. Bloom S. *Violence against Women and Girls. A Compendium of Monitoring and Evaluation Indicators*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina; MEASURE Evaluation, 2008. 250 p.
 11. Cocoradă E. Gender differences in the micro-violence connected to the assessment process. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 33, pp. 183–187.
 12. Eisikovits Z., Bailey B. From dichotomy to continua: Towards a transformation of gender roles and intervention goals in partner violence. *Aggression and Violent Behavior*. 2011. Vol. 16, pp. 340–346.
 13. Ermakov P., Fedotova O. Characteristics of Aggression Reflection in the Psychological Educational Books of the “Graphic Guide” Type // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214, pp. 876–881.
 14. Fedotova O., Latun V., Vlasova T. Illustration in the In-flight Magazines of the European Airlines: Expansion of the Outlook or Aggressive Advertising? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214, pp. 871–875.
 15. Gridneva S., Tashcheva A. Patterns of Adolescent Coping with Domestic Violence // *International Journal of Psychology*. 2012. Vol. 47. Issue Supplement S1, P. 386.

16. Labunskaya V. A. Representations about Friend and Enemy at Different Life-span Stages // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 86, pp. 256–261.
17. Ranney M. L., Mello M. J. A comparison of female and male adolescent victims of violence seen in the emergency department. *The Journal of Emergency Medicine*. 2011. Vol. 41, no. 6, pp. 701–706.
18. Ryumshina L., Belousova A. Attitude of Psychological Faculty Students to Aggression and Violence in Various Spheres of Human Activity // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings, Aug 26 – Sept 01; Book 1, Vol. 2, pp. 73–80. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B12/S3.009
19. Shkurko T., Pishchik V., Breus E. Controlling Personality in Modern Russian Society // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM2015 Conference Proceedings, Aug 26 – Sept 01; Book 1, Vol. 1, pp. 47–54. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B11/S1.007
20. Vorontsov D., Stefanile C., Antonelli P. Gendered Characteristics of HIV Risk Sexual Behaviour Models in Freshman Students // *Psychology & Health*. 2010. Vol. 25, pp. 365–366.

ON THE ISSUE OF COMPONENTS OF PERSONAL MATURITY

***Gudzovskaya Alla Anatolievna
Shpuntova Viktoriya Vladimirovna***

The authors analyzed the problems of the formation of personal maturity and made an assumption that the components of personal maturity (ego-identity, active possession of the environment, and self-actualization) would be formed at the age of seven or eight.

The paper presents the results of a longitudinal study of the components of personal maturity. The longitudinal group included 232 pupils of the first form of comprehensive schools of Samara and Tolyatti; 96 persons of them took part in all the longitudinal sections of the study. The authors carried out the first study in 1997–1998, when the respondents were pupils of the first form. In the final study (2014–2015) all the subjects graduated from high schools, as well as higher/secondary educational institutions (at the age from 24 to 25).

To study the components of personal maturity the authors asked respondents to write a composition with the following title: “I Am a Human Being”, and also used the method of ultimate senses by D. A. Leont’ev, content analysis, and method of expert evaluations.

The study showed that the formation of personal maturity takes place when dealing with life's challenges and building relationships with the world (society). The person realizes himself/herself, generates an image of a human being as a bearer of social roles, recognizes his/her own involvement in culture and influences himself/herself and others through various forms of internal and external activity; he/she is the author of the inner world. The results of the empirical study showed that the developed ego-identity, active possession of the environment (the ability to behave regardless the influencing circumstances and pursue his/her own aims), and self-actualization were the components of personal maturity. These components are basically formed at the age of seven or eight.

The findings of the study could be useful for psychologists, pedagogues, and social workers. The basic propositions of this paper have great potential for correctional and developing work of a school psychologist for optimizing the educational process.

Keywords: *personality, personal maturity, social maturity, me and human being, values, personal senses, ego-identity, self-realization, subjective position, authorship of personality.*

References

1. Abul'khanova-Slavskaia K. A. *Strategiia zhizni* [A life strategy]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 299 p.
2. Bratus' B. S. *Anomalii lichnosti* [Anomalies of personality]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 301 p.
3. Gudzovskaia A. A. *Psikhologiya sotsial'noi zrelosti* [The psychology of social maturity]. Samara, 2014. 256 p.
4. Kon I. S. *V poiskakh sebja: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of self: Personality and self-consciousness]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 335 p.
5. Kotliakov V. Iu. *Metodika issledovaniia sistemy zhiznennykh smyslov* [The technique for studying the system of life senses]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2003, pp. 18–21.
6. Kuhn M., Mc. Partland T. *Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebja // Sovremennaja zarubezhnaia sotsial'naja psikhologiya: teksty* [The empirical study of self-attitudes of the person. Modern foreign social psychology: texts]. Moscow, Moscow State University Publ., 1984, pp. 180–187.
7. Leont'ev A. N. *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 511 p.
8. Leont'ev D. A. *Metodika predel'nykh smyslov (MPS)* [The technique of ultimate senses]. Moscow, Smysl Publ., 1992. 36 p.
9. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The psychology of sense: nature, structure and dynamics of sense

- reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p.
10. Leont'ev D. A. *Samorealizatsiia i sushchnostnye sily cheloveka // Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva postsovetsoi psikhologii* [Self-realization and essential forces of the person. Psychology with a human face: humanistic perspective in post-Soviet psychology]. Moscow, 1997, pp. 156–175.
 11. Loginova N. A. Zhiznennyi put' cheloveka kak problema psikhologii [Life path as a problem of psychology]. *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 1985, no. 1, pp. 103–109.
 12. Loginova N. A. *Psikhobiograficheskii metod issledovaniia i korrektsii lichnosti* [Psychobiographical method of studying and correction of personality]. Almaty, Kazak University Publ., 2001. 176 p.
 13. Seryi A. V. *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsii, dinamika* [The system of personal senses: structure, functions, and dynamics]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2004. 272 p.
 14. Soldatova E. L., Shliapnikova I. A. Ego-identichnost' kak sistemoobrazuiushchii faktor formirovaniia lichnostnoi zrelosti [Ego-identity as a system-forming factor of personal maturity formation]. *Vestnik luzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 2010, no. 27 (203), pp. 66–74.
 15. Kharlamenkova N. E. *Spontannost' i kontrol' v zrelykh lichnostnykh otnosheniakh // Fenomen i kategoriia zrelosti v psikhologii* [Spontaneity and control in mature personal relationships. The phenomenon and category of maturity in psychology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2007, pp. 128–148.
 16. Shchukina M. A. *Psikhologiya samorazvitiia lichnosti: sub'ektnyi podkhod. Diss. dokt. psikh. nauk* [The psychology of personal self-development: a subjective approach. Dr. psych. sci. diss.]. St. Petersburg, 2015. 355 p.
 17. Shchukina M. A. Sub'ektnyi podkhod k samorazvitiu lichnosti: vozmozhnosti teoreticheskogo ponimaniia i empiricheskogo izucheniiia [A subjective approach to self-development of the person: theoretical understanding and empirical study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014, no. 2, pp. 7–22.
 18. Maslow A. *Religions, Values, and Peak-Experiences*. N. Y., Viking press, 1970, 123 p.
 19. Rokeach M. *Beliefs, Attitudes, and Values*. San Francisco, Jossey-Bass, 1969, 214 p.
 20. Royce J. R., Powell A. *Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes*. Englewood Cliffs (N. J.), Prentice-Hall, 1983, 304 p.

THE INTERRELATION OF SENSATION SEEKING, SELF-ATTITUDE, AND APPROVAL MOTIVATION: A GENDER ASPECT

Dunaitseva Natal'ia Anatol'evna
Petrash Iuliia Vital'evna

The paper studies the interrelation of sensation seeking, self-attitude, and approval motivation in men and women. The authors analyzed various approaches to studying the search for experiences and feelings as a personality trait. Explaining the relevance and novelty of the study the authors note that empirical studies in this field are still lacking.

The study sample consisted of 111 respondents (56 women and 55 men) at the age from 19 to 73 living in the city of Rostov-on-Don. Along with the gender aspect the authors also took into account the factor of the presence/absence of children. The empirical study revealed numerous interrelations of sensation seeking, self-attitude, and approval motivation.

The results showed that the men scored high on a measure of sensation seeking; this parameter did not depend on the presence/absence of children. The interrelation between sensation seeking and self-attitude was obvious in the men. There was no evident relationship between sensation seeking and self-attitude in the women group. The men with a low level of self-management, self-acceptance, self-affection, self-esteem, and self-liking were predisposed to seeking new sensations, adventures, and risky behavior. The results of the study also showed that approval motivation had the following relation with self-attitude in the women group: a high level of approval motivation correlated with a high level of self-attitude, notably with self-assurance, self-management, self-affection, and self-esteem. The authors also called attention to the fact that the respondents with children scored higher on the scale of approval motivation. Parents' willingness to show themselves to good advantage in society is the most likely explanation of these findings.

Keywords: *sensation seeking, self-attitude, self-management, self-affection, self-esteem, self-value, self-liking, approval motivation, social desirability, gender.*

References

1. Abul'khanova-Slavskaja K. A. *Strategiia zhizni* [A life strategy]. Moscow, 1991. 298 p.
2. Arkhireeva T. V. *Roditel'skie pozitsii kak uslovie razvitiia otnosheniia k sebe rebenka mladshego shkol'nogo vozrasta. Diss. kand. psikh. nauk* [Parental positions as a condition of the development of self-relation in children of junior school age. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 1990.

3. Belogai K. N. Nekotorye aspekty izucheniiia gendernykh razlichii v strukture roditel'skogo otnosheniia [Some aspects of studying gender differences in the structure of the parent relation]. *Perinatal'naia psikhologiiia i psikhologiiia roditel'stva - Perinatal Psychology and Psychology of Parenthood*, 2004, no. 2, pp. 31–49.
4. Burlachuk L. F., Morozov S. M. *Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike* [Reference book for psychodiagnosics]. St. Petersburg, 2001. 528 p.
5. Greidina N. L. Gendernaia spetsifika kommunikatsii [Gender specificity of communication]. *Materialy nauch.-prakt. telekonf., posviashchennoi Mezhdunarodnomu godu iazykov i 10-letiiu gumanitarnogo otdeleniia IGKhTU "Antropotsentricheskii podkhod k issledovaniuu sotsiума: lingvisticheskie, sotsiolingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty"* [Proc. the Scientific-Practical Teleconference "Anthropocentric approach to studying society: linguistic, sociolinguistic and cultural aspects"]. Ivanovo, 2002, pp. 5–14.
6. James W. *Psikhologiiia* [Psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1991. 368 p.
7. Kalinin S. I. *Komp'iuternaia obrabotka dannykh dlia psikhologov* [Computer data processing for psychologists]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2002. 136 p.
8. Kirilina A. V. *Gender: Lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 1999. 180 p.
9. Kistiakovskaia M. Iu. O stimulakh, vyzyvaiushchikh polozhitel'nye emotsii u rebenka pervykh mesiatsev zhizni [On the issue of stimuli that cause positive emotions in the child in the first months of life]. *Vopr. Psikhopatologii – Approaches to Psychopathology*, 1965, no. 2, pp. 129–140.
10. Lukovitskaia E. G. *Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti. Diss. kand. psikh. nauk* [Socio-psychological significance of uncertainty tolerance. Cand. psych. sci. diss.]. St. Petersburg, 1998.
11. Luriiia A. R. *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. St. Petersburg, 2013. 320 p.
12. Raigorodskii D. Ia. *Metodika diagnostiki samootsenki motivatsii odobreniia (Shkala Izhi) D. Marlou i D. Krauna. Prakticheskaiia psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie* [The Crowne-Marlowe technique for self-assessment of approval motivation (Lie Scale). Practical psychodiagnosics. Methods and tests]. Samara, 2001, pp. 635–636.
13. Pankratov V. N. *Samoreguliatstsiiia psikhicheskogo zdorov'ia: prakticheskoe rukovodstvo* [Self-regulation of mental health]. Moscow, Institute of Psychotherapy Publ., 2001. 352 p.
14. Pantileev S. R. *Metodika issledovaniia samootnosheniia* [The technique for studying self-relation]. Moscow, 1993. 32 p.
15. Pantileev S. R. *Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenochnaia sistema* [Self-

- relation as an emotional-evaluative system]. Moscow, 1991. 338 p.
16. Krylov A. A. *Praktikum po obshchei, eksperimental'noi i prikladnoi psikhologii* [Tutorial for general, experimental and applied psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 560 p.
 17. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, 2007. 350 p.
 18. *Shkala poiska oshchushchenii (M. Tsukerman)* [The scale of sensation seeking (M. Zuckerman)]. Moscow, 1995, pp. 187–189.
 19. Shchelovanov N. M., Aksarina N. M. *Vospitanie detei rannego vozrasta v detskikh uchrezhdeniiakh* [Education of children in early childhood in child care institutions]. Moscow, 1955. 302 p.
 20. Ashmore R. D. Sex, gender, and the individual // Handbook of personality: Theory and research / Ed. by L. A. Pervin. N. Y., Guilford Press, 1990.
 21. Cloninger C. R. A systematic method for clinical description and classification of personality variants: A proposal // Arch. Gen. Psychiatry, 1987.
 22. Cloninger C. R., Svrakic D. M. Integrative psychobiological approach to psychiatric assessment and treatment // Psychiatry, 1997.
 23. Cloninger C. R. et al. Anxiety proneness linked to epistatic loci in genome scan of human personality traits // Am. J. Med. Genet., 1998.
 24. Zuckerman M. Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. N. Y., Cambridge University Press, 1994.
 25. Zuckerman M. Sensation seeking. Sensation seeking and risky behavior. Washington, DC, US, American Psychological Association, 2007, pp. 3–49.

STUDENTS' PERSONAL-TYOLOGICAL FEATURES IN NETWORK BEHAVIOR

Ivashchenko Aleksandr Vasil'evich
Karabushchenko Natal'ia Borisovna
Sungurova Nina L'vovna

Human activity in the information space is a promising direction of modern psychological research. The modern information-psychological space expands the scope of personal freedom. Internet resources offer opportunities for using various sources of information: gender-role experimentation; variability of self-expression and self-presentation. Thus, the network space is an information-psychological space, where individual-typological characteristics of participants manifest themselves.

This paper deals with theoretical grounds of studying students' personal individuality in the information-psychological space. The gender and age characteristics, level

of proficiency and experience of work with technologies, degree of interest, orientation and motivation aspects are manifestations of personal individuality in the online interactions. The individual features manifest themselves in the psychological relation to information technology. Individual characteristics determine features of network activity, preferences of certain types of activities. Some author's models represent a typological approach to personal individuality in the information space.

The authors used a complex of methods. Original and author's techniques were psychodiagnostic tools of research. The representativeness of the sample and mathematical data processing confirmed the reliability of the results. The paper analyzed the results of the empirical study of the individual-typological features of students' personality in the online interactions. According to the type and degree of involvement, the authors described three types of network behavior of the students participating in the online interactions. The authors also made a comparative analysis of the results of the study of network behavior depending on students' professional training. Structural and correlation analysis showed stable properties and interrelations inherit in various strategies of network activity. The paper presents generalized profiles of the main types of network activity considering individual-typological personal features of students.

Keywords: student's identity, individuality, individuality of personality, individually-typological characteristics, networking, self-image, information interaction, self-presentation, identity, virtual identity.

References

1. Asmolov A. G. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologija i konstruirovanie mirov* [The cultural-historic psychology and constructing the worlds]. Moscow, Institute of Practical Psychology Publ., 1996. 768 p.
2. Babaeva Iu. D., Voiskunskii A. E., Smyslova O. V. *Internet: vozdeistvie na lichnost'* [Internet: the influence on personality]. Minsk, Kharvest Publ., 2004. 592 p.
3. Belinskaia E. P. *Psikhologija Internet-kommunikatsii: uchebnoe posobie* [The psychology of online communication]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2013. 192 p.
4. Zhichkina A. E. *Vzaimosviaz' identichnosti i povedeniia v Internete pol'zovatelei iunosheskogo vozrasta. Diss. kand. psikh. nauk* [The interrelation between identity and behavior on the Internet in adolescent users. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 2001.
5. Ivashchenko A. V., Karabushchenko N. B., Sungurova N. L., Pilishvili T. S., Chkhikvadze T. V., Khvorova E. M. *Lichnostnye osobennosti studentov v setevom vzaimodeistvii* [Personal features in students in online interaction]. Humanitarian Bulletin SU "Pereyaslav-Khmel'nitsky Pedagogical University by H. Skovoroda", 2015, Supplement 1 to V. 36, V. VI (66), pp. 588–598.

6. Klimov E. A. *Individual'nyi stil' deiatel'nosti* [An individual style of activity]. Moscow, 1982, pp. 74–77.
7. Kostiuk T. V. Problema individual'nykh osobennostei lichnosti i razlichnye varianty ee resheniia v psikhologii [The problem of individual features of personality and its solving in psychology]. *Psikhologiya i shkola – Psychology and School*, 2004, no. 3, pp. 3–23.
8. Kuznetsova Iu. M., Chudova N. V. *Psikhologiya zhitelei Interneta* [The psychology of inhabitants of the Internet]. Moscow, 2011. 224 p.
9. Merlin V. S. *Psikhologiya individual'nosti* [The psychology of individuality]. Moscow, Institute of Practical Psychology Publ., 448 p.
10. Mironenko I. A. *Sovremennye teorii v psikhologii lichnosti* [Modern theories in personality psychology]. St. Petersburg, V. A. Mikhailov Publ., 2003. 224 p.
11. Brushlinsky A. V. *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletii: problemy teorii i istorii* [Psychological science in Russia in XX century: problems of theory and history]. Moscow, Russian Academy of Science Publ., 1997. 576 p.
12. Starovoitenko E. B. *Psikhologiya individual'nosti: Novye modeli i konceptsii* [The psychology of individuality: new models and concepts]. Moscow, Moscow Psychological and Moscow Institute Publ., 2009. 384 p.
13. Smirnov S. A. Chelovek perekhoda [A transition man]. *Kentavr. Metodologicheskii i igrotekhnicheskii al'manakh – Centaur. Methodological and Playing-Technical Almanac*, 2003, no. 32, pp. 29–36.
14. Sungurova N. L. *Virtual'naia samoprezentatsiya lichnosti: gendernyi aspekt. Psikhologiya i pedagogika XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy* [Virtual self-presentation of the person: a gender aspect. Psychology and pedagogy of the XXI century: theory, practice, and prospects]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2015, pp. 316–329.
15. Sungurova N. L. *Individual'no-lichnostnye osobennosti studentov v informatsionno-psikhologicheskom prostranstve* [Individual-personal features of students in the information-psychological space]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2014. 170 p.
16. Sungurova N. L. Lichnostno-tipologicheskie osobennosti studentov v komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii [Personal-typological features of students in computer-mediated communication]. *Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire"* [Proc. the II International Scientific-Practical Conference "Actual problems of psychology and pedagogy in the modern world"]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2015, pp. 294–299.
17. Shevchenko I. S. *Issledovanie samoprezentatsii lichnosti v Internet-obshchenii. Diss. kand. psikh. nauk* [Studying self-presentation of the person in online

- communication. Cand. psych. sci. diss]. Moscow, 2003.
18. Graff M. Individual differences in hypertext browsing strategies // Behaviour & Information technology, 2005, V. 24, pp. 93–99.
 19. Holland N. The Internet regression // URL: www.rider.edu/users/suler/psycyber/holland.html
 20. Sungurova N., Karabuschenko N. Psychological Features of the Interaction of Students in Information Educational Space // EUROPEAN HUMANITIES STUDIES: State and Society / EUROPEJSKIE STUDIA HUMANISTYCZNE: Państwo i Społeczeństwo, 2014–2015, no. 1, pp. 170–180.
 21. Temple L., Lips H. M. Gender differences in Internet usage and task preferences // Behavior & Information Technology, 2000, V. 19, pp. 283–295.
 22. Turkle Sh. Constructions and Reconstructions of the Self in Virtual Reality // Massachusetts Institute of Technology. Identity workshop // URL: <http://www.pscw.uva.nl/sociosite/psyberspace.html>
 23. Turkle Sh. The Second Self: Computers and Human Spirit. N. Y., Simon and Schuster, 1984.
 24. Young Kimberly S. Caught in the Net. How to Recognize the signs of Internet Addiction And a Winning strategy for Recovery // URL: http://www.netaddiction.com/infidelity_online.htm

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SPECIALISTS IN THE SPHERE OF ART WITH A HIGH LEVEL OF THE PRODUCTIVITY OF CREATIVE IMAGINATION

***Karpova Viktoriia Viktorovna
Dikaia Liudmila Alexandrovna***

The paper discusses the problem of relations between creative imagination and psychological characteristics of specialists in the sphere of art. The paper also describes the methodology and procedure of the empirical study of the individual psychological characteristics of specialists in the sphere of art with a high level of productivity of creative imagination. The study involved 240 respondents: specialists in the sphere of art (artists, actors) and specialists not working in the field of art. The procedure of research included the determination of the level of the productivity of creative imagination and psychological testing.

When determining the level of the productivity of creative imagination, the authors applied the expert evaluation of art works; the respondents made these art works in the monotypy technique. As a result, all the participants of the study were divided into subgroups of high and low productivity within their professional groups.

For psychological testing the authors used the personality inventory FPI, questionnaire for evaluating volitional self-control (A. G. Zverkov and E. V. Eydman), "Choose a side" test (E. Torrance), "Incomplete figures" subtest (E. Torrance), and method of paired comparisons (V. V. Skvortsov). For statistical evaluation the authors carried out a comparative analysis using Student's *t*-test. Statistica 13.0 software was used.

The analysis of the obtained data demonstrated the individual psychological characteristics of the specialists of the sphere of art – artists and actors – with a high level of the productivity of creative imagination. The representatives of the sphere of art with a high level of the productivity of creative imagination had a high level of neurosis, irritability, and emotional lability. High scores on scales of shyness, depression, introversion, low level of volitional self-regulation were distinctive characteristics of artists with a high level of the productivity of creative imagination. Right-brained and mixed types of thinking dominated in them; the level of non-verbal creativity was high; elaboration had the highest score; self-actualization and respect were the main needs. Actors with a high level of the productivity of creative imagination had a reliably higher score on the scale of balance; the mixed type of thinking was the dominant type; the level of non-verbal creativity was average; the need for self-realization had the highest score.

Keywords: artists, actors, sphere of art, creative imagination, monotypy, volitional control, type of thinking, creativity, productivity, needs.

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Kara Zh. lu., Moskalenko A. E. *Sotsial'naiia reklama dlia detei* [Social advertising for children]. Moscow, CREDO Publ., 2015. 84 p.
2. Bogoiavlenskaia D. B., Bogoiavlenskaia M. E. *Odarennost': priroda i diagnostika* [Giftedness: nature and diagnostics]. Moscow, Center for Scientific and Practical Developments and Expertise in the Field of Education Publ., 2013. 208 p.
3. Bogoiavlenskaia D. B., Bogoiavlenskaia M. E. Osobennosti razvitiia lichnosti s garmonichnym i disgarmonichnym tipami odarennosti [Features of the development of persons with harmonious and disharmonious types of giftedness]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, V. 5, no. 4, pp. 11–21.
4. Dikaia L. A., Dikii I. S. *Tvorcheskii mozg* [The creative brain]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2015. 218 p.
5. Dikaia L. A., Karpova V. V. Vliianie professional'noi khudozhestvennoi podgotovki na osobennosti formirovaniia funktsional'nykh svyazei kory golovnogogo mozga pri vypolnenii obraznoi tvorcheskoi deiatel'nosti [The influence of professional artistic training on the features of formation of functional relations of the

- brain cortex of when performing imaginative creative activity]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2014, V. 11, no. 4, pp. 80–91.
6. Dikii I. S. *Osobennosti funktsional'noi organizatsii kory golovnogo mozga u odarennykh uchashchikhsia razlichnykh vozrastnykh grupp pri vypolnenii kognitivnoi deiatel'nosti* [Features of the functional organization of the brain cortex in gifted students of various age groups when performing cognitive activity]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2014, pp. 260–265.
 7. Karpova V. V., Dikaia L. A. *Elektrofiziologicheskie pokazateli obraznoi tvorcheskoi deiatel'nosti u khudozhnikov* [Electrophysiological indices of imaginative creative activity in artists]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2015, no. 13/2, pp. 29–34.
 8. Melik-Pashaev A. A., Novlianskaia Z. N., Adaskina A. A., Chubuk N. F. *Psikhologiya odarennosti: khudozhestvennaia odarennost'* [The psychology of giftedness: artistic giftedness]. Moscow, Moscow Institute of Open Education Publ., 2005. 128 p.
 9. Novikova N. A. *Tvorcheskoe voobrazhenie kak perspektiva razvitiia lichnosti* [Creative imagination as a prospect of personal development]. *Pedagogika iskusstva – Pedagogy of Art*, 2007, no. 1, pp. 10–17.
 10. Pavlova E. V. *Psikhologicheskie i khudozhestvennye osobennosti kartiny mira u studentov-khudozhnikov i studentov drugikh spetsial'nostei* [Psychological and artistic features of the world picture in artists-students and students of other specialties]. *Molodoi uchenyi – Young Scientist*, 2014, no. 2, pp. 689–693.
 11. Petukhov V. V. *Voobrazhenie i poznanie* [Imagination and cognition]. *Modeli mira – The World Models*, Moscow, 1997, pp. 27–35.
 12. Rozhdestvenskaia N. V. *Tvorcheskaya odarennost' i svoistva lichnosti (eksperimental'noe issledovanie akterskoi odarennosti)* [Creative giftedness and personality traits (the experimental study of the actor's giftedness)]. *Psikhologiya protsessov khudozhestvennogo tvorchestva – Psychology of Processes of Artistic Creativity*, Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 57–67.
 13. Rozhdestvenskaia N. V., Tolshin A. V. *Kreativnost': puti razvitiia i treningi* [Creativity: ways of development and trainings]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 320 p.
 14. Tunik E. E. *Diagnostika kreativnosti. Test E. Torrensa* [Diagnostics of creativity. E. Torrance test]. St. Petersburg, 2006, pp. 121–158.
 15. Shragina L. I. *Problema psikhologicheskoi prirody voobrazheniia* [The problem of the psychological nature of imagination]. *Visnik Odes'kogo Natsional'nogo Universitetu – Odessa National University Bulletin*, 2010, V. 15, no. 11, Part 2. Psychology, pp. 156–164.

16. Babenko V., Yavna D. Participation of the hemispheres in detection of 1st- and 2nd-order visual stimuli // International Journal of Psychology, 2012, V. 47, P. 145.
17. Dikiy I. S., Dikaya L. A., Karpova V. V. Inter- and intrahemispheric functional organization of brain cortex in artists during creative process // International Journal of Psychophysiology, 2014, V. 94, Issue 2, P. 161. doi:10.1016/j.ijpsycho.2014.08.706
18. Feist G. J. Affect in artistic and scientific creativity // Affect, creative experience and psychological adjustment. Philadelphia, Taylor & Francis, 1999, pp. 93–108.
19. Sobkin V. S. et al. Specific Features of Personality Changes Among Theatre College Students During the First Year, 2014, 12, pp. 2099–2109.
20. Vorobyeva E., Talalaeva L., Pomazkova N. et al. Age Dynamics of Verbal Creativity at Pupils of Multidisciplinary Institution of Additional Education // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2014, V. 146, pp. 483–486. doi:10.1016/j.sbspro.2014.08.159

FEATURES OF PHYSICIANS' SELF-CONCEPT IN CONNECTION WITH THE SENSE-CREATING MOTIVES OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY

***Obukhova Iuliia Vladimirovna
Obukhova Svetlana Georgievna***

The paper concentrates on cognitive, emotional-evaluative, and behavioral components of self-concept, as well as on physicians' sense-creating motives of their professional activity. The authors reviewed recent psychological research on this issue and presented the results of a study conducted in medical centers in Rostov-on-Don.

The theoretical review showed the specificity of cognitive, emotional-evaluative, and behavioral components of physicians' self-concept at the stage of vocational education, as well as throughout the whole professional life. The authors describe preferences in choosing an empirical object in various researches. Most often, these studies involved medical students and pharmacy students. The research novelty was to study features of all the three components of self-concept in connection with sense-creating motives of professional activity of physicians of medical centers. By results of the study, male and female physicians showed differences in scores on the significantly preferred categories which were reflected in their self-concept. The category of "Abilities" was a significantly preferred category in the male sample, while female physicians preferred "Personal qualities". Harmonious self-concept, self-vision

in various connections and relations of reality, and subjectivity of self-evaluation were characteristic for the respondents. The structure of self-concept components depended on the sexual differentiation of physicians. The structuredness of the cognitive component of self-concept was high in male respondents. The structuredness of the emotional-evaluative component was average in them; the behavioral component was low. The structuredness of the cognitive component of self-concept was average in female respondents. They had high structuredness of the emotional-evaluative and behavioral components of self-concept.

Male and female respondents had different types of interrelation between the cognitive and emotional-evaluative components of self-concept and sense-creative motives of earning money. The study showed that only male respondents had the interrelation between the emotional and evaluative component of self-concept and sense-creating motives of team relationships. Both men and women had features of self-concept and sense-creating motives of professional activity that required psychocorrection.

Keywords: self-concept, components, cognitive component, emotional-evaluative component, behavioral component, sense-creating motives, professional activity, money, collective, physicians.

References

1. Bastrakova E. G. *Professional'noe stanovlenie lichnosti meditsinskogo rabotnika srednego zvena: na primere meditsinskoj sestry. Diss. kand. psikh. nauk* [The professional development of medical workers of an average link: on the example of nurses. Cand. psych. sci. diss]. Kaluga, 2003.
2. Bokhan T. G., Alekseeva L. F., Shabalovskaia M. V., Moreva S. A. Professional'naia identichnost' v strukture individual'noi i sotsial'noi identichnosti studentov-medikov [Professional identity in the structure of medical students' individual and social identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2013, no. 375, pp. 135–140.
3. Gartfel'der D. V., Nikolaev E. L. Otsenka udovletvorennosti obrazom sobstvennogo tela u vrachei i studentov stomatologicheskogo profilia [Evaluating satisfaction with body image in stomatologists and stomatology students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia – Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 4.
4. Grushevskaja E. V. *Lichnostno-orientirovannyi podkhod v professional'noi podgotovke studentov vysshikh meditsinskikh uchebnykh zavedenii. Diss. kand. ped. nauk* [The person-oriented approach in the professional training of students of medical institutes of higher education. Cand. ped. sci. diss]. Yaroslavl, 2008.
5. Denisova O. V. *Stanovlenie professional'noi identichnosti studenta-medika*

- v obrazovatel'nom protsesse v vuze. Diss. kand. ped. nauk* [The formation of medical students' professional identity in the educational process in the institute of higher education. Cand. ped. sci. diss]. Ekaterinburg, 2008.
6. Derevtsova S. N. *Formirovanie professional'nykh umenii budushchikh provizorov v protsesse izucheniia fiziki na osnove mezhpredmetnoi integratsii. Diss. kand. ped. nauk* [The formation of professional skills of future pharmacists in the process of studying physics on the basis of interdisciplinary integration. Cand. ped. sci. diss]. Kaluga, 2010.
 7. Esenkova N. Iu. *Vzaimosviaz' uchebnoi motivatsii i professional'noi napravlenosti vracha na etape obucheniia v vuze. Diss. kand. psikh. nauk* [The interrelation between academic motivation and professional orientation of the physician at the stage of education in the institute of higher education. Cand. psych. sci. diss]. Kursk, 2010.
 8. Zaitseva V. M. *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti studentov i motivy v vybore vrachebnoi spetsial'nosti: na materiale meditsinskogo vuza. Diss. kand. psikh. nauk* [Individual and psychological characteristics of students' personality and motives in choosing a medical specialty. Cand. psych. sci. diss]. Moscow, 2004.
 9. Kovelina T. A., Bozhen'kina S. A. *Psikhologicheskie aspekty razvitiia professional'nogo samosoznaniia budushchikh vrachei kak uslovie realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v meditsinskom obrazovanii* [Psychological aspects of the development of future physicians' professional identity as a condition of realization of the competence approach in medical education]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia – International Journal of Experimental Education*, 2012, no. 4–2, pp. 101–103.
 10. Kokurina I. G. *Metodika "Slovar" // Psikhologiya obshcheniia: Entsiklopedicheskii slovar'* [The "Dictionary" technique. The psychology of communication: encyclopedic dictionary]. Moscow, 2011, P. 478.
 11. Matveeva L. G. *Stanovlenie professional'nogo samosoznaniia klinicheskikh psikhologov. Diss. kand. psikh. nauk* [The formation of professional self-consciousness in clinical psychologists. Cand. psych. sci. diss]. Chelyabinsk, 2004. 217 p.
 12. Meshkov N. I. *Motivatsiia uchebnoi deiatel'nosti studentov* [Academic motivation in students]. Saransk, Mordovian State University Publ., 1995. 184 p.
 13. Mironova T. L. *Retrospektivnyi la-obraz vracha-khirusga* [Retrospective self-image of the surgeon]. *Vestnik Buriatskogo universiteta: Ser. 10: Psikhologiya – Bulletin of Buryat State University, Ser. 10, Psychology*, 2005, V. 2, pp. 33–68.
 14. Mironova T. L. *Struktura aktual'nogo la-obraza u vracha-khirusga kak sub'ekta*

- professional'noi deiatel'nosti [The structure of the self-image of the surgeon as a subject of professional activity]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*, V. 5, Psychology, Social work, 2009, pp. 153–165.
15. Obukhova Iu. V. Vzaimosviaz' mezhdou osobennostiami intellekta i so-dержaniem, kharakteristikami la-kontseptsii u studentov-medikov [The relationship between the characteristics of intelligence and the content, characteristics of self-concept in medical students]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Cherepovets State University*, 2013, V. 3, no. 4 (53), pp. 129–133.
 16. Obukhova Iu. V. *Osobennosti la-kontseptsii i vidov intellekta studentov sotsio-i nesotsionomicheskogo tipov professii. Diss. kand. psikh. nauk* [Characteristics of self-concept and intelligence types in students of social and nonsocial professions: author. Cand. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2014.
 17. P'iankova G. S. *Lichnostnaia i professional'naia refleksiia. Psikhologicheskii praktikum* [Personal and professional reflection]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 2012. 125 p.
 18. Reys A. G. *Psikhologicheskie usloviia lichnostnogo i professional'nogo stanovleniia spetsialista v oblasti farmatsii. Diss. kand. psikh. nauk* [Psychological conditions of personal and professional formation of a specialist in the field of pharmacy. Cand. psych. sci. diss.]. Pyatigorsk, 2010. 280 p.
 19. Rumiantseva T. V. *Transformatsiia identichnosti studentov meditsinskogo vuza v meniaiushchikhsia sotsial'nykh usloviakh. Diss. kand. psikh. nauk* [The transformation of medical students' identity in changing social conditions. Cand. psych. sci. diss.]. Yaroslavl, 2005. 219 p.
 20. Somova I. A. *Potrebnostno-motivatsionnye kharakteristiki professional'nogo obshcheniia vracha obshchei praktiki. Diss. kand. psikh. nauk* [Characteristics of the sphere of motives and needs in professional communication of the general practitioner. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 1995.
 21. Surat L. I. Problemy samosoznaniia predstavitelei meditsinskikh professii [Problems of self-consciousness in representatives of health professionals]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera – Collections of Conferences of Sotsiosfera Research Center*, 2013, no. 21, pp. 28–37.
 22. Tatarnikov M. A. Trudovaia motivatsiia meditsinskikh rabotnikov [Labor motivation of health-care workers]. *GlavVrach – Head Physician*, 2007, no. 5, pp. 46–55.
 23. Shurupova R. V. *Kontseptsiiia formirovaniia i realizatsii sotsial'noi roli vrachepedagoga v otechestvennoi meditsine. Diss. dokt. sots. nauk* [The concept of formation and implementation of the physician-teacher's social role in domestic medicine. Dr. ped. soc. diss.]. Volgograd, 2011.

24. Ias'ko B. A., Kazarin B. V. Sootnoshenie "ideal'nogo" i "real'nogo" obraza la vracha-rukovoditelja: psikhologicheskii analiz s pozitsii kompetentnostnogo podkhoda [The relationship between ideal self and real self of the physician-administrator: a psychological analysis by means of the competence approach]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravlenie – Man. Society. Management*, 2013, no. 3, pp. 54–64.
25. Yasko B. A., Kazarin B. V., Rimmavi M. H. Basics of administrative competence of a doctor-head as a subject in a post graduate education system // *International Journal of Experimental Education*, 2011, no. 1, pp. 15–17.
26. Yasko B. A., Kazarin B. V., Rimmavi M. H. Methods of self-management in post-graduate education of health care managers // *International Journal of Experimental Education*, 2011, no. 1, pp. 18–20.

THE INFLUENCE OF THE OBJECT OF EDUCATIONAL ACTIVITY ON CHANGES IN THE TEACHER'S PERSONAL AND PROFESSIONAL CHARACTERISTICS: A DESTRUCTIVE ASPECT

**Zheldochenko Liudmila Dmitrievna
Rogov Evgenii Ivanovich**

In the paper the focus of attention is on the features of changes in professional and personal characteristics of teachers of comprehensive schools and orphan asylums. In accordance with the author's concept of professionalization, the article considers changes in professional and personal characteristics in three directions. The authors define these three vectors as the following: psychological characteristics of the subject; features of professional activity; features of the object of activity and interaction with it. To identify various behaviors of subjects that have a negative impact on personality development in school teachers and teachers of orphan asylums the authors used the following standard methods: the test-questionnaire of self-attitude (V. V. Stolin), "Sense-of-Life orientations" test (D. A. Leontiev), "Job Satisfaction" test (V. A. Rozanova), technique for diagnostics of the level of emotional burnout (V. V. Boyko), Strategic Approach to Coping Scale (SACS) by S. Hobfoll, technique of general communicative tolerance (V. V. Boyko), Bass-Darky questionnaire for estimating the level of aggression.

The data obtained suggest that the teachers of orphan asylums had differences in the destructive changes of personal and professional characteristics in comparison with school teachers. When explaining such differences, the authors emphasize the very nature of professional activity of teachers of orphan asylums, their interaction with a psychologically complicated object of labor. The destructive changes took place

in all three dimensions of professionalization. The teachers of orphan asylums scored lower on measures of self-attitude and life sensemaking as psychological characteristics of a personal-sense component of the destructive changes in professional development. Psychological characteristics of an individual-activity component of the professional development of the teachers of orphan asylums manifested themselves in extreme dissatisfaction with their own work, its conditions, organization, opportunities for career growth, as well as in the financial aspect.

The findings of the study also showed that the emotional burnout syndrome was more prominent in the teachers of orphan asylums; more often they behave antisocially in a stressful situation. The study demonstrated a communicative component of the destructive changes of the professional development of the teachers of orphan asylums in a high intolerance and prominent aggressive reactions (mainly verbal aggression).

Keywords: professionalization, professional activity, professional stress, professional deformation, emotional burnout, pedagogical aggression, pedagogical activity, deformation of personality, deformation of activity, deformation of interaction.

References

1. Abakumova I. V. *Tolerantnost' i lichnostnyi smysl kak sopriazhennye kharakteristiki obrazovatel'nogo protsessa* [Tolerance and personal sense as associated characteristics of the educational process]. Rostov-on-Don, 2002, pp. 98–103.
2. Granovskaia P. M. *Tvorchestvo i preodolenie stereotipov* [Creativity and overcoming stereotypes]. St. Petersburg, 1994. 179 p.
3. Druzhilov S. A. *Kontseptual'naia model' professional'noi deiatel'nosti kak psikhologicheskaiia determinanta professionalizma* [The conceptual model of professional activity as a psychological determinant of professionalism]. *Psikhologicheskie issledovaniia – Psychological Research*, 2013, V. 6, no. 29, P. 4.
4. Zheldochenko L. D. *Psikhologicheskie osobennosti professional'noi deformatsii pedagoga sotsial'nogo priiuta. Diss. kand. psikh. nauk* [Psychological characteristics of the professional deformation in the teacher of orphan asylums. Cand. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2015. 169 p.
5. Zheldochenko L. D., Rogov E. I. *Professional'nye deformatsii v pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Professional deformations in teaching]. Moscow, Southern Federal University Publ., 2015. 248 p.
6. Zeer E. F., Symaniuk E. E. *Psikhologiiia professional'nykh destrukttsii* [The psychology of professional destructions]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 240 p.
7. Kozlova A. B. *Psikhologicheskie osobennosti professional'nykh deformatsii prepodavatel'ia vysshei shkoly. Diss. kand. psikh. nauk* [Psychological features of professional deformations of higher school teachers. Diss. kand. psikh. nauk].

- of professional deformations in teachers of the higher school. Cand. psych. sci. diss]. Moscow, 2006. 120 p.
8. Kuz'mina N. V., Rean A. A. *Professionalizm pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Professionalism of teaching]. St. Petersburg, 1993. 263 p.
 9. Maiorova T. E. *Formirovanie konfliktnoi kompetentnosti pedagogov, imeiushchikh professional'nyu deformatsiiu. Diss. kand. psikh. nauk* [Forming the conflict competence in teachers with professional deformations. Cand. psych. sci. diss]. St. Petersburg, 2010. 223 p.
 10. Markova A. K. *Psikhologiya truda uchitelia* [The psychology of the teacher's labor]. Moscow, 1994. 308 p.
 11. Rogov E. I. *Psikhologiya stanovleniia professionalizma* [The psychology of the development of professionalism]. Rostov-on-Don, Education Support Fund Publ., 2014. 360 p.
 12. Troitskaia N. B. *Pedagogicheskaiia podderzhka podrostkov v usloviakh priiuta. Diss. kand. ped. nauk* [Pedagogical support of teenagers in orphan asylums. Cand. ped. sci. diss]. Moscow, 2009. 174 p.
 13. Firsov M. V. *Psikhologiya sotsial'noi raboty: sodержanie i metody psikhosotsial'noi praktiki* [The psychology of social work: content and methods of psychosocial practice]. Moscow, Iurait Publ., 2013. 419 p.
 14. Iakunin V. A. *Obuchenie kak protsess upravleniia: psikhologicheskie aspekty* [Education as a process of management: psychological aspects]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1988. 160 p.
 15. Abakumova I. V., Yermakov P. N. On development of a tolerant personality in multicultural education // *Questions of Psychology*, 2003, Issue 3, pp. 78–82.
 16. Bonner D. L. Do individual differences matter? Individual differences and teachers' perceptions of physical and social aggression. Richardson: The University of Texas at Dallas Publ., 2010, 129 p.
 17. Buhler Ch. Basic Theoretical conceptions of Humanistic Psychology // *American Psychol.*, 1971, V. 26, no. 4. – pp. 378–386.
 18. Chang M.-L. Teacher emotion management in the classroom: Appraisal, regulation, and coping. Columbus, The Ohio State University, 2009, 140 p.
 19. Doherty E. N. Self-efficacy and relational aggression: An examination of general and special education teachers: Dissertation. San Diego, Alliant International University Publ., 2009, 161 p.
 20. Holland J. L. *Haking vocational choice // A theory of careers*. N. Y., 1973.
 21. Rogov E. I., Rogova E. E. Professional Ideas as Factor of Attitude towards Performed Activity // *Asian Social Science*, 2015, V. 11, no. 8, pp. 233–242.
 22. Super D. A. Life-span, life-space approach to career development // *Journal of Vocational Behavior*, 1980, V. 16, pp. 282–298.

CRITERIA AND METHODS OF THE EVALUATION OF THE STUDENT'S MUSICAL-CREATIVE DEVELOPMENT AT THE STAGE OF HIGHER EDUCATION

Cheremisova (Kuryшева) Irina Valer'ianovna

Since the graduate should have a number of professional competencies, as well as a high level of general culture, intelligence, creativity, and spirituality, the development of criteria and methods of the evaluation of the student's musical-creative development in the educational process of the university is of particular relevance. The authors assert that the use of the developing potentials of music is situational and fragmented in the domestic system of higher education. Regardless of the traditions of pre-revolutionary education in Russia, mass music education ends in adolescence.

According to the authors the secondary musical personality of the future specialist is the result of the continuing mass musical education of the person. The theoretical analysis of researches in this field showed that various scientists noted vast possibilities of music when developing value guidelines in youth, finding the meaning of life and professional activity, for creative self-actualization, self-discovery, and spiritual communion. At the same time, the diagnostics of the musical and creative development of personality in psycho-pedagogical science remains a challenge by virtue of the complexity and many-sided nature of these phenomena. This problem is especially urgent when evaluating the effectiveness of programs of psychological support of the creative development of the student's personality. This paper introduces the author's aesthetic-semiotic approach to studying this issue. To evaluate changes in student's personality in experimental study, the authors developed criteria, characteristics, and corresponding levels of the development of the secondary musical personality.

Keywords: *higher education, music education, creative development, musical art, intelligence, criteria, level of musicality, diagnostics of creativity, diagnostics of musicality, musical personality.*

References

1. Zinchenko Iu. P. *Novye vozmozhnosti vysshego psikhologicheskogo obrazovaniia* [New possibilities of higher psychological education]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2010, no. 1 (3), pp. 86–89.
2. Kirnarskaia D. K. *Teoreticheskie osnovy i metody otsenki muzykal'noi odarennosti. Diss. dokt. ped. nauk* [Theoretical foundations and methods for evaluating of musical aptitude. Dr. ped. sci. diss]. Moscow, 2006. 373 p.
3. Kuryшева I. V. *Muzykal'no-tvorcheskoe razvitie lichnosti: estetiko-semioticheskii podkhod* [Musical and creative development of the person:

- the aesthetic-semiotic approach]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia – The World of Science, Culture, and Education*, 2011, no. 3 (28), pp. 93–98.
4. Kurysheva I. V. *Psikhologicheskie osnovy muzykal'no-tvorcheskogo razvitiia lichnosti v obrazovatel'nom protsesse. Diss. dokt. psikh. nauk* [Psychological bases of the musical and creative development of personality in the educational process. Dr. psych. sci. diss.]. N. Novgorod, 2011.
 5. Kyshtymova I. M. *Psikhosemioticheskaia metodika diagnostiki verbal'noi kreativnosti* [The psycosemiotic technique for evaluating verbal creativity]. *Psikhologicheskii zhurnal RAN – Psychological Journal of the Russian Academy of Science*, 2008, V. 29, no. 6, pp. 57–67.
 6. Ponomarenko V. A. *Psikhologiiia dukhovnosti professionala* [The psychology of spirituality of the professional]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 162 p.
 7. Reznichenko M. G. *Formirovanie vospitatel'nogo prostranstva vuza: kriterii effektivnosti* [The formation of the educational space of the institute of higher education: criteria of efficiency]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka – Pedagogical Education and Science*, 2009, no. 8, pp. 32–42.
 8. Ryzhov V. V. *Lichnost': tvorchestvo i dukhovnost'* [Personality, creativity, and spirituality]. St. Petersburg, St. Petersburg Christian University Publ., 2012. 489 p.
 9. Toropova A. V. *Fenomen muzykal'nogo soznaniia: metodologiiia issledovaniia i razvitiia. Diss. dokt. ped. nauk* [The phenomenon of musical consciousness: the methodology of research and development. Dr. ped. sci. Diss.]. Moscow, 2009.
 10. Toropova A. V. *Homo-musicus v zerkale muzykal'no-psikhologicheskoi i muzykal'no-pedagogicheskoi antropologii* [Homo-musicus in the mirror of music-psychological and music-pedagogical anthropology]. Moscow, GRAF-PRESS Publ., 2008. 288 p.
 11. Fadeeva S. A. *Preemstvennost' v muzykal'no-esteticheskom obrazovanii: problemy, puti resheniia* [Continuity in musical-aesthetic education: problems and solutions]. *Materialy vseros. nauch.-prakt. seminara "Aktual'nye voprosy podgotovki spetsialista v kontekste sovremennykh preobrazovaniia"* [Proc. the All-Russian Scientific and Practical Seminar "Urgent problems of training of specialists in the context of modern transformations"]. Orel, 2006, pp. 208–209.
 12. Figurovskaia V. M. *Elitarnoe obrazovanie: nauchnoe sodержanie i teoreticheskoe obosnovanie problemy* [Elite education: the scientific content and theoretical grounds of the problem]. *Problemy obrazovaniia – Problems of Education*, Novosibirsk, Novosibirsk State Academy of Economics and Management Publ., 1997, pp. 9–12.
 13. Burton J., Horowitz R., Abeles H. *Leaning In and Through the Arts*. N. Y., Columbia University, 2008.

14. Ekvall G., Britz A. Perceptions of the best and worst climates for creativity: preliminary validation evidence for Situational Outlook Questionnaire // *Creativity Research Journal*, 2001, V. 13, no. 2, pp. 171–184.
15. Eysenck H. J. Creativity and personality: A theoretical perspective // *Psychology Inquiry*, 1993, V. 4, pp. 147–178.
16. Guilford J. P. *Measurement of creativity. Exploration in creativity*. N. Y., Mc-Gaw Hill, 1967.
17. James K., Asmus Ch. Personality, cognitive skills and creativity in different life domains // *Creativity Research Journal*, 2000, V. 2, pp. 149–159.
18. Kuryшева I. V. Fundamental psychophysiology of music therapy of neurological diseases // *International Journal of Psychophysiology*, 2008, 69 (3), P. 302.
19. Seashore C. E. *Psychology of Music*. N. Y., Gemünder, 1990.
20. Sternberg R. J. A three-facet model of Creativity // *The nature of creativity*. – Cambridge, 1998, pp. 53–92.
21. Torrance E. P. The nature of creativity as manifest in the testing // Sternberg R. *The nature of creativity*. Cambridge, 1988, pp. 43–75.
22. Vorobyeva E., Ermakov P. Training of psychology students in the scientific methods of research // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, V. 191, pp. 2699–2703.
23. Vorobyeva E., Talalaeva L., Pomazkova N., Sokurenko A., Samoilova N. Age dynamics of verbal creativity at pupils of multidisciplinary institution of additional education // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, V. 146, pp. 483–486.

FEATURES OF LEADING VALUES AND THEIR INTERRELATION WITH INTERNALITY IN YOUTH AND MATURITY

Afanasenko Inna Vladimirovna

The main concern of the paper is to study to the leading values and their interrelation with internality in young and mature persons. The author focused attention on recent psychological research in this field. The empirical study involved 80 respondents: 40 persons at the age from 19 to 24 (students of various specialties of Rostov-on-Don), 40 persons at the age from 40 to 45 (persons with higher education, representatives of various professions in the city of Rostov-on-Don). This article considers the prevailing ultimate values, features of the structure of individual religiosity and characteristics of internality in the groups of young and mature respondents.

The dominance of the value of prosperity was a characteristic feature for the young respondents. The spheres of social life and hobbies were dominant life spheres where the young respondents mainly actualized their values. The spheres of life were not differentiated in the group of adults, which indicates the individual peculiarity of their distribution in the respondents of this age group. The adult males scored high on measures of faith in the Creator, which is associated with internal locus of control.

The overall index of internality in students related to the philosophical perception of religion, development of their religious identity, observance of religious rituals, and recognition of religion as a model of moral norms. The mature persons who had a hobby and aspired to preserve their individuality scored higher on measures of the same characteristic (internality). In this group of respondents the index of internality related to faith in the Creator and in phenomena beyond scientific explanation. The results of the study suggest possible applications in psychological consulting on the problems of value and religious self-determination.

Keywords: *ultimate values, value guidelines, life spheres, individual religiosity, faith in the Creator, internality, externality, youth, maturity.*

References

1. Afanasenko I. V., Tashcheva A. I., Gabdulina L. I. Tsennostnye orientatsii v svyazi s sotsial'noi frustrirovannost'iu obuchaiushchikhsia i rabotaiushchikh molodykh muzhchin i zhenshchin [Value guidelines and social frustrativeness in young male and female students and workers]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 4, pp. 172–183.
2. Bezdukhov V. P., Zhirnova T. V. *Nravstvenno-tsennostnaia sfera soznaniia studenta: diagnostika i formirovanie* [The moral-value sphere of the student's consciousness: diagnostics and formation]. Moscow, Moscow Psychological-Social Institute Publ., 2008. 201 p.
3. Bezumova L. G. Sootnoshenie tsennostei i potrebnostei v smyslovoi sfere lichnosti studenta [The correlation between values and needs in the student's sense sphere]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 2007, no. 2, pp. 29–36.
4. Bogdanovskaia I. M. Religiozniy opyt lichnosti kak fenomen psikhologicheskogo issledovaniia [The religious experience of the person as the phenomenon of psychological research]. *Materialy Pokrovskikh pedagogicheskikh chtenii "Dialog otechestvennykh svetskoi i tserkovnoi obrazovatel'nykh traditsii"* [Proc. the Pokrovsky Pedagogical Readings "The dialogue of secular and ecclesiastical educational traditions in our country"]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2001, pp. 130–133.

5. Bokova O. A. K voprosu o teoreticheskikh osnovakh izucheniia psikhologicheskikh fenomenov otvetstvennosti i lokusa kontroliia [Toward the problem of theoretical foundations of studying of the psychological phenomena of responsibility and locus of control]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia – The World of Science, Culture, and Education*, 2014, no. 5, pp. 181–182.
6. Buravleva N. A. Tsennostnye orientatsii studentov [Value guidelines of students]. *Vestnik TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2011, no. 6 (108), pp. 124–129.
7. Dumnova E. M. Molodezh' megapolisa: sotsial'noe neravenstvo i tsennosti [Young people of a metropolis: social inequality and values]. *Vestnik TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2012, no. 6 (121), pp. 54–58.
8. Erokhin D. O. Kharakter vzaimodeistviia auditorii s informatsionnoi sredoi i formirovanie tsennostnykh orientatsii [The type of interaction of an audience with the information environment and the formation of value guidelines]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia) – The University Bulletin (State University of Management)*, 2010, no. 7, pp. 43–46.
9. Zhuravleva N. A. *Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v rossiiskom obshchestve* [The dynamics of the person's value guidelines in Russian society]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2006. 335 p.
10. Kuznetsova E. G. Lichnostnye tsennosti: poniatie, podkhody k klassifikatsii [Personal values: concept, approaches to classification]. *Vestnik OGU – Orenburg State University Bulletin*, 2010, no. 10 (116), pp. 20–24.
11. Lad'ina V. V. *Tsennostno-professional'nye orientatsii studentov tekhnicheskikh vuzov. Diss. kand. psikh. nauk* [Value and professional guidelines in students of technical universities. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 2012.
12. Nadtochii I. O. Transsendentnoe kak sushchnost' religioznogo [The transcendental as the essence of the religious]. *Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Filosofii. Sotsiologii. Pravo – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Right*, 2010, V. 14, no. 13, pp. 264–269.
13. Pavlyk N. V. Dukhovnaia lichnostnaia napravlennost' kak faktor garmonizatsii kharaktera v iunosheskom vozraste [Spiritual orientation of the person as a factor of character harmonization in adolescence]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2015, no. 1 (17), pp. 88–95.
14. Treshchev A. M., Sergeeva O. A. Psikhologo-pedagogicheskie usloviia formirovaniia tsennostnykh orientatsii grazhdansko-patrioticheskoi napravlennosti u studentov-sportsmenov [Psycho-pedagogical conditions of forming civil and patriotic value guidelines in students-sportsmen]. *Vestnik*

- TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2013, no. 1 (129), pp. 25–31.
15. Fedosova I. V. Problema tsennostnykh orientatsii v nauchnoi literature [The problem of value guidelines in scientific literature]. *Tsennosti i smysly – Values and Senses*, 2009, no. 2, pp. 75–92.
 16. Cherkasova A. A. *Zhiznennyye tsennosti studentcheskoi molodezhi v Rossii i SShA: sotsiologicheskii analiz. Diss. kand. sots. nauk* [Life values of students in Russia and the United States: a sociological analysis. Cand. soc. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012.
 17. Shchankina E. V. Sub"ektno-tsennostnyi podkhod k formirovaniu nrvstvennykh idealov studentov kolledzha [A subject-value approach to the formation of college students' moral ideals]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science*, 2015, V. 17, no. 1 (3), pp. 615–619.
 18. Ianitskii M. S. *Diagnostika urovnia razvitiia tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti* [Diagnostics of the development of the person's sense-value sphere]. Novokuznetsk, Institute of Advanced Training Publ., 2010. 102 p.
 19. Perry R. B. *The Realms of Value* [Based on Gifford Lectures]. Cambridge, Harvard University Press, 1954.
 20. Schoemaker P., Tetlock P. E. Taboo scenarios: How to think about the unthinkable // *California Management Review*, 2011, no. 54 (2), pp. 5–24.
 21. Schwartz S. H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // *Measuring attitudes cross-nationally – lessons from the European Social Survey*. Ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald & G. Eva. London, Sage Publ., 2006.
 22. Tetlock P. E. Thinking about the unthinkable: Coping with secular encroachments on sacred values // *Trends in Cognitive Science*, 2003, no. 7, pp. 320–324.

DECISION-MAKING PROCESSES IN THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF ACTIVITY

Karpov Anatolii Viktorovich
Karpov Aleksandr Anatol'evich

The paper brings forward new mechanisms of the determination influence of the decision-making processes on the characteristics of the process and result of professional activity. The authors demonstrated two main types of this influence: direct and indirect. They also introduced and described a fundamentally new phenomenon of eliminating

behavior of the subject in decision-making situations. According to the classification of the main forms of eliminative behavior they fall into three main groups: adequate, inadequate, and situational-relative. The paper interprets two new functions of decision-making processes in the organization of activity: structure-forming and generative. The essence of the structure-forming function is that decision-making processes with a negative subjective valence determine the preference of activity strategies that minimize their functional role in the organization of activity. The essence of the generative function consists in the formation of the repertoire of reproductive ways of overcoming uncertainty, thus improving the reliability of the whole activity and minimizing subjective expenditures for its implementation.

The authors formulated a new methodological approach to studying decision-making processes. Instead of the traditional methodology of decision theory, which studies these processes directly, the new approach considers them indirectly. These processes are mediated by activity. It is necessary to interpret and study them as operating means which are formed and implemented "in" and "for" activity, as its natural and essential operational means. Hence, they find their concrete-system being, true and unchanged by "research procedures" form, and extensive content only in activity. This approach corresponds to the fact which in the system methodology is considered as the change of prisms of vision (from "object-focused" to "system-focused").

The authors conclude that the essence of the phenomenon of eliminative behavior consists in the purposeful minimization of the presence of decision-making processes in the structure of activity, as well as in improving its reliability.

Keywords: decision-making, activity, structure of activity, elimination, structure-forming function, quality of decisions, efficiency of activity, deterministic method, reproductive method, subject of decisions.

References

1. Bodrov V. A. *Psikhologiya professional'noi deiatel'nosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy* [The psychology of professional activity: theoretical and applied problems]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2006. 300 p.
2. Zavalishina D. N. *Psikhologicheskii analiz operativnogo myshleniia*. [Psychological analysis of operational thinking]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 219 p.
3. Zarakovskii G. M. *Psikhofiziologicheskii analiz trudovoi deiatel'nosti* [Psychophysiological analysis of labour activities]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 114 p.
4. Zinchenko V. P., Gordon V. M. *Metodologicheskie problemy psikhologicheskogo analiza deiatel'nosti* [Methodological problems of the psychological analysis of activities]. *Sistemnye issledovaniia – System Research*, 1975, Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 82–127.
5. Karpov A. V. *Metasistemaia organizatsiia urovneykh struktur psikhiki* [Meta-

- system organization of level structures of psyche]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2004. 602 p.
6. Karpov A. V. *Metodologicheskie osnovy psikhologii priniatiia resheniia* [Methodological bases of the psychology of decision making]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2000. 230 p.
 7. Karpov A. V. *Obshchaia psikhologiya sub'ektivnogo vybora: struktura, protsess, genesis* [The general psychology of a subjective choice: structure, process, and genesis]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2000. 358 p.
 8. Karpov A. V. *Psikhologiya deiatel'nosti. T. 2. Strukturnaia organizatsiia* [Activity psychology. Vol. 2. The structural organization]. Moscow, Russian Academy of Science Publ., 2015. 411 p.
 9. Karpov A. V. *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deiatel'nosti* [The psychology of reflexive mechanisms of activities]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2004. 450 p.
 10. Karpov A. V. *Refleksivnaia determinatsiia deiatel'nosti i lichnosti* [Reflexive determination of activity and personality]. Moscow, Russian Academy of Science Publ., 2012. 494 p.
 11. Kozeletskii Iu. *Psikhologicheskaya teoriia reshenii* [Psychological decision theory]. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p.
 12. Kuz'min V. P. *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The principle of consistency in the theory and methodology of K. Marx]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 464 p.
 13. Konopkin O. A. *Psikhologicheskie mekhanizmy reguliatsii deiatel'nosti* [Psychological mechanisms of activity regulation]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 256 p.
 14. Leont'ev A. N. *Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 410 p.
 15. Lomov B. F. *Psikhicheskaya reguliatsiia deiatel'nosti* [Psychic activity regulation]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2006. 622 p.
 16. *Normativnye i deskriptivnye modeli priniatiia resheniia* [Normative and descriptive models of decision-making]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 410 p.
 17. Oshanin D. A. *Kontseptsiiia operativnosti otrazheniia v inzhenernoi i obshchei psikhologii* [The concept of efficiency of reflection in engineering and general psychology]. *Inzhenernaia psikhologiya: teoriia, metodologiya, praktika – Engineering Psychology: Theory, Methodology, Practice*, Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 134–149.
 18. *Psikhologicheskie osnovy professional'noi deiatel'nosti* [Psychological bases of professional activity]. Moscow, Per Se Publ., 2007. 854 p.
 19. Rubinshtein S. L. *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psycho-

- logy]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 410 p.
20. Shadrikov V. D. *Psikhologiya deiatel'nosti cheloveka* [The psychology of human activity]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science Publ., 2013. 419 p.
21. Hacker D. J. Metacognition: Definitions And Empirical Foundation // The University of Memphis // URL: <http://www.psyc.memphis.edu/trg/meta.htm>
22. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. Cambridge, CUP, 1982, 555 p.
23. Simon H. A. Administrative behavior. N. Y., 1947, 236 p.

INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF STRESS RESPONDING DURING PSYCHO-PHYSIOLOGICAL RESEARCH USING A POLYGRAPH

***Ermakov Pavel Nikolaevich
Vorobyeva Elena Viktorovna
Iatsyk Gennadii Gennad'evich***

The paper considers the influence of subjects' individual-typological differences on physiological characteristics of responding during a polygraph test.

The authors evaluated: 1) the properties of the nervous system (strength, balance, and mobility) using the method of the complex visual-motor reaction; 2) character individual differences using the test of character accentuations (K. Leonhard – G. Shmishek); 3) parameters of vegetative reactions of the subjects (the skin's electrical activity, upper and lower breathing, cardiovascular activity, and tremor) using a "POLARG-M" professional computer polygraph with "Femida" software. In the study with the use of a polygraph the authors applied the following methods: stimulus-adapting test (SAT), test of general control questions (TGCQ), and test on knowledge of the perpetrator (TKP). The study involved 30 respondents at the age from 18 to 24.

The study showed that the respondents with the highest scores of the strength of the nervous system were able to successfully pass the polygraph test. The "anxiety – emotivity" characterological complex influenced the amplitude of the positive and negative half waves in the channel of the skin's electrical activity. The study demonstrated the conceptual possibility of the differentiation of the subjects' responding caused by anxiety or the significance of a stimulus; this may help in avoiding false accusations. According to the authors, different ways of responding to stress can form individual forms of physiological reactions. Thus, the concept of individual symptom complex as a unique set of parameters of physiological reactions to subjectively significant stimuli is the most important.

Keywords: individual characteristics, polygraph, stress, emotivity, anxiety, switching, symptom complex, strength of the nervous system, character accentuations, galvanic-skin response.

References

1. Alekseev L. G. *Psikhofiziologiya "detektsii lzhi"* ["Lie detection" psychophysiology]. Moscow, 2011, pp. 30, 41, 105.
2. Varlamov V. A., Varlamov G. V. *Komp'yuternaia detektsiia lzhi* [Computer lie detection]. Krasnodar, Iligar Publ., 2010. 946 p.
3. Gonnov R. V., Liashenko V. N. Beskontaktnaia detektsiia lzhi kak vazhnyi instrument sotrudnika politsii [Contactless lie detection as an important tool of the police officer]. *Sbornik materialov VIII mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchno-metodicheskie problemy podgotovki instruktorsko-pedagogicheskikh kadrov po boevoi i fizicheskoi podgotovke dlia organov vnutrennikh del"* [Proc. the VIII Interuniversity Scientific-Practical Conference "Scientific and methodical problems of training of instructors of combat and physical training for interior bodies"]. Stavropol, 2015, pp. 7–12.
4. Dikii I. S. The influence of physiological and psychological characteristics of polygraph testing participants on the manifestation of informative signs. The center for special studies and examinations. Available at <http://www.psy-expert.ru/publ/16-1-0-47>
5. Dikii I. S. Vozmozhnosti primeneniia poligrafa i novykh al'ternativnykh metodov instrumental'noi detektsii lzhi dlia preduprezhdeniia terroristicheskikh ugroz [Applying a polygraph and new alternative methods of instrumental lie detection for preventing terrorist threats]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 5–6, pp. 63–67.
6. Dikii I. S. *Psikhofiziologicheskie osobennosti sub'ektov v usloviakh instrumental'noi detektsii skryvaemoi informatsii. Diss. kand. psikh. nauk* [Physiological characteristics of subjects in conditions of the instrumental detection of the hidden information. Cand. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 173 p.
7. Ermakov P. N., Ivanov R. S. *Organizatsionno-metodicheskie aspekty sudebno-psikhofiziologicheskoi ekspertizy s primeneniem poligrafa* [Organizational and methodological aspects of forensic psycho-physiological examination using a polygraph]. Moscow, 2015.
8. Zhukov D. A. *Stoi, kto vedet? Biologiya povedeniia cheloveka i drugikh zverei* [Wait, who's driving? The biology of behavior of man and other animals. V. 1]. Moscow, 2015. 428 p.
9. Ivanov R. S. Individual'nyi simptomokompleks kak instrument interpretatsii rezul'tatov psikhofiziologicheskogo issledovaniia s primeneniem poligrafa [Individual symptom complex as a tool for interpreting the results of the

- psychophysiological study using a polygraph]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 3 (15), pp. 90–97.
10. Ivanov R. S. Prigodnost' psikhofiziologicheskogo sostoianiia cheloveka k primeneniiu poligrafa [The suitability of the person's psychophysiological state for using a polygraph]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, no. 10/1, pp. 9–12.
 11. Il'in E. P. *Differentsial'naia psikhofiziologiia* [Differential psychophysiology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 463 p.
 12. Kuznetsov D. A., Vorob'eva E. V. K voprosu ob ispol'zovanii metoda analiza elektricheskoi aktivnosti mozga v sfere detektsii lzhi [On the problem of using the method of analysis of brain electrical activity in the sphere of lie detection]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Lichnost' v sovremennom obshchestve: sotsializatsiia, povedenie, obshchenie"* [Proc. the All-Russian Conference "The person in modern society: socialization, behavior, communication"]. Chita, 19–20 April, 2007, pp. 155–158.
 13. Mironova E. E. *Sbornik psikhologicheskikh testov. Chast' I* [Psychological tests. Part I]. Minsk, ENVILA Women's Institute Publ., 2005. 155 p.
 14. Mochagin P. V., Smetanin A. M. Detektsiia lzhi: psikhofiziologicheskoe issledovanie i osnovy informatsionnoi tekhnologii vyavleniia skryvaemoi informatsii [Lie detection: psychophysiological investigation and fundamentals of the information technology of identifying hidden information]. *Vestnik IZhGTU im. M. T. Kalashnikova – Bulletin of Izhevsk State Technical University*, 2013, P. 121.
 15. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody v psikhologii* [Mathematical methods in psychology]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2012. 392 p.
 16. Ogloblin S. I., Molchanov A. Iu. *Instrumental'naia "detektsiia lzhi"* [Instrumental "lie detection"]. Yaroslavl, Niuans Publ., 2004. 464 p.
 17. *Rukovodstvo pol'zovatel'ia UPFT-1/30 "Psikhofiziolog" / Nauchno-proizvodstvenno-konstruktorskaiia firma "Medikom MTD"* [A user guide to the device for psychophysiological testing: DPT-1/30 "Physiologist". Medicom MTD, scientific and production engineering firm]. Taganrog, 2005.
 18. Soshnikov A. P., Fedorenko V. N., Molchanov A. Iu. i dr. *Metodika po provedeniiu psikhofiziologicheskikh issledovaniis ispol'zovaniem poligrafa v kadrovoi rabote, operativno-rozysknoi deiatel'nosti i ugolovnom proizvodstve* [The technique for psychophysiological research using a polygraph in personnel work, operatively-search activity, and criminal proceedings]. Moscow, 2008. 90 p.
 19. Kholodnyi Iu. I. Opros s ispol'zovaniem poligrafa i ego estestvennonauchnye osnovy [A survey using a polygraph and its scientific basis]. *Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Criminology*, 2005, no. 1 (13), pp. 39–48.
 20. Cherkasova E. S. Profailing kak metod sozdaniia psikhologicheskogo portreta potentsial'nogo prestupnika na etape organizatsii predvaritel'nogo

- rassledovaniia [Profiling as a method of creating a potential criminal's psychological portrait at the stage of preliminary investigation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Novosibirsk State University*, 2013, pp. 72–73.
21. Barland G. H., Raskin D. C. Detection of Deception. In *Electrodermal Activity in Psychological Research*. N. Y., Academic Press, 1973.
 22. Dikiy I. S., Dikaya L. A., Ermakov P. N. Amplitude and latency of components of event related potentials as indicators of false responses in participants with different modes of thinking // *International journal of psychophysiology*, 2012, V. 85, Issue 3, P. 378. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.041
 23. Dikiy I. S., Ermakov P. N. Interhemispheric distribution of components of Event-related potentials during false responses // *International Journal of Psychology*, 2012, V. 47, Supp. 1. Special Issue: XXX International Congress of Psychology, pp. 145–146.
 24. Gronau N., Ben-Shakhar G., and Cohen A. Behavioral and Physiological Measures in the Detection of Concealed Information // *Journal of Applied Psychology*, 2005, V. 90, no. 1, pp. 147–158.
 25. Vorobyeva E. EEG spectral power during the performance of mental tasks and individual profile asymmetry of twins // *International Journal of Psychophysiology*, 2012, V. 85, I. 3, P. 424. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.157
 26. Vorobyeva E., Ermakov P. Event-related potentials and achievement motivation (research of twins) // *International Journal of Psychophysiology*, 2012, V. 85, I. 3, P. 421. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.149
 27. Vorobyeva E. V., Ermakov P. N., Saakyan O. S. The relationships between the achievement motivations and temperaments of psychology students with different lateral organization profiles // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2015, V. 8, I. 1, pp. 32–42. doi:10.11621/pir.2015.0104

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE DEVELOPMENT OF DEVIANTOLOGICAL THEORIES: THE CONCEPT OF SOCIAL REPRESENTATIONS IN THE CONTEXT OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF DEVIANT BEHAVIOR

Golosnov Oleg Anatol'evich

Since deviations are the reverse side of solving the key problem of the architectonics of the social order, deviant behavior is the subject of modern socio-humanitarian discourse. However, understanding the nature of this phenomenon remains an urgent problem. This paper analyses the concept of social anomie, which continues to be

a central element of Russian deviantology, as well as its possibilities when analyzing deviant behavior in post-Soviet society.

The authors stressed that a norm and deviation are not extra-individual entities; they are social representations generated by various social groups, which become self-evident phenomena of reality in the intersubjective world of everyday life. In this regard, domestic deviantology needs a certain revision of its conceptual bases. Since the interdisciplinary approach explains the very nature of the social order, its further development, in particular, the use of socio-cognitivist, phenomenological, constructionist concepts, may give more adequate answers to interrelated questions concerning the nature and reasons of deviations.

The use of the concept of social representations developed by S. Moscovici seems to be the most promising approach. Social representations are a complex of concepts originating from everyday communication and interaction. Thus, social representations become generally accepted, and create the reality of common sense, everyday knowledge. These processes are immediately relevant to the definition of the "norm – deviation" continuum, as well as to the factors under the impact of which various forms of social barbarism in post-Soviet society become self-evident phenomena of everyday reality.

Keywords: deviance, anomie, normative-value vacuum, socio-cognitive approach, constructionism, social representations, inter-subjectivity, conventionality, categorization.

References

1. Abels H. *Interaktsiia, identichnost', prezentatsiia. Vvedenie v interpretativnuiu sotsiologiiu* [Interaction, identity, presentation: Introduction to interpretative sociology]. St. Petersburg, 1999.
2. Andreeva G. M. *Psikhologiiia sotsial'nogo poznaniia* [The psychology of social cognition]. Moscow, 2000, pp. 207–209.
3. Andreeva G. M. *Sotsial'naia psikhologiiia i sotsial'nye izmeneniia* [Social psychology and social changes]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 2005, no. 5.
4. Anisimova S. G. *Lichnost' v postindustrial'nom obshchestve: tranzitsiia cherez anomiiu* [Personality in post-industrial society: a transition through the anomie]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta – Bulletin of North-Eastern Federal University*, 2008, no. 4, pp. 84–89.
5. Berger P. L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* [The social construction of reality]. Moscow, 1995.
6. Brutents K. N. *Pagubnyi upadok nravov: nuzhna deistvennaia terapiia* [A detrimental decline of morals: efficient therapy is required]. *Ekonomika i obshchestvennaia sreda: neosoznannoe vzaimovliianie – Economics and*

- Public Environment: Unconscious Interaction*, Moscow, 2008.
7. Gilinskii Ia. I. Deviantogennost' i deviantologiya v sovremennoi Rossii [The tendency to deviant behavior and deviantology in modern Russia]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye"* [Proc. the All-Russian Regular Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development"]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science Publ., 2012.
 8. Gilinskii Ia. I. *Deviantologiya* [Deviantology]. Moscow, 1999. 11 p.
 9. Gilinsky Y. I. Constructing deviance: the problematization of a problem. Available at: <http://www.narcom.ru/publ/info/819>
 10. Emel'ianova T. P. Sotsial'noe predstavlenie – poniatie i kontseptsii: itogi poslednego desiatiletia [A social representation. The notion and concept: the results of the last decade]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 2001, V. 22, no. 6, pp. 39–48.
 11. Zhirnov A. A. *Molodost' kak sotsiokul'turnyi fenomen. Diss. kand. kult. nauk* [Youth as a socio-cultural phenomenon. Dr. cult. sci. diss]. Shuya, 2011.
 12. Zmanovskaia E. V. *Deviantologiya: psikhologiya otkloniaiushchegosia povedeniia* [Deviantology: the psychology of deviant behavior]. Moscow, 2004, P. 21.
 13. Ionin L. G. *Sotsiologiya kul'tury* [The sociology of culture]. Moscow, 2004.
 14. Kazarina-Volshebnaia E. K., Komissarova I. G., Turchenko V. N. Paradoksy transformatsii tsennostnykh orientatsii rossiiskoi molodezhi [Paradoxes of transformation of value orientations of Russian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological Researches*, 2012, no. 6, pp. 121–126.
 15. Kara-Murza S. G. *Anomiia v Rossii: prichiny i proiavleniia* [Anomie in Russia: reasons and manifestations]. Moscow, 2013, pp. 6, 57, 175.
 16. Klimov I. A. Psikhosotsial'nye mekhanizmy vozniknoveniia krizisa identichnosti [Psychosocial mechanisms of an identity crisis]. *Transformatsiia identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii – Transformation of Identification Structures in Modern Russia*, Moscow, 2001.
 17. Kostiukovskii Ia. Sotsial'nyi kontrol' i organizovannaia prestupnost' [Social control and organized crime]. *Sotsial'nyi kontrol' nad deviantnost'iu – Social Control Over Deviance*, St. Petersburg, 1998.
 18. Kravchenko S. A. Gumanisticheskaia kontseptsiiia T. Lukmana i nelineinye realii rossiiskogo obshchestva [T. Luckman's humanistic concept and nonlinear realities of Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological Research*, 2006, no. 8.
 19. Krasnova E. A. Fenomen anomii v sovremennom rossiiskom obshchestve [The phenomenon of anomie in modern Russian society]. *Tezisy 1 Vserossiiskoi*

- nauchnoi konferentsii "Sorokinskie chteniia 2004. Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy globalizatsii"* [Proc. of the 1st Russian Scientific Conference "Sorokin readings – 2004: Russian society and challenges of globalization"]. Moscow, 2004, pp. 58–61.
20. Krivosheev V. V. Osobennosti anomii v sovremennom rossiiskom obshchestve [Features of anomie in modern Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological Research*, 2004, no. 3.
 21. O'Hana J. *Molodezh' v Rossii. 2010. Obzor literatury. Doklad OON* [Young people in Russia – 2010: literature review. The UN report]. Moscow, 2011.
 22. Moskovichi S. Ot kollektivnykh predstavlenii k sotsial'nym (k istorii odnogo poniatii) [From collective representations to social ones (the history of a concept)]. *Voprosy sotsiologii – Approaches to Sociology*, 1992, V. 1, no. 2, pp. 83–95.
 23. Moskovichi S. Sotsial'nye predstavleniia: istoricheskii vzgliad [Social representations: a historical view]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1995, V. 16, no. 1, pp. 3–18.
 24. Moshkin S. V., Rudenko V. N. Za kulisami svobody: orientiry novogo pokoleniia [Behind the scenes of freedom: guidelines for a new generation]. *Sotsiologicheskie issledovanie – Sociological Research*, 1994, no. 11.
 25. Gorshkov M. K. *Rossii i Kitai: molodezh' XXI veka* [Russia and China: young people of the XXI century]. Moscow, 2014, pp. 385–387.
 26. Simonov A. A. Mekhanizm institutsionalizatsii vziatochnichestva v rossiiskom obshchestve [The mechanism of institutionalization of bribery in Russian society]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiia i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie"* [Proc. the IV Regular Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development"]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science Publ., 2012.
 27. *Sovest': bespoleznoe svoistvo dushi? // Kruglyi stol po problemam npravstvennosti i dukhovnosti* [Is conscience a useless property of soul? The round table on problems of morality and spirituality]. St. Petersburg, 2010.
 28. Stefanenko T. G. *Transformatsiia identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii* [The transformation of identification structures in modern Russia]. Moscow, 2001, pp. 45–47.
 29. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [A social change as a trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniia – Sociological Research*, 2001, no. 8.
 30. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by P. J. Forgas. London, 1981, pp. 181–209.
 31. Schmallegger F. *Criminology today: an integrative introduction*. 2nd ed. New Jersey, 1999, P. 181.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE EFFICIENCY OF WOMEN EMPLOYEES' PROFESSIONAL ACTIVITY IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Kuznetsova Ol'ga Vladimirovna

The paper studies the socio-psychological factors of the efficiency of women employees' professional activity. A stable trend of the increase in the number of women employees in law enforcement agencies and the priority of socio-psychological conditions of professional activity for women have determined the relevance of this issue. The authors defined socio-psychological factors as interrelations, phenomena, and mechanisms of the inner socio-psychological sphere of law enforcement activity at a group level (collective), as well as at an individual level (socio-psychological characteristics of the person). The authors studied socio-psychological climate in collectives, sociometric status, level of legal consciousness, and personal characteristics of women employees in law enforcement agencies in interrelation with the effectiveness of their professional activity.

The results of the study showed the correlation between the efficiency of professional activity of women employees and the socio-psychological characteristics of collectives in law enforcement agencies, which were determined by a quantitative and gender structure. Besides, the efficiency of professional activity of women employees had a correlation with sociometric characteristics with their business and emotional statuses, which were mediated by personal characteristics of women employees and characteristics of the very collective. Thus, the findings suggest that the majority of women employees in law enforcement agencies are professionally competent, emotionally attractive, communicable, and enjoy authority with their collectives. The level of legal consciousness correlated positively with the efficiency of women employees' professional activity in law enforcement agencies. A sthenic type of responding, predominance of irritable personality traits were most prominent features in women employees in law enforcement agencies. Such personal characteristics as gentleness, sentimentality, femininity, sensitiveness, and desire to be protected reduced the efficiency of women employees' professional activity.

The obtained data allowed the authors to develop practical recommendations for social-psychological support of women's professional activity in law enforcement agencies.

Keywords: *socio-psychological factors, women employees, professional activity, effectiveness of activity, socio-psychological climate, sociometry status, legal consciousness, personal characteristics.*

References

1. Andreeva I. A., Korchmariuk I. A. *Metodika organizatsii sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy v organakh vnutrennikh del. Metodicheskoe poso-*

- bie [The methodology of organization of socio-psychological research in the internal Affairs bodies]. Moscow, Center for Personnel Work of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2008. 64 p.
2. Anufrieva D. Iu. Professional'noe razvitie zhenshchin, rabotaiushchikh v organakh vnutrennikh del [Professional development of women working in the Internal Affairs bodies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. Nauchno-prakticheskii zhurnal – Psycho-pedagogy in Law Enforcement Agencies. Scientific-Practical Journal*, 2009, no. 4 (39), pp. 20–22.
 3. Bendas T. V. *Gendernaia psikhologiya: uchebnoe posobie* [Gender psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 431 p.
 4. Demina M. A. *Professional'noe vospitanie zhenshchin voennosluzhashchikh vnutrennikh voisk MVD Rossii s uchetom gendernykh aspektov. Diss. cand. psikh. nauk* [Professional education of women, servicemen of troops attached to the Interior Ministry of Russia with a gender perspective (from a gender perspective). Cand. psych. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 197 p.
 5. Ivanova T. A. *Organizatsionno-pravovye problemy raboty s zhenshchinami-sotrudnikami organov vnutrennikh del (militsii) (na primere g. Moskvy). Diss. cand. iurid. nauk* [Organizational and legal problems of working with women-employees of law enforcement agencies (police) (on the example of Moscow) Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2000. 176 p.
 6. Il'in E. P. *Differentsial'naya psikhologiya professional'noi deiatel'nosti* [Differential psychology of professional activity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 432 p.
 7. Komarov E. I., Zhukova V. F. *Gendernyi menedzhment* [Gender management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 187 p.
 8. Mar'in M. I., Kotenev I. O., Kiseleva L. E. *Metodika ekspertnykh otsenok effektivnosti adaptatsii k upravlencheskoi deiatel'nosti vypusnikov Akademii upravleniia MVD Rossii* [Method of expert evaluations of the effectiveness of adaptation to management activity in graduates of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia]. Moscow, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia Publ., 2012. 96 p.
 9. Mar'in M. I., Lovchan S. I., Ivanikhina I. V. i dr. *Otsenka i optimizatsiia psikhologicheskogo klimata, stilia rukovodstva v organakh upravleniia i podrazdeleniakh Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby* [The evaluation and optimization of psychological climate, leadership style in the management bodies and divisions of the State Fire Service]. Moscow, All-Russian Scientific Research Institute for Fire Protection Publ., 1998, P. 5.
 10. Mar'in M. I., Petrov V. E., Adaev A. I., Boreko A. V. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kompetentnost' rukovoditel'ia organa vnutrennikh del* [Socio-psychological competence of the head of interior bodies]. Moscow, Center for Personnel Work of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2005. 212 p.

11. Obozov N. N. *Zhenshchina + muzhchina = ?!* [A woman + a man = ?!]. St. Petersburg, LNPP "Oblik" Publ., 2007. 74 p.
12. Ovchinnikova V. V. *Vliianie gendernykh ustanovok na vzaimootnosheniia v raznopolykh voinskikh kollektivakh (na primere vuzov FSB Rossii pogrannichnogo profilia)*. Diss. kand. psikh. nauk [The influence of gender attitudes on relationships in heterosexual military units (on the example of Universities of the Federal Security Service of Russia of a boundary profile). Cand. psych. sci. diss]. Golicyno, 2006.
13. Bovin B. G. *Osnovnye vidy deiatel'nosti i psikhologicheskaiia prigodnost' k sluzhbe v sisteme organov vnutrennikh del* [The main activities and psychological suitability for service in the system of law enforcement agencies]. Moscow, 1997. 344 p.
14. Papkin A. I. *Sovershenstvovanie sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v podrazdeleniakh i sluzhbach OVD: metodicheskie rekomendatsii* [The improvement of the socio-psychological climate in the divisions and services of the ATS: guidelines]. Domodedovo, Republican Institute for Advanced Training of Employees of the Interior Ministry of Russia Publ., 1998. 27 p.
15. *Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del pri attestatsii* [The psychological study of the personality of employees of law enforcement agencies when passing a certification]. Moscow, Center for Personnel Work of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2007. 216 p.
16. Chernenilov V. I. *Psikhologiiia upravleniia* [The psychology of management]. Moscow, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia Publ., 2011. 352 p.
17. *Svedeniia o sostoianii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2015 god* [The status of work with personnel of law enforcement agencies of the Russian Federation in 2015]. Moscow, 2016. 74 p.
18. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2001. 350 p.
19. Smirnov A. I. *Zhenshchina na voennoi sluzhbe: novye vozmozhnosti i sotsial'nye prava* [Woman in the military: new opportunities and social rights]. Moscow, Center of Universal Values Publ., 2000. 144 p.
20. Sobchik L. N. *Vvedenie v psikhologiiu individual'nosti* [Introduction to the psychology of individuality]. Moscow, Institute of Applied Psychology Publ., 1998. 512 p.
21. Stoliarenko A. M. *Sotsial'naia psikhologiiia* [Social psychology]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2009. 511 p.
22. Mar'in M. I. *Sotsial'no-psikhologicheskii klimat v sluzhebnykh kollektivakh* [Socio-psychological climate in collectives of service personnel]. Moscow, TsOKP MVD Rossii Publ., 2001, pp. 8–9.

23. Stoliarenko A. M. *Entsiklopediia iuridicheskoi psikhologii* [Encyclopedia of juridical psychology]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2003. 475 p.
24. Iasiukova L. A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiia [The sense of justice: diagnostics and patterns of development]. *Prikladnaia psikhologiya – Applied Psychology*, 2000, no. 4, pp. 1–13.
25. Iasiukova L. A., SamoiloVA V. A. Sostoianie i tendentsii razvitiia pravosoznaniia v sovremennom rossiiskom obshchestve [The status and trends of the development of legal consciousness in modern Russian society]. *Chelovek i obshchestvo. Nauchnyi i obshchestvennyi al'manakh – Man and Society. Scientific and Social Journal*, 2005, no. 31, pp. 60–84.
26. Mayo E. *The Human Problems of an Industrial Civilization (Early Sociology of Management & Organizations)* Hardcover. New York, Routledge Publ.; Reprint edition, 2003, 208 p.

COMPLEX SYSTEMS IN PSYCHOPHYSIOLOGY REPRESENT THE EFFECT OF “REPETITION WITHOUT REPETITION” (N. A. BERNSTEIN)

Es'kov Valerii Matveevich
Zinchenko Iurii Petrovich
Veraksa Aleksandr Nikolaevich
Filatova Diana Iur'evna

The discussion of special properties of living systems still continues. The authors present a new understanding of complexity and systems of the third type (W. Weaver) in the new theory of chaos and self-organization, as well as in postneoclassic (V. S. Stepin). The paper explains ineffectiveness of applying stochastic and deterministic chaos (I. R. Prigogine, J. A. Wheeler and M. Gell-Mann) for describing complex biological systems.

The authors introduce a new concept of homeostatic systems. These systems are in continuous random motion. Thus, statistical methods are inappropriate here. The authors define the limits of modern deterministic and stochastic science in describing complex homeostatic biological systems. These propositions signify a new stage in the development of the philosophy of science and the science of nature (complexity) in whole. The effect of “repetition without repetition” (N. A. Bernstein) which is now quantitatively described by the effect of Eskov–Zinchenko underlies this differentiation.

Keywords: *chaos, stochastic, self-organization, homeostasis, biomechanics, Eskov–Zinchenko effect, homeostatic systems, theory of chaos and self-organization, system of the third type.*

References

1. Anokhin P. K. *Kibernetika funktsional'nykh sistem* [Cybernetics of functional systems]. Moscow, Meditsina Publ., 1998. 285 p.
2. Bernshtein N. A. *O postroenii dvizhenii* [The construction of movements]. Moscow, Medgiz Publ., 1947. 254 p.
3. Es'kov V. M. *Tret'ia paradigma. Rossiiskaia akademiia nauk, Nauchno-problemnyi soviet po biofizike* [The third paradigm. Russian Academy of Sciences, Scientific Council on Biophysics]. Samara, Ofort Publ., 2011. 250 p.
4. Es'kov V. M., Gazia G. V., Maistrenko E. V., Boltaev A. V. *Vliianie promyshlennykh elektromagnitnykh polei na parametry serdechnosudustoi sistemy rabotnikov neftegazovoi otrasli* [The influence of industrial electromagnetic fields on parameters of the cardiovascular system of in oil industry workers]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii – Ecology and Industry in Russia*, 2016, no. 1, pp. 59–63.
5. Es'kov V. M., Es'kov V. V., Vokhmina Iu. V., Gavrilenko T. V. *Evoliutsiia khaoticheskoi dinamiki kollektivnykh mod kak sposob opisaniia povedeniia zhivykh sistem* [The evolution of the chaotic dynamics of collective modes as a way of describing the behavior of living systems]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 3. Fiz. Astron. – Bulletin of Moscow State University, Series 3: Physics, Astronomy*, 2016, no. 2.
6. Es'kov V. M., Maistrenko V. I., Maistrenko E. V., Filatov M. A., Filatova D. Iu. *Issledovanie korreliatsii pokazatelei funktsional'noi asimmetrii polusharii golovnogo mozga s rezul'tatami uchebnoi deiatel'nosti uchashchikhsia* [Studying the correlation between the indices of functional asymmetry of the brain hemispheres and the results of students' educational activity]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnolog – Bulletin of New Medical Technology*, 2007, V. 14, no. 3, pp. 205–207.
7. Es'kov V. M., Khadartsev A. A., Es'kov V. V., Filatova O. E. *Fluktuatsii i evoliutsii biosistem – ikh bazovye svoistva i kharakteristiki pri opisanii v ramkakh sinergeticheskoi paradigmy* [The evolution and fluctuations of biological systems: basic properties and characteristics when describing in the synergetic paradigm]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnolog – Bulletin of New Medical Technology*, 2010, V. 17, no. 1, pp. 17–19.
8. Es'kov V. M., Khadartsev A. A., Kozlova V. V., Filatov M. A. *Sistemnyi analiz, upravlenie i obrabotka informatsii v biologii i meditsine. Tom XI: Sistemnyi sintez parametrov funktsii organizma zhitelei lugry na baze neirokomp'iutinga i teorii khaosa-samoorganizatsii v biofizike slozhnykh sistem* [System analysis, management and processing of information in biology and medicine. V. 11: System synthesis of parameters of functions of the organism of Ugra residents on the basis of neurocomputing and the theory of chaos and

- self-organization in the biophysics of complex systems]. Samara, Ofort Publ., 2014. 192 p.
9. Es'kov V. M., Khadartsev A. A., Kozlova V. V., Filatova O. E. Ispol'zovanie statisticheskikh metodov i metodov mnogomernykh fazovykh prostranstv pri otsenke khaoticheskoi dinamiki parametrov nervno-myshechnoi sistemy cheloveka v usloviakh akusticheskikh vozdeistvii [The use of statistical methods and methods of multidimensional phase spaces when estimating the chaotic dynamics of parameters of the human neuromuscular system of in conditions of acoustic influences]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnolog – Bulletin of New Medical Technology*, 2014, V. 21, no. 2, pp. 6–10.
 10. Es'kov V. M., Khadartsev A. A., Filatova O. E., Khadartseva K. A., Litovchenko O. G. Problema otsenki effektivnosti lecheniia na osnove kinematicheskoi kharakteristiki vektora sostoianiia organizma [The problem of evaluating the effectiveness of treatment on the basis of kinematic characteristics of vector of the state of organism]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnolog – Bulletin of New Medical Technology*, 2015, V. 22, no. 1, pp. 143–152.
 11. Penrose R. "Novyi um korolia: O komp'iuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki" [The emperor's new mind: on the issue of computers, thinking, and laws of physics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 400 p.
 12. Stepin V. S. Tipy nauchnoi ratsional'nosti i sinergeticheskaiia paradigma [Types of scientific rationality and a synergetic paradigm]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika – Complexity. Mind. Postneclassic*, 2013, no. 4, pp. 35–44.
 13. Filatov M. A., Filatova D. lu., Sidorkina D. A., Nekhaichik S. M. Identifikatsiia parametrov poriadka v psikhofiziologii [The identification of order parameters in psychophysiology]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika – Complexity. Mind. Postneclassic*, 2014, no. 2, pp. 4–13.
 14. Filatov M. A., Filatova D. lu., Khimikova O. I., Romanova lu. V. Metod matrits mezhattraktornykh rasstoianii v identifikatsii psikhofiziologicheskikh funktsii cheloveka [The method of matrices of megafactory distances when identifying psychophysiological functions of the person]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika – Complexity. Mind. Postneclassic*, 2012, no. 1, pp. 20–24.
 15. Eskov V. M., Eskov V. V., Gavrilenko T. V., Vochmina J. V. Biosystem kinematics as evolution: Stationary modes and movement speed of complex systems: *Complexity // Moscow University Physics Bulletin*, 2015, V. 70 (2), pp. 140–152.
 16. Eskov V. M., Eskov V. V., Gavrilenko T. V., Zimin M. I. Uncertainty in the quantum mechanics and biophysics of complex systems // *Moscow University Physics Bulletin*, 2014, V. 69 (5), pp. 406–411.
 17. Eskov V. M., Gavrilenko T. V., Vokhmina Y. V., Zimin M. I., Filatov M. A. Measurement of chaotic dynamics for two types of tapping as voluntary movements // *Measurement Techniques*, 2014, V. 57, no. 6, pp. 720–724.

18. Eskov V. M., Khadartsev A. A., Eskov V. V., Filatova O. E. Quantitative registration of the degree of the voluntariness and involuntariness (of the chaos) in biomedical systems // Journal of Analytical Sciences, Methods and Instrumentation, 2013, V. 3, no. 2, pp. 67–74.
19. Gell-Mann M. Fundamental Sources of Unpredictability // Complexity, 1997, V. 3, no. 1, pp. 13–19.
20. Haken H. Principles of brain functioning: a synergetic approach to brain activity, behavior and cognition (Springer series in synergetics). Berlin, Springer, 1995, P. 349.
21. Prigogine I. The Die Is Not Cast // Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation, 2000, V. 25, no. 4, pp. 17–19.
22. Weaver W. Science and Complexity // American Scientist, 1948, pp. 36: 536–544.
23. Wheeler J. A. Information, physics, quantum: the search for links. In Feynman and Computation: Exploring the Limits of Computers / Ed. A. J. G. Hey. Cambridge, MA, Perseus Books, 1999, P. 309.

SYMBOL IN THE CONTEXT OF PSYCHOANALYTIC AND SENSE INTERPRETATION

***Abakumova Irina Vladimirovna
Ermakov Pavel Nikolaevich
Koltunova Elena Arkad'evna***

The paper considers the modern interpretation of the symbol as a psychological category in the context of the theory of sense and sense-creation. The study of the symbol has a long history of various scientific interpretations. Modern psychology makes some substantial additions to the understanding of the mechanisms of the formation of symbols at the level of public conscience, as well as at the level of personal consciousness. The main purpose of the paper is to characterize the specificity of the interpretation of the symbol as a certain sense value. The authors revealed and described the genetic relationship of the interpretation of symbolization in two different psychological schools: psychoanalysis and the theory of sense-creation.

The authors suggested differentiating symbols in accordance with the characteristics of their representation in the system of personal values. Thus, the authors introduce the "concept-symbol" category. Concepts-symbols are not similar to traditional concepts owing to their universal functional filling. Concepts-symbols are a sort of transformers; they bear meanings that not only

direct the person's understanding of a context but also disclose the sense and its possible variability. The symbol includes two forms of senses: extrapersonal and interpersonal. Hence, the symbol is able to inspire the procedure of sense-creation in the subject who cognizes its meanings. The "decrystallization" of personal comprehension, where the very concept is its bearer, underlies the interiorization of concepts-symbols. The formation and improvement of the person's sense sphere is possible through the use of the conceptual-symbolic system, which considers concepts-symbols of various meanings (symbols: signs, properties, composition, and metaphors).

Keywords: symbol, symbolization, sense, sense sphere, sense-creation, psychoanalysis, unconscious, collective unconscious, voluntary regulation, personal significance.

References

1. Abakumova I. V. *Smyslodidaktika. Uchebnik dlja magistrov pedagogiki i psihologii* [Sense-didactics. A textbook for masters of pedagogy and psychology]. Moscow, KREDO Publ., 2008. 449 p.
2. Abakumova I. V., Koltunova E. A. *Psihologicheskie osobennosti neslyshashhiv v period junosti* [Psychological features of the deaf in adolescence]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2014, V. 11, no. 4, pp. 82–90.
3. Abakumova I. V., Tel'nova O. V., Fomenko V. T. *Didakticheskoe operezhenie v obuchenii: kognitivnye realii i lichnostno-smyslovoj resurs* [Didactic outstripping in learning: cognitive realities and a personal-sense resource]. *Aktual'nye voprosy social'no-gumanitarnogo znaniya – Current Problems of Socio-Humanitarian Knowledge*, 2013, no. 1, pp. 363–364.
4. Bratus' B. S. *Lichnostnye smysly po A. N. Leont'evu i problema vertikalni soznaniya // Tradicii i perspektivy dejatel'nostnogo podhoda v psihologii. Shkola A. N. Leont'eva* [Personal senses by A. N. Leont'ev and the problem of the vertical of consciousness. Traditions and prospects of the activity approach in psychology: A. N. Leont'ev's school]. Moscow, Smysl Publ., 1999, pp. 34–49.
5. Volochkov A. A., Ermolaenko E. G. *Cennostnaja napravlenost' lichnosti kak vyrazhenie smysloobrazujushhej aktivnosti* [The value orientation of personality as the expression of sense-creating activity]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2004, V. 25, no. 2, pp. 17–33.
6. *Gumanitarnaja kolleksija. "Bessoznatel'noe"* [The humanitarian collection. "Unconscious"]. Novocherkassk, Saguna Publ., 1994.
7. Kovalenko E. M. *Koncept "simvol" v filosofii kul'tury A. F. Loseva* [The "symbol" concept in A. F. Losev's philosophy of culture]. *Gumanitarnye*

- i social'nye nauki – Humanities and Social Sciences*, 2008, no. 2, P. 16.
8. Koltunova E. A. Simvol i simvolizacija: shodstvo i razlichija interpretacij v kontekste razlichnyh psihologicheskikh podhodov [Symbol and symbolization: the similarities and differences of interpretations in the context of various psychological approaches]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2012, V. 9, no. 3, pp. 72–81.
 9. Koltunova E. A. Simvol kak psihologicheskaja kategorija v psihoanaliticheskikh teorijah [Symbol as a psychological category in psychoanalytic theories]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, no. 10/4, pp. 5–10.
 10. Mihajlov M. A. Dinamika smysloobrazovanija i ee vlijanie na arhitektoniku lichnosti [The dynamics of sense-creation and its influence on the architectonics of personality]. *Zhurnal prikladnoj psihologii – Journal of Applied Psychology*, 2005, no. 1, pp. 31–37.
 11. Abakumova I. V., Kara Zh. Ju. *Razvitie tvorcheskih sposobnostej: tehnologii integririvannogo vozdejstvija* [Development of creative abilities: techniques of the integrated influence]. Moscow, KREDO Publ., 2012. 92 p.
 12. Spirova Je. M. Funkcii simvola [Functions of the symbol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2009, no. 2, pp. 205–211.
 13. Zweig C. “Sigmund Freud”. *From the biographical trilogy, “Healing and the mind”* (Russ. ed.: Cvejg S. “Zigmund Frejd”. *Iz biograficheskoj trilogii “Vrachevanie i psihika”*). Moscow, Forkis Publ., 1990.
 14. Cvetkov A. V. *Rol' simvola v razvitii proizvol'noj reguljacii povedenija lichnosti v shkol'nom vozraste. Diss. kand. psikh. nauk* [The role of the symbol in the development of voluntary regulation of behavior in school age. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 2006. 157 p.
 15. Jung C. G. *Introduction to psychoanalysis. Part 5* (Russ. ed.: Jung K. G. *Vvedenie v psihoanaliz. Gl. 5*). Moscow, 1997.
 16. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth // The 13th European Congress of Psychology. Stockholm, 2013.
 17. Aristotle. *De I interpretation* // Aristotle. *Organon, Categories et De I interpretation*. P., Yrin., 1994.
 18. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V. Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 86, pp. 35–41.
 19. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V., Kara Zh. Ju. Characteristic Features of Transformation of Life-sense Orientations of Emigrants // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 86, pp. 267–270.

20. Royce J. R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (N. J.), Prentice-Hall, 1983. 304 p.

EXTERNAL APPEARANCE AS A “PURELY FEMALE ISSUE”

Labunskaja Vera Aleksandrovna

The paper presents the main theses of the report entitled “The Role of Women in the History of Psychology in the 20th Century and Today”. The author presented this report at the International Scientific-Practical Conference “Sabina Nikolaevna Spielrein: Her Personality and Contribution to Psychoanalysis, Developmental Psychology, and Clinical Psychology” (November 7–8, 2015). In the report the author underlined that S. N. Spielrein was a scientist who laid the foundation of “Women’s Studies” in the humanities, gender studies, psychology, and psychoanalysis.

When studying “women’s experience” women scientists concentrate on the discussion of some issues of human external appearance. When explaining the relevance of this study the author notes that previous research demonstrates that this issue is considered as a “women’s issue”. Moreover, the external appearance of S. N. Spielrein “escapes” researchers. In her diary S. N. Spielrein finds herself unattractive, has doubts about her female virtues.

S. N. Spielrein’s life is constructed “from the outside”. Thus, the problem of women’s external appearance, existing within masculine eyesight, is one of issues in women’s studies. In the report the author reviews a number of studies – “women’s studies” – devoted to women’s studies of such phenomena as the experience of external appearance evaluation, concern about external appearance. These studies may be useful in consideration of some aspects of the biography of S. N. Spielrein.

Keywords: *women’s studies, women’s experience, external appearance, attitude, experience, evaluation, transformation, gender relations, self-presentation, co-existence.*

References

1. Batler D. *Gendernoe bespokoistvo // Antologija gendernoi teorii: Sb. perevodov* [Gender anxiety. The gender theory anthology]. Minsk, Propilei Publ., 2000, pp. 297–346.
2. Belugina E. V. *Vneshnii oblik kak kul’turno-istoricheskii fenomen* [Appearance as a cultural and historical phenomenon]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, no. 3, pp. 58–65.

3. Belugina E. V. *Otnoshenie k svoemu vneshnemu obliku v period serediny zhizni. Diss. kand. psikh. nauk* [Self-relation to external appearance in the period of mid-life. Cand. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2003.
4. Bondarenko I. V. Lichnostnaia obuslovlennost' oformleniia vneshnego oblika [Personal conditionality of appearance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2010, no. 332, pp. 155–157.
5. Vigarello G. *Etalony privlekatel'nosti v sovremennoi kul'ture. Iskusstvo privlekatel'nosti. Istoriia telesnoi krasoty ot Rennessansa do nashikh dnei* [Standards of attractiveness in modern culture. The art of attraction. The history of physical beauty from the Renaissance to the present day]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 303–310.
6. Wolf N. *Mif o krasote: Stereotipy protiv zhenshchin* [The beauty myth: stereotypes against women]. Moscow, Al'pina Non-fikshn Publ., 2013, pp. 22–35.
7. Gilman L. S. *Etnicheskie voprosy v esteticheskoi khirurgii. Formula krasoty. Chuzhoe litso* [Ethnic issues in aesthetic surgery. The formula of beauty. An alien face]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2006, pp. 11–139.
8. Goffman E. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2000.
9. Gross E. *Izmeniaia ochertaniia tela. Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Changing the shape of the body. Introduction to gender studies]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 529–626.
10. Dvorkin A. *Ginotsid, ili Kitaiskoe bintovanie nog. Zhenskaia solidarnost': posobie dlia zhenshchin i muzhchin* [Genocide, or Chinese foot binding. Women's solidarity: a guide for women and men]. Moscow, Propilei Publ., 2002, pp. 10–25.
11. Dosina N. V., Koshkina A. O. *Vneshnost' zhenshchiny kak faktor sotsial'nykh otnoshenii* [Appearance of women as a factor in social relations]. 2010, no. 1, pp. 62–77.
12. Ivanova E. N. *Zhenshchina v rossiiskoi politicheskoi karikature* [Women in Russian political caricature]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve – Woman in Russian Society*, 2013, no. 3, pp. 66–78.
13. Kilborne B. *Ischezaiushchie liudi: styd i vneshnii oblik* [Disappearing persons: shame and appearance]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2007.
14. Kliukina Iu. V. *Gendernye stereotipy vneshnego portreta cheloveka. Diss. kand. filol. nauk* [Gender stereotypes of the person's external portrait. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2011.
15. Labunskaja V. A. "Vidimy chelovek" kak sotsial'no-psikhologicheskii

- fenomen [A “visible person” as a socio-psychological phenomenon]. *Sotsial’naia psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2010, no. 1, pp. 26–39.
16. Labunskaya V. A. Problema udovletvorennosti vneshnim oblikom: sub’ektnyi podkhod [The problem of satisfaction with appearance: a subjective approach]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal “Kontsept” – Concept: Scientific-Methodical Electronic Journal*, 2014, V. 20, pp. 3856–3860.
17. Labunskaya V. A. Sotsial’no-pertseptivnye efekty so-bytiia: “Zerkal’noe ia”, perezhivanie i sovladanie [Social-perceptual effects of co-existence: “mirror self”, experience and coping]. *Sbornik materialov iubileinoi konferentsii “Ot Istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete* [Proc. the Anniversary Conference “From the origins to the present: 130 years since founding the psychological society at Moscow University]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2015, pp. 139–141.
18. Labunskaya V. A., Bzezhian A. A. Osobennosti otsenivaniia razlichnykh komponentov etnokul’turnykh tipov vneshnego oblika kak proiavlenie diskriminatsionnogo otnosheniia [Features of the evaluation of various components of ethnocultural types of appearance as a discriminatory relation manifestation] *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, no. 3, pp. 37–43.
19. Labunskaya V. A., Samaeva E. S. Negativnaia otsenka v protsesse obshcheniia vneshnego oblika kak faktor frustratsii [Negative appraisal of external appearance in the process of communication as a frustration factor]. *Mezhdunarodnaia konferentsiia “Psikhologiya obshcheniia i doveriia: teoriia i praktika”* [Proc. the International Conference “The psychology of communication and trust: theory and practice”]. Moscow, Moscow State University Publ., Russian Academy of Science Publ., pp. 152–155.
20. Leibin V. M. *Sabina Shpil’rein: Mezhdumolotom i nakoval’nei* [Sabina Spielrein: between hammer and anvil]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2008.
21. Leont’ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznesteiskosti* [Viability testing]. Moscow, Smysl Publ., 2006.
22. Myers D. *Sotsial’noe poznanie i trevoga. Sotsial’naia psikhologiya* [Social cognition and anxiety]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997, pp. 211–213.
23. Myers D. *Fizicheskaia privlekatel’nost’. Sotsial’naia psikhologiya* [Physical attractiveness]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997, pp. 542–550.
24. Meshcheriakov B. G., Iushchenkova D. V. Glaza kak prediktory vosprini-maemoi fizicheskoi attraktivnosti zhenskikh lits [Eyes as predictors of the

- perceived physical attractiveness of female faces]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2006, no. 1, pp. 48–55.
25. Michel D. Uzhastnye otrazheniia materinskogo tela: primery gendernykh politik na Zapade v sovremennuiu epokhu [Terrible reflections of the maternal body: examples of gender policies in the modern West]. *Gendernye issledovaniia – Gender Studies*, 2000, no. 4, pp. 203–226.
26. Paludi M. Vliianie zhenskikh obrazov v SMI na udovletvorennost' zhenshchin sobstvennym telom. *Psikhologiya zhenshchiny* [The influence of female images in the media on body satisfaction in women]. St. Petersburg, Prain-EVROZNAK Publ., pp. 161–167.
27. Paramonova V. V. Fenomen telesnogo perfektsionizma kak sotsiokul'turnaia patologiya [The phenomenon of corporal perfectionism as a sociocultural pathology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2009, no. 3, pp. 34–41.
28. Pogontseva D. V. Vidy diskriminatsii po vneshnemu obliku [Types of discrimination on the basis of appearance]. *Psikhologiya i psikhotehnika – Psychology and Psychotechnics*, 2013, no. 9, pp. 858–861.
29. Pogontseva D. V. Krasivaia zhenshchina: sotsial'no-demograficheskii analiz predstavlenii [A beautiful woman: the socio-demographic analysis of ideas]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2011, no. 1, pp. 73–82.
30. Pushkareva N. L. Zhenshchiny-uchenye v postsovetском fol'klоре [Women scientists in post-Soviet folklore]. *Vestnik RGNF – Bulletin of Russian Humanitarian Scientific Fund*, 2007, no. 1, pp. 30–40.
31. Rumsey N., Harcourt D. *Psikhologiya vneshnosti* [The psychology of appearance]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009.
32. Richebächer S. *Sabina Shpil'rein: "Pochti zhestokaia liubov' k nauke". Biografiia* [Sabina Spielrein: almost violent love for science. Biography]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007.
33. Riaguzova E. V. Sotsiokul'turnaia obuslovlennost' vospriiatiia vneshnosti neznakomogo drugogo [Socio-cultural conditionality of the perception of the appearance of the unknown other]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Akmeologiya obrazovaniia. Psikhologiya razvitiia – Proceedings of Saratov University. New series. Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2015, V. 4, no. 2 (14), pp. 167–169.
34. Selizova T. V. Kontseptual'nyi priznak vneshnost' v otsenke obraza zhenshchiny [The conceptual basis of appearance when evaluating female images]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Bulletin of Leningrad State University*, 2011, V. 7, no. 4, pp. 85–95.

35. Slastenina V. V. *Vzaimosviaz' psikhologicheskikh osobennostei i mezhlíčnostnykh otnoshenii zhenshchin, pribegaiushchikh k uslugam estetičeskoj khirurgii. Diss. cand. psikh. nauk* [Relations of psychological characteristics and interpersonal relationships of women resorting to aesthetic surgery. Dr. psych. sci. diss.]. Samara, 2007.
36. Swami V., Furnham A. *Psikhologija krasoty i privilekatel'nosti* [The psychology of beauty and attractiveness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009.
37. Shkuratova I. P. *Stpunktupa sotsial'no-peptseptivnykh otsenok // Emotsional'nye i poznavatel'nye khapaktepstiki obshcheniia* [The structure of social-perceptual appraisals. Emotional and cognitive characteristics of communication]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1990, pp. 6–13.
38. Shliakhova S. S. Russian beauty three hundred years later: ethnic auto- and hetero-stereotypes in advertising. Part I. Auto-stereotypes; Part II. Hetero-stereotypes. *Mediascop*. 2015, V. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1862>
39. Etkind A. *Chistaia igra s russkoi devushkoi: Sabina Shpil'rein // Eros Nevozmozhnogo* [Pure play with a Russian girl: Sabina Spielrein. Eros of the Impossible]. St. Petersburg, MEDUZA Publ., 1993, Chapter V, pp. 159–212.
40. Iakushev I. B. The history of an asteroid (Sabina Spielrein). *Clinical and medical psychology: research, training, practice*, 2015, no. 2 (8). Available at: <http://medpsy.ru/climp>
41. Iarskaia-Smirnova E. R. *Zhenskie i gendernye issledovaniia za rubezhom. Slovar' gendernykh terminov* [Women's and gender studies abroad. The dictionary of gender terms]. Moscow, Informatsiia XXI vek Publ., 2002, pp. 100–103.
42. Iarskaia-Smirnova E. R. *Istoki i metody gendernykh issledovaniia // Odezhdia dlia Adama i Evy: Ocherki gendernykh issledovaniia* [The origins and methods of gender studies. The clothes for Adam and Eve. Essays on gender studies]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, 2001, pp. 7–92.
43. Bareld D. P., Dijkstra H., Koudenburg P. & Swami V. An assessment of positive illusions of the physical attractiveness of romantic // *Journal of Social and Personal Relationships*, 2011, V. 28, pp. 706–719. doi:10.1177/0265407510385492
44. Bleske-Rechek A., Kolb C. M., Stern A. St., Quigley K., Nelson L. A. Face and Body: Independent Predictors of Women's Attractiveness // *Archives of Sexual Behavior*, 2014, V. 43, Issue 7, pp. 1355–1365.
45. Di Domenico S. I., Quitasol M. N., Fournier M. A. Ratings of Conscien-

- tiousness from Physical Appearance Predict Undergraduate Academic Performance // *Journal of Nonverbal Behavior*, 2015, V. 39, Issue 4, pp. 339–353.
46. Gupta N., Etcoff N. L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // *Journal of Happiness Studies*, 2015, pp. 1–13 // URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10902-015-9644-6>
47. Kanazawa S. Intelligence and physical attractiveness // *Intelligence*, 2011, V. 3, pp. 7–14. doi:10.1016/j.intell.2010.11.003
48. Kondo A., Takahashi K., Watanabe K. Influence of gender membership on sequential decisions of face attractiveness // *Attention, Perception & Psychophysics*, 2013, V. 75, Issue 7, pp. 1347–1352.
49. Little A. C., Caldwell Ch. A., Jones B. C., DeBruine L. M. Effects of Partner Beauty on Opposite-Sex Attractiveness Judgments // *Archives of Sexual Behavior*, 2011, V. 40, Issue 6, pp. 1119–1127.
50. Naumann L. P., Vazire S., Rentfrow P. J. & Gosling S. D. Personality judgments based on physical appearance // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009, V. 35, pp. 1661–1671. doi:10.1177/0146167209346309
51. Nikitina E. Estimations of Health and Personal Traits Attribution to Attractive and Unattractive Face Stimuli // *Materials of the 5th International Conference on Interdisciplinary Social Sciences* // URL: <http://i10.cgpublisher.com/proposals/1412>
52. Vazire S., Naumann L. P., Rentfrow P. J. & Gosling S. D. Portrait of a narcissist: Manifestations of narcissism in physical appearance // *Journal of Research in Personality*, 2002, V. 42, pp. 1439–1447. doi:10.1016/j.jrp.2008.06.007
53. Zebrowitz L. A., Hall J. A., Murphy N. A. & Rhodes G. Looking smart and looking good: Facial cues to intelligence and their origins // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002, V. 28, pp. 238–249. doi:10.1177/0146167202282009

S. N. SPIELREIN'S CONCEPTION OF DESTRUCTION: THEORETICAL AND PSYCHOBIOGRAFICAL ASPECTS

Filatov Filipp Robertovich

The article contains the characteristic of the main work in S. Spielrein's scientific heritage – "Destruction as the Cause of Coming into Being" (1912). This classic work is considered as a scientific alternative to S. Freud's conception of death instinct. Freud defined the death instinct / drive as a regression, "a desire to restore

previous condition" or "the tendency to return to the inorganic state," "to rest of lifeless matter". This is consistent with his idea of "the conservative nature of the libido". According to S. N. Spielrein, destruction involves the destruction of the previous condition for the emergence of a new, destruction, providing transformation, "resurrection" of the individual in a new form. S. Spielrein proposes to distinguish between two basic instincts: the instinct of self-preservation and the instinct of preservation of the species. The first of them is simple in structure and conservative, because it aims to preserve the individual in the state of available cash. The second aims to save the species by way of constants changes, regardless of the individual's selfish desires and aspirations for sustainability. The instinct of preservation of the species has a complex two-component structure, in which erotic attraction inseparable from destruction. Thus, this instinct has ambivalent nature and includes both negative and positive (for ego) components.

S. N. Spielrein's ideas of destruction are analyzed in the context of the destructive events of her life. In the article the main stages of S. Spielrein's life are described. The author discusses her contribution to the development of psychoanalysis.

The author analyzes S. N. Spielrein's conception of destruction as an original attempt to integrate the ideas of C. G. Jung and S. Freud on a new theoretical basis.

Keywords: Sabina Spielrein, Carl Jung, Eugen Bleuler, Sigmund Freud, psychoanalysis, primary drive, libido, pleasure principle, destruction, death instinct.

References

1. Vaning A. van. Raboty odnogo iz pionerov psihoanaliza – Sabiny Shpil'rejn [The works of one of the pioneers of psychoanalysis – Sabina Spielrein]. *Voprosy psikhologii – Questions of Psychology*, 1995, no. 6, pp. 66–78.
2. Movshovich E. V. *Ocherki istorii evreev na Donu* [Essays on the History of the Jews on Don]. Rostov-on-Don, Kniga, 2011. 336 p.
3. Ovcharenko V. I. Sabina Shpil'rejn: pod znakom destrukcii [Sabina Spielrein: under the sign of destruction]. *Logos*, 1994, no. 5, pp. 239–256.
4. Ovcharenko V. I. Sud'ba Sabiny Shpil'rejn [The fate of Sabina Spielrein]. *Rossijskij psihoanaliticheskij vestnik – Russian Psychoanalytical Bulletin*, 1992, no. 2, pp. 64–69.
5. Rihebekher S. *Sabina Shpil'rejn: "pochti zhestokaya lyubov' k nauke"*. *Biografiya* [Sabina Spielrein: "almost fierce love to science". The Biography]. Rostov-on-Don, Feniks, 2007. 413 p.
6. *Sabina Shpil'rejn (1885–1942). Materialy k biobibliografii* [Sabina Spielrein (1885–1942). Materials for biobibliography]. Comp. and ed. by S. F. Sirot-

- kin. Moscow, Russkoe psihoanaliticheskoe obshchestvo; Izhevsk, PH "ERGO", 2006. 84 p.
7. Sabina Shpil'rejn: *nad vremenem i sud'boj: Sb. statej* [Sabina Spielrein: over time and destiny: Coll. of articles]. Rostov-on-Don, MiniTajp, 2004, P. 256.
 8. Filatov Ph. R. Dve al'ternativnye teorii vlechenij v psihoanalize [Two alternative theories of drives in psychoanalysis]. *Summa psihoanaliza. Antologija – Sum of psychoanalysis. Anthology*. Ed. by V. I. Ovcharenko, V. 12. URL: http://lib100.com/book/psychoanaliz/amount_psy_12/_%D0%A1%D1%83%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0.%20%D0%90%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%20%D0%A2%D0%BE%D0%BC%2012.pdf
 9. Freud S. *Po tu storonu principa udovol'stviya* [Beyond the Pleasure Principle] // Freud S. *Psihologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconsciousness]. Moscow, Prosveshchenie, 1990, pp. 382–424.
 10. Spielrein S. *Dstrukciya kak prichina stanovleniya* [Destruction as a cause of formation]. Moscow, Logos, no. 5, 1994, pp. 207–239.
 11. Spielrein S. *Psihoanaliticheskie trudy* [Psychoanalytic writings]. Transl. from English, German and French, under Scient. Ed. of S. F. Sirotkin, E. S. Morozova. Izhevsk, PH "ERGO", 2008. 466 p.
 12. Shtefan I. Sabina Shpil'rein (1885–1942) – “predmet obmena” mezhdu Yungom i Frejdom [Sabina Spielrein (1885–1942) – “object of exchange” between Jung and Freud]. *Vestnik Psihoanaliza – Bulletin of Psychoanalysis*, 2000, no. 2.
 13. Ehtkind A. M. *Eros nevozmozhnogo: Istoriya psihoanaliza v Rossii* [Eros is impossible: The history of psychoanalysis in Russia]. SPb., 1993; M., 1994, pp. 159–212.
 14. Jung C. G. *Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo* [On the archetypes of the collective unconscious] // Jung C. G. *Arhetip i Simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow, Renessans, 1991, pp. 95–129.
 15. Berch B. *Sex versus Survival: The Life and Ideas of Sabina Spielrein*. New York, Jewish Book Council, 2015.
 16. Carotenuto A. *A Secret Symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud*. New York, Pantheon Books, 1982.
 17. Cooper-White P. The power that beautifies and destroys. Sabina Spielrein and “Destruction as the Cause of Coming into Being” // *Pastoral Psychology*, 2015, 64, pp. 259–278.
 18. Etkind A. *Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia*. Boulder, CO, Westview Press, 1997, P. 172.

19. Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis. Ed. by C. Covington and B. Wharton. New York, 2003, pp. 287–305.
20. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912, 4, pp. 465–503.
21. Vaning A. van. The works of pioneering psychoanalyst Sabina Spielrein // International Review of Psychoanalysis, 1992, 19, pp. 399–413.

НАШИ АВТОРЫ

Коротовских Татьяна Владимировна

доцент кафедры педагогического и специального образования Сургутского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Артема, д. 9, г. Сургут, ХМАО-Югра, 628400

Служебный телефон: +7 (3462) 35–28–15

E-mail: s.korotovskih@mail.ru

Пяшкур Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры коррекционной педагогики и специальной психологии Шадринского государственного педагогического института

Служебный адрес: ул. Кондюрина, д. 28, г. Шадринск, Курганская область, 641800

Служебный телефон: +7 (35253) 6–23–46

E-mail: dolgix_y-1485@mail.ru

Азарова Елена Александровна

доцент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат педагогических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 311а, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11645)

E-mail: gold-rostov@mail.ru

Воронцов Дмитрий Владимирович

доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 243, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11620)

E-mail: dmvorontsov@sfnedu.ru

Бедрединова (Гриднева) Светлана Валерьевна

доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11616)

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

OUR AUTHORS

Korotovskikh Tat'iana Vladimirovna

Associate Professor, Department of Pedagogical and Special Education, Surgut State Pedagogical University, Candidate of Psychology

Official address: b. 9, Artema St., Surgut, Yugra, 628400

Official telephone: +7 (3462) 35–28–15

E-mail: s.korotovskih@mail.ru

Piashkur Iuliia Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Correctional Pedagogy and Special Psychology, Shadrinsk State Pedagogical Institute

Official address: b. 28, Kondiurina St., Shadrinsk, Kurgan region, 641800

Official telephone: +7 (35253) 6–23–46

E-mail: dolgix_y-1485@mail.ru

Azarova Elena Aleksandrovna

Associate Professor, Psychology of Education Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Pedagogical Science

Official address: of. 311a, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218–40–00 (ext. 11645)

E-mail: gold-rostov@mail.ru

Vorontsov Dmitry Vladimirovich

Associate Professor, Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 243, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218–40–00 (ext. 11620)

E-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Bedredinova (Gridneva) Svetlana Valer'evna

Associate Professor, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218–40–00 (ext. 11616)

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

Гудзовская Алла Анатольевна

старший научный сотрудник Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Молодогвардейская, д. 196, г. Самара, 443001

Служебный телефон: +7 (846) 200–10–10

E-mail: aag_1@rambler.ru

Шпунтова Виктория Владимировна

доцент кафедры общей психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Академика Павлова, д. 1, к. 504, г. Самара, 443011

Служебный телефон: +7 (846) 337–99–80

E-mail: vetch31@list.ru

Дунайцева Наталья Анатольевна

доцент, заведующая кафедрой прикладной психологии Южно-Российского гуманитарного института, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Красноармейская, д. 108, г. Ростов-на-Дону, 344082

Служебный телефон: +7 (8632) 67–34–37

E-mail: ndunaitseva@mail.ru

Петраш Юлия Витальевна

преподаватель кафедры общей и дифференциальной психологии Южно-Российского гуманитарного института

Служебный адрес: ул. Красноармейская, д. 108, г. Ростов-на-Дону, 344082

Служебный телефон: +7 (8632) 67–34–37

E-mail: julia.petrash@gmail.com

Иващенко Александр Васильевич

профессор кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, доктор педагогических наук

Служебный адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, г. Москва, 117198

Служебный телефон: +7 (495) 787–38–03

E-mail: avi1937@mail.ru

Gudzovskaya Alla Anatolievna

Senior Research Scientist, Samara State Regional Academy, Candidate of Psychology

Official address: b. 196, Molodogvardeiskaia St., Samara, 443001

Official telephone: +7 (846) 200–10–10

E-mail: aag_1@rambler.ru

Shpuntova Viktoriya Vladimirovna

Associate Professor, Department of General Psychology, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Candidate of Psychology

Official address: of. 504, b. 1, Akademika Pavlova St., Samara, 443011

Official telephone: +7 (846) 337–99–80

E-mail: vetch31@list.ru

Dunaitseva Natal'ia Anatol'evna

Associate Professor, Head of the Department of Applied Psychology, South Russian Humanitarian Institute, Candidate of Psychology

Official address: b. 108, Krasnoarmeyskaya St., Rostov-on-Don, 344082

Official telephone: +7 (8632) 67–34–37

E-mail: ndunaitseva@mail.ru

Petrash Iuliia Vital'evna

Lecturer, Department of General and Differential Psychology, South Russian Humanitarian Institute

Official address: b. 108, Krasnoarmeyskaya St., Rostov-on-Don, 344082

Official telephone: +7 (8632) 67–34–37

E-mail: julia.petrash@gmail.com

Ivashchenko Aleksandr Vasil'evich

Professor of the Psychology and Pedagogics Department at the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences

Official address: b. 10/2, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198

Official telephone: +7 (495) 787–38–03

E-mail: avi1937@mail.ru

Карабущенко Наталья Борисовна

профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, г. Москва, 117198

Служебный телефон: +7 (495) 787-38-03

E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Сунгурова Нина Львовна

доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, г. Москва, 117198

Служебный телефон: +7 (495) 787-38-03

E-mail: sungurovanl@mail.ru

Карпова Виктория Викторовна

соискатель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)

E-mail: 5603691@mail.ru

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)

E-mail: dikaya@sfedu.ru

Обухова Юлия Владимировна

старший преподаватель кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11625)

E-mail: uvobukhova@yandex.ru

Karabushchenko Natal'ia Borisovna

Professor, Head of the Psychology and Pedagogics Department at the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Psychological Sciences

Official address: b. 10/2, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198

Official telephone: +7 (495) 787-38-03

E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Sungurova Nina L'vovna

Associate Professor of the Psychology and Pedagogics Department at the Peoples' Friendship University of Russia, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 10/2, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198

Official telephone: +7 (495) 787-38-03

E-mail: sungurovan@mail.ru

Karpova Viktoriia Viktorovna

Applicant of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)

E-mail: 5603691@mail.ru

Dikaia Liudmila Alexandrovna

Associate Professor, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)

E-mail: dikaya@sfedu.ru

Obukhova Iuliia Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of Social Psychology and Personal Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11625)

E-mail: uvobukhova@yandex.ru

Обухова Светлана Георгиевна

преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 210, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11606)
E-mail: psyhfakozo@mail.ru

Желдоченко Людмила Дмитриевна

старший преподаватель кафедры организационной и возрастной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11610)
E-mail: ludmilakateryna@yandex.ru

Рогов Евгений Иванович

профессор кафедры организационной и возрастной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, доктор педагогических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7(863) 218-40-00 (доб. 11641)
E-mail: profrogov@yandex.ru

Черемисова (Курышева) Ирина Валерьяновна

заведующая кафедрой психологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доцент, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр-т Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062
Служебный телефон: +7 (8442) 46-16-39
E-mail: psi@volsu.ru

Афанасенко Инна Владимировна

доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11625)
E-mail: afinna@mail.ru

Obukhova Svetlana Georgievna

Lecturer, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: of. 210, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11606)

E-mail: psyhfakozo@mail.ru

Zheldochenko Liudmila Dmitrievna

Senior Lecturer, Organizational and Age Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11610)

E-mail: ludmilakateryna@yandex.ru

Rogov Evgenii Ivanovich

Professor, Organizational and Age Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Doctor of Pedagogical Sciences

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7(863) 218-40-00 (ext. 11641)

E-mail: profrogov@yandex.ru

Cheremisova (Kurysheva) Irina Valer'ianovna

Head of the Department of Psychology, Volgograd State University, Professor, Doctor of Psychology

Official address: b. 100, Universitetskii Ave., Volgograd, 400062

Official telephone: +7 (8442) 46-16-39

E-mail: psi@volsu.ru

Afanasenko Inna Vladimirovna

Associate Professor, Department of Social Psychology and Personal Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11625)

E-mail: afinna@mail.ru

Карпов Анатолий Викторович

профессор, член-корреспондент Российской академии образования, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150003

Служебный телефон: +7 (4852) 47-88-95

E-mail: anvikar56@yandex.ru

Карпов Александр Анатольевич

доцент факультета психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150003

Служебный телефон: +7 (4852) 48-22-93

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

Ермаков Павел Николаевич

академик Российской академии образования, вице-президент Российского психологического общества, научный руководитель Южного федерального университета по направлению «Психология и педагогика», заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 205, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-07

E-mail: psyf@sfedu.ru

Воробьева Елена Викторовна

заместитель директора по науке Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, доктор психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)

E-mail: evorob@sfedu.ru

Яцык Геннадий Геннадьевич

аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 218-40-00 (доб. 11621)

E-mail: oxiefree@mail.ru

Karpov Anatolii Viktorovich

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Dean of the Faculty of Psychology, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Doctor of Psychology

Official address: b. 14, Sovetskaia St., Yaroslavl, 150003

Official telephone: +7 (4852) 47-88-95

E-mail: anvikar56@yandex.ru

Karpov Aleksandr Anatol'evich

Associate Professor, Faculty of Psychology, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Candidate of Psychology

Official address: b. 14, Sovetskaia St., Yaroslavl, 150003

Official telephone: +7 (4852) 48-22-93

E-mail: karpov@bio.uniylar.ac.ru

Ermakov Pavel Nikolaevich

Academician of the Russian Academy of Education, Vice-President of the Russian Psychological Society, Scientific Head of Psychology and Pedagogy Direction of Southern Federal University, Head of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Academy of Psychology and Educational Sciences of SFU, Professor, Doctor of Biological Sciences

Official address: of. 205, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-07

E-mail: psyf@sfedu.ru

Vorobyeva Elena Viktorovna

Deputy Director on Science of the Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Doctor of Psychological Sciences

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)

E-mail: evorob@sfedu.ru

Iatsyk Gennadii Gennad'evich

Postgraduate of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11621)

E-mail: oxiefree@mail.ru

Голоснов Олег Анатольевич

доцент кафедры «Социальная работа» Донского государственного технического университета, кандидат социологических наук

Служебный адрес: пл. Гагарина, д. 1, корп. 8, к. 403, г. Ростов-на-Дону, 344010

Служебный телефон: +7 (863) 238–15–19

E-mail: golosnoff@gmail.com

Кузнецова Ольга Владимировна

старший психолог отделения по работе с личным составом Отдела Министерства внутренних дел России по городу Северодвинску Архангельской области, капитан внутренней службы

Служебный адрес: ул. Индустриальная, д. 26, г. Северодвинск, 164500

Служебный телефон: +7 (8184) 56–63–2

E-mail: sergachewa@yandex.ru

Еськов Валерий Матвеевич

заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий лабораторией биокибернетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета, доктор физико-математических наук, доктор биологических наук

Служебный адрес: пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628400

Служебный телефон: +7 (3462) 76–30–88

E-mail: valery.eskov@gmail.com

Зинченко Юрий Петрович

академик Российской академии образования, профессор, декан факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Москва, 125009

Служебный телефон: +7 (495) 629–37–23

E-mail: dek@psy.msu.ru

Веракса Александр Николаевич

доцент факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор РАО

Служебный адрес: ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Москва, 125009

Служебный телефон: +7 (495) 629–37–23

E-mail: veraksa@yandex.ru

Golosnov Oleg Anatol'evich

Associate Professor, Department of Social Work, Don State Technical University,
Candidate of Sociology

Official address: of. 403, b. 1/8, Gagarina Sq., Rostov-on-don, 344010

Official telephone: +7 (863) 238-15-19

E-mail: golosnoff@gmail.com

Kuznetsova Ol'ga Vladimirovna

Senior Psychologist, Department of Work with the Personnel of the Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Severodvinsk, Arkhangelsk region,
Captain of Internal Service

Official address: b. 26, Industrial'naia St., Severodvinsk, 164500

Official telephone: +7 (8184) 56-63-27

E-mail: sergachewa@yandex.ru

Es'kov Valerii Matveevich

Honoured Scientist of the Russian Federation, Professor, Head of the Laboratory
of Biocybernetics and Biophysics of Complex Systems, Institute for Natural and
Technical Sciences, Surgut State University, Doctor of Physico-Mathematical
Sciences, Doctor of Biology

Official address: b. 1, Lenina Ave., Surgut, 628400

Official telephone: +7 (3462) 76-30-88

E-mail: valery.eskov@gmail.com

Zinchenko Iurii Petrovich

Academician of the Russian Academy of Education, Professor, Dean of the Faculty
of Psychology, Moscow State University, Doctor of Psychology

Official address: b. 11-9, Mokhovaia St., Moscow, 125009

Official telephone: +7 (495) 629-37-23

E-mail: dek@psy.msu.ru

Veraksa Aleksandr Nikolaevich

Associate Professor, Faculty of Psychology, Moscow State University, Doctor of
Psychology, Professor of the Russian Academy of Education

Official address: b. 11-9, Mokhovaia St., Moscow, 125009

Official telephone: +7 (495) 629-37-23

E-mail: dek@psy.msu.ru

Филатова Диана Юрьевна

доцент, старший научный сотрудник лаборатории функциональных систем организма человека на Севере, Институт естественных и технических наук Сургутского государственного университета, кандидат биологических наук
Служебный адрес: пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628400
Служебный телефон: +7 (3462) 76–30–88

Абакумова Ирина Владимировна

член-корреспондент Российской академии образования, и. о. директора Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11616)
E-mail: abakira@mail.ru

Колтунова Елена Аркадьевна

учитель-дефектолог ГКОУ РО РОЦОНУ (государственное казенное образовательное учреждение Ростовской области Ростовский областной Центр образования незлышащих учащихся), кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Суворова, д. 127, г. Ростов-на-Дону, 344007
Служебный телефон: +7 (863) 263–64–35
E-mail: 4015821@gmail.ru

Лабунская Вера Александровна

профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 219, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11619)
E-mail: vlab@aaanet.ru

Филатов Филипп Робертович

доцент Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (ЮФУ), член правления Российского отделения Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (ЕКПП-Россия), член Европейской ассоциации психотерапии (ЕАП), кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 241, г. Ростов-на-Дону, 344038
Служебный телефон: +7 (863) 218–40–00 (доб. 11617)
E-mail: filatov_filipp@mail.ru

Filatova Diana Iur'evna

Associate Professor, Senior Research Scientist, Laboratory of Functional Systems of the Human Body in the North, Institute for Natural and Technical Sciences, Surgut State University, Candidate of Biology

Official address: b. 1, Lenina Ave., Surgut, 628400

Official telephone: +7 (3462) 76-30-88

Abakumova Irina Vladimirovna

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Acting Director of the Academy of Psychology and Educational Sciences SFU, Professor, Doctor of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11616)

E-mail: abakira@mail.ru

Koltunova Elena Arkad'evna

Teacher-Speech Pathologist, Rostov Regional Center of Education of Deaf Students, Candidate of Psychology

Official address: b. 127, Suworova St., Rostov-on-Don, 344007

Official telephone: +7 (863) 263-64-35

E-mail: 4015821@gmail.ru

Labunskaja Vera Aleksandrovna

Professor, Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Doctor of Psychological Sciences

Official address: of. 219, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11619)

E-mail: vlab@aanet.ru

Filatov Filipp Robertovich

Associate Professor, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University (SFU); Board Member of the Russian Branch of the European Confederation of Psychoanalytic Psychotherapy (ECPA-Russia), Member of the European Association of Psychotherapy (EAP), Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 241, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 218-40-00 (ext. 11617)

E-mail: filatov_filipp@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении сносок и библиографического списка используйте ГОСТы: ГОСТ 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.1–2003.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов и 10 ключевых слов (или словосочетаний, состоящих из двух слов). Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы (не менее 20 источников, включая зарубежные) и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати). В англоязычном варианте должны быть: сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, список литературы.

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиями публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте Российского психологического журнала: www.rpj.sfedu.ru

INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the journal.

To be accepted for publishing in the journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times or Arial.

If cited in article the literature is pointed out alphabetically at the end of the article. The literature in foreign languages goes after the one in Russian. Reference to sources as a sequence number of the cited book or article (with the number of page in semicolon) is denoted in brackets. When writing notes and references use State Standards: State Standard 7.0.5–2008 and State Standard 7.1–2003.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words. Following the abstract, a list of 10 keywords (or combinations of two words) should be included. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system for verifying the formal correctness of the abstract, keywords, references (at least 20 works, including works in foreign languages), and notes. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

Forwarded to editorial staff, materials should be presented in two languages: Russian and English. The English version should contain the abstract, keywords, references, author information.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at: www.rpj.sfedu.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2016
ТОМ13 № 2

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2016
Vol. 13 Issue 2

Сдано в набор 22.06.2016. Подписано в печать 29.06.2016
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж экз. Заказ №

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Лункина Н.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru